4
И-37

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX В.

Изменения в строе сложноподчиненного предложения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

РЯ-теория-опыты

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

59306

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
академика *В. В. Виноградова*
и доктора филологических наук *Н. Ю. Шведовой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

4
И-37
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
59306

ОТ АВТОРОВ

«Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», подготовленные сектором истории литературного языка Института русского языка АН СССР, объединяют пять коллективных монографий, посвященных развитию синтаксического строя, словообразования, словоизменения и некоторых категорий имени и глагола: «Изменения в системе простого и осложненного предложения», «Изменения в системе словосочетаний», «Изменения в строе сложноподчиненного предложения», «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», «Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы» [1].

Одновременно с «Очерками по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» сектор истории литературного языка выпускает три монографии, посвященные истории лексики: «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в.», «Очерк стилистики русского литературного языка первой трети XIX в. (Лексика)» и «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-х годах XIX в.».

Монография «Изменения в строе сложноподчиненного предложения» написана Н. С. Поспеловым («Основные направления в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в.», «Развитие предложений „одночленной" структуры») и Е. А. Иванчиковой («Развитие подчинительных конструкций функциональных типов»).

[1] Общую характеристику задач и принципов построения «Очерков» см. в монографии «Изменения в системе простого и осложненного предложения».

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

1. Сложноподчиненное предложение в истории литературного языка XIX в. представляет собой исторически сложившуюся систему структурных типов, развивающуюся во взаимодействии с другими системами конструкций простого, осложненного и сложного предложения. Специфическая особенность сложноподчиненного предложения как особой структурной формы предложения заключается в том, что оно образует тесное единство неравноправных предикативных частей, каждая из которых имеет форму предложения [1].

В литературном языке XIX в. выделяются в качестве основных структурных типов следующие десять типов подчинительных конструкций: 1) присубстантивно-относительные; 2) местоименно-соотносительные; 3) изъяснительные; 4) временны́е; 5) условные; 6) уступительные; 7) сопоставительные; 8) причинные; 9) следственные; 10) целевые. В их составе по характеру структурного оформления противопоставляются друг другу две группы структурно-семантических разновидностей: 1) предложения «одночленной» структуры, придаточная часть которых развертывает тот или иной член главной части; это конструкции присубстантивно-относительные, местоименно-соотносительные и изъяснительные; 2) предложения расчлененной структуры, выражающие то или иное функциональное соотношение между

[1] См. определение сложного предложения, данное В. В. Виноградовым во Введении ко II тому академической «Грамматики русского языка» (М., 1960, ч. 1, стр. 99): «Сложным называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух или больше), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями».

придаточной и главной частью: конструкции временные, условные, уступительные и сопоставительные, причинные, следственные и целевые. Наиболее ярко специфический характер развития таких конструкций в литературном языке XIX в. прослеживается на временных конструкциях, семантически многообразно связанных или структурно соотнесенных с другими функциональными типами сложноподчиненных предложений. Что касается конструкций образа действия, меры и степени и сравнительных, то все они по происхождению восходят к конструкциям местоименно-соотносительным, а именно к качественно-относительным. Выражаемые этими конструкциями значения не являются их синтаксической функцией, а определяются соотношением содержания входящих в их состав частей [2].

Особое место в составе сложного предложения занимают конструкции относительного подчинения с придаточными так называемыми присоединительными, представляющие сочинение в форме подчинения и образующие целую систему «обращенных» конструкций, с одной стороны противополагаемых в плане трансформации частей различным конструкциям подчинительной связи, а с другой,— структурно соотносимых с сочинительными конструкциями и с повествовательно-распространительной разновидностью присубстантивно-относительных конструкций. Развитие относительно-присоединительных конструкций в литературном языке XIX в. необходимо рассматривать в соотношении с развитием названных конструкций, а также конструкций присоединительных, возникающих на базе союзного сочинения и подчинения [3].

Противопоставление конструкций одночленной структуры конструкциям расчлененной, двучленной структуры, положенное в настоящей работе в основу изучения развития структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в., представляет собой исторически возникший результат структурного преобразования древнейшего противопоставления конструкций относительного подчинения конструкциям союзного подчинения. В силу этого преобразования в составе средств относительного подчинения, в широком смысле этого термина,

[2] О семантической растяжимости так называемых сравнительных конструкций см.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 708—709. Ср. также І. К. Кучеренко. Порівняльні конструкції мови в світлі граматики. Київ, 1959, стр. 66—73.

[3] Об относительно-присоединительных конструкциях, особенностях их построения и употребления в современном языке см.: А. Н. Суровцев. К вопросу об относительных придаточных предложениях. «Уч. зап. ЛГПИ», т. XV, 1956; Н. А. Андрамонова. Сложные предложения с придаточным относительным пояснительно-оценочного типа в совр. русск. лит. яз. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1961; З. Н. Великодворская. Сложные конструкции с относительно-присоединительными придаточными (в их соотношении с параллельными конструкциями, включающими указательное местоимение *это*). Автореф. канд. дисс. М., 1963.

оказываются наряду с относительными словами и такие союзы местоименного происхождения, как изъяснительный союз *что* и производное *чтобы,* полностью утратившие местоименно-вопросительное значение. С другой стороны, в составе конструкций одночленной структуры местоименно-союзные сочетания (например, *так... что*) могут выступать в качестве дополнительного средства выражения функциональных отношений.

2. В направлении внутренних изменений в строе сложноподчиненного предложения, особенно характерных для литературного языка XIX в., обнаруживаются две основные тенденции, так тесно связанные одна с другой, что реализация второй является естественным результатом реализации первой: 1) стремление к более четкому размежеванию структурно-семантических типов, к упорядочению системы входящих в их состав конструкций и к наиболее тесному объединению частей каждой конструкции и 2) тенденция к отчетливому разграничению конструктивных моделей внутри активно развивающихся структурных типов сложноподчиненного предложения и дифференциации оттенков значений, выражаемых отдельными конструкциями.

В сложноподчиненных предложениях, выражающих то или иное функциональное отношение между придаточной и главной частью и поэтому имеющих более или менее расчлененную структуру, в процессе конденсации отдельных структурно-семантических разновидностей и упорядочения системы входящих в их состав конструкций отмечаются: 1) сужение сфер употребления и постепенный уход из литературного языка архаизирующихся подчинительных конструкций и 2) укрепление подчинительной связи и усиление роли подчинительных союзов как специализированных средств выражения тех или иных функциональных отношений.

Непосредственным следствием укрепления подчинительной связи и усиления роли подчинительных союзов в сложноподчиненных предложениях двучленной структуры является устранение или факультативное употребление коррелятивных частиц и развитие параллельного употребления закрытых и открытых конструкций (см. ниже). Развитие лексико-синтаксических способов объединения частей, их фразеологизация и оформление особого типа связанных конструкций — выражение этого же процесса. В результате максимального разграничения структурных типов и моделей в предложениях рассматриваемого типа в литературном языке XIX в. наблюдается многообразие дифференцированных средств передачи различных оттенков функциональных отношений, выражаемых данными конструкциями.

Сложноподчиненные предложения, развертывающие тот или иной член главной части и поэтому имеющие более тесную структуру, характеризуются в литературном языке XIX в. стабильным положением придаточной части, ее устойчивой постпозицией в

присубстантивно-определительных, изъяснительных и в продуктивном типе местоименно-соотносительных конструкций.

Структурно объединенные стабильным положением придаточной части конструкции одночленной структуры различаются прежде всего точками прикрепления к тому или иному члену главной части (существительному, местоимению, глагольному слову или слову категории состояния). В их развитии в литературном языке XIX в. отмечается стремление к опрóщению их структуры и постепенному преобразованию таких сложных предложений в простые посредством объединения главной и придаточной части, в результате их деформации в одну предикативную единицу. В то же время в процессе их развития выделяются продуктивные модели для дифференцированного выражения тех или иных особенностей в структурных соотношениях между главной и придаточной частью.

Конструкции одночленной структуры объединяются и генетически — единством происхождения. Присубстантивно-относительные и местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения выделяются из состава конструкций относительного подчинения. Исследователи древнерусского языка рассматривают те и другие конструкции в общем составе конструкций относительного подчинения [4]. Окончательное их размежевание происходит, по-видимому, не ранее второй половины XVIII в. [5], когда перестают употребляться в качестве определительных конструкции с местоимением *кто* в придаточной части, и не позже первой половины XIX в., когда выходят из употребления местоименно-соотносительные конструкции с союзным сочетанием *тот, который*. Генетическая связь между присубстантивно-относительными и изъяснительными конструкциями прослеживается в истории образования союза *что* [6]. С другой стороны, на генетическую связь изъяснительных конструкций с конструкциями местоимен-

---

[4] См.: Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русск. лит. языке XVII в. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 112, кн. 6, 1952; А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания», т. V. М., 1954; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 139—146.

[5] В первой половине XVIII в. относительные конструкции с местоимением *кто* в определительной функции еще широко употребляются в литературном языке, см.: Г. Н. Акимова. Сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями *кто* и *что* (на материале научной прозы М. В. Ломоносова). «Исследования по грамматике русск. языка», т. III. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 77—78; Ср.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой, каков* и др. в русск. лит. языке XVIII в. «Уч. зап. Томского ун-та», т. 17, 1958, стр. 169—170.

[6] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 216; С. И. Макарова. Из истории конструкций со словом *что* в русск. языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954; В. И. Троицкий. К истории союза *что* в русск. языке.— В сб. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 160—169; В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 114—127.

но-соотносительными указывает широкое употребление указательных местоимений в изъяснительных конструкциях в древнерусском языке [7].

3. В процессе дифференцированного развития двух основных типов структурного оформления сложноподчиненного предложения в литературном языке XIX в. существенную роль играют специфические для каждого из них средства связи между главной и придаточной частью. В предложениях двучленной структуры, выражающих те или иные функциональные отношения, основными средствами связи являются подчинительные союзы, которые в качестве носителей определенного функционального отношения представляют собою семантически замкнутое ядро той или иной двучленной конструкции, выделенное из состава главной и придаточной части и осуществляющее, таким образом, двустороннюю связь — с каждой из синтаксически сопоставленных частей сложного предложения. В сложноподчиненных предложениях одночленной структуры средствами связи являются или относительные и соотносительные слова, осуществляющие более тесную формально-грамматическую связь между главной и придаточной частью, или подчинительные союзы с опустошенной семантикой (*что, чтобы* в изъяснительной функции), представляющие собою своего рода синтаксические префиксы придаточной части, утратившие «всякое специальное значение» [8]. Поэтому и значение таких конструкций опирается не на семантику средств связи, а всецело определяется структурным соотношением их частей.

Однако, несмотря на глубокое структурное различие двух основных типов структурного оформления сложноподчиненного предложения, развитие в литературном языке XIX в. одночленных и двучленных конструкций происходит не изолированно, а в сложном взаимодействии. В составе сложноподчиненных предложений одночленной структуры в результате их структурно-интонационного преобразования оформляются конструкции, выражающие те или иные функциональные отношения, хотя и в более слабой степени, чем это имеет место в союзных конструкциях двучленной структуры. Так, в составе присубстантивно-относительных конструкций выделяются повествовательно-распространительные конструкции со значением дополнительной характеристики или нового сообщения в их придаточной части, выражающие различные временные или обстоятельственные отношения. В составе местоименно-относительных и местоименно-союзных конструкций, образованных по моделям *так... как, так... что, от*

---

[7] См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русск. языка. М., 1959, § 265; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II (Исторический комментарий). Киев, 1953, стр. 329; Н. А. Широкова. Указ. соч., стр. 77—78, 83—84.

[8] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 429.

того... что, выделяются конструкции, выражающие значения сопоставления и сравнения, степени и следствия, а также причинно-объектное отношение. В составе изъяснительных конструкций выделяются оценочные конструкции, главная часть которых выражена словами категории состояния (*хорошо, рад, жаль*), а в придаточной части изъяснительное значение осложняется выражением значений условия или причины.

Однако, выражая все эти разнообразные значения, присубстантивно-распространительные конструкции, названные выше местоименно-соотносительные и оценочно-изъяснительные конструкции не теряют основного признака одночленной структуры: формального прикрепления придаточной части к опорному слову главной части — существительному, местоимению или слову категории состояния.

С другой стороны, в развитии конструкций, выражающих функциональные отношения, отмечаются различные случаи их конструктивного сближения с конструкциями присубстантивно-определительными, местоименно-соотносительными и изъяснительными. При этом наблюдается и некоторое ослабление степени выражения тех или других функциональных отношений. Так, в сложных предложениях с придаточными частями, прикрепленными к существительным с лексическим значением времени, временное значение конструкции определялось самим фактом связи с существительным такого лексического значения, причем определительный смысл конструкции усиливался.

Сложное предложение, образованное по моделям *тогда, когда..., тогда, как...* с придаточным, прикрепленным к наречию времени (например: *Я узнал о твоем... неудовольствии тогда, как пыль столбом вилась уже за твоею кибиткою на петербургской дороге.* Карамз., п. Дмитриеву, 18 мая 1797), несмотря на акцентированное временное значение наречия, является по существу структурно-связанным, одночленным, местоименно-соотносительным, в котором временное соотношение выражено не функционально-синтаксически, а лексически.

Конструкции, в которых придаточная часть непосредственно зависела от глагола, обозначавшего ожидание (*ждал, пока...*), совмещая собственно временное значение (ограничение протекания одного действия пределом осуществления другого) со значением изъяснительным, оказывались по своему оформлению уже не временными, а изъяснительными.

Однако подобные случаи семантического осложнения конструкций «одночленной» структуры самой своей внутренней противоречивостью только подтверждают наличие двух основных типов построения сложноподчиненного предложения.

4. Развитие конструкций сложноподчиненного предложения в литературном языке XIX в. осуществляется в структурном взаимодействии с семантически соответствующими им конструкциями

осложненного, сложносочиненного и бессоюзного предложения, с которыми они вступают в синонимические соотношения. Так, присубстантивно-определительные конструкции развиваются параллельно с конструкциями, осложненными включением в их состав причастных оборотов; конструкции присубстантивно-распространительные и конструкции подчинительно-присоединительные — в синонимическом соотношении с соединительными конструкциями сложносочиненного предложения; изъяснительные конструкции развиваются в синонимической связи с получающими широкое распространение в XIX в. бессоюзными и парентетическими конструкциями; временные конструкции употребляются параллельно с конструкциями, осложненными деепричастными оборотами; уступительные конструкции синонимизируются с конструкциями сочинительно-противительными; временные, условные, причинно-следственные конструкции вступают в синонимические соотношения с бессоюзными конструкциями соответствующих значений. В целевых конструкциях устанавливается структурная дифференциация между конструкциями сложного предложения со сказуемым в придаточной части в форме сослагательного наклонения (при разных подлежащих главной и придаточной части) и осложненными конструкциями, в которых придаточная часть выражена инфинитивом (при отнесенности действий главной и придаточной части к одному субъекту).

5. Развитие структуры сложноподчиненных предложений присубстантивно-относительного типа протекало в XIX в. различным образом в двух главных структурно-смысловых разновидностях этих конструкций. В присубстантивно-определительных конструкциях устанавливается тесная связь между определяемым словом и придаточной частью, образующими в составе предложения распространенное атрибутивное словосочетание. Относительные местоимения в таких предложениях, утрачивая функцию отдельного члена предложения и сохраняя только местоименно-адъективное значение, обнаруживают тенденцию к переходу в служебно-связочные слова. В предложениях присубстантивно-повествовательного типа придаточная часть, оставаясь формально прикрепленной к какому-либо существительному главной части (обычно к имени собственному или названию лица), уже не определяет это существительное, а распространяет главную часть в целом и имеет свое коммуникативное содержание. В таких конструкциях относительные местоимения, сохраняя функцию отдельного члена предложения, имеют, в силу своего анафорического употребления, субстантивное значение. Связь между придаточной и главной частью становится здесь менее тесной, и это открывает возможность выражения такими конструкциями временных, причинных и других функциональных отношений, хотя по характеру своего строения они объединяются в одном структурном типе с предложениями присубстантивно-определительными.

6. В развитии структурных моделей сложноподчиненных предложений изъяснительных большую роль играет расширение круга опорных изъяснительных глаголов и вовлечение в состав опорных слов существительных отглагольного происхождения и слов категории состояния. Изъяснительные конструкции объединяются модальным характером опорных слов и дифференцируются в силу наличия глубоких различий в модальных значениях средств связи и в модальных планах главной и придаточной части. В изъяснительно-относительных конструкциях тенденция к установлению более тесной связи между главной и придаточной частью проявляется как тенденция к установлению единого модального плана всей конструкции. В изъяснительно-союзных конструкциях эта же тенденция проявляется как стремление к опрощению структуры всего сложного предложения путем устранения союза и переходу опорной части конструкции на позицию вводного слова. В оформлении изъяснительных конструкций отмечается ограничение возможности построения их на основе безлично-предикативных слов модального значения (*кажется, вероятно, может быть*), а также ограничение конструкций с союзом *чтобы* определенной модальной структурой придаточной части. В процессе размежевания сложных предложений изъяснительного и местоименно-соотносительного типов наблюдается тенденция к устранению местоименных коррелятов в главной части изъяснительных конструкций. В составе местоименно-соотносительных конструкций в процессе их развития отчетливо разграничиваются структуры, построенные по формуле *к//т* (с препозицией придаточной части) и построенные по формуле *т//к* (с постпозицией придаточной части) [9]. Конструкции *к//т* имеют более расчлененное строение, сохраняют в значительной мере свойственные им исторически условные или уступительные значения и являются по существу непродуктивным типом местоименно-соотносительных конструкций. Конструкции *т//к* широко употребляются в XIX в. в различных моделях относительного и союзного подчинения. При этом в построении местоименно-соотносительных конструкций заметна тенденция к более тесному объединению частей и к морфологическому выравниванию средств связи главной и придаточной части путем устранения разноформенных и неоднозначных сочетаний.

7. В сложноподчиненных предложениях, выражающих то или иное функциональное соотношение между придаточной и главной частью и поэтому имеющих более или менее расчлененную структуру, тяготение к дифференциации структурных типов и моделей как результат укрепления подчинительной свя-

[9] Эти формулы различаются последовательностью употребляемых в составе данных конструкций в качестве средств связи вопросительных и указательных местоименных формативов.

зи и усиления значения подчинительных союзов проявляется в соотносительном развитии закрытых и открытых конструкций [10]. Закрытые конструкции (с препозицией придаточной части), выражающие билатеральные отношения частей, стабилизируются устойчивым употреблением соотносительных частиц. В процессе укрепления и развития закрытых конструкций соотносительные частицы (и противительный союз в уступительных конструкциях) перестают быть обязательным элементом их построения, в силу чего реализуется возможность параллельного употребления открытых и закрытых конструкций с одними и теми же союзами.

Соотносительное развитие закрытых и открытых конструкций в сложноподчиненных предложениях, выражающих функциональные отношения между главной и придаточной частью, протекает различным образом и имеет различную направленность у конструкций условных, временны́х и уступительных, с одной стороны, и конструкций причинных и целевых, с другой стороны. Для условных, уступительных и временны́х конструкций исходным местоположением частей является препозиция придаточной части по отношению к главной. В этих функциональных типах сложноподчиненного предложения в процессе их структурного развития осуществляется освоение открытых конструкций. Для причинных и целевых конструкций типическим оказывается положение придаточной части после главной. В этих типах сложного предложения в процессе их развития осваивается употребление закрытых конструкций — с препозицией придаточной части. Таким образом, в сложноподчиненных предложениях, выражающих условное, уступительное, временно́е соотношение, закрытым конструкциям (с препозицией придаточной части) противополагаются как генетически от них зависящие и синонимичные им открытые конструкции (с постпозицией придаточной части); в сложноподчиненных же предложениях, придаточная часть которых выражает отношение причины и цели,— наоборот, открытые конструкции противополагаются генетически от них зависимым и синонимичным им закрытым конструкциям. Поэтому самый процесс структурного развития конструкций условных, временных и уступительных, с одной стороны, и конструкций причинных, целевых и сравнительных, с другой, оказывается различным.

---

[10] Термин «закрытые» и «открытые» в применении к синтаксическим конструкциям употребляется нами не в традиционном смысле, идущем от Вундта (см.: W. Wundt. Völkerpsychologie. Bd. I. Th. II. Die Sprache. Leipzig, 1911, стр. 321—324), а в том значении, которое придал ему Карцевский, противопоставив конструкции типа *к//t* конструкциям типа *t//к*. Соотношение между закрытыми и открытыми конструкциями положено Карцевским в основу классификации сложноподчиненных предложений в статье «Asyndète et subordination en russe» (см. «Из неопубликованного наследства С. О. Карцевского».— ВЯ, 1961, № 2).

Временны́е, условные, уступительные предложения характеризуются в XIX в. бурным развитием многообразных моделей закрытых конструкций и в то же время относительно ограниченным (по моделям) развитием конструкций открытых (с постпозицией придаточной части). Конструкции причинные и целевые, наоборот, характеризуются разнообразным моделированием в открытых конструкциях и сравнительно ограниченным развитием конструкций закрытых — с препозицией придаточной части. При этом в предложениях временны́х, условных и уступительных сильным членом грамматической оппозиции оказываются конструкции закрытые, а в причинных и целевых, наоборот, в качестве сильного члена соотношения выступают конструкции открытые.

В процессе соотносительного развития закрытых и открытых конструкций различных функциональных типов отмечаются и существенные различия в структурном осложнении средств связи придаточной части с главной. В закрытых временны́х конструкциях в связи с дифференциацией оттенков временно́го значения бурно развиваются в XIX в. разнообразные средства лексико-грамматического оформления; в закрытых условных конструкциях наблюдается структурное осложнение средств связи присоединением к условному союзу усилительных, выделительных, ограничительных частиц *и, уж, даже, только* и т. д. Характерно, что в закрытых причинно-следственных конструкциях все эти средства структурного осложнения связи почти не имеют места, но наблюдаются различные способы присоединения таких конструкций к предшествующему контексту при помощи сочинительных союзов *а, но, и*. В открытых причинных конструкциях структурное осложнение средств связи выражается в расчленении сложных союзов, располагаемых на стыке главной и придаточной части, причем основная, «материальная» часть союза, вынесенная в главную часть, акцентируется ударением и присоединением ограничительных и уточняющих частиц (*только, именно* и т. п.).

8. В случаях утраты соотносительности между закрытыми и открытыми конструкциями одного значения на базе отдельных структурных типов, выражающих функциональные отношения, в литературном языке XIX в. складывается особый структурный тип связанных, несвободных конструкций, части которых теряют мобильность, так что снимается самое противопоставление закрытых и открытых конструкций. В составе таких конструкций можно выделить конструкции, генетически восходящие к закрытым, с устойчивой препозицией придаточной части. Таковы, например, сопоставительные конструкции, образуемые по модели *если... то*. В этих конструкциях стабилизирующая частица *то* становится частью сложного союза, полностью утрачивающего условное значение. Сюда же относятся и конструкции с выдели-

тельным значением, образуемые по модели *что касается... (то)*, фразеологизированные в первой своей части, с соотносительной факультативной частицей *то* во второй части и также не допускающие перестановки частей.

Связанные конструкции, генетически восходящие к открытым конструкциям с постпозицией придаточной части, более многочисленны. Таковы фразеологизированные в первой их части конструкции, образуемые на базе временны́х, условных и целевых конструкций с союзами *как* и *чтобы* по застывшим моделям: *не прошло... как; не успел... как; стоило... как; стоит... чтобы; достаточно... чтобы; слишком... чтобы; не проходило... чтобы.* В таких конструкциях вопрос о том, какая их часть будет главной и какая — придаточной, по существу, снимается в силу фразеологизации в оформлении их опорной части и очень тесной связи частей, не допускающей перестановки. Все эти конструкции, утратившие структурную гибкость, остаются однако подчинительными по своим формальным признакам. Функциональное соотношение частей таких конструкций определяется структурной схемой их модели, которая и становится средством выражения определенного значения (быстрой смены, необходимой связи событий).

9. Активно протекает процесс разграничения сложноподчиненных предложений с условными и временны́ми придаточными. Закрытые условно-временные конструкции с союзом *когда* в препозитивной придаточной части, а также разнообразные условно-временные конструкции, обозначающие быструю смену действия придаточной части действием главной части (с союзами-частицами *едва, лишь, только, как только* и т. п.) и временные соотношения между сказуемыми придаточной и главной части (с союзом *пока*), постепенно освобождаются от значения обусловленности путем устранения соотносительной частицы *то* в главной части. Это приводит к широкому распространению в литературном языке второй половины XIX в. разнообразных моделей конструкций собственно временного значения, выражающих различные временные соотношения. В то же время в условных конструкциях наблюдается тенденция к унификации их структурного оформления путем постепенного ухода из литературного языка конструкций, характерных для разговорной речи (с союзами *ежели, коли, как бы*), а также конструкций с союзами *когда* и *когда бы,* имевших еще широкое распространение в первой половине XIX в.

С другой стороны, в XIX в. наблюдается размежевание временных и причинных конструкций в результате выхода из употребления конструкций с союзом *как,* омонимически совмещавших в одном конструктивном оформлении временную и причинную функции. Несколько позже распространяются конструкции с союзом *раз,* получившие значение фактического основания.

59306

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

а также конструкции с союзным сочетанием *если уж;* они свидетельствуют о конструктивном сближении причинных конструкций с условными.

10. В XIX в. завершается оформление структурно законченной системы выражения причинно-следственных отношений конструкциями сложноподчиненного предложения [11]. В начале XIX в. в общелитературном языке еще не было вполне установившегося нормативного способа построения закрытой причинной конструкции сложноподчиненного предложения (с препозитивной придаточной частью). Союз *понеже,* продолжавший употребляться до конца XVIII в. (преимущественно в деловой речи) и в случаях препозиции придаточной части, архаизировался, не проникнув в общелитературную речь. Союз *поелику,* кроме канцелярского слога, ограниченно употреблялся только в научных сочинениях. Союз *как,* выражая причинную связь на основе соотношения временной последовательности и употребляясь преимущественно в составе сложных синтаксических единств после сочинительных союзов, не мог быть средством формирования закрытой причинно-следственной конструкции. В результате дифференциации временных и причинных значений препозитивный союз *как* перестает употребляться в литературном языке в причинном значении, а его употребление во временном значении ограничивается случаями фразеологизации и специфическими условиями диалогической речи. Только в результате освоения литературным языком XIX в. конструкций с союзом *так как* в качестве нормативного причинного союза, употребляемого как в закрытых, так и в открытых конструкциях, реализовалась возможность выражения причинно-следственной связи как билатерального, обоюдного соотношения частей сложноподчиненного предложения. В то же время в процессе размежевания значений причины и цели архаизируется причинно-целевое сочетание *потому чтобы;* в подчинительных конструкциях с местоименно-союзным сочетанием *для того что* устраняется причинное значение и обнаруживается тенденция к переходу в сложный союз целевого значения местоименно-союзного сочетания *для того чтобы.* С другой стороны, в XIX в., как это было отмечено В. А. Богородицким, устанавливается коррелятивное соотношение трансформации между сложноподчиненными предложениями со значением причины и со значением следствия [12]. При этом в каждой из этих противополагаемых друг другу конструкций вследствие возможности расчленения постпозитивных союзов (*потому, что,*

---

[11] Примечательно, что в XIX в. (особенно во второй его половине) отмечается широкое распространение сочинительных (соединительных) конструкций с причинно-следственным значением.

[12] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М.— Л., 1935, стр. 237.

так, что) возникают структурные варианты с более тесным соотношением между главной и придаточной частью — или с акцентированным значением причины, подчеркнутым ударением на первой основной части расчлененного причинного союза, или с ослабленным значением следствия, совмещающимся со значением степени в первой части местоименно-союзного сочетания *так, что*. При расчленении союзов связь между частями конструкции становится очень тесной и сложное предложение получает более компактное, стянутое строение. Выходящие из устанавливаемой таким образом системы причинно-следственных конструкций сложные предложения с иными средствами выражения причины или следствия сохраняют только стилистически ограниченное употребление.

РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ «ОДНОЧЛЕННОЙ» СТРУКТУРЫ

РАЗВИТИЕ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ИХ ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Присубстантивно-относительные конструкции представляют собой структурный тип сложноподчиненных предложений, выступающий в современном литературном языке с вполне определившимися признаками. Основным структурным признаком данных конструкций является прикрепление постпозитивной (или интерпозитивной) придаточной части к опорному существительному главной части посредством относительных слов — местоимений или местоименных наречий.

В составе присубстантивно-относительных конструкций в современном литературном языке отчетливо выделяются две главные структурно-смысловые разновидности: конструкции собственно-определительные и повествовательно-распространительные [1]. Глубокие структурные различия между этими двумя разновидностями особенно наглядно вскрываются в тех случаях, когда обе они совмещаются в составе одного предложения

[1] На необходимость разграничивать эти структурно-смысловые разновидности присубстантивных конструкций указывали на материале индоевропейских языков Пауль («Принципы истории языка». М., 1960, гл. XVI, § 210), А. Сешеэ (A. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926, Ch. X. Propositions subordonnées, § 1) и Балли («Общая лингвистика и вопросы французского языка». М., 1955, § 73). См. также: Н. С. Поспелов. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения.— В кн.: «Исследования по синтаксису русского литературного языка». М., 1956, стр. 63—75. Ср.: И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961, стр. 89—95; Г. Н. Акимова. Развитие относительных конструкций в современных восточнославянских языках.— В кн.: «Всесоюзная конференция по славянской филологии, 17—22 декабря 1962 г. Программы и тезисы докладов». Л., 1962, стр. 49, п. 4.

усложненной структуры. Вот характерный в этом отношении пример:

Я постоял немного в раздумье и тихо поплелся назад, чтобы еще взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все (Чех., Дом с мез., IV).

Здесь существительное *дом* сначала выступает в составе распространенного атрибутивного словосочетания *дом, в котором она жила,* а затем к слову *дом,* уже конкретизированному эмоциональными эпитетами *милый, наивный,* прикрепляется придаточная часть, распространяющая все предложение в целом новым предикативным содержанием. Каждая из двух структурных разновидностей присубстантивно-относительных конструкций в литературном языке XIX в. имела свой путь развития. В качестве продуктивного способа образования присубстантивно-относительных предложений выступают конструкции собственно-определительные; конструкции с повествовательно-распространительной функцией были малопродуктивны и ограничены устойчивыми моделями.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОСТРОЕНИИ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в.

§ 2. Исследователи литературного языка XVIII в. отмечают в кругу присубстантивно-относительных конструкций наличие предложений, придаточная часть которых, не выполняя собственно определительной функции, является как бы новым сообщением или выступает со значением дополнительной характеристики определяемого слова в главной части [2]. Так, в научной прозе М. В. Ломоносова отчетливо отграничиваются друг от друга предложения с местоимением *который* с собственно атрибутивным значением (например: «Имена, которые кончаются на *ъ,* в родительном падеже единственного числа переменяют *ъ* на *а,* или *у*») и предложения, дополняющие высказывание о предмете, содержащие новое сообщение (например: «Сложенные идеи пологически называются рассуждениями, по-риторически — периодами, которые разделяются на одночленные, двучленные, тричленные и четверочленные») [3].

[2] См.: Г. Н. Акимова. Относительное подчинение в научной прозе М. В. Ломоносова. Канд. дисс. Л., 1955; ее же. Определительно-относительные предложения с относительным местоимением *который* (По материалам научной прозы М. В. Ломоносова). «Уч. зап. ЛГУ», № 235. Серия филол. наук, вып. 38, 1958; М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзным словом *который* в литературном языке XVIII в. «Уч. зап. Томского гос. ун-та», вып. 30, 1958, стр. 120—121; ее же. Относительные предложения в русск. лит. языке XVIII в. Автореф. канд. дисс. Томск, 1958, стр. 11—12.

[3] См.: Г. Н. Акимова. Автореф. указ. дисс., стр. 5—6.

В составе относительных сложных предложений предложения со значением дополнительной характеристики образуют самую многочисленную группу. Соотносительное слово в конструкциях с этим значением всегда отсутствует; время глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений может быть любое; значение дополнительной характеристики иногда сопровождается тем или иным обстоятельственным значением [4].

В литературном языке второй половины XVIII в. двучленные по своей структуре присубстантивно-относительные конструкции со значением дополнительной характеристики или нового сообщения в их придаточной части выделяются с полной отчетливостью; придаточная часть в таких предложениях соединяется с главной при помощи союзных слов *который, кой, где.*

Римляне строили большие дороги, водоводы, *коих прочности и ныне по справедливости удивляются* (Радищ., Путеш., Вышн. Волочок); Ночевали в городе Тогнау, *в который въехали ночью* (Фонв., п. сестре, 17/28 авг. 1784); 9/20 приехали мы в город Герцберг, *где* обедали очень плохо (Там же); 12/23 поутру был я с визитом у своих банкиров, *из коих один в Лейпциге играет первую роль по своему богатству* (Фонв., п. сестре, 29 авг.— 9 сент. 1784); Что с тобой сделалось?— спросила испуганная мать, *которая подле нее сидела* (Карамз., Бедн. Лиза); Молодой человек оглянулся и увидел бегущую няню, *которая оставалась на минуту в светлице,* чтобы прибрать некоторые из драгоценных Натальиных вещей, *и которую наши любовники совсем было забыли* (Карамз., Нат. боярск. дочь).

Во всех этих и им подобных случаях между придаточной и главной частью устанавливается временно́е соотношение последовательности или одновременности или пояснительная связь. Однако подобные конструкции еще не образуют в литературном языке XVIII в. устойчивых структурно-семантических моделей.

§ 3. Ведущей моделью присубстантивно-относительных конструкций в языке конца XVIII — начала XIX в. были конструкции с семантически наиболее ёмким относительным местоимением *который* [5]. Наряду с ним в качестве союзного слова в названных конструкциях продолжает употребляться местоимение *кой.* По наблюдениям исследователей, во второй половине XVIII в. в языке Державина, Новикова, Фонвизина, Левшина и др. предложения с относительным местоимением *кой* встречаются чаще, чем в Петровскую эпоху, что является следствием распространения книжной традиции на язык художественной литературы [6].

[4] См.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзным словом *который,* стр. 120; ее же. Указ. автореф., стр. 11—12.

[5] См.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзным словом *который,* стр. 106—107.

[6] См.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой, каков,* стр. 159.

Однако количественно конструкции с *кой* уступают конструкциям с *который*[7]. В функции союзного слова местоимение *кой* употреблялось во всех формах, кроме формы именит. пад. ед. ч., но преимущественно в формах мн. ч. Различий в сферах употребления у местоимений *кой* и *который* в это время не было: *кой* было стилистически нейтрально; об этом свидетельствуют случаи наличия этих местоимений в составе одного сложного предложения.

Между мизантропом, *коего писал Молиер*, и тем бешеным афиняном, *о котором Плутарх нас уведомляет*, находится величайшее различие (Крыл., Почта духов, IV); Правосудию он учился у дяди, *которого пришедши поздравить с добрым утром*, украл и часы, *о коих дело идет* (Живописец, I, III); Я всех сильнее прежде сего был привязан к человеку, *коего жизнь была загадкою* и *который казался мне героем* (Пушк., Выстрел, I).

В литературном языке последних десятилетий XVIII — первой четверти XIX в. по традиции, установившейся еще в древнерусском языке, союзное слово всегда ставилось в начале придаточной части; начальную позицию в составе придаточной части занимали и относительные местоимения в форме родительного беспредложного, предшествуя, таким образом, тому существительному, от которого оно зависело в придаточной части.

И отягченным взорам моим представилися сгущенные облака, *коих черная тяжесть, казалось, стремила их нам на голову и падением грозила* (Радищ., Путеш., Чудово); Некоторый стихотворец, *коего обстоятельства были в великой расстройке*, принужденным себя нашел страшнейшими заклинаниями призывать нас к себе на помощь (Крыл., Почта духов, V); Вижу всех вас, достойные матадоры провинции, *которых беседа имела влияние на характер моего героя* (Карамз., Рыц. нашего вр., 8); Мы упоминаем единственно по догадке о языческих торжествах славян российских, *которых потомки доныне празднуют весну, любовь и бога Лада в сельских хороводах* (Карамз., И. Г. Р., I, III) [8].

В 30-е годы XIX в. Востоков в своей «Русской грамматике» закрепил в качестве литературной нормы препозицию беспредложного относительного местоимения по отношению к тому существительному, от которого оно зависит в составе придаточной части: «Относительное местоимение падежа родительного *которого, коего, которой, коей, которых, коих* предшествует существительному придаточного предложения, когда существительное сие стоит без предлога», тогда как «с предлогом существитель-

---

[7] По материалам XVIII в. в целом на 6770 случаев с *который* приходится 980 случаев с *кой* (см.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой, каков*, стр. 166).

[8] Материалы см. также: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II (Ист. комм.), стр. 383.

ное предшествует местоимению относительному»[9]. Вот несколько показательных примеров начального положения относительного местоимения в придаточной части присубстантивно-относительных конструкций в литературном языке второй четверти XIX в., свидетельствующих о том, что в первой половине XIX в. еще не осуществился переход к современному словорасположению.

Оргия, *коей я был невольным свидетелем*, продолжалась до глубокой ночи (Пушк., К. д., XI); Широкая сакля, *которой крыша опиралась на два закопченные столба*, была полна народа (Лерм., Бэла); Они принесли себя в жертву делу, *которого он был главным зачинщиком и проводником* (Лажечн., Лед. дом, 3, 9); Платон, *которого система сама по себе представляет разительное сближение с восточными идеями...* (Э. Губер, О философии, Отеч. зап., 1839, т. I); В этом отношении Россию нечего сравнивать с старыми государствами Европы, *которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвет и плод* (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); С особенным удовольствием останавливаемся мы на повести «Анна Михайловна», *которой автор г-жа Крестовская является, кажется, в первый раз в русской литературе* (Москвит., 1851, № 1); В седьмом часу вечера я, напившись чаю, выехал со станции, *которой названия уже не помню* (Л. Толст., Метель, I)[10].

Примечательно, что еще в конце 50-х годов Буслаев считал равноправным для литературного языка и то и другое положение относительного местоимения по отношению к существительному, от которого оно зависит, в составе придаточной части, указывая, что «местоимение *который* или *кой* ставится и прежде и после существительного, с которым оно сочинено в придаточном предложении. Например «человек, *которого опытности* я доверяю» и «человек, *опытности которого* я доверяю»»[11].

Показателен случай совмещения у Пушкина в составе одного предложения и новой и старой позиции относительного местоимения.

Каждое слово уничтожает сплетни, *половине коих я не верил,* но *коих другая половина* сильно меня тревожила (п. П. В. Нащокину, серед. марта 1834).

Переход к современному положению относительного слова в присубстантивно-определительных конструкциях, закрепившийся во второй половине XIX в., объясняется прежде всего понижением знаменательности относительных слов в составе придаточной

---

[9] А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 340.

[10] Материалы см. также: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954, стр. 438 и сл.

[11] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., стр. 562.

части таких конструкций, переходом их на позиции служебно-связочных слов, на что косвенно указывал и Л. А. Булаховский, отмечая в данном случае наличие «ритмической тенденции ставить элементы, по их природе пригодные делаться энклитиками, на второе место синтаксических членений» [12].

Естественно, что более ранний переход к современному словорасположению в большинстве случаев отмечается в сложных предложениях с определительной придаточной частью.

§ 4. В составе присубстантивно-относительных предложений с собственно определительной функцией в последних десятилетиях XVIII — начале XIX в. отчетливо разграничиваются конструкции с указательно-выделительным и качественно-определительным значением [13]. В предложениях с указательно-выделительным значением в качестве соотносительного слова употребляется главным образом местоимение *тот*, а в качестве союзных слов в начале придаточной части — местоимения *который, кой* и *что*. В предложениях с качественно-определительным значением в роли соотносительного слова употреблялись местоимения *такой* и *тот*, а в роли союзного слова — местоимения *какой, который, кой*.

При этом, в отличие от литературного языка второй половины XIX в., в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX в. до 40-х годов соотносительные местоимения в присубстантивно-определительных конструкциях часто еще не имели строго локализованного положения непосредственно перед определяемым существительным, стоящим в именительном падеже, и могли не предшествовать определяемому существительному, а следовать за ним.

Приданое ее было по тогдашним временам очень невелико, но *надежда та* была, что она была одна у отца дочь, следовательно всему имению наследница (Болот., 1, 3); *Намерение* мое при сем было *то*, чтобы сделать его чистосердечным (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть) [14]; Главное направление нашего века есть *именно то, которое* должно было быть как необходимый результат различных эпох изящного, нам предшествовавших (Отеч. зап., 1839, т. I).

В случаях непосредственного предшествования указательного местоимения опорному существительному их сочетание не смыкалось с союзом или союзным словом.

---

[12] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика, Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 440.

[13] См.: М. Н. Вьюкова. Указ. автореф., стр. 9—11; ее же. Относительные предложения с союзным словом *который*, стр. 115—119.

[14] В. В. Виноградов отмечает эту конструкцию как синтаксический германизм («Очерки по истории русск. лит. языка XVII—XIX вв.». М., 1938, стр. 146).

[М а ш а] Из него разве *та польза* может выйти, что я могу вкрасться в доверенность Сумбуровой (Крыл., Модн. лавка, III, 3); [Л е с т о в] *Тот день* только и счастлив, *когда* удается ему побранить или людей, или иностранцев (Там же, I, 1).

Местоимение *самый* могло употребляться в присубстантивно-определительной конструкции, не сочетаясь с указательным местоимением *тот*.

То казалось ей, что *в самую* минуту, как она садилась в сани, чтобы ехать венчаться, отец ее останавливал ее (Пушк., Метель); Надо еще упомянуть о том, что случилось поздно вечером *в самый* день, как он виделся с княжною в биллиардной дворца (Лажечн., Лед. дом, 2, 9).

Сочетание указательного местоимения *тот* и определительного *самый* также не было локализовано и при совместном употреблении этих местоимений в качестве соотносительных слов определительное местоимение предшествовало указательному.

В самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик (Радищ., Путеш., София); Он *в самую ту минуту* лишился жизни, *когда* мы выступили только в поход (Болот., 1, 40); И *самый тот* пастух, *за коего* реке Пенял недавно он таким кудрявым складом, Погиб со всем в нем стадом (Крыл., Ручей); На сем месте была некогда церковь — вероятно, *самая та, где* венчались наши любовники, и где они захотели лежать и по смерти своей (Карамз., Нат. боярск. дочь); *Самые те* люди, *которые* давно уже, хотя, может быть, не ясно, но положительно, имели подобные мысли, обрадовались, увидя их в печати, и даже сочли новыми (С. Акс., Воспом., Университет) С утра, *с самой той* минуты, *когда* она, вся похолодев от ужаса, прочла записку Лаврецкого, Лиза готовилась ко встрече с его женою (Тург., Двор. гнездо, XXXIX).

Однако уже с 40-х годов XIX в. устанавливается в качестве общелитературной нормы устойчивая локализация местоименного сочетания *тот самый* перед определяемым словом присубстантивно-определительных конструкций, придаточная часть которых вводится местоимениями *который, когда, как* (во временно́м значении), *где, куда, откуда.*

Слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый еще в 1797 году, и положили на *тот самый* стол, *за которым* столько лет они служили своему господину (Пушк., Дубр., IV); Батюшка вошел *в то самое* время, *как* я прилаживал мочальный хвост к мысу Доброй Надежды (Пушк., К. д., I); Старик не снес своего несчастия; он тут же слег в *ту самую* постель, *где* накануне лежал молодой обманщик (Пушк., Станц. смотритель); Это была именно *та самая* бричка, *в которой* еще ездил Адам (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, V); [Доктор] дал ему большим пальцем

щелчка в *то самое* место, *где* прежде был нос (Гоголь, Нос, 2); Это случилось в *то самое* утро, когда Лапша, провожая за околицу дедушку Василия, встретил посланного из города (Григорович, Переселенцы, 1, VIII); Старушка, сидевшая с Марьей Дмитриевной под окошком, была *та самая* тетка, сестра ее отца, *с которою* она провела некогда несколько уединенных лет в Покровском (Тург., Двор. гнездо, I); Она привела его в *тот самый* чуланчик, *откуда* утром подглядывала и подслушивала (Дост., Дядюшк. сон, VII); Ергунов был *тот самый* казак, *который* пьяный спал у избы (Л. Толст., Казаки, VII); Говорили шёпотом, что он *тот самый* сын, *которого* барыня прижила еще в девушках (С.-Щ., Пошехонск. стар., VIII).

В XVIII в. относительные предложения с союзным словом *какой* встречались сравнительно редко [15]. Местоимение *такой* при опорном существительном главной части и местоимение *какой* (*каковой*) в придаточной части могли еще употребляться в присубстантивных местоименно-соотносительных конструкциях гибридного характера, не выражающих атрибутивного отношения с достаточной отчетливостью.

Желательно было бы, чтобы напечатали *такие* азбуки, *какая* у меня есть одна старинная (Щербат., О способах преподавания..., I); [Стародум] Слушай меня с *таким* вниманием, *с какою* искренностию я говорить буду (Фонв., Недоросль, IV, 2).

В языке последних десятилетий XVIII — первых десятилетий XIX в. в качественно-определительных конструкциях, оформляемых при помощи местоимений *такой — какой* (*тот — какой*), как правило, отсутствовали определяющие качественные прилагательные при опорных существительных главной части.

В комнате, которую нам отвели и которая была лучшая, *такая грязь и мерзость, какой*, конечно, у моего Скотинина в хлевах никогда не бывает (Фонв., п. сестре, 7/18 дек. 1784); Нынешний папа затеял *строение такое, какого* в свете нет и быть не может (Там же); Не удостоите ли вы меня позволением прибыть к вашей особе для получения *отряда такого, какой* ваша известная ко мне благосклонность определит составить (Д. Дав., п. Ф. Толю, 18 мая 1831).

§ 5. Во второй половине XVIII — начале XIX в. относительное наречие *где* могло употребляться в присубстантивно-определительных конструкциях не только с опорой на существительное конкретно-пространственного значения, но и в тех случаях,

---

[15] Из общего числа 8057 конструкций, рассмотренных в диссертации М. Н. Вьюковой, на долю конструкций с союзным словом *какой* приходится всего 52 случая (см.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой, каков*, стр. 165).

когда существительные иного лексического значения имели ту или иную пространственную перспективу.

Не хотел быть ни в одном *концерте, где* не пела Юлия; ни на одном *бале, где* не танцевала Юлия; ни на одном *гульбище, где* не гуляла Юлия (Карамз., Юлия); Джон Теннер описал одну *ссору, где* ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою (Пушк., Дж. Теннер); Есть *минуты, где* ты готов застрелиться (В. Соллог., Тарантас, VII).

В XIX в. модели присубстантивных конструкций, оформляемые посредством относительных наречий *где, куда, откуда*, постепенно перестают быть средствами выражения обстоятельственных пространственных отношений и становятся средством выражения собственно атрибутивной связи придаточной части с определяемым существительным в главной части. В первой половине XIX в. (а спорадически и позже) присубстантивно-относительная конструкция с местоименными наречиями *где, куда, откуда* нередко еще удерживала пространственное значение.

Надобно то всходить, то спускаться, и вдруг выходите *на площадку, где* обдает вас холодным ветром (Моск. телеграф, 1825, № 8); Они вошли в великолепную *залу, где* стол был накрыт на три прибора (Пушк., Дубр., XVII); Еду в печальную *Россию, где* мне отрадою будет мое совершенное уединение (Пушк., А. П. В., II); Мы подъехали *к крепости, куда* входила наша артиллерия (Пушк., Путеш. в Арзр., 4); Охотно согласился заехать по дороге ко мне, *в деревню, куда* я торопился к именинам жены (Н. Павл., Именины); Фатализм увлек и мать *в бездну, где* суждено было пасть дочери (Лажечн., Лед. дом, 4, 9).

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЕЙ В XIX в.

§ 6. Во второй половине XVIII в. завершается процесс внешней перестройки относительных конструкций в направлении к установлению строго подчинительной связи; выходят из употребления конструкции с препозицией придаточной части, с повторением определяемого слова в конструкциях с постпозитивной придаточной частью, укрепляется употребление конструкций с интерпозицией придаточной части. В XIX в. в присубстантивно-определительных конструкциях намечается тенденция к установлению более тесной атрибутивной связи между определяемым словом и придаточной частью. Это находит выражение в образовании в структуре сложного присубстантивно-определительного предложения (прежде всего с интерпозицией придаточной части) распространенных атрибутивных сочетаний определяемого существительного-подлежащего (обычно очень общего нарицательно-

го значения) с определяющей его придаточной частью (*город, в котором я жил; дом, где я родился*). Относительные местоимения и наречия в составе таких атрибутивных сочетаний, утрачивая функцию отдельного члена предложения и сохраняя только местоименно-адъективное значение, обнаруживают тенденцию к переходу в служебно-связочные слова. Вот характерные примеры образования подобных распространенных атрибутивных сочетаний внутри присубстантивно-определительных конструкций в результате установления более тесной связи между определяемым существительным общего значения и придаточной частью, конкретизирующей это общее значение.

Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями (Пушк., Ист. с. Г.); Как!— сказал Нарумов:— у тебя есть *бабушка, которая угадывает три карты сряду*, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики? (Пушк., Пиков. дама, I); *Площадка, на которой мы должны были драться*, изображала почти правильный треугольник (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); *Комната, в которую вступил Иван Иванович*, была совершенно темна (Гоголь, Пов. о том, как поссорился..., II); *Холм, на котором я находился*, спускался вдруг почти отвесным обрывом (Тург., Беж. луг); Хоть бы один *человек, с которым можно было бы поговорить,* отвести душу (Чех., Архиерей).

Образование в составе таких предложений распространенного атрибутивного сочетания с определяющей придаточной частью представляло собою первую ступень опрощения всей конструкции, перехода сложного предложения в простое.

Подобным же образом в литературном языке XIX в. наблюдается много случаев, когда придаточная часть с союзными словами *где, куда, откуда*, определяя опорное существительное, образует вместе с ним внутри сложного предложения более тесное атрибутивное сочетание, утрачивая при этом функции выражения обстоятельственного (пространственного) отношения.

Зала, где собираются купцы, обширна (Моск. телеграф, 1825, № 7); Повел их *к избе, где было спрятано его имущество* (Пушк., Ист. Пугач., 2); *Деревня, где скучал Евгений,* Была прелестный уголок (Пушк., Е. О., 2, I); Он с большой веселостью описал мне семейство коменданта, его общество и *край, куда завела меня судьба* (Пушк., К. д., III); Большими шагами направился я *к дому, где жила Ася* (Тург., Ася, XVII); *В комнате, куда мы вошли*, мебель была немного получше и расставлена с большим вкусом (Тург., Перв. любовь, IV); *В кабинете, куда привел предводитель Турбина*, стояли разных сортов водки, наливки, закуски и шампанское (Л. Толст., Два гусара, IV); Но следующая *комната, откуда я ждал ее выхода,* спальня, густо отделенная от этой комнаты

занавесью, состояла, как оказалось после, буквально из одной кровати (Дост., Подросток, I, 8, III).

Таким образом, модели, служившие в исходных случаях средствами оформления двучленных конструкций с придаточными места, вовлекаются в состав формальных средств образования присубстантивных конструкций с собственно определительным значением придаточной части.

Наряду с явлениями опрощения и деформации сложных предложений в составе присубстантивно-определительных конструкций, в языке XIX в. отмечаются такие построения, когда придаточная часть, вступая в тесную связь с определяемым существительным конкретного значения или целым атрибутивным сочетанием в главной части, сохраняет при этом самостоятельное коммуникативное содержание.

Германн... увидел *узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы* (Пушк., Пиков. дама, III); Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул *на своего Черкеса, которого водили по двору*, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Пошли толки, расспросы; говорил больше Аркадий, особенно *за ужином, который продолжался далеко за полночь* (Тург., Отцы и дети, XXII); Мы входили в глубокое ущелье и приближались *к горной речке, которая была в это время во всем разливе* (Л. Толст., Набег, VII); Егорушка думал *о бабушке, которая спит теперь на кладбище под вишневыми деревьями* (Чех., Степь, VI); У Коврина захватило дыхание, и *чудесная, сладкая радость, о которой он уже давно забыл*, задрожала в его груди (Чех., Черн. монах, IX).

§ 7. Употребление в присубстантивно-определительных конструкциях с указательно-выделительным значением местоимения *тот* в качестве соотносительного слова, получившее широкое распространение в языке XVIII в.[16], давало возможность, увеличивая объем придаточной части, сохранять в составе конструкций цельность всего атрибутивного сочетания, отграничиваемого данным местоимением. В XIX в. реализовалась возможность разнообразных структурных осложнений в построении подобных сочетаний. Для первой половины века характерно употребление таких конструкций без осложнения их качественными определениями при опорных существительных главной части.

Взоры Аристиона, рассматривая прелести сельской природы, в первый раз увидели *ту благость, ту любовь миросозда-теля, ту гармонию, то совершенство, которые* можно только чувствовать (Нарежн., Аристион. ЛК); Не было *того беспорядка, который* обличает присутствие музы и отсутствие мет-

---

[16] См.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзным словом *который*, стр. 115.

лы и щетки (Пушк., Егип. ночи, 1); Весы, аршины, ноги, руки, рты остановились *в том самом положении, в каком* застал их этот возглас (Лажечн., Лед. дом, 2, 1); Какой он искусный лекарь *для тех ран, которые* сам наделал и растравил так мастерски! (Там же, 3, 9); Старая шинель и нещегольское платье показывали в нем *того человека, который* с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде (Гоголь, Портрет, I); Я решился подойти к огонькам и в обществе *тех людей, которых* принял за гуртовщиков, дождаться зари (Тург., Беж. луг); Он предстал передо мною *тем же романтиком, каким* я знал его (Тург., Яков Пасынков, I); Я уже не был *тем человеком, каким* они знали меня в течение трех недель (Тург., Дневн. лишн. чел., 26 марта).

С 40-х годов в присубстантивно-определительных конструкциях с соотносительными местоимениями *тот, та, то* в главной части наблюдается все более расширяющееся в течение XIX в. употребление при опорных именах существительных определяющих прилагательных, зависимых существительных и других средств осложнения определяемого слова или сочетания.

Для второй половины XIX в. характерно, особенно для языка художественной литературы, широкое распространение конструкций с соотносительными словами при опорных существительных, осложненных определяющими их качественными прилагательными. Такие конструкции получают качественно-выделительное значение и рассматриваются иногда современными исследователями как конструкции с придаточными приадъективными [17]. Однако поскольку опорными словами в таких конструкциях остаются имена существительные, они не перестают быть присубстантивными.

Почти невозможно было выразить *той необыкновенной тишины, которою* невольно были объяты все, вперившие глаза на картину (Гоголь, Портрет, I); И вот пошатался я по Европе, видел много трактиров и пароходов и железных дорог, осмотрел многие скучные коллекции и нигде не находил *тех живых впечатлений, которых* надеялся (В. Соллог., Тарантас, VIII); Горы там как будто только модели *тех странных где-то воздвигнутых гор, которые* ужасают воображение (Гонч., Обл., 1, IX); Родительской ласки мы не знали, ежели не считать лаской *те безнравственные подачки, которые* кидались любимчикам, на зависть постылым (С.-Щ., Пошехонск. стар., III); Остальная часть ее лица едва загорела *тем золотистым загаром, который* принимает одна тонкая кожа (Тург.,

[17] См.: И. Г. Чередниченко. Особые случаи придаточности в современном русском языке.— ВСЯ, кн. 1. Львов, 1948, стр. 109—110; М. А. Павловская. Функции сложных предложений с определительными придаточными. «Уч. зап. ЛГПИ», т. 144, 1958, стр. 41—56.

Свидание); Голос Якова не трепетал более — он дрожал, но *той едва заметной дрожью страсти, которая* стрелой вонзается в душу слушателя (Тург., Певцы); И он *с теми свободными и фамильярными, грациозными движениями, которые* его отличали, взял за руку фрейлину, поцеловал ее и, поцеловав, помахал фрейлинскою рукой, развалившись на креслах и глядя в сторону (Л. Толст., В. и м., 1, 1, I); Подошел Артынов, богач, с выпуклыми глазами, страдающий одышкой, но уже *не в том странном костюме, в каком* видела его Аня летом, а во фраке, как все (Чех., Анна на шее, II); *О том прошлом, какое* было до ее поступления в учительницы, она уже отвыкла вспоминать и уже все забыла (Чех., На подводе).

§ 8. В XIX в. получают широкое распространение конструкции с соотносительными местоимениями *такой — какой*, в которых опорные существительные конкретизированы определяющими их качественными прилагательными. Оттенок качественности, свойственный подобным конструкциям, дает возможность характеризовать их как конструкции качественно-относительные [18].

Я могу пересказать вам этот день *с такою же утомительною точностию, с таким же убийственным исчислением* и слов и обстоятельств, *с каким* женщины пересказывают свои вчерашние разговоры или наряды, а старухи свои сны (Н. Павл., Именины); В самом деле, никогда изучение русской истории не имело *такого серьезного характера, какой* оно приняло в последнее время (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); Мы не в состоянии следить за полетом *таких великих умов, каков* ваш (Тург., Рудин, VIII); И это *с такою художественною объективною законченностью и определенностью, какая* далась у нас только Пушкину и Гоголю (Гонч., Мильон терзаний); Они видели на другом лице *такое же смертельное страдание, какое* жило в ней самой (Гонч., Обрыв, 5, III).

В то же время характерные для разговорной речи присубстантивно-определительные конструкции с соотносительными местоимениями *такой — какой* без определяющих качественных прилагательных при опорных существительных в главной части имели в литературном языке XIX в. ограниченное употребление.

Уху, бывало, в серебряной лохани подадут — *стерляди такие, каких* в нынешние годы и не ловится (М.-Печ., Ст. годы, IV); У меня тут целый пук писем *от такой девушки, какой* в целом свете не найдешь подобной (Тург., Яков Пасынков, 1); Учитель... смотрел на Павлушу *таким взглядом, каким* смотрит портной на кусок сукна, соображая, можно ли выкроить из него жилет? (Гл. Усп., Отцы и дети, IV).

С другой стороны, в литературном языке XIX в. закрепи-

[18] Ср.: М. А. Павловская. Указ. соч.

лось характерное для разговорной речи употребление моделей данной конструкции без относительного слова в главной ее части.

[Репетилов] Но голова у нас, *какой* в России нету (Гриб., Горе от у., IV, 4); Мужик, простак, *каких* везде не мало, нашел червонец на земли (Крыл., Червонец); Пренебрежение, *с каким* он упоминал о Марии Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым (Пушк., К. д., V); Всякий, увидав ее в первый раз, нашел бы в ней женщину, *каких* много в Петербурге (Гонч., Обыкн. ист., Эпилог); Итальянцы сами музыканты, *каких* нет на всем свете (Л. Толст., Люцерн); Оттуда, с берега, повеяла на него струя свежего, здорового воздуха, *каким* он давно не дышал (Гонч., Обрыв, 5, XI); Вы, по-моему, самый обыкновенный человек, *какой* только может быть на свете (Дост., Идиот, 1, XI); Сердце Стебелькова сжимается невыразимым ужасом, *какой* бывает только во сне (Гарш., Денщ. и офицер); Она и ветеринар никому не говорили о перемене, *какая* произошла в их отношениях, и старались скрыть, но это им не удавалось (Чех., Душечка).

§ 9. Присубстантивно-относительные конструкции с местоимением *что*, широко употребительные в литературном языке XVII и первой половины XVIII в. [19], в литературном языке второй половины XVIII в. были уже относительно редки [20], что, по-видимому, послужило основанием для А. С. Шишкова [21] приписать Ломоносову введение в литературный язык и прежде всего в стихотворную речь этого, по выражению Буслаева, «чисто русского оборота», осуждавшегося Сумароковым как следствие «привычки худого и простонародного употребления» [22]. В русском литературном языке XIX в. определительные конструкции с местоимением *что*, ограниченным в своем употреблении формами именит. и винит. пад., употреблялись преимущественно в диалогической речи с оттенком просторечия, а в повествовательной речи часто выступают как излюбленные построения у отдельных авторов, склонных к стилизации под народную речь, как, например, у Мельникова-Печерского. В ограниченном употреблении эта конструкция встречается (чаще без соотносительных слов в главной части) на всем протяжении XIX в. и в современном литературном языке.

Сашеньке надо отдохнуть, приготовьте поскорей комнату,

---

[19] См.: Н. А. Широкова. Указ. соч., стр. 89—91.

[20] Г. Н. Акимова. Сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями *кто* и *что*, стр. 84 и сл.; М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой, какой*, стр. 170—171.

[21] А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1824, стр. 200.

[22] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., стр. 527.

что возле кабинета (Н. Павл., Ятаган, I); В числе мужиков находился и ростовец, *тот самый, что* встретился с Антоном на ярмарке (Григорович, Антон Горемыка, IX); Я — Лукерья... Помните, *что* хороводы у матушки у вашей в Спасском водила (Тург., Жив. мощи); Повернув из главной аллеи в сторону, очутились мы перед глубоким оврагом, *что*, простираясь до самого волжского берега, разделяет сад на две части (М.-Печ., Ст. годы); Все работники, *что* были по околотку, нанялись уж к нему (М.-Печ., В лесах, 1, 3);— Вы *та* девица, *что* ушла от Сипягина? (Тург., Новь, 2, XXXI); Она не сводит глаз с дороги, *что* идет через рощу (Гонч., Обыкн. ист., 2, VI); — Видел ты каменные герардовские избы, *что* я построил на новом хуторе, *что* с пустыми стенами? (Л. Толст., Утро помещ., III); Уже в следующую минуту это становился не *тот* человек, *что* в предыдущую (Дост., Прест. и наказ., 2, VII); Я тебе уже говорил сейчас, что эти серебряные часы, которым грош цена, единственная вещь, *что* после отца осталась (Там же, 3, II); Архитектор острил пошло и плоско, в котлетах, *что* подавали за завтраком, было очень много луку (Чех., Володя).

Во второй половине XIX в. укрепляется употребление конструкции с *что* и соотносительным местоимением *тот же* в главной части.

И во дворе, и около крайней двери, даже на лестнице был *тот же* противный запах, *что* и под воротами (Чех., Бабье царство, II); Мысли были все *те же, что* в прошлую ночь, однообразные, ненужные (Чех., Невеста, II).

Присубстантивно-определительные конструкции развиваются параллельно с причастными атрибутивными конструкциями, вступая с ними в синонимические соотношения [23]. Развитие в литературном языке XIX в. присубстантивно-определительных сочетаний в составе атрибутивных конструкций и соотносительных с ними причастных оборотов следует рассматривать как основную продуктивную линию развития конструкций присубстантивно-относительного типа.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНО-РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЕЙ

§ 10. В литературном языке XIX в. присубстантивно-относительные конструкции со значением дополнительной характеристики или нового сообщения оформляются в качестве особой

[23] См.: Н. М. Меделец. Определительные придаточные предложения и причастные обороты как синтаксические синонимы. Канд. дисс. Л., 1953. Ср.: Е. Н. Морозова. Придаточное определительное предложение и конструкции с причастием в современном немецком языке как грамматико-стилистические синонимы. Автореф. канд. дисс. Л., 1956.

структурной разновидности, имеющей повествовательно-распространительную функцию.

В присубстантивных конструкциях повествовательно-распространительной разновидности придаточная часть, оставаясь формально прикрепленной к какому-либо существительному главной части (чаще к имени собственному или названию лица), уже не определяет это существительное, а распространяет главную часть в целом и имеет свое, отдельное коммуникативное содержание. В таких конструкциях относительные местоимения, сохраняя функцию отдельного члена предложения, имеют в силу своего анафорического употребления субстантивное значение.

В отличие от присубстантивно-определительных, повествовательно-распространительные конструкции характеризуются интонационной расчлененностью частей[24], невозможностью образования в их составе распространенного атрибутивного сочетания опорного слова главной части с придаточной частью, отсутствием соотносительных слов в главной части. В силу ограниченной возможности своего моделирования, они являются малопродуктивным способом образования присубстантивных конструкций. Однако несмотря на это, они широко употребляются в литературном языке XIX в., главным образом в языке художественной литературы, и выступают с существенными функциональными различиями в соотношении между главной и придаточной частью[25].

Примечательно, что еще Н. Греч, со свойственным ему стремлением «нормализовать» живое употребление, считал ошибкой построение присубстантивных конструкций с повествовательно-распространительной придаточной частью, «когда главному предложению подчиняется другое, долженствующее по своей важности сочиняться с оным», т. е. имеющее свое, особое коммуникативное содержание, например: *Он получил известие о кончине своего брата, которое его ввергло в жестокую болезнь.* По мнению Греча, в таких случаях допустимы только конструкции слитного предложения или предложения с деепричастным оборотом: *Он получил известие о кончине брата и впал от того*

---

[24] В повествовательно-распространительных конструкциях, в отличие от собственно определительных, главная часть произносится без заметного повышения тона на опорном слове, с обычной повествовательной интонацией, и перед придаточной частью имеет место более или менее продолжительная пауза.

[25] О повествовательно-распространительных конструкциях в русском литературном языке XIX—XX вв. см. замечания акад. В. В. Виноградова в академической «Грамматике русского языка», т. II, ч. 1, стр. 109—110; см. также т. II, ч. 2, § 1422; М. А. Мкртычева. Определительные придаточные предложения в совр. русск. лит. языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 16—18; Н. С. Поспелов. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения, стр. 63—77; «Русский язык и советское общество». (Проспект). Алма-Ата, 1962, стр. 78.

в жестокую болезнь или *Получив известие о кончине своего брата, он впал в жестокую болезнь,* или же *Он впал в жестокую болезнь, получив известие о кончине своего брата*[26]. Однако пуристические рекомендации Греча явно расходились с живыми нормами литературного языка его времени. В языке Пушкина и на протяжении всего XIX в. мы обнаруживаем широкое и разнообразное употребление присубстантивно-относительных конструкций с повествовательной функцией придаточной части. Прежде всего выделяются многочисленные случаи употребления таких конструкций тогда, когда придаточная часть сообщает о действии, следующем по времени за действием главной части, и тем самым имеет отдельную повествовательную функцию. В таких предложениях сказуемые главной и придаточной части бывают выражены глагольными формами прошедшего времени совершенного вида с аористическим значением.

Татьяна Афанасьевна с беспокойством взглянула на брата, *который* побледнел, закусил губы и молча вышел из светлицы (Пушк., А. П. В., V); Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, *с которым* и провел целый вечер (Пушк., К. д., III); По распоряжению Хлопуши караульный отвел меня в приказную избу, *где* я нашел Савельича и *где* меня оставили с ним взаперти (Там же, XI); Фрейман весною прибыл в Оренбург, *где* дождался слития рек (Пушк., Ист. Пугач., 1); Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, *который* положил в лодку (Лерм., Тамань); Тут же заставил он Плюшкина написать расписку и выдал ему деньги, *которые* тот принял в обе руки и понес их в бюро (Гоголь, М. д., 1, VI); «А!» сказала тетушка и посмотрела пристально на Ивана Федоровича, *который*, покраснев, потупил глаза в землю (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, V);—Вланг, принесите-ка мне мою трубочку да набейте,— обратился он к юнкеру, *который* тотчас же охотно побежал за трубкой (Л. Толст., Севаст. в авг. 1855 г., 18); Сначала глаза его отуманились страхом и беспокойством, *которое* перешло в сомнение (Гонч., Обыкн. ист., 1, IV); Она отворила шкап, *откуда* потянуло запахом сластей (Гонч., Обрыв, 2, II); Владимир Николаич во время пребывания в университете, *откуда* он вышел с чином действительного студента, познакомился с некоторыми знатными молодыми людьми и стал вхож в лучшие дома (Тург., Двор. гнездо, IV); Он кинул бутылку англичанину, *который* ловко поймал ее (Л. Толст., В им., 1, 1, VI); Они увлекли его наконец в какой-то увеселительный сад, *где* он заплатил за них и за вход (Дост., Прест. и наказ, 6, VI) Дома он сошелся с одной вдовой, *которая* посоветовала ему оставить юридиче-

[26] См.: Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, § 419.

ский факультет и поступить на филологический (Чех., Дуэль, III).

Менее отчетливо выделяются в литературном языке XIX в. случаи с обратным временным соотношением главной и придаточной части — когда действие главной части следует по времени за действием придаточной части, представляющей отдельное добавочное сообщение. В этих случаях сказуемое в придаточной части (в форме прошедшего совершенного) получает перфектный оттенок значения, а сказуемое главной части (также в форме прошедшего совершенного) имеет аористическое значение[27].

Вслед за ним сын его приехал верхом, и вместе с ним вошел в столовую, *где* стол был уже накрыт (Пушк., Барышня-кр.); Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, *которую* даром отдал ему один из городских жителей (Пушк., К. д., XI); Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, *где* только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева (Там же, XIV); Наталья Андреевна пришла в Петербург, *куда* вызвало ее правительство для возвращения ей имения, отнятого в казну во время бироновщины (Лажечн., Лед. дом, 4, 13); Василий Иванович родился в Казанской губернии, в деревне Мордасах, *в которой* и жил его отец (В. Соллог., Тарантас, XV); У нее в номере было душно, пахло духами, *которые* она купила в японском магазине (Чех., Дама с собачкой, II).

§ 11. В качестве отчетливо выделившейся структурно-семантической модели повествовательно-распространительных конструкций с описательной функцией выступают в языке XIX в. случаи, когда при выражении сказуемого придаточной части формой прошедшего несовершенного с имперфектным значением обе части сложного предложения имеют раздельное предикативное содержание и сопоставляются друг с другом в плане одновременности.

В начале 1812 ⟨года⟩ полк наш стоял в небольшом городе, *где* мы проводили время очень весело (Пушк., ⟨В нач. 1812 г.⟩);— В июне 1812 года,— сказал Бурмин,— я спешил в Вильну, *где* находился наш полк (Пушк., Метель); Близ устья оброс он высоким камышом, *где* кроются кабаны и тигры (Пушк., Ист. Пугач., 1); Гостиная, в ней большие часы; справа дверь в спальню Софьи, *откудова* слышно фортепиано с флейтою, которые потом умолкают (Гриб., Горе от у., I, 1);

[27] При наличии соотносительного слова в главной части, т. е. при структурном преобразовании данной повествовательно-распространительной конструкции в конструкцию присубстантивно-атрибутивную, прошедшее совершенное в придаточной части получило бы «относительное» плюсквамперфектное значение прежде прошедшего действия (см. Введение ко II т. Грам. АН СССР, стр. 109).

Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, *которая* подымалась из болота по манию самодержавия (Пушк., А. П. В., II); Я обратился к слепому, *который* сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост (Лерм., Тамань); Я беспощадно погонял измученного коня, *который* храпя и весь в пене мчал меня по каменистой дороге (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Я держал обеими руками ее дрожащую руку, *на которую* падали мои крупные слезы (Н. Павл., Именины); Ах, как было хорошо на вольном воздухе под ясным небом, *где* трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосов! (Тург., Жив. мощи); Последней комнатой по этому фасаду был кабинет отца, *откуда* небольшая дверь снова выходила в сени (Фет, Ранние годы моей жизни, I); Отсюда был прекрасный вид на сад и на плес, *который* теперь на солнце блестел как зеркало (Чех., О любви).

Разновидность данной модели представляют случаи, когда при выражении сказуемого придаточной части формой прошедшего несовершенного соотношение одновременности устанавливается между результатом действия, выраженным глаголом-сказуемым главной части с перфектным временны́м значением, и процессом действия, выраженным в придаточной части сказуемым в глагольной форме прошедшего несовершенного с имперфектным значением.

Облачко обратилось в белую тучу, *которая* тяжело поднималась, росла и постепенно облегала все небо (Пушк., К. д., II); Он после короткого разговора возвратился в залу, *которая* более и более наполнялась (Пушк., Егип. ночи, III); Много собралось к нам соседей, *которые* с большим почтением смотрели на моего офицера (Н. Павл., Именины); Глагол «обокрасть» произвел на Авдея, видимо, неприятное впечатление, *которое* он старался скрыть (Бутк., Пб. верш., 1, Сто рублей); Поперек двора было развешано белье, *которое* ветер срывал и разносил по двору (Панаев, Актеон).

Так как связь между главной и придаточной частью в повествовательно-распространительных конструкциях оказывается менее тесной, такие конструкции имеют отчетливо двучленное строение, и это открывает возможность выражения такими конструкциями — на базе пояснительной связи между придаточной и главной частью — других функциональных отношений. В языке XIX в. могут быть выделены в отдельную группу присубстантивные конструкции с относительным местоимением *который*, выражающие причинное соотношение между придаточной и главной частью [28].

[28] Пример присубстантивно-относительной конструкции со значением дополнительной характеристики с причинным оттенком, приведенный М. Н. Вьюковой («Относительные предложения с союзным словом *который*», стр. 120): «И с ними посадить... и из военного чина... и из купечества, в которых остро-

Разговор его был прост и важен. Он понравился графине Д., *которой* надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия (Пушк., А. П. В., I); Все это очень не понравилось Чарскому, *которому* неприятно было видеть поэта в одежде заезжего фигляра (Пушк., Егип. ночи, III); Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, *которые* в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков (Пушк., Выстрел, I).

Придаточная часть могла указывать на основание того, что утверждается в главной части.

Чины в России необходимы хотя бы для одних станций, *где* без них не добьешься лошадей (Пушк., ⟨Роман в п.⟩, 9); Вечер провожу или в мужском обществе, *где* теснится весь город, *где* я вижу всех и всё и *где* никто меня не замечает, или в любезном избранном кругу, *где* говорю про себя и *где* меня слушают (Пушк., ⟨Участь моя решена⟩); Никогда время не идет так медленно, как в дороге, в особенности на Руси, *где*, сказать правду, мало для взора развлечения, но зато много беспокойства для боков (В. Соллог., Тарантас, XI); Я должен продолжать мною начатый большой труд, *который* писать взял с меня слово Пушкин, *которого* мысль есть его создание и *который* обратился для меня с этих пор в священное завещание (Гоголь, п. Жуковскому, 18 июля [1837]); Когда при мне превозносят богача Ротшильда, *который* из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь (Тург., Два богача); Частный поверенный, *которому* было очень неудобно сидеть, с тоской посматривал вперед, не виден ли хутор (Чех., Печенег); Ей было досадно на земскую управу, *в которой* она вчера никого не застала (Чех., На подводе).

С другой стороны, присубстантивные конструкции, оформленные местоименным наречием *где*, оставались двучленными и получали присоединительную функцию, если сказуемое придаточной части осложнялось усилительной и выделительной частицей *и*.

С некоторого времени жена его гостила у родных в Москве, *где* и занемогла опасно (Лажечн., Лед. дом, 1, 1); Мальчишки в длинных рубашонках с воплем бежали в избы, ложились брюхом на высокий порог, свешивали голову, закидывали ноги кверху и таким образом весьма проворно перекидывались за дверь, в темные сени, *откуда* уже и не показывались (Тург., Бурмистр); Он отправился на юг России и под

та умная есть» (Посошков), представляется неубедительным: придаточная часть здесь не выражает реально причинного соотношения и имеет скорее условный оттенок.

конец очутился в Одессе, *где* и прожил сряду несколько лет (Дост., Бр. К., I, IV); Но дедушка был утомлен, он грузно вылез из экипажа, наскоро поздоровался с отцом... и молча прошел в отведенную ему комнату, *откуда* и не выходил до утра следующего дня (С.-Щ., Пошехонск. стар., XIII).

В составе присубстантивно-относительных конструкций исследователями литературного языка XVIII в. отмечается наличие предложений, придаточная часть которых, не выполняя собственно-определительной функции, получает значение дополнительной характеристики или нового сообщения. Такие предложения, представляя многочисленную группу в составе присубстантивно-относительных конструкций, не образуют еще в литературном языке XVIII в. устойчивой структурно-семантической модели.

В литературном языке последних десятилетий XVIII — первой четверти XIX в. относительные местоимения в форме родит. беспредложного занимали начальную позицию в составе придаточной части присубстантивно-относительных конструкций, предшествуя тому существительному, от которого они зависели в придаточной части. Переход к современному положению относительного слова в таких конструкциях, наметившийся во второй четверти XIX в., закрепился в литературном языке только во второй половине XIX в.

В литературном языке конца XVIII и первых десятилетий XIX в. соотносительное слово *тот* в присубстантивно-определительных конструкциях с указательно-выделительным значением не имело еще строго локализованного положения ни по отношению к определяемому существительному, ни по отношению к местоимению *самый*. Переход к устойчивой локализации местоименного сочетания *тот самый* перед определяемым словом устанавливается в присубстантивно-определительных конструкциях не ранее 40-х годов XIX в.

В литературном языке XIX в. модели присубстантивных конструкций, оформленные посредством относительных наречий *где*, *куда*, *откуда*, перестают быть средством выражения обстоятельственных (пространственных) отношений и усваивают собственно определительную функцию. В то же время эти относительные наречия продолжают употребляться и в конструкциях с повествовательно-распространительной функцией, а также (при осложнении частицей *и*) и в присубстантивных конструкциях с присоединительной функцией.

В присубстантивно-определительных конструкциях намечается в XIX в. тенденция к установлению более тесной атрибутивной связи между определяемым словом и придаточной частью. Это находит выражение в образовании в их составе распространенных атрибутивных сочетаний — определяемого существительного-подлежащего (обычно очень общего нарицательного значения) с определяющей его придаточной частью. При этом в кон-

струкциях с соотносительными местоимениями *тот*, *такой* наблюдается все более и более расширяющееся с 40-х годов XIX в. употребление при опорных именах существительных определяющих их качественных прилагательных, зависимых существительных и других средств распространения определяемого слова.

Присубстантивно-определительные конструкции с местоимением *что* (в формах именит. или винит. падежей) в качестве союзного слова имели в литературном языке XIX в. стилистически ограниченное употребление.

В литературном языке XIX в. присубстантивно-относительные конструкции со значением дополнительной характеристики или нового сообщения оформляются как особая структурная разновидность с повествовательно-распространительной функцией. В отличие от присубстантивно-определительных, повествовательно-распространительные конструкции характеризуются интонационной расчлененностью частей, невозможностью образования в их составе атрибутивного сочетания опорного слова с придаточной частью, отсутствием соотносительных слов в главной части. В литературном языке XIX в. они выступают с существенными функциональными различиями в соотношении между главной и придаточной частью, употребляясь, главным образом, в языке художественной литературы.

В современном русском литературном языке повествовательно-распространительные конструкции, по-видимому, еще более сближаются с синонимичными им сочинительными конструкциями, выражающими те же временные, пояснительные и присоединительные отношения [29].

РАЗВИТИЕ МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

СТРУКТУРНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

§ 12. В литературном языке XIX в. местоименно-соотносительные конструкции [30] выступают в качестве отдельного структурного типа сложноподчиненных предложений с вполне определившимися признаками. Основным структурно-семантическим признаком данных конструкций является то, что связь между

---

[29] См.: М. А. Мкртычева. Указ. автореф., стр. 18. Ср.: «Русский язык и советское общество», стр. 78.

[30] О местоименно-соотносительных конструкциях и их структурных разновидностях в совр. русск. лит. языке см.: Н. С. Поспелов. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы.— ВЯ, 1959, № 2; С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов. Типы сложноподчиненного предложения с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части.— ВЯ, 1960, № 1.

придаточной и главной частью осуществляется в них посредством прикрепления к указательному местоимению главной части или семантически ему тождественного относительного местоимения или союза относительного подчинения (в основном союза *что*). В соответствии со способом прикрепления придаточной части названные конструкции распадаются на конструкции относительного подчинения, или местоименно-относительные, и конструкции союзного подчинения, или местоименно-союзные. В составе местоименно-относительных конструкций структурно разграничиваются конструкции с препозицией придаточной части, построенные по формуле *к/т*, и конструкции с постпозицией придаточной части, построенные по формуле *т/к*[31].

Местоименно-относительные конструкции, построенные по формуле *к/т*, характеризуются расчлененным строением с отчетливым противопоставлением частей. В литературном языке XIX в. они, сохраняя в той или иной мере исторически унаследованное ими условное значение, выступают с общим значением сопоставления. Они являются по существу своему непродуктивным типом местоименно-соотносительных конструкций[32]. Основными моделями конструкций данного структурного типа были следующие две группы моделей: 1) указательно-относительные конструкции, образованные по модели *кто/тот* и по модели *что/то*, и 2) качественно-относительные конструкции, образованные по моделям: *как/так, каков/таков, сколько/столько.*

Местоименно-относительные конструкции, построенные по формуле *т/к*, имеют более стянутое построение и получают значение сопоставления только при дистантном расположении местоименных формативов; при контактном расположении местоимений на стыке между главной и придаточной частью придаточная их часть, более тесно примыкающая к главной части, уже не выражает сопоставления, а только раскрывает содержание местоименного формата главной части, выражая соответствие содержания придаточной части высказанному в главной части, ср.: *Кто палку взял, тот и капрал* и *Капрал тот, кто палку взял* или *Каков поп, таков и приход* и *Приход таков, каков поп.*

Местоименно-союзные конструкции, построенные по формуле

[31] Эти формулы, введенные в научный оборот С. Карцевским, различаются последовательностью положения в составе данных конструкций в качестве средств связи вопросительных (по своему происхождению) и указательных местоименных формативов (*как/так, каков/таков, тот/кто* и т. п.).

[32] По вопросу (до настоящего времени дискуссионному) об исконных значениях местоименно-соотносительных конструкций с препозицией придаточной части см.: J. Zubatý. Jenz, který, kdo, co. «Naše řeč», 2, 1918, стр. 37—44; Fr. Trávníček. Historická mluvnice česká, III. Skladba. Praha, 1956, стр. 106—107; J. Bauer. Vývoj českého souvětí. Praha, 1960, стр. 191—193. Ср.: В. Т. Коломиец и А. С. Мельничук. Рец. на указ. соч. Ф. Травничка.— ВЯ, 1957, № 5, стр. 150—151; О. С. Мельничук. Історичний розвиток системи відносних слів в українській мові. «Слов'янське мовознавство», IV. Київ, 1962, стр. 95—97.

т/союз, характеризуются стабильным расположением частей с постоянной препозицией главной части. Обратное расположение частей в таких конструкциях является инверсией.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОСТРОЕНИИ МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 13. Конструкция, образованная по модели *сколько/столько* (архаич. *сколь/столь*), в первой половине XIX в. могла еще употребляться в значении степени, совпадая по значению с конструкцией *насколько/настолько*, закрепившейся в литературном языке со второй половины XIX в.

Сколько Ефросин был храбр и весел ...*столько* Полихроний был уныл и робок (Нарежн., Аристион. ЛК); Замечательны Bertrand et Raton, *сколько* по новости предмета, *столько* и по истине подробностей (Пушк., Франц. акад.).

Подобным образом и конструкция, образованная по модели *столько (столь)/сколько* (с постпозицией придаточной части), могла употребляться до середины XIX в. в значении меры и степени.

Препроводил праздники *столь* весело, *сколько* в шуму и чаду веселиться можно (Радищ., Путеш., Чудово); В Риге проводили мы наше время *столько* весело, *сколько* в Риге можно (Фонв., п. сестре, 13/24 июля 1789); Г. Лемонте утверждает, что и наш язык не *столько* от своих поэтов, *сколько* от прозаиков должен ожидать европейской своей общежительности (Пушк., О предисл. г. Лемонте к пер. басен Крыл.); Я *столько же* уважал ее, *сколько* любил (Тург., Яков Пасынков, I).

С середины XIX в. на смену данной конструкции в указанном значении приходит ее вариант с соотносительными местоимениями *настолько — насколько.*

Шея, плечи были открыты именно *настолько, насколько* нужно (Гоголь, М. д., 1, VIII).

В то же время на протяжении всего XIX в. употребляется конструкция *столько/сколько* в значении количественного соотношения между главной и придаточной частью, например: Вексель должен быть дан от крепостных дел на *столько* сот тысяч рублей, *сколько* вы желаете дать душ крестьянских (Пушк., п. А. Н. Гончарову, 25 апр. 1831).

Соотносительное местоимение *столько* в конструкциях с данным значением могло отсутствовать[33].

[33] Востоков в качестве показательных примеров данной конструкции приводит на одной и той же странице: *дал столько, сколько мог* и *дал, сколько мог* (А. Х. Востоков. Русск. грам., ч. 2, гл. 3, § 147, стр. 322).

Я имел дозволение взять из Курляндии драгунов, *сколько* мне их понадобится (Пушк., Зап. Моро-де-Бразе).

В тех же двух значениях употреблялась в XVIII и в первой половине XIX в. и конструкция *столько/как*[34].

Если бы люди были терпеливы и *столько* постоянны, *как* ветры, без сомнения могли более свое мореплавание продолжить (Кант., Письма о прир. и чел., 3).

Эта конструкция могла употребляться и в более общем значении меры и степени.

Все оные деревья пожирают и истребляют растение травы, однако береза *не столько* сие производит, *как* сосна или ель (Тр. Вольн. эконом. об-ва, 1765, ч. I); Ничье одобрение *столько* не льстило моему самолюбию, *как* один приветливый взгляд Карамзина или Козлятева (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Участь родителей моих *не столько* ужасала меня, *как* судьба Марии Ивановны (Пушк., К. д., Пропущенная глава).

С другой стороны, на всем протяжении XIX в. конструкция *столько/как* употреблялась и в более узком количественном значении (= так много), как она употребляется и в настоящее время.

Нигде не сохранилось *столько* старинных зданий, дворянских замков и помещичьих домов, *как* на берегах Луары (Греч, Пут. письма, II, 20); Ни одно произведение Пушкина — ни даже сам «Онегин» — не произвело *столько* шума и криков, *как* «Руслан и Людмила» (Белинск., Соч. Пушк., 1); Ни одно из светских ученых учреждений не принесло *столько* пользы просвещению в России, *как* Московский университет (Черн., п. отцу, 11 янв. 1855).

§ 14. В XVIII и в первой половине XIX в. местоименно-союзная конструкция, образованная по модели *столько/что*, широко употреблялась в более общем значении меры и степени, соответствующем значению сменившей ее во второй половине XIX в. конструкции *настолько/что*.

Отец мой... был *столько* тронут всем явлением сим, *что* не мог довольно слов найтить (Болот., 1, 10); ...*Столько* я обнадежен на ваши благотворения, *что* еще осмеливаюсь утруждать об оных (Держ., п. А. А. Безбородке, май 1783); По прошествии нескольких дней Неонилла *столько* оправилась, *что* могла уже участвовать в наших беседах (Нарежн., Бурсак, 2, III); Я *столько* перед вами виноват, *что* не осмеливаюсь и оправдываться (Пушк., п. А. А. Фукс, 20 февр.

[34] О специфическом характере подобных конструкций, стоящих на грани между структурой простого и сложного предложения, см.: Н. А. Широкова. Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения. Казань, 1960, стр. 102—120. Ср.: І. К. Кучеренко. Указ. соч., стр. 22 и сл.

1836); Он был *столько* горд и самонадеян, *что* не мог слишком дорого ценить полученную взаимность женщины (Доброл., Черты для характерист. русск. простонародия) [35].

Соотносительное местоимение *столько* в данном широком значении могло сочетаться и с союзом *чтобы*.

[Софья] Я не знаю, буду ли я *столько* счастлива, *чтоб* судьба твоя с моей соединилась (Фонв., Бригадир, IV, 1); [Дюнуа] Не *столько* я еще забыт природой, *чтоб* отвергал владычество любви (Жуковск., Орлеанская дева).

Сменив модели *столько/сколько, столько/что, столько/чтобы*, в литературном языке XIX в. утвердились (в другом лексическом варианте) модели *настолько/насколько, настолько/что, настолько/чтобы*.

Ольга слушала *настолько, насколько* тетка выражала желание или высказывала совет (Гонч., Обл., 2, VIII); Бродяга был *настолько* жалок, *что* на него невозможно было даже рассердиться (М.-Сиб., На перевале); Человечество еще нигде и никогда не было *настолько* богато деятельными умственными силами, *чтобы* позволять себе в расходовании этих сил малейшую расточительность (Писарев, Реалисты, I).

В то же время на протяжении всего XIX в. конструкция *столько/что* употреблялась с количественным значением, соотносительным местоименному наречию (= так мало), как это имеет место и в XX в.

Взяли *столько* пленных, *что* за гривну отдавали десять суздальцев (Карамз., И. Г. Р., III, I); Земли *столько, что* глаза устают смотреть (В. Соллог., Тарантас, VIII); На лице и в глазах ее было написано *столько* доброты, *столько* готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, *что* вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица (Гоголь, Старосв. помещ.); У меня дел и хлопот *столько, что* я едва нашел время написать тебе (Остр., п. Ф. А. Бурдину, 30 марта 1872).

§ 15. В литературном языке первой половины XIX в. наряду с моделью *тот/кто* в местоименно-относительных конструкциях широко употреблялась в применении к лицам модель *тот/который* (чаще при форме множественного числа: *те/которые*).

[Чацкий] Вот *те, которые* дожили до седин (Гриб., Горе от у., II, 5); *Те, которые* остались в выигрыше, ели с большим аппетитом (Пушк., Пиков. дама, I); Редко глядел на *того, с которым* говорил (Гоголь, М. д., 1, V); Движение боязливое, неслышное было заметно только в *тех, которые* пришлись позади других (Н. Павл., Ятаган, XII); Следующая выписка из

[35] Наряду с соотносительным словом *столько* в значении меры и степени употреблялось и соотносительное слово *столь*: Народу *столь* много собралось в комедии, *что* не только партер, ложи, но весь театр набит был людьми (Фонв., п. сестре, 31 дек.— 11 янв. 1777—1778).

предисловия почтенного автора... дает самое лучшее понятие о его книге *тем, которые* еще не читали ее (Белинск., Карм. гомеопат. лечебник).

С течением времени в подобных случаях конструкция *тот/который* вытеснялась конструкцией *тот/кто*; конструкция *тот/который* удержалась в употреблении только при наличии в ближайшем предшествующем или последующем контексте опорного существительного или личного местоимения.

Того, которого вы знали, Того уж Вяземского нет (Вяземск,. Эпитафия себе заживо); И *та, которую* каждый из нас любил — она была тут — невидимо и близко (Тург., Лазурн. царство); Около них вертелись босоногие ребятишки, особенно *те, которые* еще не успели отведать заводской работы (М.-Сиб., Горн. гнездо, X).

Таким образом, сочетание *тот/который*, закрепившееся в литературном языке в качестве основного средства оформления присубстантивно-определительных конструкций, постепенно перестает быть одним из средств оформления местоименно-относительных конструкций. Тем самым модель *тот/кто* стабилизируется в качестве нормативного средства их оформления.

Наряду с моделью *тот/который* для литературного языка XVIII и первых десятилетий XIX в. характерно употребление модели местоименно-относительной конструкции, оформленной посредством сочетания местоимения *такой* в функции сказуемого главной части с придаточной частью, присоединяемой относительным местоимением *который*.

Многие зрелища бывают здесь *такие, которые* могут похвалиться только первым сбором (Крыл., Почта духов, XLIV); Все сии приведенные для примера здесь выписки из священных писаний отнюдь не *такие, которые* бы с особливым старанием выбраны были (Шишк., Рассужд.).

§ 16. В литературном языке первой половины XIX в., так же как и в XVIII в., в местоименно-относительных конструкциях, образованных по модели *так/как* с общим значением сопоставления местоимение *так* могло, тесно смыкаясь с придаточной частью, входить в ее состав. Это наблюдается в тех случаях, когда сказуемое придаточной части лексически повторяет сказуемое главной части или является его семантическим вариантом. В первом случае придаточная часть может иметь форму неполного предложения.

В стихотворении, *так как* и во всех вещах, может господствовать мода (Радищ., Путеш., Тверь); Может быть и он... видел меня, хотя темно, однакож видел, *так как* я видела его в душе моей (Карамз., Нат. боярск. дочь); Жуковский по преимуществу романтик, *так как* Державин по преимуществу классик (Белинск., Полевой. Очерки русск. лит-ры [рец.]); Плохими сочинениями нельзя прославиться, *так как* не про-

славился своими Николев (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

В конструкциях подобной структуры местоимение *так* становилось излишним и опускалось.

Сии горы остановили теперь европейское просвещение, *как* некогда остановили они исламизм (Моск. телеграф, 1825, № 6); Незапному его там появлению изумились, *как* удивились бы появлению преступника, сорвавшегося с цепи (Лажечн., Лед. дом, 4, XI); Она исчезла, *как* исчезает от нас будущность в потемках неба и завтрашнего дня (Н. Павл., Ятаган, XII); Поэзия [Пушкина] относится к поэзии всех предшествовавших ему поэтов, *как* достижение относится к стремлению (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., I).

Тесное объединение неакцентированного местоимения *так* с придаточной частью наблюдалось при контактном положении соотносительных местоимений и в случаях препозиции и интерпозиции придаточной части.

Темира вызвал он, с Темиром он сразился, И *так, как* глыба с гор, с ним вместе мертв свалился (Озеров, Дим. Донск., V, 2); *Так, как* немец все без разбору уважает в Англии, француз протестует против всего и ненавидит все английское (Герц., Б. и д., 6, III).

§ 17. Сложноподчиненные предложения с соотносительным словом *от того* в главной части в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. служили средством выражения объектно-причинного отношения между главной и придаточной частью[35], в которой объект, указанный соотносительным местоимением, раскрывается как причина действия, выраженного сказуемым главной части.

Узрел, что бедствия происходят от человека, и часто *от того* только, *что* он взирает непрямо на окружающие его предметы (Радищ., Путеш., [Посвящение]); Сие рабство жен происходило, кажется, *от того, что* мужья обыкновенно покупали их (Карамз., И. Г. Р., I, III); Климат здесь холоднее тулонского и иерского. Не *от того* ли, *что* здесь дует иногда mistral (Моск. телеграф, 1825, № 7).

Это значение спорадически сохраняется и в литературном языке XIX в. в тех случаях, когда местоимение удерживает указательное значение, не сливаясь с предлогом *от* и не образуя единого сложного причинного союза.

А я и не подозревала, что у меня печальный вид. Я думаю, это *от того* происходит, что я одна, все одна (Тург., Накануне, XVI); Ему ясно стало теперь, что все то страшное зло, которого он был свидетелем в тюрьмах и острогах, и спокой-

[35] Ср.: М. С. Бунина. Из наблюдений над сложными причинными союзами современного русского литературного языка. «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. XLII, вып. 4, 1957, стр. 189 и сл.

ная самоуверенность тех, которые производили это зло, произошло только *от того*, что люди хотели делать невозможное дело: будучи злы, исправлять зло (Л. Толст., Воскрес., 3, XXVIII).

УПОТРЕБЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ МЕСТОИМЕННО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В XIX в.

Местоименно-относительные конструкции с препозицией придаточной части

§ 18. Конструкция *кто/тот* употреблялась в литературном языке последних десятилетий XVIII в. в двух структурных разновидностях: без осложнения какими-либо частицами в главной или придаточной части конструкции и осложненная результативно-сопоставительной частицей *и* перед сказуемым или другим логически выделяемым членом в главной, опорной части конструкции. В первом случае конструкция имела условное значение, во втором случае на условное значение наслаивалось значение соответствия [37]. Ср.:

Кто не испытал нежной силы подобных воспоминаний, *тот* не знает весьма сладкого чувства (Карамз., Рыц. нашего вр., 6) и: *Кто* мил царевне, *тот* мил *и* твоим подданным (Карамз., Прекрасн. царевна и щастл. Карла).

Конструкции, образованные по модели *кто/тот* с устойчиво дистантным положением местоименных формативов, не имели в литературном языке XIX в. развития в своем традиционном структурном оформлении и употреблялись преимущественно при построении обобщающих формулировок афористической речи.

Кто не умеет беречь отцовское наследство, *тот* все-таки умрет в нищете (Пушк., Пиков. дама, III); *Кто* заключил в себе талант, *тот* чище всех должен быть душою (Гоголь, Портрет, II); *Кто* враждует, *тот* сердится, а *кто* сердится, *тот* чувствует, что он неправ (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); *Кто* изучает науку основательно, *тот*, конечно, обращается к самым источникам науки, а не к популярным сочинениям (Писарев, Реалисты, XXXIV); *Кого* я действительно уважаю, *тех* люблю сильно (Черн., п. Солдатенкову, 28 дек. 1888).

Ср. примеры с частицей *и*:

И я теперь знаю, Соня, что *кто* крепок и силен умом и духом, *тот* над ними *и* властелин! *Кто* много посмеет, *тот* у них

---

[37] Карцевский отмечал, что в таких случаях «присутствие *и* подчеркивает соотношение аналогии между двумя частями фразы, мотивируемое значением итога во втором предложении» (С. О. Карцевский. Бессоюзие и подчинение в русск. языке.— ВЯ, 1961, № 2, стр. 131).

и прав. *Кто* на большее может плюнуть, *тот* у них *и* законодатель, а *кто* больше всех может посметь, *тот и* всех правее! (Дост., Прест. и наказ., 5, IV).

Отсутствие в главной части соотносительного местоимения *тот* мотивировалось в XIX в. некоторым снижением литературности речи.

[София] *Кого* люблю я, не таков: Молчалин за других себя забыть готов (Гриб., Горе от у., I, 5); *Кто* раз любил, уж не полюбит вновь; *Кто* счастье знал, уж не узнает счастья (Пушк., К*** [Не спрашивай, зачем унылой думой]); *Кто* идет на риск, должен быть готов не моргнуть, если вынется проигрыш (Черн., Что делать?, V, 5).

§ 19. Конструкция *что/то*, также с устойчиво дистантным положением местоимений, выступала в XIX в. в двух смысловых вариантах. В одном варианте (*а*) первая часть конструкции обусловливает вторую; в другом (*б*) вторая часть конструкции сопоставляется с первой, выражая значение соответствия. В случаях варианта *а* конструкции данной модели являются синонимами условным конструкциям (модели *если/то*); в случаях варианта *б* они были синонимичны сопоставительным конструкциям, образованным по той же модели, но имеющим связанный характер.

а) *Что*, казалось, вело к его гибели, *то* послужило к выгодам его (Лажечн., Лед. дом, 4, 5); *Что* в народе бессознательно живет как возможность, *то* в гении проявляется как осуществление, как действительность (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); *Что* отжило свой век, *к тому* не обратятся живые силы, *то* не будет предметом любви и восхищения для людей тупых и своекорыстных (Черн., Капитал и труд).

б) *Что* первый хотел сделать строгою дисциплиною, *то* последний старался приобрести любовью и кротостью (Моск. телеграф, 1825, № 8); *Что* Жуковский сделал для содержания русской поэзии, *то* Батюшков сделал для ее формы (Белинск., Соч. Пушк., 3).

Конструкции варианта *а* могли получать результативно-сопоставительный оттенок в своем условном значении при наличии усилительной частицы *и* перед сказуемым второй части. Такие конструкции, свойственные преимущественно разговорной речи, в XIX в. употреблялись относительно редко.

Чего я опасался, *то и* случилось (Пушк., К. д., XII); У нас ведь как? У нас *что* падает, *то* уж *и* лежит. У нас *что* раз упало, *то и* вовеки лежи (Дост., Бр. К., 2, VIII); *Что* он хочет, *то* и делает (Чех., Детвора).

§ 20. Местоименно-соотносительная конструкция *как/так* с дистантно расположенными качественно-указательными наречиями *как* и *так* имела в литературном языке XIX в. исторически унаследованное значение сопоставления. Эта модель была упот-

ребительна в языке пословиц, например: *Как* аукнется, *так* и откликнется; *Как* поживешь, *так* и прослывешь и т. п. В литературном языке XIX в. она была малопродуктивной и употреблялась как в структуре простого слитного предложения, так и в структуре сложноподчиненного предложения. В зависимости от содержания предложения и соответствия между предикативными членами частей, такие конструкции получили значение меры и степени или сравнения.

Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, *так* Марфа в Новегороде воспаляла умы и сердца (Карамз., Марфа Посадн., 3); *Как* он был разговорчив за вином, *так* после сделался молчалив и во всю дорогу спал (Н. Павл., Именины); *Как* Чапурин верховодил в Осиповке, *так* Иван Григорьевич в своем Вахореве (М.-Печ., В лесах, 1, 10); *Как* определенно и неизменно частица воды на холоде получает известную форму снежного кристалла, *так* точно каждое новое лицо, приезжавшее на воды, тотчас же устанавливалось в свойственное ему место (Л. Толст., А. К., 2, XXX).

Как и в других случаях, при наличии усилительной частицы *и* в главной части подчеркивалось значение соответствия, без перехода, однако, к значениям меры и степени или сравнения. При этом местоименное сочетание *как/так и* имеет тенденцию перейти в союзное сочетание (двойной союз).

Как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою «Историю» Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года Ж(уковского), перевод «Илиады», несколько цветов элегической поэзии,— *так и* наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия (Пушк., Опыт отражения некоторых нелит. соч.); Они постигли великую тайну, что *как* карты созданы для человека, *так и* человек создан для карт (В. Соллог., Тарантас, VI); *Как* хороший каллиграф не имеет своего почерка, а имеет все, *так и* актер не должен иметь на сцене своей походки и посадки, а должен иметь всякие (Остр., О театр. школах); Он был убежден, что *как* утка сотворена так, что она всегда должна жить в воде, *так и* он сотворен богом так, что должен жить в тридцать тысяч дохода (Л. Толст., В. и м., 2, 5, XI).

§ 21. Удерживающая условный оттенок значения конструкция *каков/таков* в XIX в. используется обычно с усилительной частицей *и* как устойчивая формула с основным значением сопоставления. Это значение в качестве устойчивой формулы сохраняется за данной конструкцией и в книжной — публицистической и научной речи XX в.

Каков я прежде был, *таков и* ныне я, беспечный, влюбчивый (Пушк., Каков я прежде был...); *Каков* сват, *таков и*

жених (Пушк., А. П. В., V); *Каков* у кого характер, *такова и* судьба (Тург., Новь, 1, XIX).

Качественно-относительные конструкции модели *какой/такой* (с препозицией придаточной части) имели в литературном языке XIX в. ограниченное употребление и могут рассматриваться как случаи инверсивного расположения частей по отношению к конструкции *такой/какой* (см. § 25).

Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда *такою* в моей памяти (Тург., Стой!).

Местоименно-относительные конструкции с постпозицией придаточной части

§ 22. В отличие от местоименно-относительных конструкций с препозицией придаточной части, конструкции, построенные по формуле *т/к*, в литературном языке XIX в. имели не только широкое распространение, но и определенную линию развития. В употреблении этих конструкций отмечаются следующие семантические и структурные изменения.

1. В литературном языке первой половины XIX в., а спорадически и позже местоимения в данных конструкциях имели не обобщенное, а конкретно-указательное значение, обозначая определенные лица.

А *тому, кто* вас послал, скажите, что ему должно быть стыдно (Пушк., Пиков. дама, III); Он спесиво взглянул на *того, кто* назывался его собратом (Пушк., Егип. ночи, I); — Ну скажи, что бы ты дал *тому, кто* тебе ее подарил бы? (Лерм., Бэла); К суду и *тот, кто* молвил слово, И *тот, кем* он внимаем был (Жуковск., Ивиковы журавли); В глубоком раздумье застал Зуда *того, кого* весь город почитал первым счастливцем (Лажечн., Лед. дом, 4, 8); *Те, кто* не кидал и даже пытался образумить товарищей, теперь заодно с кидавшими (Корол., Ист. моего совр., 1, XXII).

Наряду с этим в литературном языке первой половины XIX в. и на всем его протяжении отмечается все развивающееся употребление данной структурной модели с обобщенным значением местоимений *тот* и *кто*.

Счастлив *тот, кому* платою за сие бывает благодарность и признательность (Моск. телеграф, 1825, № 7); Этот подвиг совершит только *тот, кто* заслужит двойной венец (Отеч. зап., 1839, т. I); *Тому, кто* родился богатым, надо получить от природы особенное призвание к какой бы то ни было деятельности, чтобы не праздно жить на свете (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г.); Хотелось бы хвалить *тех, кто* у престола стоя, правду говорить не разучился (Леск., Захуд. род, I, 21); Власть дается только *тому, кто* посмеет наклониться и взять ее (Дост., Прест. и наказ., 5, IV).

Во второй половине XIX в. конструкции с этим значением становятся особенно многочисленными.

Примечательно, что в огромном большинстве случаев конструкции модели *тот/кто* выступают с контактным положением местоименных формативов при явном тяготении к тесному объединению их в цельные соотносительные выражения, функционирующие в качестве единого члена слитного предложения[38]. Случаи дистантного положения местоимений в этой конструкции в XIX в. относительно редки.

Тот уже может быть доволен, *кто* не утратил веры в добро (Тург., Двор. гнездо, Эпилог); Теперь *тот* и лучше, *кто* меньше делает вреда (Остр., п. А. С. Суворину, 11 янв. 1884).

§ 23. Широкое распространение в книжной речи имели конструкции, образованные по модели *то/что*. На всем протяжении XIX в. они могли употребляться с конкретно-указательным значением местоименных формативов.

Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю *то, что* ты и не воображаешь (Пушк., Дубр., XVI); Не признаю художеством *того, что* лепится строчка за строчкой (Гоголь, Портрет, I); По-видимому и *то, что* он отыскал на дворе, совершенно его удовлетворило (Дост., Двойник, I); *То, что* вы прочли в «Голосе», не совсем *то, что* было у меня (Ц. Кюи, п. Э. Ф. Направнику, 6 янв. 1882. ЛК); Ей недоставало *того, чего* слишком много было в Кити — сдержанного огня жизни и сознания своей привлекательности (Л. Толст., А. К., 2, XXX).

Но наряду с конкретно-указательным значением в XIX в. в этих конструкциях развивается употребление местоименного формператива *то* в обобщенном значении тождества с содержанием придаточной части.

Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги и что не имел случая приобрести сам собою *то, что* было раз упущено (Пушк., Ист. с. Г.); Но один только бог может заставить ее делать *то, что* ему угодно (Гоголь, Страшн. месть, IV); Надобно различать *то, что* чувствуется на самом деле от *того, что* только говорится (Черн., Эстетич. отнош. искусства к действит., Авторецензия); На лице было выражение того, что *то, что* нужно было сделать, сделано (Л. Толст., Смерть Ив. Ильича, I); *То, что* в ее словах было справедливо, казалось ему необыкновенным, изумительным; *то* же, *что* расходилось с его убеждениями, было, по его мнению, наивно и умилительно (Чех., Учитель словесности).

Случаи с раздельным положением местоимений (*то... что*) в XIX в. единичны и каждый раз мотивируются потребностью внести в предложение значение сопоставления.

[38] Ср. то, что Шмилауэр в применении к современному чешскому литературному языку называет výrazy souvztažné (V. Šmilauer. Novočeská skladba. Praha, 1947, стр. 27).

Только *то* живо и вдохновительно, *что* имеет в себе мысль, *что* проникнуто духом (Белинск., «Очерки Бородинск. сражения» Ф. Глинки [рец.]); Не показывает и виду, что ему и *то* известно, *чего* не подозревает самый проницательный становой (Тург., Певцы).

При наличии частицы *же* после соотносительного местоимения *то* в конструкциях, образованных по моделям *то же/что, то же самое/что* (с различными падежными формами местоимений), значение тождества, идентичности подчеркивалось самым структурным оформлением данной конструкции.

Все молчать в кругу незнакомых было для меня *то же, что* громко говорить при всех (Н. Павл., Именины); Вводить реализм в музыку *то же, что* вводить поэзию в алгебру (Вяземск., Ст. зап. кн., 131); Он для русского искусства *то же, что* Ломоносов для русского просвещения вообще (Гонч., Мильон терзаний); Редкий человек под конец жизни не испытывает *того же, что* я теперь (Чех., Палата № 6, XVI).

Более ограниченное употребление имел в XIX в. структурно-семантический вариант данной конструкции, образуемый по модели *ничто, что-нибудь, что-то такое/что*, в котором в качестве соотносительного слова в главной части выступало отрицательное или неопределенное местоимение в сочетании с указательным местоимением *такое*.

Не правда ли, во мне нет *ничего такого, что* бы исключало уважение? (Лерм., Кн. Мери, 24 июля); Он не любил тех людей, которые знают *что-нибудь такое, чего* он не знал (Гоголь, М. д., 2, II); Просим извинения у г.г. славянофилов, если мы приписали им *что-нибудь такое, что* они не думали или не говорили (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); Говорила *что-то такое, чего* нельзя было понять (Чех., Расск. неизв. чел., IX).

§ 24. Местоименно-соотносительные конструкции, придаточная часть которых, вводимая местоименным наречием *как*, прикреплялась к качественному местоименному наречию *так* в главной части, употреблялись в XIX в. в двух структурных вариантах.

а) В относительно редких случаях дистантного расположения местоимений конструкция *так/как* употреблялась при выражении сопоставления между главной и придаточной частью, причем сказуемое придаточной части или совпадало со сказуемым главной части по своему лексическому выражению или было его семантическим вариантом.

Так в жизни не глядели глаза, *как* они глядят у тебя (Гоголь, Портрет, II); *Так* ли мы должны понимать самую пьесу, *как* ее понимают некоторые исполнители (Гонч., Мильон терзаний).

б) Во втором, более распространенном варианте, при контактном расположении местоимений на стыке между главной и при-

даточной частью местоимение *так* акцентировалось и придаточная часть, более тесно примыкавшая к главной части, уже не выражала сопоставления, а только раскрывала содержание местоимения *так*, выражая соответствие придаточной части высказанному в главной части.

Они любят друг друга *так, как* я люблю тебя (Карамз., Нат. боярск. дочь); Все произошло, однако, *так, как* говорил рыженький (Григорович, Антон Горемыка, V); Все формы церковнославянского языка должны были оставаться *так, как* они суть (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II); Предавая своих друзей, должен был с ними хитрить *так, как* хитрит охотник с дичью (Герц., Б. и д., 6, VIII); Он полюбил его *так, как* не любил самой Маши (Тург., Конец Чертопх., V); Дело нового устройства своего хозяйства занимало его *так, как* еще ничто никогда в жизни (Л. Толст., А. К., 3, XXIX); Только при этом условии дела пойдут *так, как* он того хочет (Черн., Кавеньяк, II); Пишите во все лопатки и *так, как* вам в данную минуту писать хочется (Чех., п. И. А. Леонтьеву, 18 июля 1888).

§ 25. В особую структурную модель выделяются в XIX в. местоименно-относительные конструкции, в которых местоимениям *такой* (*таков*) в функции сказуемого главной части соответствует придаточная часть, присоединяемая относительными местоимениями *какой* (*каков*).

Использование при построении данной конструкции соотносительных местоимений *таков/каков*, наблюдаемое в XVIII в., в XIX в. отмечается только спорадически.

[О с к о л ь д] И ныне я *таков, каков* доныне был (Сумаров., Семира, II, 10); Один только я остался *таков же, каков* был и при вас (Д. М. Свистунов, п. Державину, 14 апр. 1766); Он, кажется мне, *таков же* возвратился из своего путешествия, *каков* и поехал (А. А. Плещеев, п. А. М. Кутузову, 11 ноября 1790). Ср. позднее: В своей деятельности я был мягок как воск и кроток как дитя, т. е. *таков, каков* я есть на самом деле (Остр., п. М. Н. Островскому, 9 марта 1885).

В первой половине XIX в. имеет место построение данной конструкции посредством местоименных сочетаний: *таков/какой* и *такой/каков*.

И отец представился его воображению *таков, каким* он возвратился из Москвы (Лерм., Вадим, VI); Он опять *таков, Каким* явился меж рабов Великому царю вселенной (Лерм., Демон, II, IX, вариант); Там следует быть *не таким, каков* он есть (Н. Павл., Ятаган, V). Ср. позднее: Я совсем *не таков, каким* кажусь с первого взгляда (С.-Щ., Помп. и помпадурши, VI).

Для второй половины XIX в. характерно построение данной конструкции по модели *такой/какой*.

Я нашел Асю *такою же, какою* ее оставил (Тург., Ася, V); Разве вы *такая, какою* теперь представились? (Дост., Идиот, 1, X); Она была *такою, какою* была всегда (Гонч., Обрыв, 3, XV).

Структурным вариантом данной модели были случаи ограниченного употребления, когда местоимению *такой* (*таков*) главной части соответствовало в придаточной части наречие *как*.

Мы все делали, чтоб он у нас стал *таков, как* изволишь его видеть (Фонв., Недоросль, IV, 8); Да ведь это *не такая* шарманка, *как* носят немцы (Гоголь, М. д., 1, IV).

Местоимение *такой* в подобных конструкциях могло отсутствовать, и придаточная часть подвергалась фразеологизации.

Мы должны требовать от искусства, чтобы оно показывало действительность, *как она есть* (Белинск., Герой н. вр., 1840); Возьми меня, *как я есть*, люби во мне, что есть хорошего (Гонч., Обл., 3, XI).

УПОТРЕБЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В XIX в.

§ 26. Местоименно-союзные конструкции формировались в XIX в. на базе указательных местоимений *так, такой, столько, настолько,* предложно-местоименных сочетаний *до того, за то* в главной части в сочетании с союзами *что, как будто* — в придаточной части. Все эти конструкции становились в литературном языке XIX в. в той или иной мере разнообразными по структуре средствами выражения специфических функциональных отношений между главной и придаточной частью (степени, следствия, сравнения, причинной связи).

Генетически исходным структурным выражением первого типа конструкции, имевшим распространение в первой половине XIX в., была модель *так/что* (с конечным положением акцентированного местоимения *так* в главной части). В конструкциях этой модели придаточная часть конкретизировала общеуказательное значение местоимения *так*.

Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых *так, что* иностранец не мог путешествовать по их земле без вожатого (Карамз., И. Г. Р., II, III); Поднос в руках служанки дрожит *так, что* питье плещет через край стакана (Лажечн., Лед. дом, 4, 9); [Окна] были заставлены и загромождены снизу *так, что* давали свет только с одной верхушки (Гоголь, Портрет, II); Ударила его по спине *так, что* руку себе ушибла (Л. Толст., Казаки, XXXVIII); Стукнув рукой по столу *так, что* бутылка рейнвейна упала и разлилась (Л. Толст., Два гусара, VII); Ударил кулаком по столу *так, что* чашки зазвенели (Дост., Униж. и оскорбл., 1, XIII).

Вторым структурным вариантом данной конструкции была модель *так*/...*что* — с дистантным положением местоимения и союза: в этом случае местоимение подчеркивалось уже своей позицией перед сказуемым главной части конструкции, а придаточная часть соотносилась при посредстве местоимения *так* со всей группой сказуемого главной части. Эта модель, получившая широкое распространение в XIX в., требовала для себя мотивировки в предикативном строе предложения и выражала более сложное соотношение между главной и придаточной частью.

Многие из них *так* утончили чувства, *так* перемешали все идеи ума и сердца, *что* они кажутся у них лишенными всей силы, всей сущности (Моск. телеграф, 1825, № 8); Я *так* был занят, *что* не поднял и глаз (Пушк., Ист. с. Г.); Графиня *так* была стара, *что* смерть ее никого не могла поразить, и *что* ее родственники давно смотрели на нее как на отжившую (Пушк., Пиков. дама, V); И все это *так* смешалось и *так* было неизобразимо хорошо, *что* расцеловать ее миллион раз, вот все, что можно было сделать тогда наилучшего (Гоголь, Ночь перед рождеством); Нам *так* нравится «Слово о полку Игоревом» в его настоящем виде, *что* не можем без неприятного чувства смотреть на его переделки (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); Жизнь так широка и многогранна, *что* в ней человек почти всегда найдет досыта всего, искать чего чувствует сильную и истинную потребность (Черн., Эстетич. отнош. искусства к действит.); Она *так* посмотрела на генерала, *что* тот только махнул рукой (М.-Сиб., Горн. гнездо, XII).

Третьим структурным вариантом данной конструкции, возникающим на базе второго, является модель, в которой местоимение *так*, предшествующее качественному наречию, определяющему сказуемое главной части, так тесно смыкается с этим наречием, что придаточная часть соотносится уже не непосредственно со сказуемым главной части, а с наречием, примыкающим к сказуемому: *так сильно ударил, что*... В отдельных случаях наречие в таких конструкциях является предикативным, а глагол-сказуемое отсутствует.

Они *так* близко один от другого, *что* издалека почтешь кучу их большим горбом (Моск. телеграф, 1825, № 7); Майор ущипнул себя *так* больно, *что* сам вскрикнул (Гоголь, Нос, 2); Кругом было тихо, *так* тихо, *что* по жужжанию комара можно было следить за его полетом (Лерм., Бэла); Впрочем, об этом произведении было *так* много говорено во всех журналах, *что* новые подробные толки о нем уже не могут быть интересны для публики (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); Вечером прибыли в Ниццу. *Так* тепло, *что* жарко (Вяземск., Ст. зап. кн., 10); Им сделалось вдруг *так* хорошо обоим, *что* они даже побоялись остаться вдвоем (Тург., Двор. гнездо, XXXIII); Молния блеснула *так* широко, *что* Егорушка сквозь

щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали (Чех., Степь, VII).

Во всех этих вариантах значение соответствия осложняется в XIX в. значениями следствия и степени. В первом варианте это контаминированное значение обусловливается акцентуацией местоимения *так*, завершающего главную часть. Во втором варианте наличие этого контаминированного значения обусловливается самой структурой модели и только подчеркивается акцентуацией местоимения *так*. В третьем варианте свойственное данной модели значение степени обусловлено отнесением местоимения *так* к качественному наречию.

§ 27. Местоименно-союзные конструкции с местоимением *такой* (*таков*) в главной части, конкретное содержание которых раскрывается придаточной частью, присоединяемой к главной союзом *что*, имели широкое распространение в повествовательных жанрах первой половины XIX в. Так же, как в конструкциях, образованных по модели *так/...что*, значение соответствия в таких конструкциях осложнялось значением степени или, реже, следствия.

Сделалась *такая* метель, *что* он ничего не взвидел (Пушк., Метель); Потеха была *такая, что* государыня забыла свою болезнь и хохотала до слез (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); Многие свойства и качества Сперанского были *таковы, что* вполне оправдывали сочувствие и пристрастие Александра (Вяземск., Ст. зап. кн., 128); В полудетских ее чертах выражалось *такое* доброжелательное радушие, *такая* заботливая покорность, *такая* глубокая, святая ничем не развлеченная любовь, *что* уже глядя на нее каждый человек должен был становиться лучше (В. Соллог., Тарантас, XX); Ночь была теплая, темная, *такая, что* ни зги не видать, хотя и звездная (Гонч., Фр. «Пал.», I, 4); А голос у него был *такой, что* его всегда было слышно за три комнаты (Л. Толст., Два гусара, III); Вся его комната была *такого* размера, *что* можно было снять крюк, не вставая с постели (Дост., Прест. и наказ., 2, I); Внизу нелюдимо блестела вода, носились с жалобным писком кулики и всегда тут было *такое* настроение, *что* хоть садись и балладу пиши (Чех., Черн. монах, I).

Значительно менее продуктивными в XIX в. были конструкции, образованные посредством сочетания адъективных местоимений *такой, тот* в главной части с придаточной частью, вводимой союзами *как* и *как будто*. Конструкции этой модели имели гибридную присубстантивно-соотносительную структуру и в течение XIX в. постепенно утрачивали продуктивность.

Иван Васильевич поскакал с *такой* неимоверной быстротой, *как* ему никогда еще не приходилось (В. Соллог., Тарантас, XX); Влияние Ломоносова на русскую литературу было *такое же* точно, *как* влияние Петра Великого на Россию

вообще (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); Но беседа у них завязалась *такая, как будто* они совершенно поверили друг другу (Тург., Отцы и дети, XXV); Тут дымились чайники, кофейники *той* формы, *как* вы видите их на фламандских картинах (Гонч., Фр. «Пал.», I, 4).

§ 28. Общее значение сравнения с модальным оттенком возможности получили в XIX в. конструкции, образованные сочетанием местоимения *так* в главной части и союзом *как будто* в придаточной части.

Сел опять в кресла *так* смело и *так* решительно, *как будто* не хотел никогда вставать с них (Н. Павл., Ятаган, VII); Слушала его *так, как будто* то, что он ей говорил, было очень весело и вместе с тем несколько печально (Л. Толст., Два гусара, VI); И «шпынял» он *так, как будто* имел на то право, *как будто* мстил за что-то (Тург., Степн. король Лир, V); Лысина была кругла, чиста и. *так* лоснилась, *как будто* была выточена из слоновой кости (Гонч., Обл., 1, VIII); Митенька вздохнул *так, как будто* бы ему было очень жарко (С.-Щ., Помп. и помпадурши, V); Крякнул *так, как будто* выпил хороший стакан водки (Чех., Степь, VII).

§ 29. В особую структурную группу выделяются в XIX в. местоименно-союзные конструкции, в которых придаточной части, вводимой союзом *что*, соответствовало в главной части сочетание субстантивированного указательного местоимения *тот* с предлогами *до, за*.

Наряду с моделью *так/что* в первой половине XIX в. получила распространение и модель *до того/что* с указанием в придаточной части на предельную степень конкретного выражения того признака, который обозначен в сказуемом главной части.

Шумят *до того, что* в ушах трещит (Лажечн., Лед. дом, 1, 1); Я употребляю французское слово, потому что наше «благоволение» затаскалось *до того, что* его смысл исказился и оподлел (Герц., Б. и д., 6, X).

Во второй половине XIX в. мы находим эту модель у Достоевского, но уже с акцентуацией местоимения *до того*, т. е. с определенным назначением подчеркнуть крайнюю степень выражения признака.

Конечно, тяжела минута перед наказанием, тяжела *до того, что*, может быть, я грешу, называя этот страх малодушием и трусостью (Дост., Зап. из М. дома, 2, I); Князь... был ослаблен и поражен *до того, что* не мог даже выговорить слова (Дост., Идиот, 1, XIII); Он остался собою совершенно доволен, *до того, что* и следов недавнего раздражения не осталось в душе его (Дост., Бр. К., 2, VIII).

Модель *до того/что*, в которой сочетание *до того* предшествует сказуемому, также выступает в XIX в. как вполне сложивше-

еся синонимическое соответствие модели *так/что* с подчеркнутым значением крайней степени конкретизируемого в придаточной части признака, выраженного сказуемым главной части.

До того развеселился, *что* сам предложил какой-то тост (Пушк., Гробовщик); Симский сделался *до того* болен, *что* должен был снова расстаться со своим полком (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. ст., 2, V); Пальмерстон был *до того* уверен в своем торжестве, *что*, улыбаясь, ждал счета голосов (Герц., Б. и д., 6, IV); Есть натуры *до того* прекрасные от природы, *до того* награжденные богом, *что* даже одна мысль о том, что они могут когда-нибудь измениться к худшему, вам кажется невозможною (Дост., Зап. из М. дома, 1, IV); Но она была *до того* счастлива, *что* почти испугалась своего счастья (Дост., Прест. и наказ. Эпилог, II).

§ 30. Местоименно-союзные конструкции, в которых придаточная часть прикрепляется союзом *что* к предложно-местоименному сочетанию *за то*, выдвигаются в XIX в. в качестве средства образования сложноподчиненных предложений с причинным оттенком значения.

Это был ангел, изгнанный из рая *за то, что* слишком сожалел о человечестве (Лерм., Вадим, III); Он ненавидит Наташу *за то, что* его сын Алеша хотел на ней жениться (Дост., Униж. и оскорбл., 4, VI); Думала о том, что это бог ее наказывает *за то, что* она обманывала мужа (Чех., Попрыгунья, VIII).

Итак:

1. В ходе развития местоименно-соотносительных конструкций типа *т/к* в последние десятилетия XVIII в.— первой половине XIX в. отмечаются: 1) тенденция к морфологическому выравниванию средств связи между главной и придаточной частью путем устранения разноформенных сочетаний (*тот/который* → → *тот/кто; такой/который* → *такой/какой; столько/как* → *так/как*); 2) тенденция к устранению неоднозначности сочетаний при выражении их одними и теми же средствами связи (постепенное отмирание употребления конструкций *столько/сколько*; *столько/что* в двух значениях: более широком — меры и степени и более узком — количественном значении; замена конструкций с данными сочетаниями в значении меры и степени конструкциями *настолько/насколько; настолько/что*; 3) устранение омонимии между средствами связи в местоименно-соотносительных и развивающихся причинно-следственных конструкциях путем выхода из употребления конструкции *так/как* в сопоставительном значении и *оттого/что* в значении причинно-объектного соотношения.

2. Местоименно-относительные конструкции типа *к/т* с устойчиво дистантным положением местоименных формативов (*кто.../тот*; *что.../то*; *как.../так*; *каков.../таков*) сохраняли при

общем сопоставительном значении оттенок условного значения, а при наличии частицы *и* — значение соответствия.

3. В местоименно-соотносительных конструкциях типа *т/к (тот/кто; то/что; так/как; такой(таков)/какой(каков)* наблюдается отчетливо выраженное тяготение к тесному объединению местоименных формативов в их контактном положении.

4. Местоименно-союзные конструкции, образованные по моделям *так/что; настолько/что; такой/что; так/как будто; до того/что; за то/что,* при акцентуации местоимения становятся в XIX в. формальными средствами выражения функциональных отношений степени, следствия, сравнения, причинной связи.

РАЗВИТИЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.

§ 31. В русском литературном языке последних десятилетий XVIII — первых десятилетий XIX в. изъяснительные конструкции [39] выступают в двух основных структурных разновидностях: союзного и относительного подчинения. В изъяснительных конструкциях союзного подчинения придаточная часть прикреплялась к изъяснительному глаголу (а также отглагольному существи-

[39] Изъяснительные конструкции в качестве отдельного структурного типа сложноподчиненных предложений в русском языке выделены В. А. Богородицким («Общий курс русской грамматики», стр. 233—234). Примечательно, что еще Буслаев («Ист. грам.», § 265, стр. 526) отрицал наличие в русском языке изъяснительных конструкций особого структурного типа, считая, что «во всех случаях надобно подразумевать частицу *то*, где бы ни стоял союз *что*, напр., *говорит, что придет* (т. е. говорит *то, что)*», и таким образом сводя изъяснительные конструкции к тому структурному типу, который может быть назван местоименно-относительным. Буслаеву справедливо возражал К. Аксаков, не видя никакой надобности подразумевать *то* в случаях типа «говорит, что придет» (К. С. Аксаков. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева.— В кн.: К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. 2, ч. 1. Соч. филол. М., 1857, стр. 626). См. также: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русск. языка. СПб., 1912, стр. 300; В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русск. языка», т. II. М.— Л., 1950, стр. 62; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I. Изд. 5. Киев, 1952, стр. 352—355; А. К. Федоров. Значение и употребление подчинительных союзов *что* и *чтобы* в совр. русск. языке. Канд. дисс. Л., 1951; Н. С. Поспелов. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы, стр. 23—24; С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов. Указ. соч., стр. 18—19; Ван Фусян. Сложные предложения с изъяснительной придаточной частью в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. М., 1959. Ср.: J. Bauer. Указ. соч., § 82, стр. 115—117. J. Ružička. Podrudovacia spojka že. «Jazykovědné št.», III, Bratislava, 1958, стр. 321—356; М. У. Каранська. Сполучники *що щоб* і граматичні конструкції з ними в сучасній українській літературній мові. Київ, 1962; W. Boeck. Zum Tempusgebrauch des Russischen in Objekt- und Subjektsätzen.— Z. f. S., 1957, Bd II, Hf. 2.

тельному), безлично-предикативному слову с модальным значением, фразеологическому сочетанию с модальным или изъяснительным значением — посредством изъяснительных союзов *что, чтобы, как, как будто,* модальных союзов-частиц *будто, будто бы.* В изъяснительных конструкциях относительного подчинения придаточная часть, имеющая форму косвенного вопроса, прикреплялась к изъяснительному глаголу главной части посредством относительного местоимения, включаемого в состав придаточной части в качестве ее зависимого члена.

Эти конструкции разграничиваются не только по формальным признакам — средствам связи между главной и придаточной частью. Основное различие между ними — в характере выражаемого в них модального соотношения между главной и придаточной частью. Если в изъяснительно-относительных конструкциях придаточная часть имеет модальное значение косвенного вопроса, то в изъяснительно-союзных конструкциях она выступает со значением косвенного утверждения. Ср.:

Я знаю, что́ он ответил на этот вопрос

и

Я знаю, что он отве́тил на этот вопрос.

Как показывают наблюдения над интонацией, при изъяснительно-относительном подчинении связь между частями сложного предложения оказывается менее тесной, чем при изъяснительно-союзном подчинении. В первом случае в конце главной части имеет место понижение тона и разделительная пауза, а во втором — восходящая интонация без разделительной паузы.

Несмотря на глубокие структурные, смысловые и интонационные различия, обе эти разновидности объединяются тем, что их придаточная часть восполняет структурно-семантическую недостаточность главной части, представляющей лишь «своеобразно препарированную часть простого предложения» [40].

В русском литературном языке последних десятилетий XVIII и первых десятилетий XIX в. изъяснительные конструкции союзного и относительного подчинения представлены большим количеством моделей, сохранившихся на всем протяжении XIX в. В их составе в качестве основных групп выделяются: 1) глагольные [41] изъяснительные конструкции с опорными глаголами, именами существительными, краткими прилагательными и словами категории состояния в значении высказывания, мыслительной

[40] В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения.— В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 130.

[41] К глагольным конструкциям мы относим и конструкции с опорными словами — отглагольными именами существительными. Конструкции с опорой на отглагольные имена существительные и слова категории состояния, обнаруживаемые в языке Радищева, Абрамович с полным основанием относит к изъяснительным (см.: И. М. Абрамович. О сложноподчиненных предложениях в произведении А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III, 1954, стр. 65—66).

деятельности, чувственного восприятия и 2) конструкции с безлично-предикативными словами модального и оценочного значения. Изъяснительные конструкции относительного подчинения с придаточной частью в функции косвенного вопроса составляют особую группу и должны рассматриваться в историко-генетическом плане в сопоставлении с конструкциями прямой и полупрямой речи. Изъяснительно-союзные конструкции дифференцировались по частным значениям опорных слов и подчиняющим союзам, изъяснительно-относительные конструкции — по характеру выражения косвенного вопроса [42].

§ 32. В литературном языке второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в построении изъяснительных конструкций отмечается включение в их главную часть соотносительного указательного местоимения *то* как дополнительного средства связи между главной и придаточной частью [43], и в таких случаях изъяснительные по семантике опорного слова конструкции не отличались по своей структуре от конструкций местоименно-соотносительных.

Ты ведай *то, что* львы с клопами не дерутся (Сумарок., Лев и Клоп); Но, видя *то, что* тут не перед стадом И что приходит наконец Ему расчесться за овец,— Пустился мой хитрец В переговоры (Крыл., Волк на псарне); Старушка забыла *то, что* она более сорока лет служила беспорочно, верно в доме боярина Матвея (Карамз., Нат. боярск. дочь).

Для литературного языка XIX в. употребление субстантивированного местоимения *то* в главной части изъяснительно-союзных конструкций мотивируется логическим ударением на нем и присоединением к нему усилительных частиц, в силу чего все «содержание придаточного предложения рассматривается как некая „тема“ речи, размышлений, переживаний и т. п.» [44].

---

[42] О принципах классификации изъяснительных конструкций см.: Ľ. Ďurovič. Modálnost. Lexikálno-syntaktické vyjadrovanie modálnych a hodnotiacich vzťahov v slovenčine a ruštine. Bratislava, 1956, стр. 50, 190; Ван Фусян. Автореф. указ. дисс.; С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов. Указ. соч., стр. 18—19.

[43] Примечательно, что Буслаев, опираясь на практику первых десятилетий XIX в., в своей «Исторической грамматике русского языка» употребление указательных местоимений в главной части изъяснительных конструкций считал нормой литературного языка, оговариваясь при этом, однако, что «частица *то*, подразумеваясь сама собою, обыкновенно опускается» (стр. 526). Показательно, что в наше время Л. А. Булаховский, отмечая, что «в именительном и винительном падежах указательное местоимение *то* перед изъяснительным союзом *что* употребляется в современном языке очень редко — лишь в случаях сильного логического ударения, падающего на указательную часть», приводит примеры (они даны нами выше) немотивированного употребления в изъяснительных конструкциях таких местоимений в XVIII в. (Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II (Ист. комм.), стр. 329 (подстрочн. прим.).

[44] А. Б. Шапиро. Об одной синтаксической конструкции в русском языке. (Сложноподчиненное предложение с субстантивированным местоиме-

А поелику сему добросердому крестьянину было и *то* известно, *сколь* любили меня господа его, то все сие так его встревожило, что... (Болот., 1, 9); К сему должно прибавить и *то, что* о путешествии Баффина издано в свет краткое и весьма недостаточное известие (Моск. телеграф, 1825, № 5); — Так вам должно быть известно и *то, что* князь Шелешпанский несколько уже месяцев отбывает от слу́жбы и прячется по своим деревням (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. ст., 2, XII); Притом же иногда, голубчик-кум, И *то* приходит в ум, *Что* я ли воровством одна живу на свете? (Крыл., Крестьянин и Лисица).

§ 33. Для последних десятилетий XVIII и первой четверти XIX в. характерно использование в качестве опорных членов при построении изъяснительных конструкций с союзом *что* в придаточной части безличных глагольных сказуемых и безлично-предикативных слов модального значения (*разумеется, знать, кажется, может быть, подлинно, видно, правда* и т. п.), широко употреблявшихся в то же время в функции вводных слов.

Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу (Живописец, I, 2); *Видно, что* сей судья никогда не читывал книги «О преступлениях и наказаниях» (Там же, 3); *Правда, что* слухи о вашей работе, равно как и похвалы и хулы на оную весьма различны (Там же, 7); Остается нам видеть Париж, чтоб формировать совершенное заключение наше о Франции: но *кажется, что* найдем то же (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777); *Знать, что* всякое сострадание исчезло в их сердцах (Фонв., п. сестре, апр. 1778); *Правда, что* иногда и добрые господа берут более трех рублей с души (Радищ., Путеш., Любани); *Разумеется, что* его одели уже по моде (Карамз., Рыц. нашего вр., 12); *Видно, что* их задерживают в Симбирске (Карамз., п. И. Дмитриеву, 12 февр. 1802); *Кажется, что* бог за нас (Карамз., п. В. М. Карамзину, 19 ноября 1812); Кто знает: *может быть, что* ваш и ближе час, И что сыра земля покроет прежде вас (Крыл., Старик и трое молодых); Уж *подлинно, что* там чудес палата (Крыл., Любопытный); И *подлинно, что* царь на диво им был дан (Крыл., Лягушки, просящие царя) [45].

Ср. в бессоюзном употреблении в качестве опорного слова изъяснительной конструкции и в функции вводного слова:

Не помню прямо я, по случаю какому Отправил лев осла, Но, *разумеется,* не в качестве посла (Хемн., Осел в уборе);

нием в главном предложении и изъяснительным союзом в придаточном).— В кн.: «Сборник статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову». М., 1956, стр. 346.

[45] Пример заимствован из статьи В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русск. языке», стр. 58.

Знать, при дворе у Льва привольное житье (И. Дм., Две лисы); *Кажется,* все сие и негораздо смешно было (Болот., 1, 18); Да и *подлинно,* смерть его в тогдашнее время произвела бы во всех обстоятельствах наших великую отмену (Там же, 5); *Может быть,* никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я (Карамз., Бедн. Лиза); Нет! *видно,* на земле трусливца нет такого, Трусливее себя чтоб не нашел другого! (Нелединский-Мелецкий, Заяц и Лягушки. ЛК.); Приводили, *правда,* и ворожей; нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился (Живописец, I, XIII) [46]; И *подлинно,* как жар червонец заиграл (Крыл., Червонец); И *подлинно,* весь город знает, Что у него ни за собой, Ни за женой, А смотришь, помаленьку То домик выстроит, то купит деревеньку (Крыл., Лисица и Сурок); И *подлинно,* прошли шагов десятков пять, Собаки начали помалу затихать (Крыл., Прохожие и собаки) [47].

§ 34. Буслаев отмечает в литературном языке первых десятилетий XIX в. как архаическое для своего времени употребление в изъяснительных конструкциях наряду с союзом *будто* сложного союза *что будто,* образованного присоединением к союзу *будто* местоименной частицы *что* [48]. Однако нет достаточного основания относить употребление союза *что будто* к особенностям в построении изъяснительных конструкций именно для данного периода. Ведь сам Буслаев, указывая, что «теперь принято опускать частицу *что*», оговаривается при этом, что «как в старинном и народном языке, так и у образцовых писателей она весьма часто удерживается» [49]. Л. А. Булаховский приводит примеры употребления союза *что будто* как характерные для литературного языка первой половины XIX в. [50] В академической Грамматике конструкции, образованные посредством сложного союза *что будто,* выделяются как «употребляющиеся в целях усиления оттенка мнимости или неполной достоверности того, о чем говорится в придаточном предложении» и квалифицируются как «встречающиеся в литературе XIX в.» [51].

---

[46] В литературном языке XVIII в. отмечаются и случаи употребления (в составе сложного синтаксического целого) слова *правда* в уступительном значении в сочетании с противительным союзом *но,* например: *Правда,* из портных моих был один старик, разумеющий сколько-нибудь портное художество; *но* что все его уменье, когда моего знания недоставало? (Болот., 1, 24); Хвалят старое вино,— *Правда,* веселит оно. Выхваляют стара друга,— *Правда,* сердце он делит. *Но* млада, мила подруга Мне обоих заменит (Капн., Старость и младость).

[47] Примеры из басен Крылова заимствованы из статьи В. В. Виноградова «О модальности и модальных словах в русск. языке», стр. 58.

[48] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 273, стр. 534—535.

[49] Там же, стр. 534.

[50] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 394.

[51] Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1427.

Конструкция с союзом *что будто* употреблялась в литературном языке XVIII—XIX вв. при выражении сомнения или неуверенности в сообщаемом. Однако такое построение изъяснительных конструкций не было продуктивным и развивающимся и не привело к образованию в литературном языке устойчивой модели. На всем протяжении XIX в. употребление в литературном языке данной конструкции было редким.

Едва ль соседи и не правы, *Что будто* у него в шкатулке миллион (Крыл., Мирон); Написал об этом происшествии в Кассель, давая знать, *что будто бы* проректор старался замять или скрыть это дело (Н. Тург., п. А. И. Тургеневу, 8 дек. 1808); Я видел сон, *что будто* я певец (Хомяков, Сон); Говорит он, *что будто* Был я в лодке, когда он в воду упал (Жуковск., Ундина) [К н я г и н я] Я слышала, *Что будто бы* до свадьбы он любил какую-то красавицу, простую Дочь мельника (Пушк., Русалка, варианты); Захар сделал вид, *что будто* шагнул, а сам только качнулся, стукнул ногой и остался на месте (Гонч., Обл., I, VIII); Были когда-то злые сплетни, достигшие даже до архиерея..., *что будто* слишком уважаются старцы, в ущерб даже сану игуменскому, *что*, между прочим, *будто бы* старцы злоупотребляют таинством исповеди, и проч., и проч. (Дост., Бр. К., 2, VIII); Наш милый, симпатичный доктор вчера передавал Никодиму Александровичу, *что будто* скончался ваш муж (Чех., Дуэль, X).

В литературном языке XIX в. конструкция с союзом *что будто* оттеснялась синонимической ей конструкцией с союзом *будто* (*будто бы*), проникавшей в письменность из разговорной речи.

Старик притворился, *будто бы* не слыхал моего вопроса (Пушк., Станц. смотритель); Мне говорят, *будто* вы на меня сердитесь (Пушк., п. Ф. Н. Глинке, 21 ноября 1831); Левку почудилось, *будто* у ней выпустились когти и на лице сверкнула злобная радость (Гоголь, Майск. ночь, V); Надо вам сказать, что Казбич вообразил, *будто* Азамат с согласия отца украл у него лошадь (Лерм., Бэла); К числу таких же его выходок принадлежит и беспрестанно повторяемая многими мысль, *будто бы* Гоголь отречением от своих прежних сочинений поставил нас в затруднительное положение (Белинск., Взгл. на русск. лит-ру 1847 г., 2); О нем ходят слухи, *будто бы* он занялся хлебной торговлей (Тург., Постоялый двор); Говорят, *будто бы* человек не бывает ничем доволен (Черн., «Песни разных народов». Пер. Н. Берг).

§ 35. Для последних десятилетий XVIII в. и первых десятилетий XIX в. характерно отмеченное Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней употребление в изъяснительных конструкциях после глаголов волеизъявления (обычно в форме повелительного наклонения) придаточного предложения со сказуемым в сослагательном наклонении (с союзом *чтобы*), а не инфинитивной конструкции

(без союза), как это имеет место в обычном употреблении во второй половине XIX в. [52]

[Л е с т о в] Позвольте, сударыня, *чтоб* я приехал к вам с моим почтением (Крыл., Модн. лавка, I, 2); Позвольте мне, *чтоб* я умыл вам руки и лицо (Жуковск.); Позволь, *чтоб* пред тобой открыл я притчею простой, Что размышленья мне внушили (Крыл.) [53].

Подобным же образом литературный язык указанного периода отдавал предпочтение изъяснительным конструкциям с придаточной частью, присоединяемой союзом *чтобы* к главной части с отрицательным или вопросительным значением сказуемого.

Голоса такого не имею, *чтоб* Феба я достойно пел (Крыл., Чиж и еж); [Ф а м у с о в] Но ждал ли новых я хлопот? *чтоб* был обманут (Гриб., Горе от у., I, 4).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В XIX в.

§ 36. Основной тенденцией развития изъяснительных конструкций в литературном языке XIX в. было стремление к более тесному объединению частей конструкции, к максимальному опрóщению ее структуры.

Эта тенденция осуществляется в развитии изъяснительных конструкций в литературном языке XIX в. двумя путями, диалектически друг с другом сопряженными. С одной стороны, расширяются возможности структурного оформления изъяснительных конструкций с опорой не только на собственно глаголы, но и на слова и формы, входящие в орбиту того, что называется глаголом в широком смысле слова: в качестве опорных слов изъяснительных конструкций в литературном языке XIX в. широко используются соотносительные с глаголами имена существительные, краткие прилагательные соответствующей семантики, безличные предикативы модального и оценочного значения и слова категории состояния.

С другой стороны, изъяснительные конструкции союзного типа переживают глубокий внутренний процесс модального преобразования в значении опорного слова, преимущественно глагола или слова категории состояния, ведущий к выдвижению придаточной части на основную роль в коммуникации и к обращению опорного слова в своего рода модальную оправу придаточной части.

---

[52] См.: Ф. И. Б у с л а е в. Ист. грам., § 272, стр. 533; А. А. П о т е б н я. Из записок по русск. грамматике. Т. I—II. М., 1958, стр. 426—427.

[53] Последние два примера заимствованы из указанных работ Буслаева и Потебни.

Наблюдения над развитием глагольных изъяснительных конструкций

§ 37. Союзные изъяснительные конструкции с опорой на глаголы речи и придаточной частью, имевшей значение косвенного вопроса, развивались в литературном языке XIX в. в процессе их размежевания с конструкциями прямой речи, с которыми они находились в синонимическом соответствии. При этом постепенно изживались конструкции переходного характера [54], в которых категориальные признаки прямой речи (1-е лицо местоимения и глагола, индикативное значение времени в сказуемом придаточной части) контаминировались с формальными признаками косвенной речи (изъяснительный союз, «одночленная» структура сложного предложения).

Союзные изъяснительные конструкции с опорой на глаголы чувственного восприятия и мыслительной деятельности и с придаточной частью, присоединяемой союзом *что*, развивались в литературном языке XIX в. в синонимическом соотношении с бессоюзными изъяснительными конструкциями с опорой на те же глаголы. Издавна бытовавшие в разговорной речи бессоюзные изъяснительные конструкции уже с XVII в. получили значительное распространение в деловой речи и в повествовательных жанрах. Однако в литературном языке XVII—XVIII вв. бессоюзные изъяснительные конструкции еще в значительной степени сохраняли стилистическую окраску просторечности [55] и тем самым были ограничены в своем употреблении в общелитературном языке, не образуя в нем устойчивой модели.

В этом отношении показательно употребление бессоюзных изъяснительных конструкций в «мемуарной» литературе XVII в.:

И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курка (Аваакум); Вижу: пловут стройно два корабля златы (Там же); И я чаял, меня обманывают (Там же); И увидел царь из церкви: идут к нему в село и на двор многие люди, без ружья, с шумом и с криком (Котошихин) [56].

В литературном языке последних десятилетий XVIII — начала XIX в. развитие бессоюзных конструкций происходило неравномерно. Бессоюзные изъяснительные конструкции почти не встречаются в художественной прозе Карамзина: употребление их характерно для диалогической речи; они часты, например, в баснях Крылова.

В первой половине XIX в. союзные и бессоюзные

[54] См.: В. И. Кодухов. Способы передачи чужой речи в русском языке. «Уч. зап. ЛГПИ», т. 104. Кафедра русск. языка, 1955, стр. 107—172.

[55] Е. П. Васильева. Бессоюзное подчинение в литературном языке XVII столетия (Условные, дополнительные, определительные предложения). Автореф. канд. дисс. Л., 1955, стр. 14.

[56] Примеры заимствованы из указ. автореф. Е. П. Васильевой, а также из статьи Э. И. Коротаевой «К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке» («Уч. зап. ЛГУ». Серия филол., вып. 14, 1946, стр. 49).

изъяснительные конструкции, первоначально синонимичные, отчетливо разграничиваются по своим структурным и грамматическим признакам, и между ними устанавливается асимметрическое соотношение [57].

§ 38. Для построения союзных изъяснительных конструкций в литературном языке XIX в. типичным было употребление в главной части изъяснительных глаголов, выражающих разнообразные модальные оттенки отношения к содержанию придаточной части, так что это содержание оказывается в определенной модальной оправе, и между главной и придаточной частью возникает своего рода семантическая диффузия, в силу чего они получают типически одночленную структуру. В бессоюзных изъяснительных конструкциях главная часть не подвергается модальному преобразованию, в силу чего они оказываются в собственном смысле «сообщениями о сообщении» [58], отчетливо расчлененными по своей структуре. Сравним в этом отношении следующие два ряда примеров союзных и бессоюзных изъяснительных конструкций:

1. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран (Пушк., К. д., II); Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес (Пушк., Метель); Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дергал его за ворот рубашки (Пушк., Гробовщик); Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать большими деньгами (Пушк., Пиков. дама, I); Через минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате (Там же, V); Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич (Лерм., Бэла); Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна (Гоголь, Т. Б., IX); Я думал, что я богат, а вышло, что я беден (В. Соллог., Тарантас, VII).

2. Летит и видит он: В заглушье под леском рассыпана пшеничка (Крыл., Два Голубя); Я знаю: в вашем сердце есть И гордость и прямая честь (Пушк., Е. О., 8, XLVII); [Ц а р ь] Я чувствовал: вся кровь моя в лицо Мне кинулась — и тяжко опускалась (Пушк., Б. Г., Царские палаты); Во мраке слышу: бегает по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет

[57] Об асимметрическом соотношении между грамматическими формами и синтаксическими структурами см.: S. Karcevskij. Du dualisme asymmétrique du signe linguistique.— TCLP, 1, 1929, стр. 89—93; R. Jakobson. Zur Structur des Russischen Verbums. «Charisteria Guilelmo Mathesio». Pragae, 1932, стр. 75 и сл.; А. В. Исаченко. О грамматическом значении.— ВЯ, 1961, № 1, стр. 35—36. См. также: Н. С. Поспелов. Об основных тенденциях в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. (Otázky slovanské syntaxe. Sborník Brněnské syntaktické konference 17—21 IV 1961. Praha, 1962).

[58] Ср.: R. Jacobson. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Harvard University, 1957, стр. 1; Е. Кржижкова. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 20.

копытами землю (Лерм., Бэла); Он почувствовал: что-то было в Лизе, куда он проникнуть не мог (Тург., Двор. гнездо, XXXII).

В любом из примеров первой серии главная часть не имеет самостоятельного коммуникативного значения, не представляет собою отдельного сообщения, а служит только средством модального оформления придаточной части, выражая лексическим значением то или иное отношение говорящего к содержанию, раскрываемому в придаточной части. В примерах второй серии — в бессоюзных изъяснительных конструкциях — опорный глагол главной части теряет в значительной мере признак грамматической переходности, главная часть интонационно отрывается от придаточной и, не выполняя функции модальной характеристики сообщаемого в придаточной части, приобретает относительную коммуникативную самостоятельность; связь между частями конструкции оказывается менее тесной, чем в изъяснительно-союзных конструкциях: поэтому и все сложное предложение получает расчлененную структуру.

Косвенным свидетельством укрепления в литературном языке XIX в. более тесного объединения частей союзной изъяснительной конструкции является выравнивание к исходу второй половины XIX в. соотношения форм времени между главной и придаточной частью — при совпадении выражаемого ею содержания со временем главной части — в направлении: форма настоящего времени в придаточной части при прошедшем времени в главной части. Преобладание в подобных случаях формы прошедшего несовершенного у Радищева и Пушкина и высокий процент употребления этой формы у Гоголя, Тургенева, Л. Толстого и Достоевского [59], рассматриваемое иногда как результат иноземного (в частности, французского) влияния [60], объясняется, по-видимому, сохранением «внутренней членимости» изъяснительных конструкций «во временно́м плане» [61], недостаточно тесным объединением придаточной части с главной, в силу чего придаточная часть выражала не относительное значение времени, а получала реальное временно́е значение прошедшего действия. Примечательно, что во второй половине XIX в. в языке писателей-демократов — Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Решетникова и Чехова наблюдается решительный поворот к относительному употреблению настоящего времени в придаточной части изъяснительных конструкций [62].

[59] См. таблицу, приведенную в работе: W. Boeck. Der Tempusgebrauch in den Russischen Objekt- und Subjektsätzen, seine historische Entwicklung und sein stilistischer Wert.— ZfS., 1958, Bd 3, Hf. 2—4, стр. 223 и сл.

[60] См.: В. Бёк. Резюме доклада. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 209.

[61] См.: Е. Кржижкова. Указ. соч., стр. 20—22; см. также: И. М. Абрамович. Указ. соч., стр. 84

[62] См.: W. Boeck. Указ. соч., стр. 223.

Наблюдения над развитием изъяснительных конструкций с именем существительным в качестве опорного слова

§ 39. Наиболее ярким свидетельством структурного преобразования изъяснительных конструкций в литературном языке XIX в. является распространение такой формы их построения, когда придаточная часть (чаще в интерпозиции) прикрепляется не к предикативному ядру главной части, а к имени существительному — подлежащему или дополнению в составе главной части. Исключительно редкие у Карамзина, изъяснительные конструкции такого строения характерны для пушкинской прозы и укрепляются в литературном языке первой половины XIX в., образуя устойчивую модель. Несколько позже, во второй половине XIX в., в литературном языке складывается модель бессоюзной изъяснительной конструкции с опорой на имя существительное в первой части конструкции.

Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце (Пушк., Метель); Разнесся слух, что графиня с мужем приедет на лето в свою деревню (Пушк., Выстрел, I); На другой день тюремный сторож разбудил меня объявлением, что меня требуют в комиссию (Пушк., К. д., XIV); Мысль, что с ним случилось несчастье, тревожит ее (Лажечн., Лед. дом, 4, 3); Уста ее произносили клятву, что она никого не будет любить, кроме меня (Н. Павл., Именины); В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется (Лерм., Тамань); Граф, несмотря на замечание лакея, что барин сейчас только пожаловали и раздеваться изволят, вошел в комнату (Л. Толст., Два гусара, VII); Порфирий Владимирович получил официальное уведомление, что сын его, не доехавши до места ссылки, слег в одном из попутных городков в больницу и умер (С.-Щ., Госп. Головл., Племяннушка); После долгой перебранки, капризничанья и попреков приходят к решению, что стоять должен горбач, как самый маленький (Чех., Тоска); В нем, пока он обедал и играл в карты, сидела почему-то уверенность, что дуэль кончится ничем (Чех., Дуэль, XV); Осмотрев больницу, Андрей Ефимыч пришел к заключению, что это учреждение безнравственное (Чех., Палата № 6, V); У меня была надежда, что я уже не попаду к ночному поезду (Корол., Не страшное, I).

Бессоюзные изъяснительные конструкции с опорой на имя существительное в первой части отмечаются в литературном языке с первой половины XIX в. В отличие от союзных, эти конструкции характеризуются отчетливой интонационной и структурной расчлененностью.

Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках разбойников (Пушк., К. д., VII); Вот мои условия:

вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Я уже не помню, каким путем мы дошли до известного замечания: как часто самые ничтожные вещи производят большее впечатление на людей, чем самые важные (Тург., Мой сосед Радилов); В голове Саньки копошилось еще одно недоумение: почему клады ищут только старики и к чему сдалось земное счастье людям, которые каждый день могут умереть от старости (Чех., Счастье); И ее мучил вопрос: принесет ли мне счастье ее любовь (Чех., О любви).

Наблюдения над развитием изъяснительных конструкций с безлично-предикативными словами модального значения в главной их части

§ 40. В литературном языке XIX в. постепенно ограничиваются возможности построения изъяснительных конструкций на основе безлично-предикативных слов модального значения (*разумеется, кажется, может быть, видно*), закреплявшихся в позиции вводных слов. В тех случаях, когда процесс перехода безлично-предикативных слов в модальные не завершается в течение XIX в., употребление их в качестве опорных слов изъяснительных конструкций сохраняется на протяжении всего XIX в.[63]

Так, изъяснительные конструкции, образованные на базе опорных слов *вероятно, очевидно, естественно, несомненно, понятно, ясно,* употреблялись не только в литературном языке XIX в., но продолжают употребляться и в современном языке; естественно, что и употребление данных слов в качестве вводных в конструкциях простого предложения развивалось менее активно и в отдельных случаях осуществляется в литературном языке значительно позже — во второй половине XIX в. Особую судьбу имело в литературном языке XIX в. существительное *правда* в застывшей форме именительного падежа (как модального предикатива), переходившей не только на позицию вводного слова, но и выступавшей в функции уступительного союза.

Употребление безличных форм глагола и глагольных сочетаний как членов изъяснительных конструкций

§ 41. В литературном языке первой половины XIX в. в качестве опорных слов главной части изъяснительных конструкций продолжали употребляться безличные формы глаголов модального значения *разумеется* (при выражении полной уверенности

[63] Ср.: M. Zatovkaniuk. O původu jedné skupiny ruských, modalných vsuvek. Rusko-české studie. Sborník vysoké školy pedagogické v Praze. «Jazyk a literatura», II. Praha, 1960, стр. 273—278.

в том, что сообщается в придаточной части), *кажется* (при выражении неполной достоверности), а также глагольные сочетания *может быть* (в значении возможности), *должно быть* (в значении большей вероятности), закреплявшиеся в то же время в синтаксической позиции вводных слов в составе простого предложения.

1. Безличный глагол *разумеется* в первой половине XIX в., а спорадически и позже, продолжал употребляться в качестве опорного слова изъяснительной конструкции.

Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку, и что она весьма понравилась романтическому воображению Марьи Гавриловны (Пушк., Метель); *Разумеется, что* в морозы наша русачка берет верх (Лажечн., Лед. дом, 2, 1); *Разумеется, что* после этого ответа я оставил его родню в покое (Н. Павл., Именины); Ну, *разумеется, что* я убил старуху — это я худо сделал (Дост., Прест. и наказ., 6, IV) [64].

На протяжении всего XIX в. и позже глагол *разумеется*, подкрепленный фразеологизированным обстоятельственным сочетанием «само по себе», «само собой», сохранил синтаксическое значение предикативной опоры изъяснительной конструкции.

Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию (Пушк., Метель); *Само по себе разумеется, что* художники с тактом, улавливая колорит и эффекты, не теряют из вида вечной, неизменной природы — единственной наставницы гения (Отеч. зап., 1839, т. I); *Само собой разумеется, что* такие поступки не могли не достигнуть, наконец, престола (Гоголь, Портрет, II); *Само собою разумеется, что* они обыграли меня начистоту (В. Соллог., Тарантас, VII); *Само собою разумеется, что* при такой скупости на движения Савка был гол как сокол и жил хуже всякого бобыля (Чех., Агафья) [65].

В непринужденной речи глагол разумеется мог при этом опускаться.

Само собой, что о всеобщем посещении начальства у нас тотчас же предугадали (Дост., Зап. из М. дома, 9, IX).

В литературном языке XIX в. изъяснительные конструкции с опорным глаголом *разумеется* вступали в синонимическое соотношение с конструкциями, в которых глагол *разумеется* пе-

[64] Материалы см. также в кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 394—395; Л. П. Лобов. Из истории русск. лит. языка.— «Сб. Об-ва истор., философск. и соц. наук при Пермском ун-те», вып. III, 1929, стр. 184.

[65] Ср. в современном языке: *Само собой разумеется, что* синтаксическое описание модальных разновидностей предложений и сложных модальных структур в кругу разных типов сочетания предложений должно составить задачу особого исследования (В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русск. языке, стр. 79).

реходил на позицию вводного слова, сохраняя начальное положение в предложении.

Разумеется, Бельтов сделал Карлу Кондратьичу визит (Герц., Кто виноват?, 2, III); *Разумеется,* это сделалось не вдруг (Белинск., Соч. Пушкина, 8); *Разумеется,* самые основания борьбы, т. е. идеи и стремления,— видоизменялись в каждом произведении (Доброл., Когда же придет наст. день?).

Примечательно, что Шахматов в качестве иллюстрации употребления безличных форм глагола в функции вводных слов приводит случай параллельного употребления у Герцена в «Былом и думах» глагола *разумеется* как опорного слова изъяснительной конструкции и как вводного слова: *Разумеется,* она не любила падчерицу, *разумеется, что* падчерица ее не любила (Б. и д., I, 75) [66].

2. Аналогичным образом и безличный глагол *кажется,* продолжавший употребляться как опорное слово изъяснительной конструкции в первой половине XIX в. [67], а в качестве синтаксического архаизма [68] и позже, во второй половине XIX в. все более и более закреплялся с тем же лексическим значением в позиции вводного слова. Обе эти конструкции продолжали употребляться параллельно, в синонимическом соотношении друг с другом в случаях начального положения модального опорного слова и утрачивая это соотношение при окончательном переходе его во вводное слово с характерной для него свободой местоположения.

Кажется, что жребий нашей литературы еще не решен (Моск. телеграф, 1825, № 8); *Кажется, что* я отправлюсь в Рим не прежде великого поста (Письмо Н. Станкевича, 1840) [69]. Г-н Бестужев, *кажется,* сердит что-то на французскую литературу (Моск. телеграф, 1825, № 8); *Кажется,* едешь по великолепному бесконечному саду (Там же, № 7); *Кажется,* век, в который за несколько хороших стихов

---

[66] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, § 356.

[67] Безличная форма *кажется (казалось)* в значении «представляется воображению», не выражавшая модального значения неполной достоверности, широко употреблялась в изъяснительных конструкциях на протяжении всего XIX в., например: *Кажется, что* пароход предоставлен собственной воле и идет, куда хочет (Чех., Гусев, IV).

[68] Буслаев, приведя из литературных произведений XVIII в. примеры «смешения вводного предложения с настоящим главным» при построении изъяснительных конструкций с опорным глаголом *кажется,* писал, что «чистота речи требует в этом случае вводные предложения постановить независимыми и потому выпустить лишний союз *что*» (Ист. грам., § 283, прим. 2, стр. 552).

[69] Пример заимствован из кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 395.

записывались в поэты, прошел (Там же, № 8) [70]; *Кажется*, я не соглашался (Пушк., Выстрел, II); Мы с вами попутчики, *кажется*? (Лерм., Бэла); Княжна, *кажется*, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли (Лерм., Кн. Мери, 16 мая); *Кажется*, эти люди могли бы преспокойно прожить до скончания века, не встречаясь (Герц., Кто виноват?, 1, I).

3. Подобным же образом в первой половине XIX в., а пережиточно и позже, возможно было построение изъяснительных конструкций на базе безличных модальных сочетаний *может быть*, *быть может*, *должно быть*, постепенно все более и более вытеснявшихся синонимичными им бессоюзными конструкциями, в которых модальные сочетания закреплялись в функции вводных слов.

Весьма *может быть, что* он распустил бы и в прочих губерниях выгодную для себя славу (Гоголь, Коляска); *Быть может, что* сонный Со сном золотым встрепенется (Фет) [71], *Должно быть, что* я в одно время с этим письмом буду в Петербурге (Л. Толст., п. Н. Н. Страхову, 15 янв. 1880).

Быть может, это все пустое, Обман неопытной души (Пушк., Е. О., 3, XXXI); Но, *может быть*, мечты пустые — *Быть может*, с ризой гробовой Все чувства брошу я земные, И чужд мне будет мир земной (Пушк., Люблю ваш сумрак неизвестный); *Может быть*, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? (Лерм., Максим Максимыч); Да-с, с большими странностями, и *должно быть* богатый человек (Лерм., Бэла); Бурмистр, *должно быть*, в Перове подгулял (Тург., Бурмистр); А *быть может*, у меня тогда была только одна рана, а другая пуля доконала меня уже здесь (Гарш., Четыре дня).

Употребление безличных предикативов модального значения в качестве опорных слов изъяснительных конструкций

§ 42. В русском литературном языке первой половины XIX в., а спорадически и позже, продолжало употребляться в функции опорного слова союзной изъяснительной конструкции модальное слово *вероятно*.

Вероятно, что с сего дня решился он оставить армию (Моск. телеграф, 1825, № 7); *Вероятно, что* на сем обширном пространстве найдут высокую цепь гор (Там же); *Вероятно, что* окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его (Карамз., И. Г. Р., I, IV); *Вероятно*, что аманаты, выпущенные на волю, не жале-

[70] Примеры из журнальной прозы первой четверти XIX в. свидетельствуют о том, что к этому времени бессоюзная форма построения изъяснительной конструкции с опорным словом *кажется* была уже сложившейся моделью.

[71] Пример заимствован из указ. соч. Л. А. Булаховского.

www.ruslang.ru

ли о своем пребывании во Владикавказе (Пушк., Путеш. в Арзр., 1); Даже очень *вероятно, что* чувства Веры в эту минуту относились не к нему (Лерм., Кн. Л., VIII); *Вероятно, что* в славянском было еще одно страдательное причастие будущего, образованное посредством *-ма* (Потебня, Из зап. по русск. грам., I—II) [72].

Во второй половине XIX в. и в современном языке модальное слово *вероятно* употребляется в качестве опорного члена изъяснительной конструкции в форме сравнительной или превосходной степени или в сочетании с количественными наречиями.

Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался (Дост., Прест. и наказ., 1, II); Дверь в дворницкую была притворена, но не на замке, стало быть, *вероятнее всего было, что* дворник дома (Там же, 1, VII).

В бессоюзном употреблении *вероятно* переходило на позицию вводного слова.

Вероятно, он успел скрыться, быв предупрежден (Пушк., Дубр., II); Ибрагим в рассеянии отвечал, что, *вероятно,* государь работает теперь на корабельной верфи (Пушк., А. П. В., III); Впрочем, *вероятно,* вам сказали в шутку, будто я великий стихотворец (Пушк., Егип. ночи, II); Княжна, *вероятно,* допив уж последний стакан, прохаживалась задумчиво у колодца (Лерм., Кн. Мери, 11 мая); *Вероятно,* наши читатели хорошо помнят эту историю (Доброл., Когда же придет наст. день?).

Безличный предикатив *видно* в модальном значении в первой половине XIX в., а спорадически и позже, продолжал употребляться как опорное слово изъяснительной конструкции [73].

Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю (Гоголь, Шинель); Да, *видно, что* он не придет сегодня!— сказала она, наконец, подняв голову.— Поздно! (Дост., Белые ночи, 3); *Видно, что* вы ему очень, очень были дороги прежде (Дост., Бр. К., 10, IV).

Однако уже в первой половине XIX в. *видно* гораздо шире употреблялось в функции вводного слова.

Так, *видно,* она замужем,— сказал я (Пушк., Станц. смотритель); *Видно,* еще письмо не дошло по адресу (Лерм., Кн. Л., II); *Видно,* вам татарин заткнул клейтухом уши, чтобы вы ничего не слышали (Гоголь, Т. Б., IV); Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, *видно,* были

[72] Пример заимствован из статьи О. В. Патоковой «Наблюдения над языком научной прозы».— «Наукові зап. Харьківської науково-дослідної катедри мовознавства», 2, 1929, стр. 85.

[73] Предикатив чувственного восприятия *видно,* не имеющий значения модальной оценки сообщаемого в придаточной части, широко использовался при построении изъяснительных конструкций на всем протяжении XIX в.: *Видно было, что* ее беспокоило мое молчание (Лерм., Кн. Мери, 24 июня); *Видно, что* в доме еще не ложились спать (Чех., Три сестры, III).

очень приятны, ибо поминутно оставляли после себя следы довольной усмешки (Гоголь, М. д., 1, 3); [Шпигельский] А, *видно*, не одни нервы страдают, и желчь тоже немножко расходилась (Тург., Месяц в дер., I); *Видно*, я тотчас же почувствовал перед собой существо чистое сердцем (Дост., Униж. и оскорбл., 3, IX).

Устойчивое употребление в качестве опорного члена изъяснительной конструкции сохраняет в литературном языке на протяжении всего XIX в. безлично-предикативное слово *очевидно*.

Очевидно, что Радищев начертал карикатуру (Пушк., Путеш. из М. в Пб., Русск. изба); *Очевидно было, что* Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрениями (Пушк., К. д., V); *Очевидно, что* у него нет таланта чистого творчества, что он не может создавать характеров (Белинск., Взгл. на русск. лит-ру 1847 г., 2); *Что* Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами, *было очевидно* (Герц., Б. и д., 7, LXII, VI) [74]; *Очевидно было, что* ему надо объяснений (Дост., Прест. и наказ., 3, II); *Было очевидно, что* эта их любовь кончится еще не скоро (Чех., Дама с собачкой, IV).

Употребление модального предикатива *очевидно* в качестве опорного слова изъяснительной конструкции устойчиво сохраняется и в современном языке.

Употребление безлично-предикативного слова *очевидно* в качестве вводного слова осуществляется, по-видимому, только во второй половине XIX в. [75]

Какой-то пожилой господин ходит проворно; *очевидно*, делает моцион для здоровья (Гонч., Обл., 3, V); *Очевидно*, это была копаная канава (Л. Толст., Хоз. и раб., II); *Очевидно*, в доме все еще спали (Чех., Поцелуй).

Устойчивое, хотя и более редкое употребление в качестве опорного слова изъяснительной конструкции имело в литературном языке XIX в. и слово *естественно* [76].

[74] Пример из статьи А. М. Давидовского «Придаточные подлежащие и их разновидности» («Труды Сухумского гос. пед. ин-та», I, 1942, стр. 200).

[75] У Пушкина, употребляющего *очевидно* в качестве опорного слова изъяснительной конструкции, это слово встречается в бессоюзном употреблении в единичных случаях как наречие (без значения модальной оценки): «Он издал под заглавием L(es) f(euilles) d'automne) том стихотворений, *очевидно* писанных в подражание книге С.-Бева Les consolations» ((Начало статьи о В. Гюго)). В Словаре 1847 г. употребление *очевидно* в качестве вводного слова не отмечено.

[76] Нельзя согласиться с мнением Л. Дюровича, что «вводные модальные слова в русском языке вступают в связи с высказыванием не только при помощи соположения и вложения. но и при помощи союза *что* (Естественно, он еще не здесь; Он, естественно, еще не здесь. Естественно, что он еще не здесь)». Ведь конструкция модели *естественно, что* только нераспространенностью главной части отличается от конструкции модели *для меня вполне естественно, что,* в которой, по правильному замечанию Л. Дюровича, «имя прилагательное с модальным значением», вступая в синтаксические связи с

Очень *естественно, что* милость царская огорчила меня (Пушк., п. Вяземскому, 13—15 сент. 1825); *Естественно, что* все это должно было как-то ожесточить характер (Гоголь, Т. Б., II); *Естественно, что* он был вполне счастлив ею, но *не естественно, чтоб* она была особенно счастлива (Белинск., Взгл. на русск. лит-ру 1847 г., 2); И потому очень *естественно, что* она, в качестве гостеприимной хозяйки, приняла и чествовала молодых с полным радушием (С. Акс., Сем. хрон., Мол. в Багрове).

Употребление *естественно* в качестве опорного слова изъяснительной конструкции продолжалось и в XX в.

Слово *естественно* усваивает функции вводного слова в литературном языке также только во второй половине XIX в.

[Вышневский] И твои слова, *естественно*, кажутся им глупыми (Остр., Доходн. место, I, 8); С ними поступали как на войне, и они, *естественно*, употребляли те же самые средства, которые употреблялись против них (Л. Толст., Воскрес., 3, V) [77].

Аналогичным образом как опорные члены изъяснительных конструкций употребляются в литературном языке XIX в. и безлично-предикативные слова *несомненно* и *понятно,* переходящие на позицию вводных слов во второй половине XIX в.

Впрочем, очень *понятно, что* ей стало тебя жалко (Лерм., Кн. Мери, 11 мая); *Понятно, что* здесь уже нельзя было отделаться более или менее блестящими рекламами (Доброл., Луч света в темн. царстве); *Было понятно, что* рассчитывали меня продержать весь вечер (Дост., Униж. и оскорбл., 3, 6); *Несомненно, что* прекрасного в действительности вовсе не так мало, как утверждают немецкие эстетики (Черн., Эстетич. отнош. искусства к действит.); *Несомненно, что* такое употребление причастий в литовско-латышском находится в связи с вышерассмотренным явлением в славянском (Потебня, Из зап.) [78]; Ей *было понятно, что* Петр Дмитрич утомился, был недоволен собой и стыдился (Чех., Именины).

Ср. в функции вводных слов:

Второкурсные, просидев лишних два года, *понятно*, дела-

другими словами, «образует главное предложение со всеми соответствующими грамматическими свойствами (время, наклонение)» (L'Durovič. Указ. соч., стр. 197—198).

[77] В Словаре 1847 г. *естественно* толкуется только как наречие со значением «по природе, по природным свойствам». В пушкинском употреблении *естественно* отмечено тоже как наречие: «Северная пчела», издаваемая двумя известными литераторами, имея 3000 подписчиков, *естественно* должна иметь большое влияние на читающую публику («Деловые бумаги», 10). В качестве вводного слова в пушкинском употреблении выступает сочетание *естественным образом:* Отец ее, никогда не читавший ничего кроме «Совершенной поварихи», не мог руководить ее в выборе книг, и Маша, *естественным образом,* перерыв сочинения разного рода, остановилась на романах (Дубр., VIII).

[78] Пример заимствован из указанной выше статьи О. В. Патоковой.

лись взрослыми (Помяловск., Оч. бурсы, Зимн. вечер в бурсе); Он, *несомненно* мог бы принесть пользу (Леск., Соборяне, I) [79].

Очень устойчивым в литературном языке XIX в. было употребление в функции опорного члена изъяснительной конструкции безлично-предикативного слова *ясно*: оно начало переходить на позиции вводного слова только в XX в.

А *ясно* — только в трюм лишь стоит заглянуть, *что* кораблю часа не дотянуть (Крыл., Мыши); *Ясно было, что* раненый не мог жить и что последний час его был уже близок (Пушк., Дж. Теннер); *Ясно,* стало быть, *что* внешняя форма популярного изложения имеет громадную важность (Писарев, Реалисты, XXXIII); *Было ясно, что* она не могла прожить без привязанности и одного года (Чех., Душечка).

Ср. в бессоюзной изъяснительной конструкции:

Было ясно: Котик дурачилась (Чех., Ионыч, II) [80].

Употребление в качестве опорного слова изъяснительной конструкции существительного правда в застывшей форме именительного падежа

§ 43. Существительное *правда* в застывшей форме именит. пад. в течение всего XIX в. продолжало употребляться в литературном языке в качестве опорного слова изъяснительной конструкции в модальном значении согласия говорящего с тем, что высказывается в придаточной части, или соответствия высказываемого с действительностью.

Правда, что в его статьях много вероятного, но много и лишнего, неестественного (Моск. телеграф, 1825, № 7); *Правда, что* довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что, с другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки, тем не менее их приговоры имеют решительное влияние (Пушк., ⟨Баратынский⟩); *Правда, что* сию прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки (Пушк., Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme); *Правда, что* красные девушки немного призадумывались, принимая подарки (Гоголь, Вечер накануне Ив. Купалы); Ведь *правда, что* вы то прелестное существо, каким я воображаю вас? (Л. Толст., А. К., 2,

---

[79] Пример параллельного употребления в современном языке у одного и того же писателя слова *понятно* как опорного слова изъяснительной конструкции и как вводного слова приводит Затовканюк: *Понятно, что* такие торжественные собрания, если они созываются ежедневно, делаются для коммунаров тягостными и: Коммунар, *понятно,* не упустит случая зайти в кабинет (Макаренко) (См.: M. Zatovkaniuk. Указ. статья, стр. 274).

[80] Пример параллельного употребления в современном языке слова *ясно* как опорного члена изъяснительной конструкции и как вводного слова приводит Затовканюк (указ. статья, стр. 274): *Ясно, что* вас принимают за начальство (И. Ильф и Е. Петров) и: Теперь *ясно,* никто на пакет не позарится (Зощенко).

XXX) [81]; *Правда, что* Грушенька с ним об этом в самое последнее время очень молчала (Дост., Бр. К., 8, I).

В той же форме именит. пад. ед. ч. существительное *правда* еще более широко употреблялось в первой половине XIX в. в бессоюзной конструкции в функции вводного слова, в значении которого «соответствие с действительностью» приобретало субъективный оттенок уступительности.

Он, *правда*, в туз из пистолета В пяти саженях попадал (Пушк., Е. О., 6, V); Мина гораздо степеннее, *правда* — она годом старше (Пушк., Марья Шонинг); Лицо его, *правда*, озабоченное, выражало в то же время оживленную бодрость и решимость (Тург., Вешн. воды, XXXII); Разговаривал я с ней, *правда*, мало, больше так на нее смотрел (Тург., Гамлет Щигр. у.); *Правда*, для широкой деятельности нет у нас открытого поприща (Доброл., Когда же придет наст. день?).

Поэтому оказывается естественным, что модальное слово *правда* начинает широко употребляться в литературном языке XIX в. в составе сложного предложения с противительными союзами *но, однако, тем не менее* и т. п. [82] (с ограничительным значением) в функции уступительного союза.

Правда, Горгоний не забывает никогда принятого им намерения, *но* и великодушию его я не знаю пределов (Нарежн., Аристион. ЛК); *Правда*, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных солдатом, *но* шампанское лилось притом рекою (Пушк., Выстрел, I); *Правда*, я беден,— сказал, наконец, после долгого и поучительного увещания Пискарев,— *но* мы станем трудиться (Гоголь, Невск. просп.); *Правда*, я женщина, *но* разве всякая женщина променяет печали и беспокойства на блистательный позор (Лерм., Вадим, VIII); *Правда*, он выпил на свою долю бутылки две вина, *но* не одно вино производило это действие на Оленина (Л. Толст., Казаки, II); *Правда*, ему уже сорок пять лет, *но* он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам (Дост., Прест. и наказ., I, III).

Наблюдения над развитием оценочных изъяснительных конструкций

§ 44. В XIX в. развивается употребление изъяснительных конструкций, главная часть которых выражает оценку того, о чем сообщается в придаточной части, присоединяемой союзами *что*,

[81] Примеры употребления в совр. лит. языке см. в указ. статье Затовканюка.

[82] В уступительном значении в первой половине XIX в. могла употребляться и изъяснительная конструкция с опорным словом *правда* при включении ее при помощи противительного союза в состав сложного предложения. как об этом свидетельствует пример, приведенный Н. Гречем: *Правда,* что он молод, но сие не препятствует его успехам (Практич. грам., стр. 385).

если (коли), чтобы [83]. В главной части таких конструкций в качестве наиболее употребительных опорных слов с положительной оценкой употребляются безлично-предикативные слова *хорошо, приятно,* краткое прилагательное *рад;* в качестве опорных слов с отрицательной оценкой наиболее употребительно в изъяснительных конструкциях безлично-предикативное слово *жаль.*

В отличие от изъяснительных конструкций с опорными словами модального значения, в оценочных изъяснительных конструкциях опорные слова не переходят на позицию вводных слов; такие конструкции сохраняют структуру сложного предложения [84], и оценочное слово не теряет своего предикативного значения. Поэтому оценочные изъяснительные конструкции оказываются более расчлененными по своей структуре, чем конструкции с опорными словами модального значения. И именно поэтому в придаточной части оценочных конструкций изъяснительное значение может осложняться выражением функциональных отношений между придаточной и главной частью — условия или причины [85].

Так, слово *жаль (жалко),* выражающее «эмоциональное отношение к действию или объекту» [86] и широко употреблявшееся в литературном языке XIX в. в качестве конструктивной опоры изъяснительных конструкций, могло употребляться в составе данной конструкции не только с союзом *что,* но и с условным союзом *если (коли).* Такое употребление характерно, например, для пушкинской прозы.

> А *жаль, если* не Владимир Андреевич будет нашим господином (Дубр., V); Право, *было бы жаль, если бы* его стройного стана никогда не стягивал военный мундир, и если бы он, вместо того, чтобы рисоваться на коне, провел свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами (Барышня-кр.); *Жаль* во всех отношениях, *если* слух сей оправдается (Отр. из дневн.).

В силу общей тенденции развития изъяснительных конструкций в направлении более тесной связи между главной и придаточной частью, изъяснительные конструкции с союзом *если,* придаточная часть которых сохраняла условное значение, не образовали в литературном языке XIX в. устойчивой модели, хотя употреблялись и позже и употребляются до настоящего времени.

---

[83] Об оценочных изъяснительных конструкциях см.: L'. Ďurovič. Указ. соч., стр. 152—174, 195—197.

[84] В этом существенное отличие от словацких предложений типа *dobre, že t'a vidim* (без связки настоящего времени *je),* в которых, по правильному замечанию Л. Дюровича, «исчезает предикативный центр главного предложения, при помощи союза *že* осуществляется уже не связь главного и придаточного предложения, а связь оценочного непредикативного слова с простым предложением». L.' Ďurovič. Указ. соч., стр. 197).

[85] См.: А. К. Федоров. Указ. соч., стр. 132—136; L'. Ďurovič. Указ. соч., стр. 163—166, 195—197.

[86] В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке, стр. 54.

В качестве основной, продуктивной модели в литературном языке XIX в. утвердилась модель, в которой опорное слово *жаль* и союз *что* образуют устойчивое сочетание и являются своего рода синтаксическим штампом. В развитии данной модели в литературном языке XIX в. можно отметить стремление к осложнению эмоционально-оценочного слова *жаль* разного рода усилительными средствами: экспрессивными наречиями, выделительными частицами и др.

Жаль, что я не моложе десятью годами (Карамз., п. В. М. Карамзину, 14 авг. 1806); *Жаль, что* мы теперь не можем встретиться с ним! (Н. Павл., Именины); *Жаль, что* такой почтенный человек имеет такого недостойного сына! (Пушк., К. д., XII); *Жаль только, что* описание его не точно (Пушк., Медн. всадн., Примеч.); *Как жаль, что* Грибоедов не оставил своих записок (Пушк., Путеш. в Арзр., II); *Очень жаль, что* не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать обед (Гоголь, Коляска); [Почтмейстер] *А жаль, однакож, что* вы не читаете писем: есть прекрасные места (Гоголь, Ревизор, I, 2); А, *право, жаль, что* он дурно кончит (Лерм., Максим Максимыч); *Как жаль... как глубоко жаль,* уважаемый Михаил Аверьяныч, *что* в нашем городе совершенно нет людей, которые умели бы и любили вести умную и интересную беседу (Чех., Палата № 6, VI); На душе тяжко, нудно, так что *даже жаль, что* я не умер внезапно (Чех., Скучн. ист., V).

Структурно-семантическую разновидность данной конструкции представляли в литературном языке случаи, когда состав опорной части конструктивно осложнялся указанием на субъект эмоциональной оценки (так наз. дательный субъекта).

Вследствие укрепления таким образом предикативного значения опорной части, конструкция в целом оказывается более расчлененной, а в ее придаточной части изъяснительно-объективное значение получает причинный оттенок[87]. Однако следует заметить, что этот оттенок потенциально присущ всем оценочным изъяснительным конструкциям, допускающим включение в состав их опорной части указания на субъект оценки, так как такое указание может оставаться и не выявленным[88]. Конструкции с указанием на субъект оценки посредством дательного субъекта в литературном языке XIX в. так же, как и конструкции без такого указания, осложнялись включением в состав опорной части различных средств экспрессивного усиления оценки.

---

[87] См.: А. К. Федоров. Указ. соч., стр. 118; L'. Durovič. Указ. соч., стр. 163—166, 195—197.

[88] Возражая Л. Дюровичу, Ван Фу-сян замечает, что в конструкциях типа *приятно, что ты вернулся* даже без дательного субъекта поясняющая часть имеет значение причинное, показывая, чем было вызвано данное состояние (См.: Ван Фу-сян. Указ. дисс., стр. 264—265).

Жаль мне, что вас при этом случае не было (Сл. 1847 г.); *Мне очень жаль, что* я взошел после того как вы уже дали честное слово (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); *Мне очень жаль, что* ваше пребывание в моем доме получило такое... такой конец (Тург., Отцы и дети, XXIV); *Мне стало* вдруг *невыносимо жаль, что* она так беззаветно верит мне (Чех., Огни).

В бессоюзном оформлении изъяснительной конструкции с опорным словом *жаль*, свойственном разговорной речи, не развивается какого-либо нового оттенка в значении конструкции: она остается синонимичной союзной изъяснительной конструкции с данным опорным словом и отличается относительно бо́льшей интонационной и структурной расчлененностью и акцентированностью оценочного слова.

Жаль, разъезжать нет мочи мне (Пушк., Е. О., 7, LXII); *Жаль*, дремлет русский ум (Некр., Отр. из пут. зап. гр. Гаранского); Одно *жаль*, на деньги не хочет играть (Л. Толст., Зап. маркера); Только *жалко*, охота кончилась, а то бы я вас потешил (Л. Толст., Юность, XXVIII).

Наблюдения над изъяснительными конструкциями в XIX в. позволяют сделать некоторые частные заключения, подтверждающие общий вывод о развитии изъяснительных конструкций в сторону более тесного объединения их частей.

1. В глагольных изъяснительных конструкциях устанавливается более тесная связь придаточной части с опорным глаголом изъяснительного значения. В силу этого в XIX в. сходят на нет случаи немотивированного употребления указательного местоимения *то* в составе главной части; в отличие от синонимичных им бессоюзных изъяснительных конструкций, союзные конструкции получают типически одночленную структуру; при этом во второй половине XIX в. наблюдается решительный поворот к относительному употреблению настоящего времени в придаточной части глагольных изъяснительных конструкций.

2. В результате роста употребительности в качестве опорных членов изъяснительной конструкции имен существительных в функции подлежащего или дополнения происходит существенное структурное преобразование именных изъяснительных конструкций: в их составе выделяются распространенные именные словосочетания, независимые от предикативного ядра сложного предложения.

3. В XIX в. происходит отмирание союзных изъяснительных конструкций с безлично-предикативными словами модального значения в качестве опорных членов. Такие конструкции постепенно вытесняются синонимичными им предложениями, в которых безлично-предикативные слова выступают в функции вводных слов.

4. В литературном языке XIX в. развивается употребление оценочных изъяснительных конструкций.

РАЗВИТИЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

§ 1. К концу XVIII в. подчинительные конструкции функциональных типов — временны́е, условные, уступительные, причинные, следственные, целевые — представляли собой уже вполне оформившиеся в структурном отношении построения [1]. Признаками структурной оформленности подчинительных конструкций функциональных типов были: а) наличие собственно подчинительного союза (или относительного наречия); б) свобода размещения придаточной части относительно главной — в основных моделях рассматриваемых конструкций (кроме конструкций следственных, характеризующихся постоянной постпозицией придаточной части); в) факультативность употребления соотносительных с союзом указательных слов. Задолго до начала исследуемого периода оформились в качестве грамматических средств и такие не менее существенные, чем подчинительные союзы, способы выражения синтаксических отношений, как соотносительное сочетание форм времени и вида глагольных сказуемых частей сложного предложения (закономерности таких сочетаний распространялись также и на неглагольные типы предложений) [2].

[1] См.: Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение. «Вестн. ЛГУ», № 6, Серия обществ. наук, 1953; И. А. Каламина. Сложноподчиненное предложение с временны́ми союзами в русск. лит. языке (В историческом плане). Канд. дисс. Горький, 1955; В. И. Борковский. Придаточные предложения времени в древнерусских грамотах. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 6, стр. 516; Е. Л. Скаржинская. К истории употребления сложноподчиненных предложений с временны́ми придаточными с союзом *когда*. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1958, т. CXXXII, вып. 8, стр. 275 и сл.; ее же: Сложноподчиненные предложения с временны́ми придаточными с союзом *коли*; там же, 1960, т. 148, вып. 10, стр. 375, 377; А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русск. языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 93.

[2] См.: Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение. стр. 90—91.

§ 2. Система временных подчинительных конструкций, как она сложилась к концу XVIII — началу XIX в., может быть представлена в следующем виде.

Наиболее общие временные значения имели конструкции с союзами *когда*[3] и *как*, с очень редким во временно́м употреблении союзом *коли*, а также со старославянским по происхождению союзом *егда*[4].

К началу исследуемого периода временной союз *когда* уже завоевал себе господствующее положение в литературном языке, по степени употребительности оттеснив на второе место союз *как*, ранее широко распространенный в разных сферах речи (особенно в деловой). Именно с закреплением в литературном языке союза *когда* исследователи связывают образование собственно подчинительной временной конструкции[5].

Конструкции с союзами *когда, как, коли, егда* выражали, при соответствующих соотношениях форм времени и вида глагольных сказуемых, не дифференцированные по более тонким временны́м оттенкам значения одновременности, предшествования и последования. Конструкции с этими союзами могли употребляться без соотносительных слов[6], и в этом случае местоположение придаточного предложения по отношению к главному было свободным, хотя более обычными были предложения, в которых

[3] М. В. Ломоносов в перечень союзов не включал временных союзов, *когда* был назван им в ряду союзов условных (см.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7. М.— Л., 1952. Росс. грамматика, § 463—465; Материалы к «Росс. грамматике», стр. 756—757). В Словаре АР, ч. III (Спб., 1814) *когда* определяется как вопросительное наречие и как условный союз.

[4] Оставляем без уточнения вопрос о том, являются ли названные слова собственно союзами или относительными словами — наречиями. Вопрос этот и для современного языка еще служит предметом специальных разысканий. См.: С. Г. Ильенко. О союзах и союзных словах *когда* и *где*. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1958, т. 173.

[5] По наблюдениям Э. И. Коротаевой, исследовавшей союзное подчинение второй половины XVII в., широко распространенный в письменном языке той поры союз *как* употреблялся преимущественно в переходной конструкции от сочинения к подчинению (типа *как... и; как... а; как... и в то время; как... и тогда*). Этот союз слабо и неотчетливо обозначал самый факт подчинения и не был в состоянии выразить отдельные оттенки временно́й подчинительной связи. Уже в конце XVII в. *как* начинает вытесняться будущим общелитературным временны́м союзом *когда* (см.: Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в лит. языке второй пол. XVII столетия. Автореф. докт. дисс. Л., 1951, стр. 24).

[6] Правда, в грамматиках Греча и Востокова допускались только «соответственные» (Греч) или «двойные» (Востоков) временные союзы: *когда — тогда, тогда — когда*. См.: Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, стр. 389, 402; А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 226—227. Даже Буслаев случаи отсутствия «указательных частиц», соответствующих союзу придаточного предложения, объяснял как случаи «подразумевания» (см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. Синтаксис, § 269).

временное придаточное предшествовало главному: в определенных случаях конструктивно обязательной была постпозиция или интерпозиция придаточного. Так, придаточное было постпозитивным (или включалось в середину главного), если оно относилось не ко всему главному предложению в целом, а конкретизировало и уточняло один из его членов или группу членов; наиболее обычной была прикрепленность временного придаточного к наречию времени или к словосочетанию с временным значением.

В другой раз, как место сие... захвачено было уже иными, догадало меня сделать другую проказу (Болот., 1, 2): *Теперь же, когда* он сделался столицею сего края, воздвигались в оном красивые и великолепные здания общественные (Моск. телеграф, 1825, № 8). Ср. более ранний пример такой конструкции с *егда*: Николи же таких не имел чутких ушей, как *ныне, егда* сицевого изрядного воеводу под началом моим имети имам (С. Полоцкий, Иудифь, 122) [7].

В этих случаях *когда, егда* и, очевидно, в известной мере *как* сохраняют наречный характер и функционально сближаются с относительными словами [8].

Временно́е придаточное предложение с союзом *как* было постпозитивным и тогда, когда в главном предложении речь шла о том или ином отрезке времени, по истечении которого происходит то, о чем говорится в главном предложении.

Несколько уже лет прошло, *как* он без вести пропал (Болот., 1, 1); Осьмнадцать лет уже совершилось, *как* мы лишилися Федора Васильевича (Радищ., Житие Уш.).

Структурно однотипными с данными конструкциями были предложения с союзом *что*, прикреплявшим придаточную часть к главной, заключающей в себе указание на временно́й отрезок: Вот неделя, *что* я от вас ни строки не получал (Суворов, п. Д. И. Хвостову, 6 авг. 1791).

Союзам *когда, как, коли, егда* препозитивных придаточных предложений в главном предложении могли соответствовать соотносительные слова *тогда, то, так*. Наиболее распространенными были такие модели соответствий: *когда... тогда, когда... то, когда... так, как... так, как... то, как... тогда;* очень редкими в начале XIX в. были сочетания *коли... тогда, коли... то*; сугубо книжным, архаичным было сочетание *егда... тогда* [9].

Когда из Москвы... получен был рапорт о занятии мною выше означенного пивоваренного двора, *то* господа главные оной канцелярии судьи приняли себе оное в презрение (Ша-

---

[7] Пример заимствован из статьи Э. И. Коротаевой «Временно́е сложноподчиненное предложение», стр. 74.

[8] См.: С. Г. Ильенко. Указ. соч., стр. 13—14, 16.

[9] О распространенности временных конструкций с соотношением *егда... тогда* в памятниках разных жанров XV—XVII вв. свидетельствуют примеры, приводимые в названном выше исследовании А. Н. Стеценко (стр. 125).

ховск., Зап., 1); *Когда* все согласные господ сенаторов, во утверждение оного проекта, мнения в журнал протоколист записал, *то* я просил их, чтоб... (Там же, 2); *Как* возвратилася она, *тогда* опять Возить в ней стали воду (Крыл., Бочка); *Как* подходить к реке поближе стали и посмотрели, *так* узнали, Что половину их добра по ней несет (Крыл., Крестьяне и Река).

В конструкциях, построенных по моделям *когда... тогда; как... тогда,* слова *когда* и *как* являются не собственно союзами, а союзными словами: об этом свидетельствует яркий наречный характер соотносительного слова *тогда.* Временные конструкции с обратным соотношением союзных элементов — *тогда, когда*; *тогда, как* (или: *тогда... когда, тогда... как*), т. е. с акцентированным временным соотношением, являются, по существу, структурно связанными, «одночленными» местоименно-соотносительными конструкциями:

Я узнал о твоем... нежном неудовольствии *тогда, как* пыль столбом вилась уже за твоею кибиткою на Петербургской дороге (Карамз., п. И. Дмитриеву, 18 мая 1797).

Перечисленные выше модели временных подчинительных конструкций с союзами *когда* и *как*, сочетавшимися с соотносительными словами или выступавшими изолированно, выражали, как уже сказано, наиболее общие временные значения. Но кроме собственно временных значений эти же модели выражали и другие, семантически соприкасавшиеся с временными синтаксические значения и оттенки. Так, в конструкциях с союзом *когда* временное значение нередко сочеталось с сопоставительным, условным и причинным оттенками значений, подкреплявшимися соответствующими сочетаниями глагольных форм сказуемых: для выражения сопоставительного отношения было характерно, в основном, наличие в обеих частях предложения форм с одним и тем же временным значением; для выражения условного отношения — наличие в придаточной части сказуемого-глагола в форме будущего времени или сослагательного наклонения; для выражения причинного отношения — наличие в придаточной части формы прошедшего или настоящего времени.

В конструкциях с союзом *когда* при постпозиции придаточной части и при наличии в обеих частях предложения форм с одним и тем же временным значением на временное соотношение могло наслаиваться значение противительно-уступительное. Условно-сопоставительный оттенок значения был свойствен вопросительным временным конструкциям с союзом *когда* при постпозиции и препозиции придаточной части. Конструкции типа *когда... то, когда... так, когда... тогда* могли выражать также условный и причинный оттенки значений. Условные и причинные отношения выражались и конструкциями с союзом *как* разных структурных типов. Вот отдельные наиболее типичные примеры:

Когда нет способа избавиться клевет, *Так* мой совет, Все колкие слова хоть то и щекотливо, До времени сносить... (Трутень, 1770, марта 16 дня); Отзывался только тем: что *когда* бог их [дочерей] дал, *то* не преминет и приставить их к месту (Болот., 1, 5); ...Не оставьте принять ласково и благосклонно, как ищущего покровительства. *Когда* захочет остаться, дать квартиру и стол, как и иные выгоды (Суворов, п. Д. И. Хвостову, 12 авг. 1791); Глава ее покрыта была шляпой, *когда* все другие с обнаженными стояли главами (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); [М а ш а] Вот *как* я себя обеспечила, *так* могу и за вас подумать (Крыл., Модн. лавка, III, 3); И лица, в них участвующие, ошибочно называются действующими лицами, *когда* они вовсе не действуют (Вяземск., Ст. зап. кн.).

Временны́е конструкции с союзами *когда*, реже *как* при определенных условиях их структурного оформления соприкасались в одних случаях с изъяснительно-союзными, в других — с изъяснительно-относительными конструкциями, и в соответствии с семантикой опорного слова главной части приобретали ту или иную модальную окрашенность.

То ли *житье* нашему брату, *как* где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика (Радищ., Путеш., Любани); Поверь, что это *честь* большая для овец, *Когда* ты их изволишь кушать (Крыл., Мор зверей); Да вот *беда, Когда* пришло из сети выдираться! (Крыл., Обезьяны).

§ 3. В конце XVIII — начале XIX в. уже широко и разнообразно были представлены временны́е конструкции, выражавшие внутренние оттенки временны́х соотношений в пределах более общих значений одновременности или последовательности.

Два типа отношений в пределах значения временно́й ограниченности — ограничение длительности действия [10], названного в главном предложении, всем периодом длительности действия, названного в придаточном предложении, и ограничение длительности действия, названного в главном предложении, моментом совершения действия, названного в придаточном предложении — выражались конструкциями с одними и теми же союзами: *поколе* (*поколь*), *доколе* (*доколь*), *пока*, *покамест*, *покуда*, *дондеже* (архаич.). Однако определенные структурные признаки способ-

[10] Слово «действие» здесь, как и в других подобных определениях, употреблено не вполне точно, так как, хотя выражение действий и, соответственно, наличие глагольных сказуемых является, естественно, типичным для временно́го сложноподчиненного предложения, однако части временны́х конструкций, в том числе и конструкций с союзами временно́го предела, могут быть безглагольными структурами, например: Для доброго отца большие дети — *бремя, Пока* они не по местам! (Крыл., Подагра и Паук); Спасайтесь вы с Зудою, *пока еще время* (Лажечн., Лед. дом, 4, 11); Весьма вероятно, что ни одна революция не удастся в Европе, *пока* Франция *в том состоянии пространии*, в которой мы ее видим (Герц., Б. и д., 6, LII).

ствовали отграничению конструкций с одним из названных временны́х значений от конструкций с другим значением. Такими структурными признаками были: местоположение придаточного по отношению к главному; видовые и временные формы (или временные значения) сказуемых; наличие отрицательной частицы *не* в придаточном; наличие соотносительных слов в главном предложении. Так, конструкциям со значением полной одновременности двух действий, при наличии в них одиночного, т. е. не поддерживаемого соотносительным словом союза, было свойственно свободное местоположение главной и придаточной части; их сказуемые выражались, как правило, формами несов. вида одного и того же времени (в главном предложении возможны также формы повелит. накл. и инфинитива). В этих конструкциях союз препозитивного придаточного предложения мог выступать в сочетании с соотносительным словом, образуя модели конструкций типа *пока... то, пока... так, поколе... то, поколе... потоле, доколе... дотоле.*

Пока деньжонок своих мало было, *то* он от охоты своей воздерживался (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); *Покуда* я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала (Там же, Едрово); Владейте ими [деревнями], мои други, а меня кормите и пойте, *покуда* буду жить (Болот., 1, 2); Но *доколе* видим славу свою и бедствия княжеств русских, *доколе* гордимся ею и жалеем об них, *дотоле* права новгородские всего святее нам по боге (Карамз., Марфа Посадн. 1); Работаю изо всей силы и мочи, *пока* бог дает мне довольно здоровья и спокойствия для успеха в труде моем (Карамз., п. В. М. Карамзину, 20 дек. 1804); *Поколе* совесть в нас чиста, *То* правда нам мила и правда нам свята (Крыл., Гребень); *Доколе* память моя еще не затмилась, *дотоле* возбуждал я себе последователей (Крыл., Каиб).

Для конструкций с названными союзами, где в придаточной части говорится о действии, с осуществлением которого прекращается действие, о котором говорится в главной части, характерно было постпозитивное употребление придаточной части; сказуемое ее выражалось обычно формами сов. вида (сказуемое главной части могло быть в форме как несов., так и сов. вида), особенно часто при этом — формами буд. вр.; с другой стороны, уже было конструктивно значимым все более активно распространявшееся употребление при сказуемом придаточной части отрицательной частицы *не*, тяготевшей в то же время к союзу, так что сочетания типа *поколе не, доколе не, пока не, покамест не, покуда не* функционировали в качестве единого союза (см. § 40).

[Нисa] Выйти мне за тебя нельзя, *покамест* ты *не* будешь дворянин (Сумарок., Опекун, 1, 14); Слепо устремляется на край гибели, *доколе* горестный, но поздний уже опыт *не* научит его познать цену повиновения (Сев. вест., 1805,

№ 1); Не выеду из Москвы, *пока* все *не* решится (Карамз., п. В. М. Карамзину, 27 авг. 1812); Иного так же мы боимся, *Поколь* к нему *не* приглядимся (Крыл., Лев и Лисица).

По характеру связи частей сложного предложения сближались с конструкциями местоименно-соотносительного типа такие предложения с названными союзами, в которых соотносительное слово препозитивной главной части «предупреждало» о наличии следующего за ним придаточного: *потоле... поколе не (потоль... поколь не); дотоле... доколе не (дотоль... доколь не); потуда... покуда не (потуду... покуду не)* или *потоле, поколе не; дотоле, доколе не* (о соответствиях типа *пока* [*не*]... *до тех пор* см. § 37, 40).

Сей цвет веселия *потуду* не увянет, *Покуду* на него ветр сильной не восстанет (О. Козельский, Пантея [1769]); [Небо] меня осудило мучиться *дотоль, доколь* не буду я причиною хотя одного доброго дела (Крыл., Каиб).

Конструкции, в которых придаточная часть с названными союзами непосредственно зависела от глагола, обозначавшего ожидание, совмещали собственно временное значение ограниченности протекания одного действия пределом осуществления другого со значением изъяснительным (*ждал, пока...; подождем, покуда..* и т. п.) или — в случаях прикрепленности придаточного к существительному *ожидание* — также с определительным значением; при этом соответствующие конструкции оказывались уже не временны́ми, а изъяснительными или определительными.

Велела *дождаться, покуда* не найдет она к тому удобное время (Болот., 1, 2); *Во ожидании, по коль* перестанет [гроза], принужден был остановиться (Челищ., Путеш.).

Слова *доколе, поколе, покуда, покамест, пока* в конструкциях этого типа, а также в только что приведенных конструкциях местоименно-соотносительных совмещали функции союза и наречия, т. е. были, по существу, относительными словами.

§ 4. Значение одновременности, сопровождаемое обычно оттенком противительного сопоставления или уступительности, выражалось конструкциями с союзными сочетаниями *тогда как, между тем когда* (*меж тем когда*), *между тем как* (*меж тем как*). Придаточная часть в этих конструкциях могла быть как препозитивной, так и постпозитивной.

Сколько раз, очень кстати, наносила ты сон строгим матерям, *тогда как* прелестные их дочки употребляли в пользу света свою бессонницу; сколько раз унижала ты гордость несправедливых судей, пособляя обкрадывать их Меркуриевым чадам, *тогда как* первые думали, что они одни красть имеют преимущество (Крыл., Ночи) [11]; Читала про себя какой-то

[11] Конструкции с союзным сочетанием *тогда как* в структурном и функциональном отношении четко отграничивались от конструкций, части которых соединялись сочетанием соотносительного наречия *тогда* (всегда акцентируемого) с союзом *как*, разъединенных паузой, ср.: Так верный подсолнечник не

манускрипт, *между тем как* хозяин писал письма (Карамз., П. р. п., 11 авг. 1789); Но *между тем, когда* чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностию..., дунайские находились еще, кажется, под игом аваров (Карамз., И. Г. Р., 1, 1); *Между тем, как* продолжался строгий смотр нашей героине, *между тем как* испуганная Наташа проходила сквозь ряды язвительных замечаний, заботливый дядюшка, душистый Блестов, уже промчался по зале (Моск. телеграф, 1825, № 6).

Более редкими были случаи интерпозиции придаточных с этими союзами, поскольку сопоставительный характер отношений, выражаемых этими конструкциями, требовал отчетливого расчленения частей.

Но, признаюсь, я не столько прельщен мечтательным миром, чтоб пленяться обладанием Сириуса, и чтоб, *между тем как* моя перчатка будет делать там великие дела, самому бы мне нравилось умирать здесь с голоду (Крыл., Ночи).

Здесь сопоставительно-временное придаточное предложение «размыкает» части фразеологизированного союзного сочетания *не столько..., чтобы* + *инфинитив* и, по существу, разрушает это сочетание (вместо инфинитива во втором случае появляется сослагат. накл.).

Союзным сочетаниям *между тем когда, между тем как* при их препозитивном употреблении могло соответствовать соотносительное слово то: *между тем когда (как)..., то.*

Так некогда Аполлон на Троянской брани подменил Энея подделанною под его вид статуею; и *между тем как* Эней отдыхал дома, *то* статуя храбро сражалась с греками (Крыл., Каиб).

§ 5. Средствами выражения временны́х отношений между частями сложного предложения служили сочетания, в которых союз *как, когда* или, реже, *егда* прикреплялся к существительному *время, пора* в сочетании с местоимением *то (то самое).* В зависимости от предложно-падежной формы этих сочетаний (винит. с предлогом *в,* родит. с предлогом *с* или *до*) между частями соединяемых ими предложений выражались отношения одновременности и отношения между действиями, ограничиваемыми в своем совершении начальным или конечным моментом. Преобладали сочетания в *(самое) то время когда, в (самое) то время как, с (самого) того времени когда, с (самого) того времени как, с (самой) той поры когда, с (самой) той поры как, с (самых) тех пор как, до (самого) того времени когда, до (самого) того времени как, до (самой) той поры когда, до (самой) той поры как, до*

перестает никогда обращаться к солнцу; обращается к нему и *тогда, как* грозные облака затмевают светило дня — и поутру и ввечеру — и *тогда, как* сам он начинает уже вянуть и сохнуть (Карамз., Рыц. нашего вр., 3).

(самых) тех пор когда, до (самых) тех пор как[12]. Реже встречались случаи, когда местоимение *самый* находилось после местоимения *тот: в то самое время когда (как), до того самого времени как (когда)* и т. п. В конструкциях этого типа временное значение могло сочетаться с определительным. Вот отдельные иллюстрации:

С тех пор, как я пришел в несостояние, парень мой торгует (Радищ., Путеш., Новгород); *В самое то время, когда* я с ним сим образом возился, вошло одно колесо одноколки моей в преглубокую колею (Болот., 1, 9); Это было *в то время, когда* сей великий монарх заводил на Воронеже верфь (Добрынин, Зап., XLII); Уже свершилось десять лет *с тех пор, как* несчастная никому не может говорить языком (Изм., Путеш. в полуденную Россию, 1805. ЛК); Манил их обещаниями *до самого того времени, как* они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы (Там же, IX); Как живешь, *С тех пор, как* господа тебя в хоромы взяли? (Крыл., Две собаки); Прошло несколько лет *с того времени, как* я получил хвалу и награду за портрет моей дочери (Греч., Черн. женщина, IV).

Определительный смысл конструкции усиливался, когда определяемым словом было существительное с более конкретным временным значением: *в тот час, когда (как), в тот самый день, когда (как), до самой той минуты, когда (как)* [13].

В самую ту минуту, как назначено было мне свет увидеть, бабушка отправляла свой поклон (Болот., 1, 4); Упал мертвый *в самую ту минуту, как* хотел сесть на ладию (Карамз., И. Г. Р., III, IV); Это случилось *в те недавние годы, как* женские лифы были короче и *как* военные, кроме армейских пехотных офицеров, торжествовали на всех сценах (Н. Павл., Ятаган, I).

Сочетания *тот день, когда; то время, когда* могли составлять основу и собственно определительной конструкции.

Кто из нас не любит *тех времен, когда* русские были русскими; *когда* они в собственное платье наряжались, ходили своею походкою (Карамз., Нат. боярск. дочь); [Лестов] *Тот день* только и счастлив, *когда* удастся ему побранить или моды, или иностранцев (Крыл., Модн. лавка, I, 1).

[12] Е. Л. Скаржинская, исследовавшая употребление сложноподчиненных предложений с временным союзом *коли* в XII—XVII вв., полагает, что сочетания типа *в то время* с союзом *коли* «не успели откристаллизоваться в сложный союз» *в то время коли* (см.: Е. Л. Скаржинская. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом *коли*, стр. 384).

[13] Усилению определительного характера конструкции с временным союзом способствовало, по наблюдениям Э. И. Коротаевой, наличие в подобных сочетаниях при существительном с лексическим значением времени определений, например: А церковь де *в обедную пору, как* пойдут плотники обедать, он Ивашко запирал (Акты Холмогорск. и Устюжск. епархии, 1693) (см.: Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение, стр. 73).

Очевидно, что *когда* в конструкциях этого типа — не союз, а относительное слово. Определительные отношения, выражаемые этими конструкциями — определительными по своей структуре — совмещаются с отношениями временными. Не теряют своего временного характера и отношения, выражаемые собственно определительными конструкциями с относительным словом *когда*, прикрепленным к существительному невременного значения.

Но что до сего, основанного на правилах театра, *действия, когда* хотят американцы сжечь пойманного мужика, то оно не совершенно трагическое (Крыл., п. П. А. Соймонову, 1789).

Сложные предложения, оформленные сочетанием *в то время когда (как)* (обычно — без местоимения *самый)*, могли передавать кроме временно́го соотношения также оттенки сопоставительных отношений. В следующих примерах из прозы Карамзина первая конструкция имеет определительно-временное значение, вторая — сопоставительно-временное:

Знаем только, что он правил еще государством и *в то время, когда* уже питомец его возмужал летами (И. Г. Р., I, V); Наслаждаюсь *в то время, когда* он в горестном уединении скитается по свету (Юлия).

Структурно более устойчивыми и фукционально однозначными были временны́е конструкции того же строения со словами *время, пора* и союзами *пока, покуда, покамест* в составе союзного сочетания. Существительные *время* и *пора* имели здесь две формы: форму винит. пад. с предлогом *в* и форму родит. пад. с предлогом *до,* и вся конструкция обозначала, соответственно, или полное совпадение во времени действий, названных в главном и придаточном предложении, или ограничение действия, названного в главном предложении, моментом осуществления действия, названного в придаточном. Придаточное в этих конструкциях было обычно постпозитивным. Бо́льшую степень формализации имели в описываемых моделях временных конструкций предложно-падежные сочетания в форме родит. пад. с предлогом *до* и с союзами *пока (не), покуда (не), покамест (не)* [14]. Союз мог отрываться от предложно-падежного сочетания, не разрушая при этом единства и союзного характера всего сцепления, связывающего части конструкции. Предложения этого типа, особенно с формой слова *пора* в составе союзного сочетания, не имели (или почти не имели) примеси определительного значения и были собственно временными, ср.:

Я жил и учился тут *во все то время, покуда* полк наш стоял в Курляндии (Болот., 1, 9); Мне хочется *до того*

[14] В диалектной речи, а также в фольклоре отмечены конструкции данного типа с союзом *коли* на месте союза *пока,* например: Я *до тех пор* любить стану, *Коли* скроются глаза (Соболевский, Влкр. народн. песни, V, 47).

времени выдавать журнал, *пока* будет у меня столько денег, чтобы... (Карамз., п. В. М. Карамзину, 6 июня 1803) и: Ухватился и *до тех пор* удержался и не упал в воду, *покуда не* прибежали бегущие вслед за мною люди и меня оттуда *не* вытащили (Болот., 1, 6); [Маша] не входите *до тех пор, пока не* придет сюда мадам Каре (Крыл., Модн. лавка, III, 9).

§ 6. Для выражения повторяемости одного действия по мере повторяемости другого употреблялись конструкции, соединенные сочетаниями *всякий раз когда, всякий раз как, каждый раз когда.* Придаточные в этих конструкциях могли быть препозитивными и постпозитивными, сказуемые обеих частей конструкции выражались формами несов. вида или формами сов. вида со значением повторяемости.

Всякий раз, когда я встречалась с ним на стогнах града, сердце мое влеклось дружбою к юноше, и взор мой невольно за ним следовал (Карамз., Марфа Посадн., 2).

Прозрачными по своему временному значению были конструкции с оформившимся в начале XIX в. в качестве союзного средства сочетанием *после того как*: действие, названное в придаточном предложении, совершается раньше совершения действия, названного в главном предложении. При соответствующем соотношении форм глагольных сказуемых этими конструкциями выражалось значение повторяемости данной последовательности. Место придаточного предложения по отношению к главному было свободным.

После того, как рука Петра Великого поставила нас наряду с другими народами Европы, родилась мысль об истории отечества (Моск. телеграф, 1825, № 1).

Такое же временное соотношение между действиями, названными в придаточной и главной частях сложного предложения, однако с заметным оттенком обусловленности последующего действия предшествующим, передавалось конструкциями, связанными фразеологизированным союзным сочетанием *не прежде как,* компоненты которого обычно расчленялись.

Ему велено было все наши письма останавливать и *не прежде* отправлять в Россию, *как* он уведомлен будет о их содержании (Радищ., Житие Уш.); Но Душенька от сна *не прежде* пробудилась, *Как* полдень уж прошел (Богд., Душенька, 2).

Обратное временное соотношение — действие, названное в главном предложении, предшествует действию, названному в придаточном (или такая последовательность повторяется),— выражалось конструкциями с союзными сочетаниями *перед тем как, прежде поколе (не), прежде покуда (не), прежде нежели, прежде чем*; вторая часть этих сочетаний — собственно союз — могла отделяться паузой от первой части — предлога или предлож-

ного сочетания. Сказуемым придаточного предложения в этих конструкциях мог быть не только глагол в личной форме, но и инфинитив сов. или несов. вида — если действия главного и придаточного предложений относились к одному и тому же субъекту или если придаточное предложение было безличным, неопределенноличным или обобщенноличным. Порядок частей конструкции был здесь также свободным.

Перед тем как отправиться осматривать этот город, мы долго говорили с его жителями (В. Е. 1808, № 7); Но *прежде, нежели* в седло садиться, Он долгом счел к коню с сей речью обратиться (Крыл., Рыцарь); И, *прежде нежели* опомниться он мог, Чуть по клочкам его не расхватили (Крыл., Ягненок); Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться, *Прежде, покуда* Троянской жены на одре *не* обымет (Илиада, пер. Н. И. Гнедича, II).

Временны́е сложноподчиненные предложения со значениями последования и предшествования в придаточной части функционировали параллельно с простыми предложениями, в которых эти временны́е значения передавались обособленными предложно-именными сочетаниями с наречными предлогами *после* и *прежде*.

Теперь, *прежде приступления* к действительному началу моей истории, надобно мне вас попросить о двух вещах (Болот., 1, 1); Народная сила и храбрость, *после* некоторого *усыпления,* громом и молниею возвестили свое пробуждение (О любви к отеч. и народн. гордости, В. Е., 1802, № 4).

Обороты, вводимые сочетанием *не прежде как*, имели, кроме временного, также условно-выделительное значение.

Не прежде мы выступили в поход, *как* отслушав в поставленных полковых церквах обедню (Болот., 1, 38).

§ 7. Значение временно́й последовательности, при которой действие, названное в придаточной части, предшествует действию, названному в главной части, выражалось сложноподчиненными предложениями, связанными союзами *коль скоро, сколь скоро, как скоро*. В отличие от предложений с союзами *когда, как, коли, егда*, эти предложения были функционально однозначны. Включенное в союзное сочетание наречие *скоро* иногда сохраняло здесь свое самостоятельное значение, в силу чего вся конструкция могла обозначать быстрое следование явлений. Однако обычным для конструкций с союзами *коль скоро, сколь скоро, как скоро* было и простое соотношение временной последовательности, и тогда они выступали как синонимы тех сложных предложений с союзами *когда, как, коли, егда,* в которых придаточная часть обозначала предшествование. Вместе с тем в конструкциях с названными союзами собственно временное значение, как и в конструкциях с союзами *когда, как, коли, егда,* могло совмещаться со значением условным или, реже,

с причинным. Структурные модели этих конструкций были те же, что и модели конструкций с союзами *когда, как, коли, егда,* т. е. предложения с союзами *коль скоро, сколь скоро, как скоро* могли употребляться без соотносительных слов, и в этом случае придаточное предложение могло занимать любое место по отношению к главному; эти конструкции могли включать соотносительные слова *то, тогда, так, так скоро,* употреблявшиеся в постпозитивном главном предложении.

Как скоро согласишься Идти со мною в город жить, Ты будешь весь иной и так переродишься, Что... (Хемн., Воля и неволя); *Как скоро* оной присланной... те мои слова донес; *так* немедленно прислан ко мне бывший тогда в должности обер-прокурора князь Амилахоров (Шаховск., Зап., 2); *Как скоро* мы фланшировали три тесные дефилеи, где терпели малой урон, началась атака (Суворов, Прош. в Герольдмейст. контору, 1790); *Как скоро* несколько продымилось, *то* могли мы еще явственно наш фрунт чрез пруссаков видеть (Болот., 1, 46); И *как скоро* он его увидел, *то* взял в руку и, посмотря несколько, спрашивал меня, где я взял такую вещь (Чулк., Пригож. повариха) [15]; Но *как скоро* приметил, что он не успевает, *так скоро* и перестал писать (Трутень); Нищим здесь запрещено просить милостыню, а *как скоро* кто попадается, отводят его в больницы (Фонв., п. сестре, апр. 1778); *Сколь скоро* воображу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалася, *то* я все позабываю (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); *Как скоро* научишься посредством сих азбук порядочно читать составленное из их букв, *тогда* никакие тайны в природе не могут быть сокрыты (Крыл., Почта духов, XXV); Я умру, *как скоро* тебя не будет на свете (Карамз., Бедн. Лиза); Решился он оставить армию, *как скоро* найдет к тому безопасный случай (Моск. телеграф, 1825, № 7).

§ 8. Значение быстроты или внезапности следования одного действия за другим как особый оттенок временных отношений выражалось специальными временными конструкциями, которые в языке конца XVIII — начала XIX в. были уже широко представлены и развиты в формальном отношении. Это были предложения с возникшими из наречий или частиц союзами *едва, лишь, только, чуть* и союзными сочетаниями *едва только, лишь только, чуть лишь, чуть только, как только, только что, лишь только что, как только что.* Придаточная часть, называющая предшествующее действие, была, как правило, препозитивной по отношению к главной части, в которой называлось действие, быстро, мгновенно или внезапно следующее за только что осуще-

---

[15] Примеры из произведений Чулкова и Новикова заимствованы здесь, а также ниже из указ. дисс. И. А. Каламиной, стр. 262—264, 270.

ствленным действием. В частях конструкции употреблялись преимущественно формы глаголов сов. вида; предложения, входящие в состав сложного, могли быть также такими, в которых самой структурой подсказывалось отсутствие глаголов сов. вида со значением быстрого, стремительного движения. Союзы *едва, лишь, только, чуть* и производные от них употреблялись или одиночно или в сочетании с соотносительными словами *то,* реже — *так.*

Старик сошел с осла и сына посадил. И *только лишь* за ним десяток раз ступил, *То* люди начали указывать перстами (Лом., Притча); И *едва* столько было времени, как успел его высочество сесть в присутственное место, *то* на оной приказал и резолюцию подписать (Шаховск., Зап., 1); *Как только что* начали было они есть, *то* вошел судейский раб (Чулк., Пересмешн., 16); Но *лишь только* вышла на улицу в ночное время, *то* и попалась разбойникам (Там же); *Как только* вышла я на двор, *то* встретившийся со мною его управитель наградил меня такою исправною пощечиною, что... (Чулк., Пригож. повариха); *Лишь* приехали сюда, *то* и за доктором (Карамз., п. П. Вяземскому, 2 окт. 1817); *Лишь только* замолчишь, *то* жду я, не дождусь, Чтоб начала ты снова (Крыл. Кукушка и Петух).

Заметную роль в оформлении и в более точном выражении оттенков временных значений играли в этих конструкциях наречия времени и частицы, употреблявшиеся в постпозитивной главной части. Наречия *тотчас, вдруг, вмиг, мигом* выделяли тот или иной оттенок быстрого, внезапного действия; частица *уже* вносила в конструкцию противительный смысл.

Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульный офицер бежит *уже* к наместнику (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); *Едва* червонец вынет он, *Уж* в кошельке другой червонец шевелится (Крыл., Бедн. богач); *Едва лишь* это трость сказала, *Вдруг* мчится с северных сторон И с градом, и с дождем шумящий аквилон (Крыл., Дуб и Трость).

Союзам *едва, лишь, только, чуть, едва только, чуть только* и т. п. могли соответствовать во второй части конструкции не только слова *то, так* — показатели подчинительной связи, но также и сочинительные союзы *а, но, и, ан,* так что все сложное предложение со значением быстрой временно́й последовательности сочетало в себе черты и подчинения, и сочинения.

Я *лишь только* Его высочеству поклонился, *а* он *уже* приказывал своему камердинеру подать для меня чашку кофе (Шаховск., Зап., I); [Цыфиркин] *Лишь* он грифель в руки, *а* немец в двери (Фонв., Недоросль, III, 6); [Аристарх] *Едва* ты явишься, *и,* позабыв наряды, На красоту твою все обратятся взгляды (Гриб., Мол. супруги, 8); Но *лишь* позаняли

места. *Ан.* глядь, сидит тут крыса без хвоста (Крыл., Совет мышей) [16].

Бóльшую степень взаимной связанности частей имели временные конструкции со значением быстрого следования действий, когда части конструкции соединялись сложными союзами, в которых *как* был вторым компонентом союза, помещавшимся в начале постпозитивного главного предложения: *едва... как, лишь... как, едва только... как, лишь только... как, лишь чуть... как* и т. п. [17]

Едва молодая госпожа переступила порог дому..., *как* я почувствовал тягость моего жребия (Радищ., Путеш., Тверь); *Лишь только* окончились свадебные обряды, *как* Неотказа... вздумала принять в свое правление дом (Крыл., Почта духов, II).

§ 9. К началу исследуемого периода завершался процесс фразеологизации особой разновидности временны́х конструкций, в которых «отношения между частями выражены лексико-синтаксическими средствами [18]. Это — конструкции, построенные по моделям: *не успел (не успевал, не успеет) ...как; едва (только) успел (успевал, успеет) ...как* (с обязательным инфинитивом при глаголе); *не прошло (не проходило, не минуло)* [*недели, двух часов* и т. п.] *...как; едва прошел (минул)* [месяц, год и т. п.]... *как*; *не проходило* (*не пройдет*) [*часу, дня* и т. п.]... *чтобы... не.* Сюда же могут быть отнесены конструкции, более свободные по лексическому наполнению их первой части, но характеризующиеся обязательностью отрицания при сказуемых первой и второй части и союзом *чтобы,* присоединяющим вторую часть, типа *шагу не сделает, чтобы не солгать.* Таким образом, части сложного предложения оказываются здесь прочно стянутыми в тесное, взаимосвязанное единство. Значение интенсивности, быстроты следования действий друг за другом осложнено в этих конструкциях оттенками преждевременности, внезапности наступления второго действия, а также оттенком противопоставленности

---

[16] Л. А. Булаховский так толкует употребляющийся «относительно нередко» в первой половине XIX в. просторечный противительный союз *ан:* «а вот», «но вот», «и вдруг» (см.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954, стр. 388).

[17] Распространенность этих конструкций в языке XVIII в. отмечают в своих исследованиях Э. И. Коротаева («Временно́е сложноподчиненное предложение», стр. 82) и И. А. Каламина («Из истории сложноподчиненного предложения с временны́м союзом *как*».— «Уч. зап. Туркменского гос. ун-та», 1960, вып. XVII, стр. 99).

[18] Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1541—1548. Интересно, что в чешском языке, в отличие от русского, этот тип временны́х конструкций не получил развития и окончательного оформления, хотя основы для его грамматического оформления и складывались в древнечешском языке (*natáhnúti — až*) (см.: J. Bauer. Časové souvěti v ruštině a v češtině.— «Sovětská jazykověda», 1955, № 5—6, str. 339; его же. Vývoj českého souvěti. Praha, 1960, str. 222).

действий. Основная структурная формула предложений могла дополняться во второй своей части соответствующими наречиями или словосочетаниями со значениями быстроты, мгновенности, неожиданности (*вдруг, вмиг, внезапно, в одну минуту* и т. п.), а также частицами *еще* (в первой части) и *уже* (во второй части).

Не успевала дивизия куда *приттить, как* в один час все было выкуплено и ничего достать было уже не можно (Болот., 1, 38); *Не успел услышать*, что пушки привезены и стоят на улице, *как вмиг* очутился я *уже* у ворот (Там же, 6); *Не прошло более получаса, как* судно наше... всплыло и развалилося совсем (Радищ., Путеш., Чудово); *Еще не прошло пяти часов, как* в кружку щеголих божился он, что изрубил всю Турецию (Крыл., Ночи); *Не минуло и году, как* все узнали, кто Осел (Крыл., Осел); Уже твои давно истлели кости, А солнце разу *не взойдет, Чтоб* новых от тебя *не* осветило бед (Крыл., Сочинитель и Разбойник).

Вариантами этих конструкций были бессоюзные или сочинительные по форме конструкции (в этих последних вторая часть присоединялась к фразеологизированной первой части противительными союзами *а* и *но*).

Перешел чрез Рымну позже меня, и, *едва успел построиться*, неприятель, в двенадцати тысячах состоявший, напал сильно на оба крыла (Суворов, Прош. в Герольдмейст. контору, 1790); *Не успею пожелать, уже* исполнилось (Моск. телеграф, 1825, № 8); Я *только лишь успел сказать:* 'калитка в сад отперта, спеши! *и* Евгения скрылась за двери (Нарежн., Бурсак, 2, XXII); *Не успел* я *вернуться,* а меня *уж* схватили трое десятских за шиворот (В. Соллог., Тарантас, IX); *Не прошло часа* после этого разговора — он был *уже* в саду у князя (Н. Павл., Ятаган, VIII).

§ 10. Особый вид временного соотношения, при котором последующее действие (или ряд действий) внезапно прерывает предшествующее действие (или ряд действий) в самом процессе протекания или в начале осуществления, передавался подчинительно-присоединительными конструкциями с союзом *как* или — при выражении оттенка неожиданности — союзным сочетанием *как вдруг*, вводящим вторую, постпозитивную часть конструкции. Различные оттенки этого значения передавались соответствующими сочетаниями форм сказуемых. При этом глаголы-сказуемые второй части конструкции имели, как правило, форму сов. вида (или вторая часть была безглагольным предложением со значением совершенности). При сочетании значения совершенности во второй части со значением несовершенности (или значением состояния) в первой части возникало соотношение: внезапно наступившее действие неожиданно нарушает или прерывает длительное действие (или состояние); обычным было

употребление в обеих частях конструкции сказуемых в форме прош. вр. Вот характерные примеры:

Я шел по Монмартрскому бульвару, *как* счастливая мысль блеснула, как молния, в уме моем (Моск. Мерк., 1803, № 4); Владимир с грозным видом и с обнаженным мечом является совершить строгое определение, *как вдруг* он видит бегущего к себе младенца (Изм., Путеш. в полуденную Россию, 1805. ЛК); Мы от безделья разговаривали кой-что, *как вдруг* в круглой нашей зале застучало, загремело (Моск. телеграф, 1825, № 4).

Такую же структуру имели конструкции, первая часть которых приобретала значение временно́го ориентира по отношению к внезапно наступившему действию, названному во второй части конструкции.

Уже малой день сближался к полудню, *как* лежащая от испуга графиня, опомнясь, потребовала к себе всех своих служащих (Добрынин, Зап., XLI).

§ 11. Соотношение, при котором одно действие — или уже начавшееся, или не успевшее начаться, или только задуманное, но не осуществленное — прерывается другим действием, выражалось конструкциями, в первой части которых сказуемое выражено глаголом сов. вида со значением начинательности или сочетаниями с инфинитивом глаголов (а также слов категории состояния), обозначающих начало действия или выражающих модальные оттенки желания, намерения, стремления, готовности. Сказуемое первой части могло выступать также в форме «недействительного наклонения» (с частицей *было*); обычным было употребление в первом предложении частицы *уже,* усиливающей значение сопоставленности двух действий (или двух рядов действий).

Я намерялся итти за нею вслед, *как* одна девка..., положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мною дорогою (Радищ., Путеш., Едрово); Уже все было готово, и уже начали приглашать старика, чтоб он дал утружденным членам своим отдохновение, *как* появились его племянники (Болот, 1, 2); Эраст вышел и хотел уже итти на крыльцо огромного дому, *как вдруг* почувствовал себя в Лизиных объятиях (Карамз., Бедн. Лиза); Он взял мешки в руки и хотел попробовать, который из них тяжелее, *как вдруг* один из них выпал из его рук (Моск. телеграф, 1825, № 12).

Эти конструкции были синонимичны тем конструкциям с союзами *едва, лишь, чуть* и т. п. (см. выше, § 8), в которых придаточная часть была препозитивной и сказуемое выражено формой «недействительного наклонения»:

И *едва принялся было* за предприятие мое, нечаянное объявление войны принудило меня бежать за границы турецкие (В. Е., 1808, № 7).

На меньшую степень связанности частей отдельных разновидностей данных конструкций, по сравнению с конструкциями типа *не успел... как*, указывает возможность значительного интонационного разрыва на стыке частей конструкции, в силу чего вторая часть, вводимая обычно союзом *как вдруг*, приобретает известную синтаксическую самостоятельность, и связь между частями оказывается собственно присоединительной.

Я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку; *как вдруг* дождь пошел (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть).

Временное соотношение описываемого типа передавалось также сложным предложением, которое можно назвать сочинительным временным периодом; первая часть этого двучленного построения состоит из нескольких предложений или является слитным предложением; она включает частицу *уже*, усиливающую временно́е значение сказуемых; частице *уже* структурно соответствует противительный союз *но*, *а* или *да*, начинающий вторую часть периода; вторая часть содержит обычно наречие *вдруг*, подчеркивающее значение неожиданности, внезапности и интенсивности наступления действия (или ряда действий). Подобного рода периоды особенно характерны для прозы Карамзина.

Уже первый ряд русского воинства, теснимый бесчисленным множеством литовцев, начинал колебаться, и хотел уступить врагу сильнейшему; *но вдруг* как гром загремел голос: умрем или победим! (Нат. боярск. дочь); *Уже* беспредельное море засинелось перед нами; *уже* слышали мы шум его волнения — *но вдруг* переменился ветер (О-в Борнгольм).

§ 12. На периферии литературного языка бытовали временны́е конструкции, структурной основой которых было местоименно-союзное сочетание *что... то* или *что ни... то*. Конструкции этого типа отличались лаконизмом, свойственным пословицам и изречениям. Они передавали временно́е соотношение, при котором одно действие или явление, названное в первой части конструкции, обязательно сопровождается другим действием или явлением, названным во второй части, при этом — особенно при сочетании союза *что* с частицей *ни* — эта связь двух действий или явлений носит характер регулярной повторяемости[19]. Было

[19] В названных выше исследованиях А. Н. Стеценко, Э. И. Коротаевой, И. А. Каламиной, посвященных характеристике и развитию сложноподчиненных предложений в XIV—XVI, XVII и XVIII вв., указания на временны́е конструкции типа *что... то* отсутствуют. Они не отмечены в грамматиках Греча и Востокова. См., однако, примеры, приводимые Буслаевым: *Что ни* вложит кусок в рот, *то* цену считает (Кант., Сатира 5); *Что* ко лбу перст, *то* мысль родится (Дмитриев) (Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 265). Примеры этих конструкций — правда, без указания источников — находим также в «Русском синтаксисе» В. Стоюнина (Изд. 2. М., 1875, стр. 91). Характеристику временны́х конструкций этой разновидности см. в работе А. К. Федорова «Употребление подчинительного союза *что* в совр. русск. языке».— «Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та», т. XIX, вып. 2, 1957, стр. 138—140.

несколько структурных разновидностей этих построений. Обе части конструкции могли включать глаголы в формах буд. или прош. вр. сов. вида; формы глаголов сов. вида первой части могли сочетаться с формами наст. вр., а также прош. (сов. или несов. вида) второй части; одна из частей конструкции или обе части могли быть безглагольными предложениями (с отсутствующими глаголами движения). Вот несколько примеров:

Зато и жив, и свеж; *Что* встал, *то* в город, в поле Верхом, пешком, в санях, на дрожках (Крыл., Лентяй, I, 3); [Сумбурова] Ты *что* рот разинешь, *то* соврешь (Крыл., Модн. лавка, I, 7); *Что* ступит, *то* стукнет (Даль, Пословицы).

Соотносительное слово *то* могло отсутствовать:

Что даст обед, *что* сходит на поклон,— Иль чин, иль место схватит он (Крыл., Фортуна в гостях); [Лиза] *Что* встанет, доложу-с (Гриб., Горе от у., I, 2).

Обе части конструкции (или одна из частей) могли включать существительное в именит. пад. в качестве главного члена предложения:

Что ни шаг, *то* новое государство (Фонв., п. сестре, 20 ноября (1 дек.) 1777); Зато уж у него, *что* завтрак, *что обед, что* ужин, *то* расправа (Крыл., Лягушки, просящие царя); Иным *что* шаг, *то* неудача; *что* шаг, *то* радости другим (Вяземск., В шляпе дело).

Более редким в конструкциях этого типа был союз *как ни:*

Таков был постоянный обычай цезаря, что *как ни* новая жертва, *то* и новая благодарность богам (Н. Кудрявц., Римск. женщ. ЛК).

Особую группу конструкций, построенных по модели *что... (то)*, составляли предложения, в первой части которых было существительное в именит. пад. (как правило, не распространенное другими словами) с лексическим значением времени (*год, день, минута* и т. п.).

Что ночь, то домовой пугать его ходил (Хемн., Домовой); *Что день, то* снова осел мой то ж Зевесу пел (Крыл., Осел).

Объединяясь с временными конструкциями семантически, эти конструкции с точки зрения их структурного оформления принадлежат к местоименно-соотносительному типу.

С временными конструкциями наиболее тесно объединялись — генетически, структурно и семантически — конструкции условные, уступительные и причинные. Общими для них были и остаются закономерности соотношения форм вида и времени сказуемых частей сложного предложения, поскольку условно-следственные и причинно-следственные отношения естественно возникали и развивались на основе временного соотношения предшествования — последования. В древнерусском языке обычны были конструкции, в которых временные, условно-следственные (а также уступительно-противительные) и причинно-следст-

венные отношения не имели расчлененного, сколько-нибудь четкого выражения [20]. В представленном выше обзоре временных конструкций, функционировавших в конце XVIII — начале XIX в., отмечались случаи оформления условных, уступительных и причинных конструкций одним и тем же союзом (см. § 2, 7) [21]. Вместе с тем условные, уступительные и причинные конструкции в своем основном составе к исходному для настоящего описания периоду уже представляли собой вполне оформившиеся, самостоятельные структурно-семантические типы сложноподчиненного предложения.

УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

§ 13. Значение реального (или потенциального) [22], т. е. осуществимого условия выражалось подчинительными конструкциями с союзами *если, ежели, когда, коли, коль, коль скоро, как скоро, как, буде*. В соответствии со спецификой передаваемого этими конструкциями синтаксического значения, в придаточной части называлось действие, предшествующее другому действию (названному в главной части), и характерным было употребление в обеих частях конструкции сказуемых в формах буд. вр., хотя свободно употреблялись и другие формы изъявит. накл., а также форма повелит. накл. и инфинитива. Обычной для этих конструкций была препозиция придаточной части. Перечисленным условным союзам, кроме союза *буде*, могли соответствовать в постпозитивном главном предложении соотносительные слова *то, тогда* или *так;* при этом, по сравнению с семантически и стилистически «нейтральным» соотносительным словом *то*, соотносительное *тогда* подчеркивало неизбежность наступления ожидаемого (или наступившего) следствия, а соотносительное *так* употреблялось преимущественно в текстах, отражающих непринужденную разговорную речь.

Если лошади все в разгоне,— размышлял я,— *то* несправедливо, что я мешаю комиссару спать (Радищ., Путеш., София); Барин, *коли* есть у тебя свои мужички, *так* они того же у господа молят (Там же, Любани); [Сумбурова] А уж *как* смешон человек, *так* в люди нельзя показаться (Крыл., Модн. лавка, I, 9); *Когда* перенимать с умом, *тогда* не чудо И пользу от того сыскать (Крыл., Обезьяны).

---

[20] См., например: Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.— Л., 1941, стр. 5, 41, 58, 89, 93, 128 и др.

[21] Ср. замечание Ф. И. Буслаева (Ист. грам., § 269) о возможности взаимной замены временных и условных союзов. Ср. также мнение Н. И. Скосыревой («Союзные сложноподчиненные предложения в произведениях И. А. Крылова». Канд. дисс. Томск, 1953, стр. 242) о «сопряженности» и «нерасчлененности» выражения временных и условно-следственных значений в условных подчинительных конструкциях у Крылова и его современников.

[22] Термин Б. В. Лаврова (см. указ. соч., стр. 6).

Союзу *буде* обычно соответствовало соотносительное слово *то*.

Но буде последующее описание жизни моей не будет для вас таково любопытно, весело и приятно, как вы себе воображаете, *то* вините уже сами себя, а не меня (Болот., 1, 1); *Но буде* корсиканская трава не поможет, *то* жена моя решилась принять и другие (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); *Буде* счастливою в супругах симпатиею чувства их равномерно услаждаются, *то* союз брачный будет благополучен (Радищ., Путеш., Едрово).

Сравнительно меньшее распространение имели в это время условные конструкции со значением «реального» условия без соотносительных слов, а также конструкции с постпозитивной и интерпозитивной придаточной частью.

Здесь всякий работный человек, *буде* занеможет недели на три, разоряется совершенно (Фонв., п. сестре, 7/18 дек. 1784); *Коли*, бог даст, будем живы и здоровы и увидимся, рад я с тобою говорить о старых и новых героях (Суворов, п. Н. Суворовой, 2 июня 1788); Под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, *коли* погода хороша (Радищ., Путеш., Любани); Ты бы велел себя будить молотком по голове, *буде* крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи (Там же, Чудово); Великие и малые люди равно бывают подвержены внутреннему угрызению своей совести, *коль скоро* сделаются преступниками (Крыл., Почта духов, II); [Сумбуров] Да забудьте, *коли можете*, и то, что я был друг вашему отцу (Крыл., Модн. лавка, II, 13); *Когда* не хочешь быть смешон, Держися звания, в котором ты рожден (Крыл., Ворона); Но *если* кто на свет Повыше лавок взглянет, Увидит, что и там на ту же стать идет (Крыл., Купец).

В известных структурных условиях, уже достаточно четко определившихся, конструкции с названными союзами передавали условно-следственные отношения, осложненные оттенками причинности и уступительности. Такими условиями были: взаимоположение частей конструкции, их интонационная оформленность, формы сказуемых, наличие в придаточной части определенных частиц. Так, причинный оттенок значения имело придаточное условное предложение в случаях: а) прикрепления придаточного к препозитивному главному предложению, представляющему собой риторический вопрос; б) наличия в придаточном предложении сказуемого в форме наст. или прош. вр.; в) наличия в главной части сказуемого в форме повелит. накл.; г) употребления в придаточном предложении частицы *уже*; д) прикрепленности в условному союзу препозитивной «начинательной» частицы *а (а если, а ежели, а коли, а как)*.

Но на что право, *когда* действует сила? (Радищ., Путеш., Новгород); Ему ли страшиться сего тенистого пути, *когда* с

ним доброе сердце его, *когда* с ним добрые дела его (Карамз., Нат. боярск. дочь); Следственно, *ежели* славяне и венеды составляли один народ, *то* предки наши были известны и грекам и римлянам (Карамз., И. Г. Р., I, I); *Если* Мономах один раз в жизни не усомнился нарушить права народного и вероломным образом умертвить князей половецких, *то* можем отнести к нему слова Цицероновы: век извиняет человека (Там же, II, VII); [Сумбуров] Почему и не осмелиться, *коли* дура попалась (Крыл., Модн. лавка, II, 13); [Лестов] Уж *коли* не ты вздумала, так и дурно (Там же, III, 3); А *если* корень иссушится, Не станет дерева, ни вас (Крыл., Листы и Корни); Уж воду бы таскал, *коль* нет в тебе уменья! (Крыл., Обоз); *Когда* не хочется домой вам натощак, *Так* оставайтесь у порогу (Крыл., Пир).

Прикрепление к условному союзу модальной частицы *и* вносило в конструкцию оттенок уступительности.

Кто знатен и силен, Да не умен, Так худо, *ежели* и с добрым сердцем он (Крыл., Слон на воеводстве).

При определенном соотношении лексических значений частей условно-следственной конструкции,— если препозитивное придаточное предложение включало слова, содержащие ту или иную оценку по отношению к предмету, названному в постпозитивной главной части,— вся конструкция имела своеобразное условно-определительное и в то же время выделительное значение. Наличие соотносительного слова в главной части было здесь обязательным.

Коли что здесь прекрасно, *то* разве климат (Фонв., п. сестре, 20 ноября/1 дек. 1777); *Коли* что здесь действительно почтенно и *коли* что всем перенимать здесь надобно, *то*, конечно, любовь к отечеству и государю своему (Фонв., п. сестре, апр. 1778).

§ 14. Значение ирреального, т. е. несостоявшегося, условия выражалось конструкциями, включавшими формы сослагат. накл. и оформленными условными союзами с примыкавшей к ним частицей *бы*: *если бы*, *ежели бы*, *когда бы*, *коли бы*, *как бы* (а также *кабы*).

И я истинно не знаю, что б со мною воспоследовало, *если б* не стал сей опасный зуб сам качаться (Болот., 1, 7); Они б дня не прожили, *если б* запретили им выдумывать и лгать (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); Бригадир] *Как бы* ты бога-то узнала побольше, *так бы* такой пустоши и не болтала (Фонв., Бригадир, I, 1); *Когда бы* я с ним был заодно, *то бы* было не житье, а масленица (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); *Кабы* батюшка жив был и это видел, *то бы*, даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею (Там же, Едрово); *Если бы* у меня был веселый характер, *то* я стал бы смеяться (Карамз., п. В. М. Карамзину, 22 мая 1817);

[В а н ь к а] Право бы взял, Дашенька, *как бы* не боялся, что барин подоспеет с сикурсом (Крыл., Пирог, 2); *А если б* некогда деревьев тех не стало, И время их бы отошло: *Тогда* в свою чреду ты столько б возросло, Усилилось и укрепилось, Что нынешней беды с тобой бы не случилось (Крыл., Дерево).

§ 15. Особую разновидность условных конструкций составляли конструкции, в которых придаточное предложение прикреплялось к сказуемому главной части, выраженному глаголом или словом категории состояния, заключающему в себе значение оценки — типа *хорошо, если..., беда, коль..., не любит, ежели...* В этих конструкциях, таким образом, объединялись структурные черты изъяснительных и условно-следственных конструкций.

[С у м б у р о в] Рад бы, рад бы я был, *как бы* при мне незваные-то гости к вам пожаловали! (Крыл., Модн. лавка, III, 7); [С у м б у р о в] Куда жаль, *коли* печати не найдем! (Там же, 16); [Ф а т ю е в] Я только не люблю, *коли* есть кто-нибудь, кому я должен (Крыл., Пирог. 4); Беда, *коль* пироги начнет печи сапожник (Крыл., Щука и Кот); Хорошо, *если бы* так было (Карамз., Юлия).

§ 16. По отношению к литературному языку конца XVIII — начала XIX в. уже можно говорить об известной стилистической дифференциации союзов, оформлявших основные модели условных подчинительных конструкций. Правда, Словарь Академии Российской 1789—1794 гг. не дает в отношении условных союзов *ежели, если, как, когда, коли* никаких стилистических помет, ставя в один ряд союзы *ежели* и *если* с союзами *когда* и *буде*, поясняя, например, союз *когда* через союзы *если, ежели,* союз *коли* — через *ежели,* союз *как* — через *когда.* Относительная стилистическая равноценность и, по существу, дублетность союзных средств оформления условных конструкций в конце XVIII — начале XIX в. может быть проиллюстрирована случаями употребления разных условных союзов в одном и том же контексте.

Старец, посмотрев, сказал ей удивительное предсказание, а именно, что *ежели* хочет она долго жить, *то* не ходила б замуж, *буде* же пойдет, *то* жизнь ее только пять лет продолжится (Болот., 1, 3); Но верь, *коль* вещи бы он боле понимал, И *если* бы с его умом была возможность Почувствовать свою перед тобой ничтожность, Он более б тебя на жребий свой роптал (Крыл., Богач и поэт).

Только Словарь 1806—1822 гг. отмечает просторечность условного союза *коли.* Примечательно, что этот союз не называется среди условных союзов в «Русской грамматике» Востокова. Однако он широко используется Крыловым — не только в речи персонажей, но и в авторской речи. В то же время языку Карамзина союз *коли* совсем не свойствен. Союз «ирреального условия» *кабы* (*как бы*), попавший в письменность сравнительно

поздно [23], не входил, очевидно, в систему литературного языка и использовался почти исключительно в художественной литературе — при воспроизведении разговорной или «народной» речи. Редко употреблялся — в силу, по-видимому, широкой распространенности временно́го *как* — и носил отпечаток разговорности союз *как* в условном значении. Союз *буде*, получивший широкое распространение в деловой письменности XVII и XVIII вв., в начале XIX в. воспринимался как принадлежность «старинного слога» [24]; однако он еще довольно свободно употреблялся в частной переписке [25]. Из условных союзов *если* (*бы*), *ежели* (*бы*) и *когда* (*бы*) были наиболее употребительны в условных конструкциях «реального» и «ирреального» типов в разных сферах речи. При этом самым распространенным и стилистически нейтральным (по сравнению с несколько более «сниженными» *ежели* и *когда*) был союз *если* (*бы*).

§17. Рядом с конструкциями собственно условными выделялись в качестве самостоятельных структурных типов, с одной стороны, конструкции условно-разделительные и условно-обобщительные и, с другой стороны, конструкции условно-ограничительные.

Конструкции условно-разделительные и условно-обобщительные оформлялись союзом-частицей *ли* и сохраняли в своем построении прямую связь с вопросительными предложениями.

Бедный *ли* приближался к царевне? она помогала ему — печальный *ли* проливал слезы? она утешала его (Карамз., Прекрасн. царевна и щастл. карла) [26].

Особенностями структуры этих разновидностей условных конструкций были: препозиция придаточной части, наличие двух или нескольких придаточных предложений с повторяющимся в каждом из них союзом *ли* (вместо последнего *ли* мог употребляться разделительный союз *или*), четкое интонационное расчленение конструкции на две части. В этих конструкциях возможно было и одно придаточное предложение (союз *ли* обычно следовал за первым членом придаточного предложения); союз *ли* (а также заключительный *или*) мог соединять однородные члены придаточного предложения, объединяя в то же время части подчинительной конструкции.

---

[23] Исследователи приводят примеры употребления этого союза в памятниках лишь с XVII в. (см.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 99—100).

[24] См.: Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 417.

[25] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 51.

[26] Анализируя построение и употребление конструкций с союзом *ли* в древнерусском языке, Б. В. Лавров приходит к заключению, что условные предложения на первых этапах своего развития были близки по значению к предложениям вопросительным (указ. соч., стр. 73—75). На семантическую близость в современном языке вопросительных и условных предложений указывает, в частности, В. А. Богородицкий («Общий курс русск. грамматики», стр. 234).

О ты, трясет чей землю взгляд! Коснешься *ли* горам — дымятся; Дохнешь *ли* на моря — холмятся, В руке держащий твердь и ад! (Держ., Величество божие); [Сумбурова] Вот тебе зять; люб *ли*, не люб *ли*, береги его да жалуй (Крыл., Модн. лавка, III, явл. последн.); Приятель *ли* к хозяину приходит: Охотно о мешке речь ласкову заводит (Крыл., Мешок); Но до звонка ему все счастливо сходило: Зайдет ли в рожь, в овес *иль* в огород,— Наестся досыта и выйдет тихомолком (Крыл., Осел); В дорогу *ль* — с нею ты, и часто с нею в поле (Крыл., Крестьянин и Лисица).

§ 18. Условно-ограничительное значение передавалось конструкциями с придаточной частью, включавшей частицу *только* или частицу *лишь*, которые выполняли функцию подчинительных союзов. Вряд ли можно, однако, даже в отношении литературного языка более позднего времени, считать *только* и *лишь* в конструкциях с данным значением полноценными подчинительными союзами, поскольку оформление этих конструкций осуществлялось при взаимодействии модально-ограничительных частиц с формами наклонения — повелительного или сослагательного — глагольных сказуемых придаточной части. Для условно-ограничительных конструкций с формой повелит. накл. (в личном или обобщенно-личном значении) характерна была препозиция придаточной части.

А *только* в случай попадись,— Он первый явится в передней (Крыл., Хмель); *Лишь* спой мне что-нибудь: тебе я волю дам И отпущу гулять по рощам и лесам (Крыл., Кошка и Соловей).

Постпозитивная главная часть могла начинаться соотносительным словом *то* или *так*:

[Цыганка] *Взглянись лишь* в зеркало, *так* лучше мне поверишь (Крыл., Подщипа, II, 5); Есть люди: *будь лишь* им приятель, *То* первый ты у них и гений, и писатель (Крыл., Прихожанин); А *только кинь* им кость, *Так* что твои собаки! (Крыл., Собачья дружба).

Для конструкций условно-ограничительного типа с формой сослагательного наклонения в придаточной части была обычна постпозиция придаточной части.

Пусть умру в горести — *лишь бы* дочь моя была благополучна! (Карамз., Нат. боярск. дочь); [Маша] Оставьте ваши нежности к венцу, вам будет для них довольно досугу, *лишь бы* не пропала охота (Крыл., Модн. лавка, II, 12); А вот, увидишь ты, *лишь* лета *б* нам дождаться (Крыл., Огородник и философ); По мне пускай что́ хочешь говорят, *Лишь был бы* я в душе не виноват! (Крыл., Ягненок).

Ср. случай оформления условно-ограничительного значения соотношением форм повелит. и сослагат. наклонений без участия ограничительных частиц.

Щепотки волосков Лиса не пожалей, Остался б хвост у ней (Крыл., Лиса).

Своеобразный характер условно-ограничительного противопоставления имели конструкции с препозицией *лишь бы, только бы*, построенные по формуле: *лишь бы (только бы)..., а то (там)...*

Лишь стало *бы* охоты,— *А то* во здравье: ешь до дна! (Крыл., Демьянова уха); На свете много мы таких людей найдем, Которым все, кроме себя, постыло, И кои думают, *лишь* мне *бы* ладно было, *А* там весь свет гори огнем (Крыл., Лягушки и Юпитер).

Очевидно, что все эти разновидности условных конструкций представляли собой уже структурно сложившиеся и получившие широкое распространение формулы разговорной речи; не случайно они очень полно и разнообразно представлены в баснях и пьесах Крылова.

§ 19. В разговорной речи употребительны были также условно-ограничительные конструкции, в которых союзную функцию выполняло сказуемое придаточного предложения, выраженное глаголом *сто́ит* с примыкающим к нему инфинитивом другого глагола. Часть, включающая сочетание «*сто́ит* (*лишь, только*) + инфинитив», могла занимать любое положение по отношению к главной части конструкции; в случаях ее препозиции обычны были формулы: *стоит (лишь, только)* + инфинитив... *чтобы: стоит (лишь, только)* + инфинитив... *а там;* при интерпозиции части, включающей *стоит (лишь, только)*, она носит характер добавочного замечания. Вот типичные примеры этих конструкций из басен Крылова, несомненно, отражающие разговорную речь.

Ученьем вредным с юных дней Нам *сто́ит* раз *лишь* напитаться, *А там* во всех твоих поступках и делах, Каков ни будь ты на словах, А все им будешь отзываться (Бочка); А надувают грудь, Как будто б силою их бог снабдил орлиной: Хоть *стоит* ветру *лишь* пахнуть, *Чтоб* их унесть и с паутиной (Орел и Паук); А ясно — *только* в трюм, *лишь стоит* заглянуть, Что кораблю часа́ не дотянуть (Мыши); А у людей она слыхала, Что это зло еще не так большой руки: *Лишь стоит* завести очки (Мартышка и очки).

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

§ 20. Вполне оформившимися подчинительными конструкциями, несмотря на сравнительно позднее их возникновение [27], были в конце XVIII — начале XIX в. уступительные конструкции. Выделяются два основных типа: 1) собственно уступительные кон-

[27] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 116—117

струкции, оформленные, в первую очередь, союзом *хотя (хоть)*, и 2) конструкции обобщительно-уступительные, оформленные сочетанием частицы *ни* с местоимениями и наречиями (типа *кто ни, какой ни, где ни, откуда ни*). При определенных сочетаниях форм вида, времени и наклонения глагольных сказуемых, а также при помощи тех или иных частиц и противительных союзов этими конструкциями передавались разнообразные дополнительные оттенки синтаксических значений.

Собственно уступительное значение выражалось конструкциями с союзом *хотя (хоть)* — обычно при наличии в придаточной части сказуемых в формах наст. или прош. времени.

Я *хотя* и догадывался, что у него не трубка на уме, и *хотя* старался его уговаривать, чтоб не ходил, *однако* просьбы мои остались тщетны (Болот., 1, 9); *Хотя* я от вас очень далеко и еду еще далее, *но* душа моя ни на минуту с вами не расстается (Фонв., п. сестре, 17/28 авг. 1784); *Хотя* они [пасквили] глупы и скверны, *однакож* Москва читает их с жадностию (Карамз., п. В. М. Карамзину, 13 февр. 1796); *Хотя* скифы занимали единственно южные страны нашего отечества; *хотя* андрофаги, меланхены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: *но* греки назвали всю нынешнюю Азиатскую и Европейскую Россию или все полунощные земли Скифиею (Карамз., И. Г. Р., I, I); Над хвастунами *хоть* смеются, *А* часто в дележе им доли достаются (Крыл., Заяц на ловле); *Хоть* видит око, *Да* зуб неймет (Крыл., Лисица и Виноград).

Уступительные конструкции семантически, а также структурно сближались с конструкциями условными. Так, оттенок условно-следственного значения наиболее отчетливо передавался уступительными конструкциями при употреблении в придаточной части сказуемых в форме буд. вр. или повелит накл.; условно-уступительное значение имели также конструкции с союзом *хотя бы* (и со сказуемым в форме сослагат. накл. в главной части), а также конструкции, содержащие в главном предложении соотносительное слово *так*, и конструкции с частицей *и* в придаточной части.

Да *хотя* растянись на барской работе, *то* спасибо не скажут (Радищ., Путеш., Любани); [М а ш а] *Хоть* мы и правы, *однако ж* осторожность в таких случаях — не порок (Крыл., Модн. лавка, III, 2); *Хотя б* уж ты в окружности росла, Густою тению ветвей моих покрытой, От непогод бы я быть мог тебе защитой (Крыл., Дуб и трость); И *хоть* ты ангел будь, *так* не минуешь с ними драки (Крыл., Волк и Кукушка); А сверх того, *хоть* иногда Он вздремлет на заре, *так* новая беда (Крыл., Откупщик и сапожник); *Хотя* при стаде том и множество собак, *Да* сам пастух дурак (Крыл., Волк и Волченок).

Уступительному союзу придаточной части в постпозитивной главной части обычно соответствовали противительные союзы: *однако, однако ж*[28], *но, а, да, зато*, в силу чего содержание придаточной и главной частей, связанных отношением уступительности, оказывалось в то же время отчетливо противопоставленным или сопоставленным. В качестве соотносительных слов при союзе *хотя* употреблялись также *то* и *так* (последнее, как выше было отмечено, вносило оттенок условно-следственного значения).

Для уступительных конструкций с союзом *хотя* (*хоть, хотя бы, хоть бы*) наиболее характерной была препозиция придаточной части. В случаях ее постпозиции подчинительная связь оказывается ослабленной и включение придаточной части носит характер присоединения.

Татары не нашли их, *хотя* несколько раз и в такой близости от них ездили, что... (Болот., 1, 2); Здоровье мое теперь, кажется, получше, но все еще не очень хорошо, и я не смею работать по вечерам, *хотя бы* это и нужно было для успеха трудов моих (Карамз., п. В. М. Карамзину, 13 сент. 1804); Все только слушают его, разинув рот; *Хоть* он такую дичь несет, Что уши вянут (Крыл., Мешок).

Реже употреблялись конструкции с интерпозицией придаточной части.

Беспамятство наступило и, *хотя* был на ногах, оно продолжалось больше месяца (Суворов, п. П. А. Теккели, 1 февр. 1788); У нас ребенок году, *Хотя б* он царский был, и глуп, и слаб, и мал (Крыл., Воспитание льва).

Меньшее распространение получили конструкции с союзным сочетанием *несмотря на то что*.

Мне приятно, друг мой сердечный, с вами побеседовать, *несмотря на то, что* ничего сказать не имею (Фонв., п. сестре, 17(28) авг. 1784).

Ср. употребление Болотовым конструкции с сочетанием *несмотря хотя*:

Сие заводило его иногда в некоторые небольшие ссоры с таковыми бездельниками и негодными людьми, *несмотря хотя* бы были они и выше его чином (1, 12).

В текстах, воспроизводящих разговорную речь, употребителен был уступительный союз *даром что*.

[Чужехват] А у меня не только голова, да и мошна не пуста, *даром то что* она снаружи не нарядна (Сумарок., Опекун, I, 6); Кабы батюшка жив был и это видел, то бы, *даром, что* ты господин, нагрел бы тебе шею (Радищ., Путеш.,

---

[28] Именно соответствие *хотя — однако (однако же)* рекомендовалось грамматиками начала XIX в. в качестве нормы. Но практически в языке уже свободно функционировали в паре с *хотя* и другие противительные союзы.

Едрово); [И в а н] Да знаешь ли ты, каковы наши французские учители? *Даром, что* большая из них половина грамоте не знают, однако для воспитания они предорогие люди (Фонв., Бригадир, V, 2).

§ 21. Чрезвычайно широко (особенно у Крылова) были представлены конструкции обобщительно-уступительного типа. Их семантическое разнообразие создавалось благодаря привлечению к выполнению союзной функции — в сочетании с усилительно-обобщительной частицей *ни* — практически всех вопросительных (относительных) местоименных существительных, прилагательных и наречий: *кто, что, какой, каков, где, куда, откуда* (*отколе*), *когда, как* (в значении «когда» и в значении «каким образом»), *сколько, сколь*[29]. Особенности структурного оформления уступительно-обобщительных конструкций были, в основном, те же, что и у конструкций с союзом *хотя*. Основное для этих конструкций уступительно-обобщительное значение передавалось конструкциями со сказуемыми придаточной части, выраженными формами наст. или прош. вр.

Странно, что *кого ни* видим, редкий не походит на когонибудь из русских знакомых (Фонв., п. сестре, 20 окт./1 дек. 1777); *Сколь* мне *ни* хотелось поспешать в окончании моего путешествия, *но*, по пословице, голод — не свой брат, принудил меня зайти в избу (Радищ., Путеш., Пешки); Страсти, страсти! *как* вы *ни* жестоки, *как ни* пагубны для нашего спокойствия, *но* без вас жизнь наша есть пресная вода, а человек кукла (Карамз, Рыц. нашего вр., 3); *Как ни* приятно нам пользоваться милостию прелестной великой княгини, *однакож* грустно расставаться с малютками (Карамз., п. В. М. Карамзину, 30 мая, 1811); В *каком бы* состоянии человек *ни* был и *какое бы* лицо *ни* представлял, *но* ничто не может его избавить от терзания возмущенной его совести (Крыл., Почта духов, III); [М а ш а] Только, *как ни* раздумывают, *а* все выходит,

---

[29] По-видимому, процесс распространения разговорных конструкций обобщительно-уступительного типа активизировался относительно поздно — лишь во второй половине XVIII в., и уже на основе сложившихся структур с союзом *хотя*. Примечательно, в частности, что в исследовании Б. В. Лаврова описаны только конструкции с союзом *хотя*. Любопытно также следующее рассуждение в журнале «Трутень», отстаивающее нормативность сочетания *как ни*: «*Как ли ни*: новопроявившееся слово, которого ни во всем священном писании, ни во всех светских сочинениях славных наших авторов нет. Из чего следует, что пишущий ныне *как ли ни*, вместо *как ни*, гораздо разумнее тех писателей, которые до сего времени по-русски писали, несмотря на то, что остроумные сочинения с *как ни* устроевают наше сердце и питают разум, а издания с *как ли ни* смеяться заставляют. По моему мнению, изобретатель *как ли ни* достоин такого же почтения, как изобретатели пороха, печати и арифметики, ибо сие слово весьма много спомоществует к приобретению богатства, а именно тем, что если его почаще употребить в каком сочинении, то книга вдвое толще будет, следовательно вдвое и дороже продана быть может» (Трутень, 1769, V).

что ваше посольство ни к стати, ни к месту (Крыл., Модн. лавка, III, 3); *Кто* к ульям *ни* просился, с отказом отпустили всех (Крыл., Медведь у Пчел).

Наличие в придаточной части сказуемого в форме буд. вр., повелит. или сослагат. накл. способствовало выражению обобщительно-уступительными конструкциями оттенка условно-следственного значения:

Как часто в нее [галерею] *ни ходи*, всегда новое увидишь (Фонв., п. сестре, 7 (18) дек. 1784); *Куда ни* приедешь с визитом, на другой же день, чем свет, холопья и придут просить денег (Там же); *Что бы* они ни делали, *однако ж* не могут толико быть ослеплены, чтоб... (Крыл., Почта духов, II); [Антроп] *На что ни* погляди, диковинка диковинки лучше (Крыл., Модн. лавка, I, 5). И *кто* к нему зачем *ни* подойдет, Оракул наш что молвит, то соврет (Крыл., Оракул); Про жизнь пустынную, *как* сладко *ни* пиши, А в одиночестве способен жить не всякой (Крыл., Пуст. и Медведь); *Какой* порядок *ни* затей, Но если он в руках бессовестных людей, Они всегда найдут уловку... (Крыл., Мирск. сходка); *Где б ни* завидел червяка, *Тотчас* в него впивался (Крыл., Муравей).

Свободно допускалась постпозиция придаточной части:

В ком есть и совесть, и закон, Тот не украдет, не обманет, *В какой бы* нужде ни был он (Крыл., Крест. и лисица); Не буду ослеплен Сим блеском, *сколь* он *ни* прекрасен! (Карамз., Рыц. нашего вр., 6); Она никогда не завтракала без ученика своего, *как ни* рано вставала (Там же, 12).

Интерпозитивное придаточное предложение в конструкциях рассматриваемого типа, прикрепляясь к определенному слову (существительному) главной части, выполняло, естественно, добавочную — определительную — функцию.

Время сие *каково ни* коротко было, *однако* со мною случилось опять происшествие (Болот., 1, 6); Закон *каков ни* худ, есть связь общества (Радищ., Путеш., Крестьцы); Сей дождик, *как* его *ни* кратко было время, Лишенную засухой сил Обильно ниву напоил (Крыл., Камень и Червяк).

Обобщительно-уступительным сочетаниям типа *кто ни*, *как ни* в главной части соответствовали обычно, как и в конструкциях с союзом *хотя*, противительные союзы, которые, однако, могли отсутствовать (см. приведенные выше примеры). Уступительно-обобщительные конструкции, построенные по моделям *кто ни...*, *все* (*всякий*); *где ни... везде* (*всюду*); *куда ни... везде* (*всюду*) и т. п. представляли собой одночленные структуры сложноподчиненных предложений местоименно-соотносительного типа.

Куда ни поди, везде полнёшенько (Фонв., п. сестре 11/22 марта 1778); Что *ни думала*, все любила и всем наслажда-

лась (Карамз., Нат. боярск. дочь); Меж тем, *кого ни* спросят, О Львенке *ото всех* лишь слышат похвалу (Крыл., Воспит. льва); *Кто что* из них *ни* затевал. *Всё* остается без успеха (Крыл., Фортуна в гостях).

Отметим попутно, что для функционирования уступительно-противительных сочетаний типа *хотя... но (однако)* характерно было то, что они связывали не только части подчинительной конструкции, но и однородные члены предложения, а также определение или обстоятельство с определяемыми ими членами предложения.

Мысленно представлял себе заволжские вьюги и метели. *Хотя* темно, *однакож* помню тамошние места (Карамз., п. В. М. Карамзину, 28 янв. 1798); Теперь живем уединенно в *пустом* Петербурге, хотя и *великолепном* (Карамз., п. В. М. Карамзину, 26 окт. 1817).

На основе союзных сочетаний обобщительно-уступительного типа легко возникали несвободные устойчивые формулы, сохранявшие обобщительно-уступительное значение, но переходившие, по существу, на синтаксическую позицию члена предложения, ср.:

Но как бы то ни было, но то достоверно, что... (Болот., 1, 1); О, мой друг! *Где бы ты ни был,* внемли и суди (Радищ., Путеш., Медное); Все мои письма, к *кому бы ни были,* лично вручать (Суворов, п. Д. И. Хвостову, 20 июля 1791); *Как бы то ни было, но* мне жаль, что... (Карамз., п. Вяземскому, 21 янв. 1820).

ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ

§ 22. Если временные условные и уступительные конструкции возникли и первоначально развивались при обязательной препозиции придаточной части, а впоследствии, в процессе укрепления подчинительной связи, придаточная часть этих конструкций, сохраняя тот же подчинительный союз, приобрела возможность свободного размещения в пределах сложного предложения, то для конструкций причинных обязательной была, наоборот, постпозиция придаточной части: при этом возникновение нового типа причинных конструкций — с препозицией придаточного — было связано с появлением или включением в систему литературного языка новых причинных союзов: *как* и, особенно, *так как*, что произошло сравнительно поздно. Поэтому в причинных конструкциях рассматриваемого здесь периода заметна была связь между тем или иным причинным союзом и структурой сложного предложения, т. е. порядком взаимоположения придаточной и главной части, а также степенью тесноты синтаксической связи между ними.

Из конструкций, функционировавших в конце XVIII — начале XIX в., исконной была постпозиция придаточной части у конструкций с союзами *зане, понеже, поелику, ибо, что, потому что, оттого что, для того что, затем что, за то что, тем что.*

Союзы *зане*, *понеже* и *поелику* в конце XVIII в. уже выходили из системы литературного языка [30]. Конструкции с союзом *зане* встречались очень редко — только в высоких и архаизированных контекстах.

Но не токмо желанию не допустят возродиться в нас, но даже и мысли, *зане* готово уже ей удовлетворение (Радищ., Путеш., Вышн. Волочок); [И о а н н а] Творец земли себя в смиренной деве Явит земле... *зане* он всемогущий! (Жуковск., Орлеанск. дева, Пролог).

Конструкции с союзом *понеже* (как и конструкции с *зане*) свободно употребляются Радищевым, при этом у него они нередки и в относительно «новой» их форме: с препозицией придаточной части и соотносительным словом *то* в постпозитивной главной части.

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, *то* исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо (Путеш., Зайцово).

Ср., однако, ироническое осуждение союза *понеже* как «приказного» и употребление конструкций с этим союзом в пародийных целях:

Понеже говорят подьячие в приказе, *Понеже* без него не можно им прожить, *Понеже* слово то показано в указе, *Понеже* в выписке оно имелось быть... *Понеже* следует везде его гласить (Богд., Понеже); *Понеже* Дущенька прогневала Венеру..., Венера каждому и всем О гневе на нее своем По должной форме извещает (Богд., Душенька, 3); Не принимать никаких резонов от Овцы, *Понеже* хоронить концы Все плуты, ведомо, искусны (Крыл., Крестьянин и Овца).

Конструкции с союзом *поелику* с постпозицией и препозицией придаточной части были распространены в конце XVIII — самом начале XIX в. преимущественно в деловой речи, в научной и дидактической литературе:

Поелику же штурманских званий полагается ныне иметь 3 или 4 на корабле: *для того* очевидно, что... (ПСЗ, 1804, XXVIII); *Поелику* сало, из рыбьих частей добываемое, всегда пребывает жидко, *то* можно иметь его в готовности во всякую пору (Технолог. журн., 1804, т. I, ч. 1).

В мемуарах, а также в частной переписке конструкции с этим союзом свободно функционировали, очевидно, в основном лишь в пределах XVIII в.:

Я не имел нужды в подобных случаях вопрошать себя, *поелику* присмотрелся и видел, что люди суть такое создание, которое... (Добрынин, Зап., XXI); *Поелику* родитель мой был до самого конца своей жизни в совершенной памяти и рас-

[30] Союз *понеже* в XVIII в. употреблялся еще довольно широко. См. замечание Л. А. Булаховского о распространенности союза *понеже* в языке XVIII в. («Курс русск. лит. языка», т. II. (Ист. комм.). Киев, 1953, I, § 10).

судке, *то* и не упустил он сделать все, что должно (Болот., 1, 12); Покорнейше прошу вас, государя моего, не угодно ль будет в оное время переехать на жилище в свое Менчаково, *поелику* мне с любезным таким соседом будет весело (Суворов, п. В. М. Шимановскому, 2 июля 1784).

§ 23. Наиболее нейтральным в стилистическом отношении был союз *ибо*. Для конструкций с этим союзом единственно возможной была постпозиция придаточного предложения. В придаточной части не столько называлась собственно причина, сколько содержалось обоснование или пояснение высказанного в главной части. Связь между частями в конструкциях с этим союзом не была поэтому тесной: включение придаточной части носило нередко характер присоединения; предложение с союзом *ибо* могло быть также оформлено как самостоятельное предложение.

Мы всех их нашли в черном платье, *ибо* за четыре месяца пред сим умерли, одна после другой, две дочери (Фонв., п. родным, 13(24) авг. 1784); Наконец увидели, что силы его начали ослабевать, *ибо* он переходил камни медлительнее, останавливался почасту (Радищ., Путеш., Чудово); Сие поставлено мне в преступление; *ибо* были люди, которых удовольствие помрачалось блаженством моего жития (Там же, Спасск. Полесть); Расслушать мне у моих любовников ничего было не можно, *ибо* все дела происходили тихомолком (Крыл., Ночи); И не излишнее бы было, если б выбор твой, в таком важном случае, пал на человека достойного, с почтенною бородою, коея длина была бы мерою его глубокомыслия и опытности. *Ибо*, великий государь, непокорнейшие сердца смотрят на длинную бороду как на хороший аттестат, данный природою (Крыл., Каиб); Алексей умел рисовать, и притом весьма не худо, *ибо* сама природа выучила его сему искусству (Карамз., Нат. боярск. дочь).

Включение в сложное предложение части с союзом *ибо* могло сопровождаться, помимо обычной паузы, пояснительной интонацией (обозначавшейся обычно знаком двоеточия).

Хотя спящ, я счастлив был во всю ночь: *ибо* беседовал с вами (Радищ., Днев. одн. недели); Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого; *ибо* он славу побед уважал более государственного блага (Карамз., И. Г. Р., I, VII).

Предложения с союзом *ибо*, «размыкая» главную часть конструкции, выполняли также функцию, близкую к функции вставного предложения.

К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего,— *ибо* и крестьянки любить умеют!— день ото дня становилась слабее (Карамз., Бедн. Лиза).

§ 24. Большую группу причинных конструкций, получивших широкое распространение сравнительно поздно — в XVII —

XVIII вв.,— составляли конструкции с составными союзами *потому что, оттого что, для того что, затем что, за то что, тем что.* Не стершаяся еще семантика предлогов при указательном местоимении (*по, от, для, за*), возможность как слитного, так и расчлененного употребления составных союзов создавали условия для дифференцированного выражения конструкциями с названными союзами оттенков причинно-следственных отношений. Наиболее формализовавшимся и в то же время наиболее распространенным был союз *потому что;* образовавшийся позже союз *оттого что* нередко сохранял свою первоначальную форму *от того что,* в которой явственно проступал оттенок исходной причины — в отличие от значения побудительной причины, заключенного в союзе *потому что;* отчетливым был иногда оттенок целевого значения, передававшийся причинным союзом *для того что* — благодаря яркой семантике предлога *для* [31]; орудийное значение было свойственно причинному союзу *тем что* благодаря форме творит. пад. местоимения *тем* [32]. Вместе с тем во многих случаях употребления причинные союзы были семантически дублетны, взаимозаменяемы.

Русские не читали тогда ни Локка о воспитании, ни Руссова Эмиля — во-первых, *для того,* что сих авторов еще и на свете не было, а во-вторых и *потому, что* худо знали грамоте (Карамз., Нат. боярск. дочь).

Семантически менее выразительны были конструкции с нерасчлененным составным союзом; в случаях интонационной слитности союза, помещаемого целиком в постпозитивной придаточной части, причинные конструкции семантически и структурно сближались с конструкциями с союзом *ибо*: связь придаточной части с главной носила часто присоединительный характер и имела во многих случаях значение обоснования по отношению к высказанному в первой части утверждению.

Уже не хочется обедать льву, *Затем что* ел сегодня он траву (В. Майк., Осел во львиной коже); Парижа описывать вам не хочу, *потому что* вы из книг так же его узнаете, как я (Фонв., п. сестре, 11/22 марта 1778); Если муж и жена умны, то в доме никогда не бывать доброму согласию, *для того что* никто из них слепым быть не захочет (Крыл., Почта духов, XXIII); О протчих же приборах махинных я здесь говорить

---

[31] Причинные составные союзы *оттого что (от того что), для того что* непосредственно соотносились с предложными формами указательных и вопросительных местоимений *от того, от чего, для того, для чего,* употреблявшимися также в причинном значении, ср.: *Для чего* я с ними не поехал? (Радищ., Дневн. одн. недели); Носил на ноге фонтанель и *от того* ходя прихрамывал (Гриб., Зап. ЛК); Занемог, и *для того* пропустил почту без ответа (Карамз., п. Вяземскому, 24 дек. 1817).

[32] См. соответствующие замечания Н. И. Греча (Практич. русск. грам., § 410, 415).

почитаю за ненужное, *потому что* они и без того довольно известны (Болот., Кратк. замеч. о електрицизме. ЛК).

При интонационном расчленении составных причинных союзов, особенно в случаях, когда местоименная часть союза отделялась от союза *что* какими-либо словами главной части (причем местоименная часть союза могла начинать собою главное предложение), причинная конструкция приобретала характер одночленной структуры, в которой синтаксическая взаимосвязанность частей оказывалась наиболее тесной. Причинное значение конструкции акцентировалось благодаря интонационному вычленению местоименного компонента союзного сочетания. В таких конструкциях к местоименной части союза нередко примыкали ограничительные частицы *лишь, только* (а также *лишь только*), подчеркивавшие, что сказанное в придаточной части служит единственной причиной того, о чем говорится в главной части.

Конструкции с интонационно расчлененным причинным союзом, не разомкнутым другими словами:

Имела она причину опасаться, чтоб и со мною такого же не сделалось, а особливо *потому, что* я с самого младенчества подвержен был многим болезненным припадкам (Болот., 1, 4); Из коих многих Каиб, любя ученость, сделал членами академии только *за то, что* они умели выговаривать чистенько то, что выдумал другой (Крыл., Каиб); Но ты лишь красть Собаку приучаешь, *Затем, что* краденый кусок Всегда ей оставляешь (Крыл., Две собаки); Совершенный злодей, или человек, который любит зло *для того, что* оно зло, и ненавидит добро *для того, что* оно добро, есть едва ли не дурная пиитическая выдумка (Карамз., Разговор о щастии); Сие рабство жен происходило, кажется, *от того, что* мужья обыкновенно покупали их (Карамз., И. Г. Р., I, III).

Конструкции с союзом, расчлененным и разомкнутым другими словами.

Людям, которые *для того* только почитают себя знатоками, *что* ездят всякий день в театр раскланяться со своими знакомыми (Крыл., п. П. А. Соймонову, 1789); Да, кажется, голубушка моя, И *потому* с тобой мне не ужиться, *Что* лучшая Змея, По мне, ни к чорту не годится (Крыл., Крестьянин и Змея); А вора он *затем* не устерег, *что* хлебы печь тогда сбирался (Крыл., Крестьянин и Собака); Рассадник *оттого* лишь только не удался, *Что*, сторожа́ вокруг двора, он стал без ног (Там же); *Затем-то* и попал он в рай, *Что* за дела не принимался (Крыл., Вельможа).

В конструкциях с причинными союзами рассматриваемой здесь разновидности придаточная часть могла включаться в середину главной части, следуя непосредственно за словом (или сочетанием слов), поясняемым в причинном отношении.

Заехав в чужую землю, *потому что* в своей холодно, презирают жителей (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); Заимодавец.., теряющий свой капитал, *для того что* не знал кому доверил (Радищ., Путеш., Новгород).

§ 25. Преимущественно в разговорной речи были употребительны причинные конструкции с союзом *что*. Для них обязательна была постпозиция придаточной части. Образование причинных конструкций с союзом *что* было ограничено определенными семантическими и структурными условиями: в первой части содержится оценка предмета, квалификация состояния и т. п.; вторая часть конструкции с союзом *что*, прикрепленным к слову (или сочетанию слов) первой части, выражающему оценку, содержит то или иное обоснование высказанной в первой части оценки [33]. Богато представлены эти конструкции в баснях Крылова.

Мне больно самому, *Что*, бывши одного двора с тобой собаки, Мы дня не провели без драки (Крыл., Собачья дружба); Мой друг, ты очень прост, *Что* терпишь добровольно пост (Крыл., Котенок и Скворец); А все чуден и мост, по коем мы пойдем, *Что* он Лжеца никак не подымает (Крыл., Лжец).

Очевидна структурная и семантическая близость этих конструкций к одночленным изъяснительным конструкциям типа *радуюсь, что, сокрушаюсь, что* (см. «Развитие изъяснительных конструкций», § 44).

Конструкции, структурной основой которых было сочетание *причина, что (по причине, что* и т. п.), совмещали в себе признаки причинных и определительных одночленных конструкций.

Переехали мы на другую мызу, которая называлась Л а й ш л о с, *по причине, что* находился тут древний развалившийся замок (Болот., 1, 6).

§ 26. Позднее, чем конструкции с обязательной постпозицией придаточной части, вошли в литературный язык причинные конструкции, в которых придаточное причины было препозитивным. Наиболее ранними из них (первоначально, очевидно, бытовавшими в разговорной речи) были конструкции, построенные по модели *а (и, но) как... то (так)*. Соотношение «причина — следствие» развилось в них на основе исконного для них временно́го соотношения «предшествование — последование». Причинно-следственное значение акцентировалось в этих конструкциях, с одной стороны, препозитивным по отношению к союзу *как* «начинательным» союзом *а (и, но)*, присоединявшим данное сложное предложение к предшествующему контексту и, с другой стороны, соотносительным словом *то* (или *так*), вводившим главную часть. В конце XVIII — начале XIX в. причинные конструк-

[33] См L.' Ďurovič. Modálnost. Lexikálno-syntaktické vyjadrovanie modálnych a hodnoticich vzt'ahov v slovenčine a ruštine. Bratislava, 1956, стр. 196—197, см. также стр. 168—174.

ции описанного типа свободно функционировали в разных сферах литературной речи. Вот несколько примеров:

Вид оной возбудил в нем охоту раскурить трубку его с табаком..., *но как* огнива с ним не случилось, *то* захотелось ему сбегать в сию деревню (Болот., 1, 9); Я с женою иду в спектакль, *и как* градоначальник дал нам свою ложу, *то* мы в самой безопасности можем смотреть на все то, что... (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); Все боги одобрили мнение Момуса; *а как* я не хотела прекословить хозяину, *то* и согласилась на его предложение (Крыл., Ночи); *А как* я некоторым образом должен ей дать отчет, почему мои творения не приняты на театр, *то* я думаю, ваше превосходительство, дозволите милостиво припечатать мне сие письмо (Крыл., п. П. А. Соймонову, 1789); Но *как* они уж понаелись — И вежливые ж псы притом Ни на кого не лают днем — *Так* рассуждать они пустилися вдвоем... (Крыл., Собачья дружба); По сказанию Эдды, он [Один] вышел из Азгарда; *а как* Страбон упоминает о скифском народе азиях..., *то* северные повествователи... без всякого сомнения выводят Одина из окрестностей Дона (Карамз., И. Г. Р., I, Примеч.).

Заметим, что причинно-следственное значение, как выше отмечалось, могло передаваться теми же формами конструкций с союзом *как*, которыми выражались и «чисто» временны́е отношения (см. § 2). Конструкции же рассмотренного здесь типа *а как... то* можно считать специализированными причинно-следственными конструкциями.

Причинно-следственное значение в конструкциях с союзом *как* могло подкрепляться посредством усилительной частицы *и*.

Как я начитался довольно таких любовных новостей в романах, *то и* не почел это происшествие достойным примечания (Крыл., Ночи I); *Как* мне желалось вручить сие письмо лично, *то и* допущен я был в спальню (Гриб., Зап. ЛК).

Своеобразную «обрамленную» причинную конструкцию составляли сложные построения типа *ибо как... то*. Здесь «открытая» по своей синтаксической природе структура включала в себя структуру замкнутую и замыкалась ею; семантически более широкое значение обоснования, свойственное предложениям с *ибо*, конкретизировалось, таким образом, посредством раскрытия причинно-следственной связи определенных явлений.

Но, судя по теперешнему знанию, все мое учение было пребеднейшее; *ибо как* учитель мой сам не знал ни аза в глаза о том, как учат люди по грамматике, *то* все учение его состояло в том, что... (Болот., 1, 7); Немецкий язык я совсем почти позабыл, *ибо как* во всей нашей школе ни один человек не разумел и не говорил по-немецки, *то* не имея случая целый год ни с кем ни единого слова промолвить и разучился я оному (Там же, 12).

§ 27. Более поздними по времени появления в литературном языке, чем причинные конструкции с союзом *как*, и в то же время более специализованными были конструкции с союзом *так как*. Первоначально они строились по той же формуле, что и описанные выше причинные конструкции с союзом *как: а так как... то*. Впоследствии союз *так как*, в силу своей синтаксической однозначности, становится все более употребительным, проникая постепенно в разные сферы литературной речи. Он был тем более удобен, что не нуждался в дополнительном структурном подкреплении в виде фиксированного местоположения придаточной части, наличия частиц и т. п. Местоположение части, вводимой союзом *так как*, было свободным. В литературном языке конца XVIII—начала XIX в. конструкции с *так как* употреблялись рядом с конструкциями с союзом *как*: оба типа предложений встречаются у одних и тех же авторов [34].

Полагаться на одну величину сортов ни в коем случае нельзя, *так как* признак этот подвержен сильным изменениям (Болот., Изображ. разн. сортов яблок и груш. ЛК); Родился в Персии, а чином был сатрап; Но *так как*, живучи, я был здоровьем слаб, *То* сам я областью не правил, А все дела секретарю оставил (Крыл., Вельможа); А *так как* в пастухах у нас здесь недостаток, *То* прикажи овец волкам пасти (Крыл., Пестрые овцы); А *так как* мужичок не любит тощий спать, *То* ужинать себе спросили гости наши (Крыл., Три мужика).

СЛЕДСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ

§ 28. Следственные конструкции, по сравнению с другими подчинительными конструкциями функциональных типов (временны́ми, условными, уступительными, причинными) не отличались ни структурным, ни семантическим разнообразием. В языке конца XVIII — начала XIX в. был, в сущности, один союз, оформлявший следственные конструкции,— союз *так что*, окончательно сложившийся приблизительно к середине XVII в. [35] Следственные конструкции семантически сближаются с причинными, но отличаются от них своим оформлением: специально оформленной, т. е. имеющей подчинительный союз, оказывается в них часть со значением следствия, в силу чего именно она оказывается семантически выделенной, тогда как в причинных конструкциях, наоборот, формальный и смысловой акцент сосредоточен на части, содержащей указание на причину того, что названо в главной части.

Следственные конструкции с союзом *так что* (или — в случае его интонационного расчленения — *так, что*) характеризовались

[34] В грамматике Греча союз *так как* признается свойственным «слогу простому» (см.: Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 417).

[35] См.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 194.

обязательностью постпозиции придаточной части; при этом степень тесноты синтаксической связи между частями конструкции была относительно слабой — из-за отсутствия в главной части формальных указаний (кроме интонации незаконченности) на последующее включение придаточной части. В силу своей семантики эти конструкции допускали разнообразные сочетания форм времени, вида и наклонения сказуемых; вместе с тем, между содержанием главной и придаточной части устанавливалось всегда временное отношение предшествования — последования.

При въезде в город ошибла нас мерзкая вонь, *так что* мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию (Фонв., п. сестре, 20 ноября — 1 дек. 1777); Весь театр набит был людьми, *так что* актеры с нуждою действовать могли (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); Потом следовали и другие боги; *так что*, наконец, не знали, кому из нас с Фебом дать преимущество! (Крыл., Ночи); Но и эту [картинку] у меня облили чернилами, *так что* я нижнюю часть лица принужден был скоблить и снова покрывать (Крыл., п. Е. И. Бенкендорф, 26 ноября 1795); В мягких муравах у нас Песни, резвость всякий час, *Так, что* голову вскружило (Крыл., Стрекоза и Муравей); Владение сего народа было весьма обширно, *так что* литовцы всю Россию называли Krewen-Zemla или землею кривичей (Карамз., И. Г. Р., I, Прим.); Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, *так, что* иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого (Там же, III)[36].

В басенном языке Крылова широко представлены конструкции со следственным союзом *так*, распространенные в разговорной речи. Типы соотношений форм сказуемых главной и придаточной части у конструкций с *так* могли быть те же, что и у конструкций с *так что*.

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь; *Так* бури мало мне вредят (Дуб и трость); Известно, что слоны в диковинку у нас — *Так* за слоном толпы зевак ходили (Слон и Моська); Мстят сильно иногда бессильные враги: *Так* слишком на свою ты силу не надейся! (Лев и комар); Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет вступаешь: *Так* я тебе охотно царство сдам (Воспитание льва).

Вместе с тем, при определенных типах сочетаний форм сказуемых конструкции с *так* во второй части отчетливо выражали условно-следственное значение. Это — конструкции, в которых сказуемое первой части было выражено инфинитивом, формой повелит., сослагат. накл. и формой буд. вр. (в значении собст-

---

[36] О конструкциях с расчленением *так* и *что*, типа: Мне *так* стало во внутренности моей стыдно, *что* едва я не заплакал (Радищ., Путеш., Любани) см.: «Развитие местоименно-соотносительных конструкций», § 26.

венно будущего времени, с оттенком предположительности или в значении постоянства),— т. е. формами, которые в определенных условиях их сочетаний с другими формами и при определенном интонационном оформлении, но без участия союзов или других «внешних» синтаксических средств, передавали синтаксическое значение обусловливающего действия. Вот некоторые типичные примеры из басен Крылова:

Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать, *так*, право, сказки! (Ворона и Лисица); Все кажется в другом ошибкой нам: А примешься за дело сам, *Так* напроказишь вдвое хуже (Обоз); А станут приступать, *так* дать им по толчку (Дикие козы); Как без себя сокровище сберечь?... Оставить так его,— *так* может клад пропасть (Скупой); Торгуй по-моему, *так* будешь не в накладе (Купец).

Типичными для разговорной речи были также следственные конструкции с союзом *что* в постпозитивной придаточной части. Обязательным условием выражения этими конструкциями следственного значения, кроме наличия союза *что*, было оформление их как вопросительных предложений.

Ты, конечно, раскольник, *что* пашешь по воскресеньям? (Радищ., Путеш., Любани); Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, *что* ты ему воспрещаешь пользоваться... сном? (Там же); [Антроп] Неужели эти наряды в будни носят, *что* их наделано так много? (Крыл., Модн. лавка, I, 5); Иль мало места здесь в воде, *Что* ты всегда вкруг удочек вертишься? (Крыл., Плотичка); Чем я виновен пред тобой, *Что* с юности терплю Фортуны злой гоненье? (Крыл., Богач и поэт).

ЦЕЛЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ

§ 29. Подчинительные конструкции с придаточными цели в конце XVIII — начале XIX в. характеризовались относительным единообразием и устойчивостью средств структурного оформления. Это в основном конструкции с подчинительными союзами *дабы* и *чтобы* и с формой сослагательного наклонения или инфинитивом в функции сказуемого придаточной части. Целевые конструкции, оформленные союзом-частицей *да* со сказуемым придаточной части, выраженным формой буд., реже — наст. вр., находим, главным образом, в художественной литературе в случаях стилизации или в виде цитат из «старинного» языка, при передаче торжественной, патетической речи.

Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, *да* отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Небо посылает тебя, о добродетельный юноша! в сию уединенную пустыню, *да* будешь свидетелем моей смерти (Карамз., Дремуч. лес); При-

ближься к моему сердцу, *да* обниму тебя вместе с сею любезною дщерию (Там же); Тогда славяне призвали к себе знаменитых храбростию князей варяжских, *да* повелевают юным, мятежным воинством (Карамз., Марфа Посадн., 1).

В использовании целевых союзов *дабы* и *чтобы* было некоторое различие: употребление союза *дабы* было ограничено преимущественно монологической авторской речью, тогда как союз *чтобы* был широко распространен как во всех сферах письменной речи, так и в речи разговорной [37]. Показательно, например, различие, наблюдаемое в стилистическом использовании союза *дабы* у Радищева и у Крылова: у Радищева этот союз мог включаться в один «патетический» контекст с союзом *да*, тогда как у Крылова тот же союз *дабы* (нередко — рядом с «нейтральными» *чтобы, для того чтобы*) употреблялся явно в пародийных целях, ср.:

А *дабы* бдительность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую тебе, *да* возвестит оно тебе твою неправду (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть) и: Те морили людей, *дабы* приобрести славу, а он морил их *для того, чтобы* истребить зайцев (Крыл., Похв. речь в память моему дедушке).

Между конструкциями с союзами *дабы* и *чтобы* не было различий в их структурном оформлении. Придаточная часть (обычно — постпозитивная) прикреплялась к сказуемому или другому члену главной части, выраженному глаголом со значением конкретного действия [38]. Сказуемым придаточной части был или глагол в форме сослагат. накл. (при этом частица *бы* могла повторяться при сказуемом, несмотря на ее наличие в составе целевого союза) или инфинитив. Для конструкций с формой сослагат. накл. в придаточной части обычным было наличие разных подлежащих для главной и придаточной части; в целевых конструкциях с инфинитивом в функции сказуемого придаточной части в обеих частях конструкции назывались, как правило, действия, относящиеся к одному и тому же субъекту. Придаточное цели, содержащее инфинитивное сказуемое, оказывалось синтаксически более тесно связанным с главным предложением, чем придаточное цели со сказуемым в форме сослагат. накл. Вот несколько примеров:

Что в день наткала, то в ночь распускала, *дабы* через то продлить время (Держ., Объяснения, I); Остается нам видеть Париж, *чтоб* формировать совершенное заключение наше о

---

[37] Греч, например, не рекомендует употреблять союз *дабы* «в слоге простом и разговорном» (см.: Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 417).

[38] Прикрепление придаточной части с союзом *чтобы* к глаголу, обозначающему стремление, желание или волеизъявление (*просил, чтобы...; требует, дабы...; привез указ, дабы...; тщился, дабы...; приказал, чтобы...*), создавало одночленные конструкции изъяснительного типа.

Франции (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); Вмиг очутился я уже у ворот, *чтоб* видеть сии орудия (Болот., 1, 6); Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, *дабы* не ехать по указу (Радищ., Путеш., София); Покрыл я море кораблями, Устроил пристань в берегах, *Дабы* сокровища торгами Текли с избытком в городах (Радищ., Вольность, 17); Я приказал каре ростовского полку той же второй линии принять вправо, сближаясь косою чертою, *чтобы* неприятеля поставить между крестных огней (Суворов, Прош. в Герольдмейст. контору, 1790); [Л е с т о в] Ну, так что ж, я употреблю все силы, *чтоб* Сумбурову склонить на свою сторону (Крыл., Модн. лавка, III, 3); Только во весь тот вечер боялся он пристально смотреть на Юлию, *чтобы* не привести ее в замешательство, *чтобы* она не перетолковала его взоров в худую сторону *и* не нашла в них какого-нибудь подозрения (Карамз., Юлия).

Придаточные предложения цели (обычно — с инфинитивным сказуемым) могли занимать синтаксическую позицию одного из однородных членов предложения, т. е. вместе с обстоятельством цели находиться в синтаксической зависимости от глагола «главного» предложения:

Кто при дворе мне отзывается зложелательным, надобно их имена мне знать, для ежевременных предосторожностей и *чтоб* не принять ель за сосну (Суворов, п. Д. И. Хвостову, 6 авг. 1791); Радамант, Эак и Минос жались как можно более, желая сохранить судейскую важность и *чтоб* не треснуть от смеха (Крыл., Почта духов, I).

Устойчивый характер носили представлявшие собой синтаксические галлицизмы целевые конструкции, лексически ограниченные в своей первой части: придаточная часть в них относилась к словосочетанию главной части, включающему слова типа *довольно, слишком* и называющему количество или меру чего-либо.

Я ощутил в себе довольно сил, *чтобы* противиться заблуждению (Радищ., Путеш., [Посвящение]).

По-видимому, разговорной речи свойственно было совмещение в конструкциях с *чтобы* функции обозначения цели действия с функцией определительной в случаях прикрепления придаточного предложения к оборотам типа *надо быть глупцом* [*ангелом, злодеем*].

Правду сказать, надобно быть ангелу, *чтобы* сносить терпеливо их скотскую грубость (Фонв., п. сестре, 13(24) авг. 1784).

Реже — обычно в случаях акцентирования значения цели — употреблялись целевые конструкции с препозицией придаточной части. В главной части целевому союзу соответствовало соотносительное слово *то* (в разговорной речи — в конструкциях с союзом

чтобы — также соотносительное слово *так);* соотносительное слово в постпозитивной главной части могло отсутствовать.

Чтоб тебе подробнее подать идею о здешних столах, *то* опишу их пространно (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777/11 янв. 1778); *Дабы* число зубов не сделать у меня недостаточным, *то* произвела натура новый зуб (Болот., 1, 7); *Чтоб* горю пособить, *То* стали у богов царя они просить (Крыл., Лягушки, просящие царя); А *чтоб* в хмелю не сделать мне пожару, *Так* я свечу совсем задул (Крыл., Два мужика).

Среди конструкций с союзом *чтобы* были распространены такие, в которых придаточное относилось к главному предложению, выражающему побуждение. В конструкциях этой разновидности значение цели, заключенное в придаточной части, осложнялось оттенком обоснования побуждения, выраженного в главной части. Обычной для этих конструкций была постпозиция придаточного — при возможности, однако, его препозиции.

[Плутона] А *чтоб* тебе не скучно было, *так* вот возьми на водку (Крыл., Проказники, V, 1); [Маша] Уйдите ж, уйдите, *чтобы* не подать подозрения (Крыл., Модн. лавка, I, 6); [Сумбурова] Запри-ка теперь лавку, *чтоб* кто из знакомых меня не увидел (Там же, III, 11); «Пожалуй», говорят: «возьми на час терпенье, *Чтобы* квартет в порядок наш привесть» (Крыл., Квартет).

§ 30. Особую разновидность составляли конструкции с союзными сочетаниями *для того чтобы, с тем чтобы, на то чтобы, к тому чтобы, за тем (затем) чтобы.* По своей структуре они не отличались от конструкций с союзами *дабы* и *чтобы.* Исследователи относят образование сложных союзов этого типа к XVII в.: они образовались в результате слияния союза цели *чтобы* с предложно-падежными формами указательного местоимения, находившимися в препозитивном главном предложении и уточнявшими функцию придаточного [39]. Однако и в отношении рассматриваемого здесь периода нельзя говорить, очевидно, о полном превращении этих сочетаний в цельный союз: их первая часть сохраняла свою местоименную знаменательность и могла отделяться от союза *чтобы* другими словами. Вместе с тем в рассматриваемый период обычны были конструкции, в которых названные союзные сочетания или помещались на стыке между препозитивной главной и постпозитивной придаточной частью и расчленялись интонационно или целиком входили в придаточную часть. Значение цели в этих конструкциях, в отличие от конструкций с одиночным союзом *чтобы*, естественно подчеркивалось. В случаях необходимости специального акцентирования целевого значения, как правило, употреблялись сочетания типа *для того, за тем* (*затем*); при них были обычны выделительные частицы *только, единственно* и

[39] См.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 182—185.

т. п. Эти сочетания были структурно обязательны при выражении отрицания предполагаемой цели. Наиболее употребительны были конструкции с сочетанием *для того чтобы*. Заметим, что это же сочетание, вместе с тем, оформляло подчинительные конструкции с причинным значением.

Я пью и ем *не для того* только, *чтобы* быть живу, но *для того, что* в том нахожу немалое услаждение чувств (Радищ., Путеш., Подберезье); Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новегороде за недостатком современных известий, а не *для того, чтобы* сей князь... провел остаток жизни в бездействии (Карамз., И. Г. Р., I, IV).

Ср. также случаи целевого и причинного значений предлога *для* в составе простого предложения:

Сей человек полюбил меня отменно пред прочими и *для самого того* и определили меня в его роту (Болот., 1, 30); Давид не пустил туда горестной супруги Владимировой, *для ее безопасности* (Карамз., И. Г. Р., III, I).

Вот примеры целевых конструкций, оформленных союзными сочетаниями *для того чтобы, с тем чтобы, за тем чтобы, к тому чтобы:*

Он целую неделю ходил к нам по два раза в день *для того* только, *чтоб,* не давая еще никаких лекарств, примечать натуру больной и *чтоб* по ней расположить образ лечения (Фонв., п. сестре, 20 ноября/1 дек. 1777); [К о ф е й н и ц а] Вы уехали из города *затем, чтоб* отсутствием вашим воспламенить одного выгодного любовника (Крыл., Кофейница, II, 2); Он не для чего другого учился философии, как только *для того, чтоб* люди это знали (Крыл., Почта духов, Вступл.); Но как она дана нам *к тому, чтоб* быть помощию добродетели, а не участвовать в пороках, то... (Крыл., Рассужд. о дружестве); Я имя вставил здесь *не с тем, чтоб* стих наполнить (Крыл., Мирон); Дворяне, взяв отставку, возвращались на свою родину *с тем, чтобы* уже никогда не расставаться с ее мирными Пенатами (Карамз., Рыц. нашего вр., 8); В один день Лиза должна была идти в Москву, *за тем, чтобы* купить розовой воды (Карамз., Бедн. Лиза); Возвратились в Москву, *с тем, чтобы* завтра ехать в Тверь (Карамз., п. В. М. Карамзину, 30 мая 1811).

В случаях отделения местоименных форм *для того, с тем, за тем* и т. п. от союза *чтобы* какими-либо членами главного предложения, цельность союзного сочетания оказывалась нарушенной, местоименная часть несла на себе логический акцент и приобретала бо́льшую синтаксическую самостоятельность; вся конструкция отчетливо расчленялась на две части, но связь между ее частями была в то же время более тесной, чем в случаях помещения союзного сочетания целиком в постпозитивной придаточной части.

Ведь нас не *с тем* поймали, *чтобы* скушать (Крыл., Соловьи); Он *не на то* в лесах носил венец, *Чтоб* подданных душить (Крыл., Пестрые овцы); *К тому ль*, россияне суровы, Растут для вас леса лавровы, *Чтобы* любить вам тишину? (Крыл., Ода).

В разговорной речи употреблялись целевые конструкции выделительно-усилительного типа, в которых функцию союза выполняли частицы *лишь бы, только бы, лишь только бы.*

[Сумбуров] Я здесь готов ночевать, *лишь только бы* развязаться с вами (Крыл., Модн. лавка, III, 5).

Итак, в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. существовала уже широко разветвленная, грамматически оформившаяся, достаточно дифференцированная по синтаксическим значениям и структурным средствам их выражения система подчинительных конструкций функциональных типов — временны́х, условных, уступительных, причинных, следственных, целевых.

Временны́е конструкции выражали: 1) недифференцированные по временны́м оттенкам значения одновременности, предшествования и последования; 2) ограничение длительности одного действия всем периодом длительности или моментом совершения другого действия; 3) отношения между действиями, ограничиваемыми в своем совершении начальным или конечным моментом; 4) повторяемость одного действия по мере повторяемости другого, а также обязательность сопровождения одного действия другим действием; 5) быстроту или внезапность следования одного действия за другим; 6) прерванность последующим действием предшествующего; 7) временны́е отношения, осложненные оттенками условно-следственных, причинно-следственных, противительно-уступительных значений.

Условные конструкции выражали: 1) реальную обусловленность осуществления одного действия совершением другого действия; 2) потенциальную (ирреальную) обусловленность осуществления одного действия совершением другого действия; 3) условно-следственные отношения, осложненные оттенками условно-разделительных, условно-обобщительных, условно-ограничительных, причинно-следственных, уступительных, определительных значений.

Уступительные конструкции выражали: 1) собственно уступительное значение; 2) обобщительно-уступительное значение; 3) уступительное или уступительно-обобщительное значение, осложненное оттенками условно-следственных отношений; 4) обобщительно-уступительное значение, осложненное оттенком определительного значения.

Причинные конструкции выражали: 1) причинную обусловленность осуществления одного действия совершением другого действия; 2) то или иное обоснование данного действия или явле-

ния; 3) причинно-следственные отношения, осложненные оттенками целевых, а также определительных значений.

Следственные конструкции выражали: 1) причинно-следственные отношения; 2) условно-следственные отношения.

Целевые конструкции выражали: 1) отношения между целью и средством ее достижения; 2) значение цели, осложненное оттенками причинно-следственных, а также определительных отношений.

Очевидно, что семантически наиболее ёмки были временные и, вслед за ними, условно-следственные и причинно-следственные подчинительные конструкции.

Система подчинительных конструкций функциональных типов представлена выше в виде статичной схемы и лишь в основных ее чертах: на самом деле она не была, разумеется, такой «плоскостной» и статичной. Основные модели сложились задолго до изучаемого периода, обладали достаточной устойчивостью и дожили до наших дней. Однако в отдельных участках их системы происходили разные по своему характеру и по степени интенсивности изменения, подчинявшиеся общим тенденциям развития литературного языка.

РАЗВИТИЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ В XIX в.

Процессы, происходившие в области подчинительных конструкций в течение нескольких десятилетий конца XVIII — начала XIX в., а также позднее — в течение всего XIX в., были в основном продолжением или завершением тех процессов, которые характеризовали развитие сложноподчиненного предложения в предшествующие эпохи. Такими процессами, протекающими параллельно и тесно друг с другом смыкавшимися, были: 1) упорядочение системы подчинительных конструкций; 2) дифференциация оттенков синтаксических значений, выражаемых подчинительными конструкциями.

УПОРЯДОЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

§ 31. Упорядочение системы подчинительных конструкций является тем процессом, в котором наиболее отчетливо и наглядно проявляется общая для литературного языка тенденция к нормализации его строя. Этот процесс складывался из отдельных взаимосвязанных в своем развитии явлений, охватывающих наличные в языке структуры сложноподчиненных предложений. Могут быть выделены и подвергнуты специальному анализу следующие типы изменений: 1) сужение сфер употребления и постепенный уход

из литературного языка отдельных конструкций, союзов или союзных компонентов; 2) дальнейшее укрепление подчинительной связи: создание формализованных средств выражения синтаксических отношений, усиление роли подчинительных союзов и устранение или развитие факультативности союзных коррелятов; 3) фразеологизация лексико-синтаксических компонентов подчинительных конструкций и превращение этих компонентов в средства оформления подчинительной связи.

Изменения в употребительности отдельных подчинительных конструкций, союзов или союзных компонентов

§ 32. Процесс архаизации, протекавший в течение XIX в. в области подчинительных конструкций функциональных типов, затрагивал, в основном, не столько собственно построение этих конструкций, сколько союзные средства связи — союзы, относительные слова и союзные компоненты. Это был общий для развития русского литературного языка процесс освобождения от слов и форм «книжного», церковнославянского происхождения, захватывавший и более ранние эпохи [40], но особенно усилившийся в период деятельности Карамзина. Не следует, однако, думать, что устранение церковнославянских союзов из подчинительных конструкций сводилось к чисто механической замене одних союзов другими. По наблюдениям исследователей, уход «книжных» подчинительных союзов (или сужение сфер их функционирования), приводивший к заметному сокращению общего количества союзов, сопровождался изменением всего синтаксического облика сложных предложений, «периодов» и усложненных построений. В. В. Виноградов так охарактеризовал этот процесс — в связи с оценкой деятельности Карамзина: «Карамзин производит новую грамматическую реформу русского литературного языка, отменяющую устарелые нормы ломоносовской грамматики трех стилей. Карамзиным выдвигается лозунг борьбы с громоздкими, запутанными, беззвучными или патетически-ораторскими, торжественно-декламативными конструкциями, которые отчасти были унаследованы от церковнославянской традиции, отчасти укоренились под влиянием латино-немецкой ученой речи. Принцип произносимой речи, принцип легкого чтения литературного текста, принцип перевода стиха и прозы в звучание, свободное от искус-

[40] А. Н. Стеценко (указ. соч., стр. 143) отмечает тенденцию к архаизации церковнославянских союзных средств уже в языке XIV—XVI вв. Исследователи подчинительных конструкций более позднего времени — XVII, XVIII и начала XIX в., отмечая большое разнообразие и пестроту состава союзов, также приводят данные о постепенном сокращении общего числа подчинительных союзов за счет церковнославянских и диалектных образований и, соответственно, о расширении употребительности собственно русских союзов (см., например, указанные выше работы Э. И. Коротаевой и И. А. Каламиной).

ственных интонаций высокого слога, ложатся в основу новой стилистики. Проблема легкого логического членения речи, проблема естественной связи и последовательности мыслей была основной в карамзинской реформе синтаксиса. Выбрасывались архаические союзы, развивались новые значения у тех, которые употреблялись в живой речи. Менялась структура „подчинения предложений". Сокращались объем, протяженность предложения... Карамзин разрабатывает сложные и узорные, но легко обозримые формы разных синтаксических фигур в пределах периода. Строй крупных синтаксических объединений в языке Карамзина основан на принципе сцепления однородных (односоюзных или бессоюзных) предложений. Фраза сжималась, укорачивалась. Сокращение союзов возмещалось многообразием экспрессии, игрой живых интонаций... Длинные включения предложений — одного в другое — запрещалксь. Формы сочинения получили перевес над формами подчинения. Возросло смысловое разнообразие бессоюзных сочетаний. Укреплялся прием неожиданных и остроумных присоединений. Сокращение количества союзов, обладавших правами литературного гражданства, вело к усложнению функций правоспособных союзов, в которых развивались тонкие экспрессивные оттенки значений. Отрыв от старой книжной традиции был осуществлен» [41].

Мысль о взаимосвязанности процесса архаизации союзов и процесса нормализации, стабилизации синтаксического строя развивается В. В. Виноградовым и при описании периода 30-х — 40-х годов: «Стилистический разрыв с церковнославянским языком должен привести к изменению синтаксической и лексико-фразеологической систем литературной речи. „Быстрые, короткие предложения", связанные строгою „логическою последовательностью мыслей, а не разнообразными союзами", должны заменить архаическое многосоюзие и конструкцию фразы с „трехсаженными причастиями, бесконечными местоимениями, наречиями, прилагательными отчетистости ради" и вообще вытеснить все „обороты, несвойственные русской логике"» [42].

Я. И. Гаряев, автор очерка, посвященного развитию средств грамматической связи в усложненных предложениях, в факте ограничения количества союзов и преобразования сложных синтаксических построений видит проявление тенденции к «синтаксической унификации»: эта тенденция ярче всего воплотилась в произведениях Карамзина, но она намечалась в литературном языке конца XVIII — начала XIX в. и независимо от Карамзи-

---

[41] В. В. Виноградов. Очерки по истории русск. лит. языка XVIII—XIX вв. М., 1938, стр. 179—180. Ср. оценку «Карамзинской реформы слога» Л. А. Булаховским в «Курсе русск. лит. языка», т. II (Ист. комм.), стр. 65—71.

[42] В. В. Виноградов. Очерки, стр. 307 (в кавычки заключены цитаты из статьи О. Сенковского «Резолюция по делу *сего, оного* и проч.»).

на [43]. Автор детализирует те основные стороны карамзинской «синтаксической реформы», которые выделены В. В. Виноградовым. Синтаксис Карамзина Я. И. Гаряев противопоставляет синтаксическим требованиям «Риторики» Ломоносова. «Добиваясь „легкости и простоты", он (Карамзин.— *Е. И.*) совершенствовал строй предложения, уничтожил пестроту союзов и в некоторой степени ограничил объем периодов. Им выдвинут был принцип нового членения речи, свободный от оков искусственного „умствования" схоластических риторик. Это сказалось на более естественной организации предложений. Строй крупных синтаксических объединений преобразуется, упорядочиваются внешние приемы связи частей предложения, особенно в сложных структурах предложений с подчинительными связями. Увеличивается ясность, логическая стройность сложных конструкций, которые обретают новую силу и способность к дальнейшему развитию» [44]. Основной принцип построения сложных предложений у Карамзина «сводится к сочетанию ряда подчиненных предложений, находящихся в одинаковой зависимости от главного, т. е. состоящих в отношении подчинения к нему. Они построены по одному приему, фигуры этих предложений однотипны, подчиненные предложения однородны... В сложных предложениях не обнаруживается инверсионного словорасположения, преднамеренного смешения словосочетаний по длине, причудливых смысловых сочетаний и прочих признаков „старого слога". Грамматический план предложений выглядит проще, однообразнее, логика прямолинейнее. Вследствие этого „профиль" предложений стал иным, затейливые, в других случаях неупорядоченные формы заменились более „обтекаемыми", легко обозримыми, несмотря на их величину. Образовались цепи нанизанных подчинительно-присоединительных предложений с относительными союзами» [45]. «Система сцепления однотипных фраз сокращала разнообразие союзов. У Н. М. Карамзина создавалась реальная возможность производить отбор их и унификацию, освобождая литературный язык от балласта архаических, а также диалектных средств связи» [46].

Дальнейшее развитие синтаксических структур усложненного типа пошло по пути использования иных, более тонких и разнообразных способов выражения синтаксической связи. Необходимые же условия для этого развития были созданы теми преобразованиями в строе сложных построений, которые интенсивно протекали в самом начале исследуемого периода истории русского литературного языка.

---

[43] См.: Я. И. Гаряев. К вопросу о развитии средств грамматической связи в усложненных предложениях. «Уч. зап. Челябинского гос. пед. ин-та», т. 2, вып. 1, 1956, стр. 140—152.

[44] Там же, стр. 141.

[45] Там же, стр. 142.

[46] Там же, стр. 143.

Таким образом, усматривается несомненная связь между сокращением состава подчинительных союзов за счет архаизирующихся церковнославянских по происхождению союзов и общей нормализацией синтаксиса сложных и усложненных построений. Этот последний процесс не затрагивал самого характера подчинительной связи между частями сложного предложения, взаимного их расположения, соотношения форм времени и вида сказуемых: соответствующие структурные признаки сложноподчиненного предложения определились и оформились, как уже отмечено выше, в предшествующие эпохи развития языка. Нельзя думать, вместе с тем, что устранение дублетности подчинительных союзов не имело последствий структурного характера. Общим результатом такого, на первый взгляд чисто лексического процесса было развитие и обогащение внутриструктурных средств в пределах каждого типа подчинительных конструкций. Это был процесс дальнейшего развития структуры подчинительной конструкции, как бы мобилизации ее «внутренних резервов», создания — в пределах одного общего, единообразно оформленного структурного типа — специальных средств дифференцированного и точного выражения оттенков синтаксических значений. Устранение внешнего многообразия, дублетности способов оформления подчинительных конструкций способствовало их внутреннему обогащению — структурному и семантическому. Именно в конструкциях относительно более «новых», освобожденных от лексической избыточности способов оформления, приобретали структурную значимость такие «дополнительные» формальные средства, как наречия, частицы, порядок следования частей сложного предложения, прикрепленность придаточной части к определенной категории слов в составе главной части, интонационное оформление частей конструкции. С другой стороны, непосредственным результатом устранения омонимии союзов, т. е. устранения оформленности разных по синтаксическому значению конструкций одним и тем же союзом (что было обычно связано с архаизацией данного союза в одном типе конструкций и сохранением его в другом типе) явилось семантическое и структурное размежевание отдельных типов подчинительных конструкций [47].

---

[47] Касаясь вопросов генезиса подчинительных союзов, Б. В. Лавров решительно отстаивал тезис об органической связи союза с синтаксической конструкцией: подчинительные союзы «зарождаются в недрах того предложения, которое становится подчиненным». «О генезисе подчинительных союзов,— утверждал Б. В. Лавров,— образований, не существующих вне синтаксиса сложного предложения — более, чем где бы то ни было необходимы синтаксические суждения...» (Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 39, 131. Разрядка автора.— *Е. И.*). Очевидно, что отношение к подчинительным союзам как к единицам синтаксическим, а не только лексическим, должно характеризовать и освещение их судьбы в уже сложившихся подчинительных конструкциях.

Временные конструкции

Конструкции с союзами *егда, коли, дондеже, доколе, доколь, поколе, поколь*

§ 33. В конце XVIII — начале XIX в. «уходившими», архаичными были временные союзы *егда, коли, дондеже, доколе, доколь, поколе, поколь*[48]. Временные конструкции с этими союзами, уже в XVII—XVIII вв. отражавшие уходящее употребление[49], в начальный для настоящего описания период не входили в систему общелитературного языка.

Конструкции с союзами *егда* и *коли* передавали наиболее общие временные значения одновременности или последовательности и в этом отношении, а также по своему структурному оформлению (возможность препозиции и постпозиции придаточной части, наличие соотносительных слов в главной части) не отличались от конструкций с «общевременными» союзами *когда* и *как*.

Конструкции с союзом *егда*, еще в XVII в. достаточно употребительные, в XVIII в. встречаются уже значительно реже, уступая постепенно место конструкциям с союзами *как* и *когда*[50]. Всего три случая употребления подчинительных конструкций с союзом *егда* (в собственно временном, условном и условно-сопоставительном значении) находим в «Путешествии» Радищева: один — в патетически взволнованной авторской речи, два других — в обращенной к «государю» «возвышенной» речи персонажей символического сна.

> На нем почили скорбь и отчаяние... проклятие всевышнего, *егда* во гневе своем рек: проклята земля в делах своих (Вышн. Волочок); *Егда* восхощешь меня видети, *егда* осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности (Спасск. Полесть); О, премудрый, отвечал он мне, *егда* велениям твоего гласа стихи повиновалися ...колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений (Там же).

---

[48] К числу временных союзов церковнославянского происхождения относится также союз *яко*, выражавший, кроме временных, также причинные, целевые, сравнительные, изъяснительные отношения. Этот союз во временном значении к началу исследуемого периода вышел из употребления (см.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 122—124; И. А. Каламина. Автореф. указ. дисс.). В «Путешествии» Радищева отмечен единичный случай употребления изъяснительного союза *яко* (см.: И. М. Абрамович. Сложноподчиненные предложения в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Автореф. канд. дисс., стр. 10.

[49] См.: И. А. Каламина. Из истории сложноподчиненного предложения с временным союзом *как* в XVII—XVIII вв., стр. 97.

[50] См.: Э. И. Коротаева. Указ. автореф. докт. дисс., стр. 24—25; И. А. Каламина. Автореф. указ. дисс., стр. 12—13.

У Карамзина, Крылова, Пушкина конструкции с союзом *егда* не встречаются; в XIX в. их употребление возможно только в целях стилизации.

Так же нехарактерны для литературного языка XIX в. конструкции с временным союзом *коли* (*коль*), общеславянским по происхождению [51]. Как отмечают исследователи, употребление конструкций с этим союзом значительно сокращается уже в XVI в., а в языке XVII в. эти конструкции представлены лишь единичными случаями употребления [52]. Преимущественной сферой употребления этих конструкций была деловая письменность: грамоты, дипломатические, юридические документы и т. п. Временные конструкции с союзом *коли* были синонимичны конструкциям с союзами *егда* и *когда*, т. е. выражали наиболее общие, не осложненные оттенками, значения одновременности и временной последовательности, хотя значение одновременности было для них, очевидно, более характерным [53]. С точки зрения структурной предложения с союзом *коли* (как и предложения с союзом *егда*) в одних случаях представляли собой собственно подчинительные конструкции, в других — конструкции, которые принято считать переходными от сочинения к подчинению, т. е. такие, в которых подчинительному союзу первой части соответствует во второй части сочинительный союз, типа: «А *коли* сам царь не идет против недруга, *и* он в свое место пошлет мудрого пашу» [54]. Собственно временно́е отношение передавалось этими конструкциями в том случае, если — при препозиции придаточной части — в главной части употреблялось соотносительное наречие *тогда* (диал. *тогды, тогде, толды*), например: *Коли* хлебы печи, *тогда* и платье мыти (Домострой); *Коли* дрова горят, *толды* кашу варят (Пословицы XVII в.) [55]. Отличаясь от конструкций с союзом *когда* меньшей определенностью в обозначении времени,

---

[51] Б. В. Лавров, ссылаясь на Миклошича и Вондрака, отмечает, что в памятниках церковнославянского языка *коли* употреблялось только в качестве наречия времени, но не в качестве союза. В союзном употреблении *коли* известно уже ранним памятникам русской письменности. Лавров называет *коли* «наречием времени» (имея в виду его происхождение и первоначальное употребление), «союзным наречием» и просто «союзом» (см.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 89—96). В других исследованиях *коли* квалифицируется как союз. В. И. Борковский в статье «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV в.» («Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та», вып. IV. Русск. языкознание, 1944, стр. 51) называет *коли* «относительным наречием».

[52] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 153; А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 131; Е. Л. Скаржинская. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом *коли*, стр. 368, 390.

[53] См. там же, стр. 385.

[54] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 91.

[55] Примеры заимствованы из работ Е. Л. Скаржинской и Б. В. Лаврова.

конструкции с союзом *коли* очень часто выражали условно-временные (реже — причинно-временные отношения) [56].

Трудность отграничения друг от друга временных и условных значений, передававшихся конструкциями с *коли*, объясняется их семантической близостью [57]. Невозможность во многих случаях определенно решить, выражены ли в том или ином случае отношения временные или условно-следственные, объясняется тем, что «формальная невыразительность соответствовала действительной неопределенности логических связей»; особенно это относится к тем предложениям, в которых «не дано указаний на то, что действие должно произойти непременно» [58]. Предложения с союзом *коли* «в большей степени, чем предложения с другими союзами (напр., *когда, егда*) дают впечатление неопределенной условности в будущем» [59]. Кроме того, в разговорной речи было распространено употребление конструкций с *коли* в собственно условном значении [60], сохраняющееся и в XIX в. и в современном языке (см. ниже, § 52).

Причина постепенного сокращения употребительности подчинительных конструкций с союзом *коли*, по-видимому, заключалась в неопределенности его временного значения, а также в параллельном распространении условных конструкций с этим же союзом [61].

В качестве подтверждения архаизации временного союза *коли* можно воспользоваться приведенным В. В. Виноградовым [62] сопоставлением двух вариантов эпиграммы И. И. Дмитриева: в более позднем варианте он заменяет союз *коль* союзом *когда:*

Коль дружество, сии начертывая строки,	*Когда* и дружество струило слез потоки
Над хладным мрамором струило слезы	На мраморе сии начертывая строки

---

[56] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 91—96; А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 132; Е. Л. Скаржинская. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом *коли*, стр. 376.

[57] А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 132.

[58] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 91—92.

[59] Там же.

[60] В Словаре АР союз *коли* трактуется как простонародный, равнозначный условному союзу *ежели: «Коли* так ты поступать будешь, то накажут тебя». О стилистической окраске этого союза см.: Е. Л. Скаржинская. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом *коли*, стр. 367—368; Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 94.

[61] См.: Е. Л. Скаржинская. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом *коли*, стр. 132; А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 391; Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение, стр. 70—71.

[62] См.: В. В. Виноградов. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. I. М., 1949, стр. 236.

В художественной литературе XIX в. употребление *коли* во временном значении находим только при передаче разговорной или диалектной речи[63].

§ 34. Вышли из литературного языка также союзы *дондеже, доколе, поколе*, оформлявшие временные конструкции со значением ограниченности одного действия длительностью или наступлением другого действия (см. выше, § 3). Раньше других перестал употребляться церковнославянский по происхождению союз *дондеже*. Конструкции с этим союзом, в XVII в. еще функционировавшие «как продолжение книжной традиции церковнославянского языка»[64], в XVIII в. становятся все более редкими и встречаются лишь в «высокой» речи. Показательно, что в изобилующем славянизмами «Путешествии» Радищева конструкция с союзом *дондеже не* употреблена только один раз — в стилизованной речи крестицкого дворянина.

> Образ мой, преследуя нарушителю союза нашея дружбы, поженет его в сокровенности его и устроит ему казнь несносную, *дондеже не* возвратится к союзу (Крестьцы).

§ 35. Несколько дольше удерживались конструкции с общеславянским по происхождению союзом-наречием *доколе* (*доколь*). Показательно, например, что *дондеже* в Словаре АР (ч. II, стр. 174) определяется через *доколе* и *покамест*. Союз *доколе* (именно как союз, а не как наречие) отмечен в грамматике Греча[65], хотя, по свидетельству исследователей, употребление временных конструкций с этим союзом начинает сокращаться уже с XVII в.[66]

Однако в конце XVIII — первой трети XIX в. конструкции с *доколе*, наряду с конструкциями с другими союзами этого значения (*пока, покамест*), еще свободно употреблялись в разных сферах литературного языка, в том числе и в авторской речи писателей. В частности, у Пушкина конструкции с *доколе* (*доколь*) хотя и встречаются значительно реже, чем конструкции с *пока* и *покамест*, но они стилистически нейтральны; Пушкин употребляет их на протяжении всего своего творчества, как в стихах, так и в прозе, в том числе в письмах. Вот несколько примеров из разных текстов конца XVIII — первой трети XIX в.:

> *Доколе* красота юности водилась на ее лице, во всегдашней была работе и щедрую получала от охотников плату

[63] В современных диалектах конструкции с временным союзом *коли* сохраняются (см.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 98—99). См. об этом также в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение», стр. 153.

[64] Э. И. Коротаева. Временнóе сложноподчиненное предложение, стр. 74.

[65] Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 415; см. там же (§ 417) толкование конструкций типа *дотоле... доколе*.

[66] См.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 139; И. А. Каламина. Указ. дисс., стр. 326.

(Радищ., Путеш., Зайцово); Я продолжал им [билетом] пользоваться, *доколе* Казачи... *не* сделал с своей стороны мне нечаянного удивления и *не* вздумал запрещать мне вход в театр (Крыл., п. П. А. Соймонову, вторая пол. февр. 1789); Никто во вселенной не может поработить нас, *доколе не* выйдут из употребления мечи и стрелы! (Карамз., Марфа Посадн., 2); [Невежество] слепо устремляется на край гибели, *доколе* горестный, но поздый уже опыт *не* научит его познать цену повиновения (Чернявский, Рассужд. об основаниях просвещения, Сев. вестн., 1805, ч. 5, № 1); Повис на нем и зуб не разжимал, *Доколе* с жизнию всех сил *не* потерял (Крыл., Собака, человек, кошка и сокол); И, все на свете презирая, *Доколе* борода цела — Изменник не страшится зла (Пушк., Русл. и Людмила, 3); Но я не умолкну, *доколе не* принужу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга (Пушк., Неск. слов о мизинце г. Булгарина); Многие страницы вашего романа будут жить, *доколе не* забудется русский язык (Пушк., п. И. И. Лажечникову, 3 ноября 1835); И славен буду я, *доколь* в подлунном мире Жив будет хоть один пиит (Пушк., Я памятник себе воздвиг нерукотворный...).

Впрочем, союз *доколе*, как и другие лексические и грамматические единицы языка, мог входить в число индивидуально предпочитаемых или, наоборот, избегаемых слов. Так, например, для Гоголя этот союз совсем не характерен: в «Вечерах на хуторе» конструкция с *доколе* употреблена всего один раз — в стилистически окрашенном контексте: «Нет, никогда Катерина, *доколе* я буду держаться в ее теле, не решится на богопротивное дело» (Страшн. месть, IV) [67].

По замечанию Л. А. Булаховского, союз *доколе* (*доколь*) в первой половине XIX в. еще не имел той «специальной окраски архаизации или тяготения к народному слогу, какая принадлежит ему в настоящее время» [68]. Позже конструкции с этим союзом испытывают судьбу, свойственную всем архаизмам: они употребляются только как средство стилизации и дольше задерживаются в стихах, чем в прозе.

[Б о р и с] *Доколь не* сможем Назвать его по имени, он будет Димитрием в глазах толпы! (А. К. Толст., Царь Борис. III. Покой во дворце); Иди неуклонно за плугом, Рассчитывай взмахи косы, Клонись к лошадиным подпругам,

---

[67] См.: Т. Н. М р е в л и ш в и л и. Виды сложноподчиненного предложения в языке Н. В. Гоголя. Тбилиси, 1960, стр. 197.

[68] Л. А. Б у л а х о в с к и й. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 409. Там же см. примеры конструкций с союзом *доколе*, извлеченные из художественной литературы 30-х годов XIX в.

Доколь не заблещут над лугом Алмазы вечерней росы (Брюсов) [69].

§ 36. Конструкции с союзом *поколе* (*поколь*) не получили широкого распространения не только в XIX в., но и в более ранние эпохи. Они встречались, в основном, лишь в текстах, отражающих разговорную речь и просторечие. На просторечный и фольклорный характер союза *поколе* (*поколь*) в древнерусском языке указывает, в частности, Э. И. Коротаева [70]. Л. А. Булаховский, имея в виду литературный язык первой половины XIX в., усматривал стилистическое различие между союзом *поколе* и однозначным с ним союзом *доколе*: союз *поколе* выступал с «заметной окраской народной речи» [71]. Однако характерно, что в басенном языке Крылова конструкции с *поколе* (*поколь*) еще свободно употребляются не только в речи персонажей, но и в авторских сентенциях.

Иного так же мы боимся, *Поколь* к нему *не* приглядимся (Лев и лисица); *Поколе* совесть в нас чиста, *То* правда нам мила и правда нам свята (Гребень).

Пушкин совсем не употребляет конструкций с союзом *поколе* (*поколь*). У писателей второй половины XIX в. этот союз встречается изредка при воспроизведении «простонародной» речи.

Что, батюшка, сошники-то я приказывал взять, принес, что ли?...— Во... в санях,— отвечал старик, сматывая кругом снятые вожжи и бросая их наземь.— Наладь, *поколе* пообедают (Л. Толст., А. К., 3, XXV); Но этот первый предлог, по собственным словам подсудимого, побледнел перед вторым. *Поколь*, дескать, я ношу на себе эти деньги — «я подлец, но не вор» (Дост., Бр. К., 12, IV); Старый бродяга заморгал тусклыми глазами.— Ну, ин сбивай артель. Вдвоем али втроем нечего и идти,— дорога трудная. Наберется человек десять — и ладно. А уж я пойду, *поколе* ноги-то носят (Корол., Соколинец, III).

Перестали употребляться также временные конструкции, в которых союзы *доколе* (*доколь*) и *поколе* (*поколь*) поддерживались соотносительными словами и сочетаниями — типа *дотоле... доколе*; *потоле... поколе*; *до тех пор... доколе*. Вышли из употребления и конструкции с союзами *доколе* (*доколь*), *поколе*

---

[69] Пример заимствован из кн.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, стр. 358.

[70] См.: Э. И. Коротаева. Временно́е сложноподчиненное предложение. стр. 80.

[71] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 410; см. также приводимые Л. А. Булаховским немногочисленные примеры конструкций с союзом *поколе* из произведений 10—30-х годов XIX в. И. А. Каламина в разделе своей диссертации, посвященном временны́м конструкциям литературного языка конца XVIII — первой трети XIX в., совсем не отмечает конструкций с союзом *поколе* (см. указ. дисс., стр. 324—340).

(*поколь*), прикреплявшими придаточное предложение к словам со значением ожидания: *буду ждать (ждал), доколе (поколе)...* и т. п.

§ 37. Иной была судьба временных конструкций с союзами *покамест* (*покаместь*) и *покуда* (*покудова*), синонимичных союзам *дондеже, доколе, поколе*: они употреблялись на протяжении всего XIX в. Оба эти союза — русские по происхождению, при этом союз *покамест*, известный и древнейшим русским памятникам, особенно широко был представлен в деловой письменности XVI в.; союз же *покуда* проник в литературный язык, очевидно, из разговорной речи и диалектов [72].

В конце XVIII — первых трех десятилетиях XIX в. союзы *покамест* и *покуда*, по сравнению с союзами *пока* и, особенно, *доколе*, имели оттенок известной стилистической «сниженности», но лишь в том отношении, что они представлялись неуместными в собственно высоком стиле. Так, например, Радищев в «Путешествии» чаще и свободнее других конструкций данного типа употребляет конструкции с союзом *доколе*, однако в бытовых сценах он обращается к аналогичным конструкциям с *покуда*.

Ванюха мой хочет итти на барках в Питер в работу и не воротится, *покуда не* выработает ста рублей для своего выкупа (Едрово).

За пределами высокого стиля союзы *покамест, покуда, пока, доколе* в рассматриваемую эпоху были стилистически равноценны [73]. Ср., например, употребление в одном и том же контексте *покуда* и *пока, покамест* и *пока:*

Спеши не торопясь, но твердою стопою, И ни на шаг вперед, *Покуда* тем, что есть *не* сделался довольным! *Пока* назад смотреть не смеешь с духом вольным (Жуковск., К кн. Вяземск. и В. Л. Пушкину); *Покаместь* барину теперь Покой особенный отводят И настежь отворяют дверь — *Пока* Picard шумит, хлопочет, И барин одеваться хочет, Сказать ли вам, кто он таков? (Пушк., Гр. Нулин).

В литературной речи последующих десятилетий *покамест* и *покуда* сосуществовали как своего рода стилистические дублеты. Вероятно, поэтому они, как правило, не встречаются у одного и того же автора; наличие в авторской речи союза *покамест* или *покуда*, в числе других языковых особенностей, характеризует

---

[72] См.: Э. И. Коротаева. Временно́е сложноподчиненное предложение, стр. 75—80; А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 139—141.

[73] Любопытно, впрочем, что союз *покамест* воспринимался И. И. Дмитриевым как «нововведение», заменившее в 30—40-е годы союзы *доколе* и *пока*, «свойственные» языку Ломоносова, Шишкова и Карамзина (см.: И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, стр. 98—99. См. там же примечание М. Н. Лонгинова на стр. 285). На это же место мемуаров И. И. Дмитриева ссылается Л. А. Булаховский (см. «Русский литературный язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 409).

индивидуальную писательскую манеру. Радищев, например, из двух этих союзов в «Путешествии» употребляет только *покуда*[74] (см. выше); союз *покуда* характерен также для А. Болотова, С. Аксакова, А. Фета, Л. Толстого.

Покуда команда моя принимала провиант, упражнялся я в закупании для себя разных вещей (Болот., 1, 32); *Покуда* Евсеич вел моего коня, я превозмогал свой страх (Акс., Детск. годы Багр. вн., Сергеевка); *Покуда* дядя старался по возможности успокоить мать, появился один из верховых нарочных (Фет, Ранние годы моей жизни, VI); Бывало, *покуда* поправляет Карл Иваныч лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку матушки (Л. Толст., Детство, I); *Покуда* жив, не перестану смотреть на него с особенными чувствами замирания сердца и любви (Л. Толст., п. Ге, 30 апр. 1884); Они помолчали, *покуда* лакей расставлял чайный прибор (Л. Толст., Воскрес., II, XXXII).

Напротив, Пушкин совсем не употребляет конструкций с союзом *покуда* и довольно широко использует предложения с *покамест*[75]. *Покамест*, а не *покуда* употребляют Крылов, Гоголь[76]. Союз *покамест* типичен также для Достоевского. Вот несколько иллюстраций:

Сенюша, знаешь ли, *покамест*, как баранов, Опять нас *не* погнали в класс, Пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов! (Крыл., Два мальчика); *Покаместь* собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину (Пушк., Станц. смотритель); Робко озираясь, мчался он на коне, *покамест не* застигнул его вечер и не проглянули звезды (Гоголь, Страшн. месть, XIV); Но *покамест* я приискивал слово, девушка очнулась, оглянулась... (Дост., Белые ночи, 1); *Покамест* он бродил в темноте и в недоумении, где бы мог быть вход к Капернаумову, вдруг, в трех шагах от него, отворилась какая-то дверь (Дост., Прест. и наказ., 4, V).

Наряду с конструкциями, включающими одиночные союзы *покамест* и *покуда*, свободно употреблялись в XIX в. также конструкции, в которых союзам *покуда* и *покамест* соответствовали соотносительные сочетания: *до тех пор, покуда*; *покуда... до тех пор*; *до тех пор, покамест*; *покамест... до тех пор*.

Ах, *покуда* струна, *покуда* голос будут потрясать воздух, *до тех пор* половина меня может страдать, но другая все будет наслаждаться! (Н. Павл., Именины); [Повозки] уже не могли разъехаться и оставались в таком положении *до тех пор, покамест*, схватившись за задние колеса, не вытаскивали

---

[74] См.: И. М. Абрамович. Указ. дисс., стр. 91—94.

[75] См. Словарь языка Пушкина, т. III, М., 1959.

[76] См.: Н. И. Скосырева. Указ. дисс., стр. 125; Т. Н. Мревлишвили. Указ. соч., стр. 184—186.

их (Гоголь, Пов. о том, как поссорились..., II); Я ему сказала, что я на лестнице буду сидеть и *до тех пор* не уйду, *покамест* он денег *не* даст (Дост., Униж. и оскорбл., 4, VIII); *До тех пор, пока* мы *не* скажем себе, что тот, кто идет не с нами, идет против нас, *до тех пор, покуда* мы будем направо и налево раздавать рукопожатия встречному и поперечному..., *до тех пор* мы будем слабы (С.-Щ., Сатиры в прозе, К читателю).

Однако параллелизм употребления *покуда* и *покамест* оказывается нарушенным, с одной стороны, в определительно-временны́х конструкциях, в которых придаточное предложение, оформленное как придаточное времени, прикрепляется к существительному со значением временно́го отрезка, и, с другой стороны, в конструкциях изъяснительно-временны́х, в которых такое придаточное прикрепляется к глаголу (или к отглагольному существительному) со значением ожидания (о конструкциях этого типа см. § 3). Конструкции этих двух типов свободно допускали только союз-наречие *покуда.*

И вот такою-то жизнью я прожил тридцать пять лет, выжидая, *покуда* подрастут братишки и сестренки (Гл. Усп., Невидимка Авдотья, I); Все время, *покуда* она жила в доме (иногда месяца два-три) ее кормили и поили за барским столом (С.-Щ., Пошехонск. стар., II); Сказал Фленушке, чтобы она подождала, *покуда* он станет с дочерью говорить, не входила б в светелку (М.-Печ., В лесах, 1, 6).

Союз-наречие *покамест* в конструкциях этих двух типов в литературном языке явно избегался, его вполне адекватно заменял союз-наречие *пока.* Показательно, в частности, что Достоевский, для которого союз *покамест,* как уже отмечено (см. выше, стр. 139), чрезвычайно характерен [77] в изъяснительно-временны́х а также в определительно-временны́х конструкциях (встречающихся, впрочем, сравнительно редко), употребляет преимущественно *пока,* а не *покамест.*

Часа четыре надо было ждать, *пока* все засыпали (Зап. из М. дома, 1, I); Надо пройти мимо и выждать, *пока* она опять выйдет (Прест. и наказ., 1, VI); В ожидании, *пока* ему переменят рубашку, которую предстояло ночью же вымыть, мальчик сидел на стуле молча (Там же, 2, VII); Дверь была заперта все время, *пока* я был в саду (Бр. К., 9, V).

Перечисленные здесь конструкции с союзами *покамест* и *покуда* к концу XIX в. заметно сократили свою употребительность,

---

[77] Ср. литературно не обработанную, сделанную «для себя» запись Достоевского в одном из первоначальных планов романа «Идиот»: «У этих людей, *покамест* деньги, то, если не умны, то по крайней мере они представительны» (Из записной книжки 1867 г.; цит. по кн.: Г. Чулков. Как работал Достоевский. М., 1939, стр. 154).

при этом союз *покамест* постепенно приобрел отпечаток архаичности, а союз *покуда* — оттенок разговорности [78].

Союз *покуда* в конце XIX и в XX в. оказывается более употребительным, чем союз *покамест;* каждый из этих союзов продолжает оставаться чертой индивидуального стиля того или иного автора. Вот несколько иллюстраций из разных по жанрам произведений конца XIX и XX вв.:

Покамест мои убеждения крепки, *до тех пор,* я чувствую это, я не погибну нравственно (Верес., В юные годы); Клянемся, что не сложим оружия *до тех пор, покуда* не уничтожим правительство и *не* добьемся осуществления наших требований (Листовка моск. большевиков. Октябрь 1905 г.); — Мы не добьемся лучшей доли, *покуда* не почувствуем себя товарищами, семьей друзей (М. Г., Мать, 1, 12); Они долго еще бродили по грязному и ободранному городу, *покуда не* нашли нужный им номер дома (А. Н. Толст., Восемнадцат. год, 2); *Покуда* ты с теми, что землю и небо Хотят у нас взять, и свободу, и честь, *Покуда* ты с ними — ты, кто бы ты ни был,— Ты — враг. И да здравствует кара и месть (Твардовский, Слово ненависти); А время не стояло на месте, и *покамест* проходили торжественные собрания и говорились восторженные речи, *покамест* устраивались обеды с выпивкой и чествованием строителей, электричество озаряло улицы, дома, дворы, но дальше станиц так и не пошло (Бабаевский, Свет над землей, 1, 1, XIII).

§ 38. Приблизительно с 40-х годов XIX в. во всех сферах литературного языка наблюдается абсолютное преобладание союза *пока* [79] над другими однозначными с ним союзами в конструкциях, выражающих ограничение протекания одного действия пределами осуществления или моментом наступления другого действия. Показательно, например, что у Пушкина, для которого союзы *пока, покамест (покаместь)* и *доколе (доколь)* были лишены заметной стилистической окрашенности или стилистического различия, конструкции с союзом *пока* употреблены 87 раз, с союзом *покамест* — 33 раза, с союзом *доколе* — 8 раз [80].

---

[78] См. Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1466, стр. 308.

[79] Относительно широкое и все более усиливающееся распространение союза *пока* (образовавшегося из *покамест*) началось с XVII в. См.: Э. И. Коротаева. Временно́е сложноподчиненное предложение, стр. 77; А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 141.

[80] См. Словарь языка Пушкина, т. I и III. У Гоголя, по наблюдениям Т. Мревлишвили, в «Вечерах на хуторе» союз *покамест* употребляется чаще, чем союз *пока*; в «Мертвых душах» это соотношение уже изменяется в пользу союза *пока;* союз *доколе,* как уже отмечено, употреблен в «Вечерах» один раз (см.: Т. Н. Мревлишвили. Указ. соч., стр. 186—187, 197).

Конструкции с союзами *пока, пока не*

§ 39. *Пока* — наиболее «грамматикализованный» из всех союзов данного семантического разряда. В нем заключено общее грамматическое значение временно́й ограниченности, или предельности. Он лишен этимологических ассоциаций (ср. например, *покамест* — из *по ка места*), удобен по форме. Именно на базе этого союза окончательно оформилось союзное сочетание *до тех пор пока.* Иллюстрировать примерами употребление конструкций с союзом *пока* в литературном языке XIX в. излишне, поскольку это употребление совпадает с современным [81]. Приведем лишь отдельные иллюстрации таких конструкций, в которых союз *пока* (без частицы *не*) обозначает ограниченность действия, названного в главном предложении, пределами протекания действия, названного в придаточном — в прош., наст. и буд. времени:

Пока я говорил, Ася все больше и больше наклонялась вперед (Тург., Ася, XVI); Ляжет между рельсами ничком и пролежит недвижимо, *пока* поезд пронесется над ним на всех парах (Дост., Бр. К., 10, 1); [О л ь г а] За эти четыре года, *пока* служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость (Чех., Три сестры, 1).

§ 40. В § 3 было отмечено, что значение ограниченности протекания действия, названного в главном предложении, моментом наступления действия, названного в придаточном, могло быть формально выражено сочетанием союза временно́го предела с относящейся к сказуемому частицей *не.* Здесь следует подчеркнуть, что процесс формализации и окончательного становления временных конструкций данной разновидности развивался параллельно с процессом утверждения союза *пока,* с одной стороны, и процессом архаизации и ухода из языка союзов *дондеже, доколе (доколь), поколе (поколь)* — с другой.

Употребление частицы *не* для выражения — в качестве «придатка» временного союза — значения прерванности одним действием другого намечалось уже в древнерусском языке. Характерно, что частица *не* при союзах временного предела в более древних памятниках письменности употреблялась, по-видимому, чаще в конструкциях, в которых временное значение совмещалось с условным; при этом придаточная часть обычно предшествовала главной, что было связано, очевидно, с условным характером придаточной части. Вот отдельные примеры из памятников письменности XIV, XVI и XVII вв. [82]:

А *доколе* ся Новъгород с литовским князем и со тферьским

[81] См. Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1457—1458, стр. 300—301.

[82] Примеры заимствованы из указ. соч. А. Н. Стеценко (стр. 138, 142) и из статьи Э. И. Коротаевой «Временно́е сложноподчиненное предложение» (стр. 78).

князем Михаилом *не* умирит, или с немци, мне князю великому и моему брату князю Володимеру Новагорода не метати (Договорн. гр. 1371—1372 гг.); А *докуды* по грехом Иван сын гоеударства *не* доступит, а ты удела своего, и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин (Духовн. завещ. ц. Ив. Вас. 1572—1578 гг.); О! ей смоквы ваши зело укусны, но, *доколе не* дозреют, вкусити их, зане еще горестны, не хощу (С. Полоцк., Иудифь, 1674 г.).

Постепенно сочетание частицы *не* с союзом временно́го предела становится грамматическим средством выражения конца, прерванности длящегося действия. Таким образом, одно из двух значений, выражавшихся временными конструкциями с союзами временно́го предела: 1) ограничение протекания одного действия всем периодом осуществления другого действия и 2) ограничение протекания одного действия моментом наступления другого действия — получает специальное грамматическое оформление. Союз временного предела в сочетании с частицей *не*, относящейся к сказуемому придаточного предложения, выражает значение прерванности в дальнейшем уже не только в условно-временных конструкциях, но также и в собственно временны́х. В сложных предложениях этого типа, включающих частицу *не,* порядок частей уже не играет грамматической роли — тогда как в конструкциях без этой частицы в течение XIX в. оставалась обязательной постпозиция придаточного, если в нем говорилось о действии, с наступлением которого прекращается действие, названное в главном предложении. Показательны, например, следующие иллюстрации из произведений XVII в.[83]:

Не отпускать из семинариума в городы, иль куды ни есть, к своим в гости, *пока* семинарист *не* обыкнет, пребывая в семинариуме, *пока* ощутит знатной пользы такого воспитания (Духовн. регламент 1721 г.) (постпозиция придаточного с *пока не* и придаточного с *пока*); А у нас, *пока* неправда *не* искоренится, то для верности надлежит под иманцовою рукою поручника подписываться и со свидетелями (Посошк., Кн. о скудости и богатстве) (препозиция придаточного с *пока не*); Вели пожаловать — дать льготы, *покаместь* внучата подрастут (Хоз. Мороз., 1, № 62) (постпозиция придаточного с *покаместь*).

Наметившаяся в древнерусском языке тенденция к специальному грамматическому оформлению — в пределах конструкций со значением временной ограниченности — особого значения прерванности одного действия наступлением другого действия продолжала действовать и развиваться в XIX в. В конце XVIII—начале XIX в., как уже отмечено выше (см. § 3), были довольно

[83] Примеры заимствованы из статьи Э. И. Коротаевой «Временно́е сложноподчиненное предложение» (стр. 77) и из кн. Л. А. Булаховского «Курс русск. лит. языка», т. II (Ист. комм.), стр. 351.

широко представлены конструкции этого временного значения с союзами *доколе не, поколе не, пока не, покамест не, покуда не* и с союзными сочетаниями *до тех пор пока (покамест, покуда) не.* Семантико-синтаксическими условиями, способствовавшими распространению временных конструкций этого типа, были, по-видимому, следующие: 1) выражение придаточным предложением условно-временного значения[84]; 2) наличие в главном предложении сказуемого с отрицанием. Именно в этих случаях наблюдается наиболее последовательное употребление *не* при союзах временно́го предела.

И, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, *доколь* страданием своим *не* загладят все злое, еже сотворили (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть); Гражданин не угодит самовластителю, *пока не* будет рабом законным (Карамз., Марфа Посадн., 2); Издали приговор, что мою оперу не можно представить, *доколе не* будет в ней выкинуто, что... (Крыл., п. П. А. Соймонову, 1789); Истратить одного червонца ты не волен, *Пока* в реку *не* бросишь кошелька (Крыл., Бедн. Богач); Я *до тех пор* не намерен ехать в Покровское, *пока не* вышлете вы мне псаря Парамошку с повинною (Пушк., Дубр., I); Я тебе моего француза не выдам, *покамест* сам *не* разберу дела (Там же, XII).

При отсутствии указанных условий союз предела в рассматриваемых конструкциях мог употребляться и без частицы *не,* при этом в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. конструкции без *не* были еще обычны (придаточная часть в них, как уже отмечалось, была, как правило, постпозитивной).

До тех пор меня мучил, *покуда* выбился сам уже из сил (Болот., 1, 7); Которым местом по троекратном нападении овладел и держал оное несколько часов, *доколе* от генерала Берга прислано было два полка казачьих (Суворов, Прош. в Герольдмест, контору, 1790); Продолжали путь к Северу *пока* достигли пролива Фурии и Геклы (Моск. телеграф, 1825, № 5); Этот клубок, раз выпущенный из рук под гору, разматывается *до тех пор, пока* оборвется или израсходуется (Лажечн., Лед. дом, 2, 10).

Конструкции как с частицей *не* при союзах предела, так и без нее нередко встречаются у одного и того же автора в одинаковых условиях употребления. Ср., например, у Пушкина:

Еще долго блуждал по незнакомому лесу, *пока не* попал на тропинку, которая... (Дубр., IV) и: Чем долее она [игра] продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, *пока* наконец маркер остался под биллиардом (К. д., I.)

---

[84] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I, стр. 358.

У Гоголя:

Неутомимый язык ее трещал и болтался во рту *до тех пор, пока не* приехали они в пригородье (Сорочинск. ярмарка, I) и: Он два раза проехал с своим возом по двору, *покамест* нашел хату (Там же, VII).

У Тургенева:

«Вот завтра, завтра!» — утешает он себя — *пока* это «завтра» *не* свалит его в могилу (Завтра! Завтра!) и: Сын бежал без оглядки, *пока,* наконец, перестал слышать за собой тяжелый топот отцовских шагов (Двор. гнездо, VII).

У Достоевского:

Алеша стоял на перекрестке у фонаря, *пока* Иван не скрылся совсем во мраке (Бр. К., 11, V) и: Остановился и с насмешливым видом проследил сынка глазами на лестницу в мезонин, *до тех пор пока* тот скрылся из виду (Там же, 5, VII).

У отдельных писателей находим случаи употребления конструкций с союзами *пока, покамест, покуда,* не сопровождаемыми частицей *не,* и вне тех, действовавших в качестве нормативных, ограничений, о которых говорилось выше. Встречаются — правда, сравнительно редко,— с одной стороны, конструкции с препозитивным придаточным предложением и, с другой стороны, конструкции с постпозитивным придаточным — но с отрицанием при сказуемом главного предложения; однако в этих случаях значение временно́го предела, нарушающего течение предшествующего действия, поддерживается формой буд. вр. сказуемого придаточного предложения.

[Кречинский] А *покуда* я вернусь, не выпускай... смотри! (Сухово-Коб., Свадьба Кречинск., III, 7); И что никогда, никогда, в свою очередь,— это ее собственные слова были,— она не воспользуется этой бумагой, *покамест* я сам заплачу́ (Дост., Прест и наказ., 2, I); Но, *пока* перейду к этому роману, нужно еще рассказать и об остальных двух сыновьях Федора Павловича (Дост., Бр. К., 1, II).

Приведенные сопоставления показывают, что процесс «формализации» частицы *не* при союзах временно́го предела не был прямолинейно-поступательным и простым. В отборе лексико-грамматических средств выражения синтаксических отношений здесь, как и во многих других подобных случаях, большую роль играет индивидуальная писательская манера того или иного автора, которая как известно, не всегда может быть вмещена в рамки внешней хронологии.

Самая возможность передачи значения действия, прекращающего течение предшествующего ему действия, придаточным предложением с союзом *пока (покамест, покуда)* без частицы *не* сохраняется в течение всего XIX в. и не утрачивается в XX в.

Они говорили *до поры, пока* келейник принес самовар (М. Г., Дело Артамоновых, II); Глядели *до тех пор, пока* потухла заря (Шолох., Тихий Дон, 1, 1, I); До глубокой осени, *пока* установился фронт на юге, люди... все шли и шли через Краснодон (Фад., Мол. гвардия, 1, I) [85].

Однако в качестве литературной нормы при выражении данного временного соотношения во второй половине XIX в. прочно утвердились конструкции с союзом *пока не* [86]. Именно поэтому все более ограничивается существовавшая ранее факультативность в выборе равнозначных конструкций с *пока* и *пока не*. Можно говорить, следовательно, о том, что два оттенка значения временной ограниченности (о которых здесь шла речь), передававшиеся в начале XIX в. конструкциями с несколькими союзами, общими для обоих этих оттенков, в процессе устранения из языка архаичных союзов и, с другой стороны, в процессе формализации и уточнения средств синтаксической связи стали к середине XIX в. выражаться конструкциями с двумя союзами: *пока* и *пока не* (если не считать союзов *покамест* [*не*] и *покуда* [*не*], употребительность которых все более ограничивалась как стилистически, так и количественно).

Конструкции с союзом *как*

§ 41. Проявлением тенденции к упорядочению синтаксических конструкций было в XIX в. ограничение сфер употребления, а также общее количественное сокращение временных конструкций с союзом *как*. Этот процесс находился в непосредственном взаимодействии с начавшимся с конца XVII в. процессом укрепления союза *когда* в качестве основного союза времени (см. § 2).

В начале изучаемого периода временные конструкции с одиночным союзом *как* [87] входили в систему общелитературного языка, хотя и употреблялись чаще в контекстах, передающих разговорную речь (см. ниже); в основных случаях своего употребления они были равнозначны конструкциям с *когда*, ср.:

А *как* попал в наместники и *когда* много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба (Радищ., Путеш., Спасск. Полесть).

Однако между временными конструкциями с союзом *когда* и

---

[85] Примеры заимствованы из канд. дисс. М. М. Михайлова «Сложные предложения с временными придаточными в совр. русск. языке». М., 1952, стр. 352; Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1466, стр. 307.

[86] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II (Ист. комм.), стр. 352; Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1466, стр 307.

[87] О конструкциях с союзом *как*, включенным в союзные и фразеологические сочетания, см. § 43—44, 61—66, 73—76.

конструкциями с союзом *как* существовали определенные соотношения семантического и структурного характера. К началу XIX в. эти соотношения, если представить их в схематичном виде, были следующими. Прежде всего, отмечается заметный количественный перевес конструкций с союзом *когда* над конструкциями с союзом *как*: эти последние были многофункциональны (см. выше, § 2) и менее определенны в своем временном значении; последнее было связано, очевидно, с тем, что значение времени в слове *как* выражалось очень слабо, а в *когда* это значение было не только этимологически прозрачным, но и живым, поддерживавшимся собственно наречным употреблением этого слова. Вероятно, с недостаточной «самостоятельностью» временного значения союза *как* следует связывать ту закономерность, что конструкциями с этим союзом чаще передавалось значение временной последовательности, грамматически само по себе более выразительное, чем значение одновременности. При этом в придаточных предложениях с союзом *как* со значением предшествования часто совмещалось значение подчеркнутой быстроты, а также интенсивной начинательности; значение же одновременности выражалось преимущественно конструкциями с союзом *когда*. Для конструкций с союзом *как* характерным было препозитивное употребление придаточной части — как при передаче ими значения временной последовательности, так и при выражении одновременности. Из конструкций с союзом *когда* при выражении временной последовательности также преобладали конструкции с препозитивной придаточной частью; при выражении одновременности преобладали, наоборот, конструкции с постпозицией придаточной части.

Конструкции с союзами *как* и *когда* в начале исследуемого периода были равнозначны и взаимозаменяемы в своих двух основных функциях: при выражении одновременности (полной и частичной) и временной последовательности. Основная роль в передаче временных значений принадлежала, как и в современном языке, соотношению форм вида и времени сказуемых; при этом значение временной последовательности — в случаях наличия у сказуемого придаточной части перфектного значения — недостаточно четко отграничивалось от значения одновременности. Вот характерные примеры равнозначности конструкций с союзами *как* и *когда*:

А. Конструкции со значением одновременности.

Препозиция придаточной части. В главной части употреблены соотносительные слова *то, тогда, так* или соотносительные слова отсутствуют.

Как мысли мои текли тихою струею вслед за нотами вальса, подошел ко мне хворый нищий (Моск. Мерк., 1803, февр.);

Как ветры будут спать, отправь ты корабли (Крыл., Пловец и

море); *Как* соловьи начнут согласно Будить и кликать солнце красно — *Тогда* меня разбудит стук Карет (Крыл., Отъезд из деревни); *Как* он подходил к тому селению, *то* уже осужденного вели к наказанию (Ст. погудки на нов. лад, Ск. о Ерусл. ЛК); *Как* я к тебе ехал, *так* знаешь ли, кого обогнал? (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, VI).

Когда весна посетит и наш суровый климат, *тогда,* может быть, и мы положим несколько цветов к ногам вашим (Моск. Мерк., 1803, янв.); *Когда* ты уже получишь это письмо, я все еще буду со сна (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 22 июля 1818); *Когда* мне представлялось, что я солдат, *то* какой-то луч надежды сверкал передо мною (Н. Павл., Именины); *Когда* государь изволил послать меня в Москву, *так* с визирем шли переговоры (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, XI); *Когда* ездил он по базару..., *то* везде бросал в народ медными деньгами (Пушк., Ист. Пугач., 3).

Постпозиция или интерпозиция придаточной части.

Так надобно гораздо разбирать, *как* станешь грубости кору с людей сдирать Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять (Крыл., Червонец); И в щелку пролезешь, *как* смерть на носу (Загоск., Ю. М., 1, X) Слуга, поскакавший за ним, воротился, *как* еще сидели за столом, и доложил своему господину, что дескать Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться (Пушк., Дубр., I).

Вы знаете, как ожесточаются воины, *когда* после упорной обороны приступом берут крепость (С. Глинка, Зап. о М.); В усадьбе князя водили расседланных лошадей, *когда* его дочь, в верховом платье, в мужской шляпе и с хлыстиком, подошла проворно к стеклянным дверям (Н. Павл., Ятаган, III); Она слегка вздрагивала, *когда* неосторожная рука укалывала ее, но молчала (Пушк., Дубр., XVIII); Но Савельича мудрено было унять, *когда* бывало примется за проповедь (Пушк., К. д., I).

Постпозитивная придаточная часть посредством союза прикрепляется к находящемуся в главной части указательному наречию *тогда*, акцентирующему и уточняющему временно́е значение конструкции и выполняющему в структуре сложного предложения функцию местоименного коррелята при союзе.

Дед мой находился *тогда* в службе, *как* она умерла (Болот., 1, 3); И, привезя ее один в карете к мужу в дом, выходит из дома *тогда* только, *как* она ложится с мужем спать (Фонв., п. сестре, 7[8] дек. 1784); Так верный подсолнечник не перестает никогда обращаться к солнцу; обращается к нему и *тогда, как* грозные облака затмевают светило дня — и поутру и ввечеру — и *тогда, как* сам он начинает уже вянуть и сохнуть (Карамз., Рыц. нашего вр., 3); На балах она танцевала

только *тогда, как* не доставало vis-a-vis (Пушк., Пиков. дама, II).

Он *тогда* не человек, *когда* дело идет о цели политической; у него нет сердца — у него только ум (Лажечн., Лед. дом, 4, 8); Неужели, Смарагда, ты будешь думать об этом русском даже и *тогда, когда* он погибнет? (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, VI).

Постпозитивная придаточная часть прикреплена к обстоятельственному слову (или сочетанию слов) главной части с лексически выраженным значением временного отрезка и выполняет по отношению к этому слову (или целому выражению) уточнительно-определительную функцию.

Некогда, *как* бабка моя была еще в девках, случилось приттить к ним одному монаху (Болот., 1, 3); Однажды, *как* он сидел у окна, мелькнул какой-то призрак (С. Глинка, Зап. о М.); Я очень люблю иногда, *как* делать нечего, книжечки читать (В. Соллог., Тарантас, X); Три года тому назад, *как* я разбойничал с покойным Михайлаки, мы зарыли в степи недалече от Ясс котел с гальбинами (Пушк., Кирджали).

Умели и веселиться при случае, *когда* съезжались вместе (Карамз., Рыц. нашего вр., 8); Теперь же, *когда* он сделался столицею сего края, воздвигались в оном красивые и великолепные здания (Моск. телеграф, 1825, № 8); Она приехала летом, *когда* большая часть московских жителей разъезжалась по деревням (Пушк., Росл.); В старину, *когда* этот город был укрепленным и довольно значительным городом, он назывался Сорокою (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, V); Теперь, *когда* отечество в истинных сынах имеет крайнюю нужду... [король] является на поле брани (Нарежн., Бурсак, 2, V) [88].

Ср. также конструкции с *как* и *когда*, в которых придаточная часть имеет значение временного ориентира по отношению к действию, названному в главной части:

На дворе было еще темно, *как* Адриана разбудили (Пушк., Гробовщик); Начинало смеркаться, *когда* пришел я к комендантскому дому (Пушк., К. д., VIII).

Б. Конструкции со значением временной последовательности.

Препозиция придаточной части. В главной части соотносительные слова отсутствуют или употреблены соотносительные слова *то, тогда, так:*

---

[88] В «Вечерах на хуторе» Гоголя отмечены случаи прикрепления придаточных предложений с союзом *когда* к словам и сочетаниям с временным значением: *летом, давно, теперь, сначала, в прошлом году, на другой день, под вечер, к вечеру, иной раз, в тот день, в такую пору, в то время* (см.: Т. Н. Мревлишвили. Указ. соч., стр. 188).

Как Афинская крепость сдалась грекам, тотчас же разгорелся раздор в Ливадии (Моск. телеграф, 1825, № 11); Ну, а *как* оберет он крестьян своих, *так* тотчас и за границу? (В. Соллог., Тарантас, XI); И *как* ей сказали, что старый смотритель умер, *так* она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно...» (Пушк., Станц. смотритель); Долго спал дед, и *как* припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, *тогда* только схватился он на ноги (Гоголь, Пропавш. грамота).

Когда Уваров напечатает речь свою, *то* и ты ее получишь (А. И. Тург., п. Вяземскому, 23 марта 1818); *Когда* возвратились его дети, молодые фон-Ланеки, *тогда* в замке все пошло иначе (Моск. телеграф, 1825, № 11); *Когда* я отдохнул от замирания стыдливости, *то* вспомнил тотчас свой первый взгляд на Александрину (Н. Павл., Именины); Но когда рушилась пограничная защита России и *когда* узнали о бессилии ее войска, скопища татар устремили убийственные длани свои к опустошению (С. Глинка, Зап. о М., 3); *Когда* Василию Ивановичу наступил шестнадцатый год, он отправился в Казань на службу (В. Соллог., Тарантас, XV).

Постпозиция или интерпозиция придаточной части.

Он поклялся расстрелять его, *как* он попадется ему в руки (Моск. телеграф, 1825, № 10); Ей сделалось дурно, *как* услышала о взятии Нижнеозерной (Пушк., К. д., VI).

А меня кормите и пойте, покуда буду жить, и погребите кости мои, *когда* умру и переселюсь в вечность (Болот., 1, 2); Но все должны были отступить, *когда* явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин (Пушк., Метель).

Постпозитивная придаточная часть прикрепляется к указательному наречию *тогда*:

Кончатся ж муки твои лишь *тогда, как* к тебе издалека Некто придет, самому себе ненавистный (Жуковск., Наль и Дамаянти, VI); И зависть возвратилась в его душу только *тогда, как* он подошел к дверям (Лерм., Вадим, X); О, благодарность к нему простынет разве *тогда, как* глаза мои засыплются землею! (Н. Павл., Именины).

Расставшись с тобою, разве *тогда* перестану плакать, *когда* высохнет сердце мое (Карамз., Бедн. Лиза); В сердце же клялся помириться с ним *тогда* лишь, *когда* увидит голову его на плахе (Лажечн., Лед. дом, 2, 8); В первый раз заснул он только *тогда, когда* кризис болезни миновался (Дружинин, Пол. Сакс, Два письма вм. первой гл.).

Постпозитивная придаточная часть прикреплена к обстоятельственному слову (или сочетанию слов) главной части с лексически выраженным значением временно́го отрезка:

Ты вчера, *как* обедня отошла у Николы в Пыжах, изво-

лил быть на паперти? (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, VIII); Я все молчал... а теперь, *как* дело дошло до меня, *так* не мешай мне говорить (Там же, 2, IV); Завалился в постелю, да и спал до сего часа, *как* уже к обедне отблаговестили (Пушк., Гробовщик).

Записывал на длинном листе особ, бывших в зале, и потом, *когда* Анна Иоанновна присела на кресла, герцог вызывал по этому списку всех посетителей и посетительниц (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); Однажды, *когда* удалось нам как-то рассеять и прогнать густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей (Пушк., К. д., X).

Приблизительно с 40-х годов XIX в. во всех выделенных разновидностях временных конструкций — обозначающих одновременность и временную последовательность, с препозитивной и постпозитивной придаточной частью — абсолютно преобладающим временным союзом становится союз *когда*. Союз *как* в этих конструкциях уже носит печать стилистической сниженности, разговорности или просторечности[89]. Из научной прозы, публицистики временной союз *как* постепенно исчезает. Показательно например, что в критических статьях Белинского этот союз встречается, в основном, в случаях «поддержки» его наречием *тогда:* сцепление *тогда, как* на стыке частей временных конструкций приобрело, очевидно, известный характер устойчивости.

Все прошедшее получает для нас новый колорит, является как бы преображенным: счастие кажется лучшим нежели *тогда, как* мы им наслаждались (Стих. Лерм. [1841]).

Ср. у Белинского в одном и том же предложении употребление союза *как*, прикрепленного к *тогда*, и союза *когда* — при отсутствии *тогда*:

Когда русский бывает за границею, его слушают, им интересуются, не *тогда, как* он истинно европейски рассуждает о европейских вопросах, но *когда* он судит о них, как русский (Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.).

Заметим, что Белинский широко и свободно употреблял сопоставительные конструкции с интонационно слитным союзным сочетанием *тогда как*.

Оттого-то в России так рано сделались возможными и переводы с этих языков и изучение этих литератур в их собственных звуках; *тогда как*, например, для французов и теперь

---

[89] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. I, стр. 356; В. А. Белошапкова. К изучению типов сложного предложения. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», № 2, 1952, стр. 32; И. А. Каламина. Видо-временны́е формы русских глаголов в сложноподчиненном предложении с временны́м придаточным. «Уч. зап. Туркменского гос. ун-та», 1958, вып. XIV, стр. 130—131. Распространенность временны́х конструкций в говорах отмечает А. Б. Шапиро (Указ. соч., стр. 86—88).

еще закрыто печатью тайны святилище, особенно германской поэзии (Русск. лит-ра в 1841 г.).

§ 42. В художественной литературе второй половины XIX в. временные конструкции с союзом *как* широко используются в качестве одного из характерологических средств — для воспроизведения разговорной речи или просторечия[90]. В таком употреблении эти конструкции, по существу, уже выходят за пределы литературного языка. Преобладают конструкции с препозитивной придаточной частью, обозначающей предшествование. Вот отдельные иллюстрации:

Я *как* узнал здесь, что ее, значит, уже похоронили,— сейчас в деревню поспешил, домой (Тург., Маша); А вот, батюшка,— заговорил мужик и еще сильнее задергал вожжами: — *как* на взволочек взберемся, версты две останется, не боле (Тург., Рудин, XII); Вот, бог даст, *как* дождемся святок, приедут погостить свои, ужо будет повеселее, и не видно, как будуть проходить вечера (Гонч., Обл., 1, XI);— Нет, нынче не буду. А то б я вас всех вздул. Я *как* пойду гнуть, так у меня всякий банк затрещит! (Л. Толст., Два гусара, II); Скажи старосте, чтоб дожидался. *Как* отопью чай, позову (С.-Щ., Пошехонск. стар., XXVII); *Как* умерла Афонюшка, точно во мне что оборвалось (М.-Сиб., Последн. веточка, V); А *как* приехал князь сюда совсем на житье и мне шестнадцать лет исполнилось, изволил он и меня своей высокой милостью взыскать (М.-Печ., Ст. годы, II); Рожь родится сам-десят; это не хвастаясь можно сказать, что я устроил. Прежде, бывало, *как* сам-пят придет, так бога благодарили (Писемск., Брак по расчету, II); Как выучился я азбуке, вымолил у отца полтину, накупил в городе книг, стал читать (Гл. Усп., Хорош. встреча, II); Вот *как* пройдете красненький домичек, так на левой руке будет переулочек (Чех., Степь, VIII); [Бубнов] Такое житье, что *как* поутру встал, так и за вытье (М. Г., На дне, I).

Свободно употребляются при воспроизведении разговорной речи и другие перечисленные выше разновидности временных конструкций с союзом *как*.

Конструкции со значением временной последовательности:

Ей-богу, легче станет, *как* скажешь (М.-Печ., В лесах, 1, 4); Коли хлеба много уродится, с ценами можно будет и обождать. Сначала только часть запаса продать, а потом, *как* цены повеселеют, и остальное (С.-Щ., Пошехонск. стар., XXVIII); А ты, *как* отдохнешь, поедешь в Ярославль к графине, твоей бабушке (Чех., Вишн. сад, I).

---

[90] Ср. подобное же использование конструкций с союзом *как* в произведениях современной художественной литературы (см. В. А. Белошапкова. Указ. статья, стр. 25—26).

Конструкции со значением одновременности:

Мы и сами переедем, *как* потеплее будет, недели через три (Гонч., Обл., 1, I); Я к ним еще вернусь.— Когда? — Да вот *как* в Петербург поеду (Тург., Отцы и дети, XXI); А у меня, надо тебе сказать, закон: *как* лошадей нет, я не снимаю шубы и отправляюсь к смотрителю в комнату (Л. Толст., Два гусара, II); *Как* знаешь, что не кончишь работы, отпадает желание ждать награды за нее, а остается сознание служения (Н. Н. Ге, п. Л. Толстому, дек. 1886).

Конструкции с союзом *как* во второй половине XIX в. сохраняются и в авторской речи отдельных писателей — таких, например, как Мельников-Печерский, Достоевский, Л. Толстой, при этом у одних писателей этот союз служит одним из средств стилизации при изображении старины или «народной» среды и быта (например, у Мельникова-Печерского), у других — является чертой их индивидуального синтаксиса; в этом случае союз *как* оказывается для данного писателя стилистически нейтральным и употребляется не только в художественных произведениях писателя, но и в его мемуарах, письмах. Вот примеры «нейтрального» употребления союза *как*:

И схоронят в сырую могилу, *Как* пройдешь ты тяжелый свой путь, Бесполезно угасшую силу И ничем не согретую грудь (Некр., Тройка); *Как* вспомню о своей службе, то невольно выхожу из себя (Л. Толст., Дневн., 28 мая 1853); Показывалась... невысокая фигурка старика с маленькими сухими ручками и серыми висячими бровями, иногда, *как* он насупливался, застилавшими блеск умных и молодых блестящих глаз (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XXII).

У такого писателя, как Достоевский, временные конструкции с союзом *как* употребляются широко и свободно на протяжении всего его творчества. Вместе с другими особенностями его индивидуальной языковой манеры, они характеризуют несколько «сниженный», «разночинский» стиль художественной речи этого писателя (а также и собственную его речь). В употреблении временных конструкций с союзом *как* в авторской речи Достоевского (в том числе и в речи рассказчика, например, в «Записках из Мертвого дома», в «Подростке» и др.) не улавливается каких-либо стилизаторских заданий.

Такая роскошь радовала даже самых угрюмых и самых щепетильных арестантов, которые, *как* дошло до представления, оказались все без исключения такими же детьми, как и самые горячие из них и нетерпеливые (Зап. из М. дома, 1, XI); И вот теперь, *как* пишу это, ярко припоминается мне один умирающий, чахоточный (Там же, 2, II); Иногда этак человек вытерпит полчаса смертельного страху с разбойником, а *как* приложат ему нож к горлу окончательно, так тут даже и страх пройдет (Прест. и наказ., 6, I); Признаюсь, а сам было заплакал чорт знает с чего, хоть мигом воздержался, и даже теперь, *как* пишу, у меня краска в лице (Подросток, 1, 2, III).

Отсутствие специальной стилистической нагрузки у временных конструкций с союзом *как* в авторской речи Достоевского подтверждается и полным их параллелизмом с конструкциями, оформленными союзом *когда*. Ср. хотя бы несколько примеров из тех же произведений, которые процитированы выше:

Я, помню, невольно каждый раз при какой-нибудь смешной и ловкой выходке актера, *когда* раздавался всеобщий хохот, тотчас же оборачивался к Алею и заглядывал в его лицо (Зап. из М. дома, 1, XI); *Когда* он дошел до квартиры Капернаумова, то почувствовал в себе внезапное обессиление и страх (Прест. и наказ., 5, IV); *Когда* я вошел в мою крошечную каморку, то хоть и ждал его все эти три дня, но у меня как бы заволоклись глаза и так стукнуло сердце, что я даже приостановился в дверях (Подросток, 2, 1, II).

Еще обильнее представлены временные конструкции с союзом *как* в произведениях Достоевского при передаче речи героев,— не как средство индивидуальной языковой характеристики, а для создания общего колорита разговорности. Вот некоторые характерные примеры:

И на сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, *как* я поцеловал вас, Варинька,— помните ли, ангельчик? (Бедн. люди, 8 апр.); Боялись меня огорчить, меня испугать, а *как* увидели, что я чуть не засмеялась, то у вас почти все отлегло от сердца (Там же, 5 авг.);— Но помилуйте, Настасья Петровна, я решительно ничего не понимаю!...— А вот поймете, *как* нагнетесь и послушаете (Дядюшк. сон, VII); *Как* я увидела, что жилец все теперь узнал про меня, покраснела, стала на месте как вкопанная (Белые ночи, 2); *Как* и с Москвой прощался, тем и утешен был, что голова со мной вместе пойдет (Зап. из М. дома, 1, VI); Они и *как* подписывались, так едва пером водили,— заметил письмоводитель (Прест. и наказ., 2, I); Сама же ты меня на перекресток посылала; что ж теперь, *как* дошло до дела, и струсила? (Там же, VIII); А ты *как* испугаешь ее письмом, то с того часа и покажешь ей характер (Подросток, 3, 6, I); Я *как* прочел, то тотчас и подумал, что этак все и будет (Бр. К., 4, IV); Вся молодая Россия только лишь о вековечных вопросах теперь и толкует. Именно теперь, *как* старики все полезли практическими вопросами заниматься (Там же, 5, III).

Отмеченные выше случаи «нейтрального» употребления временны́х конструкций с союзом *как* во второй половине XIX в. свидетельствуют о том, что общая тенденция к стилистическому ограничению этих конструкций и, по существу, к уходу из системы литературного языка временного союза *как* не носила абсолютного характера. С другой стороны, использование этих конструкций в качестве средства стилизации свидетельствует как раз об активности этой тенденции. Так, например, эти же конструкции в речи героев Мельникова-Печерского несут уже несомненно бо́льшую стилистическую нагрузку, чем в речи героев Достоевского, ср.:

Было, сударь, мне лет двадцать с небольшим, *как* сподобил и меня господь перед светлыми очами князя Алексея Юрьича малую службишку справить (Ст. годы, III); *Как* последний раз виделись, цвела ты, как маков цвет, а теперь, гляди-ка, какая стала! (В лесах, 1, 11); *Как* мы заночевали в лесу, набежало проклятого зверья видимо-невидимо — чуть не сожрали (Там же, 15).

Определенную стилистическую функцию выполняют эти конструкции в авторской речи романа «В лесах» — признанного образца тонкой стилизации.

Никогда с ним такого греха не бывало, даже и тогда не бывало, *как*, подростком будучи, токарному делу учился (1,

6); Тогда только и праздник был ей, *как* иная баба, обозлясь на мужа либо на свекра, обносочек какой на сиротку наденет (1, 8).

§ 43. Уход за пределы литературного языка конструкций с союзом *как* был связан, очевидно, в первую очередь, с тем, что временные отношения передавались этими конструкциями недостаточно дифференцированно. Иной была судьба временных конструкций с союзом *как* с обязательной препозицией придаточной части. Это, в первую очередь, конструкции типа *как* [*вошел*], *так и* [*замер на месте*]. Они характеризуются наличием в главной части соотносительного слова *так*, частицей *и*, обычно сопровождающей сказуемое, и употреблением в обеих частях сложного предложения глагольных сказуемых в форме сов. вида (части конструкции — чаще вторая — могут быть и безглагольными предложениями). Придаточная часть в таких конструкциях имеет значение интенсивного предшествования; во второй части выражается значение быстрого следования с оттенком результативности.

Маланья Сергеевна, *как* вошла в спальню Анны Павловны, *так и* стала на колени возле двери (Тург., Двор. гнездо, IX); Я *как* съехал на берег, *так* под палатку, потому что приближался полдень и никакой защиты не было от палящих лучей (Гонч., Фр. «Пал.», О-ва Бонин-Сима); *Как* услыхала она про Версилова, *так* на него *и* накинулась (Дост., Подросток, 1, 9, V); *Как* прибежала, *так* всех шишкинских баб повестила, что у Чапуриных смотрины будут (М.-Печ., В лесах, 1, 6); Аксинья Захаровна *как* поздоровалась с гостями, *так и* за чай (Там же, 10).

Ср. также конструкции этой разновидности, в которых функцию соотносительного слова выполняет наречие *тотчас* (*же*), усиливающее значение быстроты и стремительности:

Она, *как* увидела его, *тотчас же и* влюбилась (Дост., Зап. из М. дома, 2, III).

Бо́льшей семантической ограниченностью отличаются конструкции с препозитивным союзом *как*, в первой части которых сказуемым в форме глагола сов. вида называется осуществившееся или начавшееся действие, а во второй части, вводимой соотносительным словом *так* (или *то*) и содержащей сопровождаемое частицей *и* глагольное сказуемое в форме глагола несов. вида, речь идет о подчеркнуто длительном действии, результативно вытекающем из первого действия и приписываемом тому же субъекту:

Как родился в Петербурге, *так и* не выезжал никуда (Гонч., Обл., 1, II); *Как* пойдут ясные дни, *то и* длятся недели три-четыре (Там же, IX).

Особую разновидность временных конструкций с союзом *как* составляют такие, в которых препозитивная придаточная часть

является именным предложением, обозначающим наступление какого-либо периода времени, явления, события; в придаточной части, вводимой соотносительным словом *так*, говорится о длительном действии (или ряде действий), состоянии, заполняющих собой тот отрезок времени, который назван существительным — главным членом придаточной части.

Диковинные были на ней часы с курантами! Тридцать пять тысяч стоили; *как* час, *так* и заиграют свои штуки (Лажечн., Лед. дом, 1, 11); Батюшка, голубчик, не знаю что делать с собой. *Как* сумерки, *так* я *и* не выношу; *как* сумерки, *так и* перестаю выносить, так меня и потянет на улицу, в мрак (Дост., Подросток, 2, 6, I); *Как* полная луна, *так* он заснуть не мог (Л. Толст., Два гусара, XIII); *Как* вечер, *так* люди из страха друг перед другом жмутся к жильям (Л. Толст., Казаки, V); [Трофимов] *Как* зима, *так* я голоден, болен, встревожен (Чех., Вишн. сад, II).

Легко заметить что все эти конструкции отличаются малой распространенностью: лаконизм усиливает их выразительность. Вероятно, в силу структурной и семантической определенности эти конструкции, в отличие от описанных выше конструкций с тем же союзом, до самого конца XIX в. не подвергались стилистическому «переосмыслению». Основной сферой их употребления были и остаются в современном языке повествовательные жанры художественной литературы и разговорная речь.

За пределами литературного языка остались временные конструкции с союзом *как* и с инфинитивом в придаточной части — типа *как ему садиться за стол, (так) за ним (и) пришли*: здесь препозитивная придаточная часть с союзом *как* передает мало характерное для этой структуры значение близкого временно́го последования (совмещаемое, благодаря наличию инфинитива, с модальным значением долженствования). Ср.:

И видеть его не хочет: *как* приезжать ему, *так* она *и* вон из дому (Вельтм., Саломея, 1, V); *Как* итти мне сюда, я у себя в спальне помолилась, на всякий случай (Остр., Не все коту масл., IV, 1) [91]. Вечор, *как* нам с лесованья ехать, о́тбель по небу пошла (М.-Печ., В лесах, 1, 15).

Синонимами этих конструкций в литературном языке были конструкции с союзными сочетаниями *перед тем как, прежде чем* (см. о них § 48, 62).

§ 44. Из временны́х конструкций с союзом *как*, для которых обязательной была постпозиция придаточной части, в силу структурной устойчивости и семантической определенности сохранились в литературном языке конструкции типа *прошло пять лет, как...; вот уже третий год, как...* (см. выше, § 2).

---

[91] Пример заимствован из указ. дисс. М. М. Михайлова, стр. 110. Там же см. примеры употребления этой конструкции в литературе XX в.

Уже *сто лет прошло, как* Рафаэль изобразил неизобразимое (Моск. телеграф, 1825, № 1); *Вот уж две недели, как* я живу в деревне (Пушк., Роман в п., 8); Неужели это Полозов, его старинный пансионский товарищ, которого он уже *вот пять лет, как* потерял из виду (Тург., Вешн. воды, XXXI); Уже *две недели, как* я перестал ходить в академию (Гарш., Художники, VI).

Равнозначные конструкции с союзом *что*, редкие в начале XIX в., к концу века сохранились лишь в индивидуальном употреблении:

Вчера *был ровно год, что* мы с вами познакомились (О. Л. Книппер, п. Чехову, 10 сент. 1899).

§ 45. История функционирования в XIX в. других конструкций с союзом *как*, для которых была обязательной постпозиция придаточного предложения, ярко демонстрирует уход из литературного языка более свободных, слабо связанных структурными или лексическими ограничениями конструкций и сохранение конструкций, в которых позиция, связь с другими словами и значение этого утратившего синтаксическую определенность союза были строго фиксированными. Здесь имеются в виду две разновидности конструкций: а) конструкции со значением включенности одного действия в другое, длительно протекающее или только что начавшееся действие или со значением быстрого следования за одним действием другого, прерванности одного действия другим; б) конструкции, первая часть которых имеет значение временно́го ориентира по отношению к быстро или внезапно наступившему действию, названному в придаточной части (см. выше, § 10).

В первом случае союз *как*, при полном отсутствии в составе первой части конструкции лексико-синтаксических сочетаний фразеологического типа, был окончательно вытеснен или союзным сочетанием *как вдруг*, или союзом *когда*. Так же, как и в других, описанных выше, случаях одиночного употребления, союз *как* здесь утрачивал свою синтаксическую определенность и либо нуждался в дополнительном структурном подкреплении, либо заменялся другим, более выразительным показателем временной связи.

По-видимому, уже к 20—30-м годам XIX в. произошло, в основном, синтаксическое размежевание двух разновидностей конструкции с союзом *как*: значение простого, не осложненного дополнительными оттенками включения выражалось конструкциями с союзами *как* и *когда*; значение неожиданного, немотивированного включения стало выражаться конструкциями, оформленными союзным сочетанием *как вдруг* [92]. Примечательно, напри-

[92] Самый процесс слияния наречия *вдруг* с союзом *как* в цельное союзное единство относится, по всей вероятности, ко второй половине XVIII в. По-

мер, что для Пушкина употребление союзов *как* и *когда* в одном типе конструкций и союзного сочетания *как вдруг* в другом типе было, как показывают приводимые ниже примеры, вполне мотивированным (заметим попутно, что в конструкциях, в которых допускались оба эти союза, союз *как* употреблялся Пушкиным значительно чаще, чем союз *когда*).

Конструкции с союзами *как* и *когда*:

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моею славою, *как* определился к нам молодой человек, богатой и знатной фамилии (Выстрел, I); Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гран-пасьянс, *как* Бурмин вошел в комнату (Метель); Я летел по улице, *как* услышал, что зовут меня (К. д., VII); Минский лежал еще в постеле, *когда* подали ему письмо (⟨Гости съезжались на дачу...⟩, ⟨II⟩); В начале сентября находился он на своем хуторе, *как* приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что... (Ист. Пугач., 2).

Конструкции с союзным сочетанием *как вдруг:*

Однажды утром сидел он в своем кабинете, окруженный деловыми бумагами, *как вдруг* услышал громкое приветствие на французском языке (А. П. В., III); Я сидел погруженный в глубокую задумчивость, *как вдруг* Савельич прервал мои размышления (К. д., IV); Я шел, занятый своими размышлениями, *как вдруг* услышал за собою конский топот (Там же, IX); Горевали о преждевременной кончине таланта, столь много обещавшего, *как вдруг* узнали, что покойник жив (Vie, poésies et pensées de J. Delorme).

Конструкции с данным временны́м соотношением и оттенком неожиданности наступления второго действия, оформленные одиночным союзом *как*, в 30-е годы уже не были литературной нормой [93]. Утвердившимися в литературном языке моделями были: а) [*шел*]... *как вдруг* (неожиданная прерванность длительного действия последующим действием); б) [*все замолчали*], *как вдруг* (неожиданная прерванность результата наступившего прежде действия); в) [*вскрикнул*], *как вдруг* (неожиданная смена уже осуществленного действия другим действием).

Я шел домой, ни о чем не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, *как вдруг* меня поразил сильный, знако-

---

пытку отграничить друг от друга сочетания союза *как* с наречием *вдруг* и союза *как вдруг* в разных типах современных временны́х конструкций см. в статье В. А. Белошапковой «Предложения с союзом *как вдруг* в совр. русск. языке» (Русск. язык в шк., 1961, № 6, стр. 39—43).

[93] Показательно, например, что в языке Гоголя случаи употребления конструкций с сочетанием *как вдруг* составляют целые серии, а равнозначные конструкции с одиночным союзом *как* единичны, например: Вымыла мать горшок и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокруг все были гряды, *как* видит, идет прямо к ней навстречу кухва (Заколд. место) (см.: Т. Н. Мревлишвили. Указ. соч., стр. 181).

мый, но в Германии редкий запах (Тург., Ася, IV); Он даже усмехнулся на себя, *как вдруг* тревожная мысль ударила ему в голову (Дост., Прест. и наказ., 1, VII); Крик однако тотчас затих, *как вдруг* отворилась дверь рядом с моею, от соседок, и одна молодая, как показалось мне, женщина быстро вырвалась и побежала вниз по лестнице (Дост., Подросток, 1, 8, II).

Показательно, вместе с тем, что в конструкциях с *как вдруг,* передающих названные здесь разновидности временны́х соотношений, связь между частями оказывается недостаточно тесной, в силу чего постпозитивная часть конструкции может быть оформлена как самостоятельное предложение.

Мне мечталось, что мы равны с нею, что мы жили в царстве музыки... Я позабыл, кто я!... *Как вдруг* она несмело подошла ко мне, и несколько слов, тихо сказанных ею, так меня образумили, что... (Н. Павл., Именины); Одним словом, все были даже в каком-то романическом настроении духа. *Как вдруг*, дней восемь спустя после побега, пронесся слух, что... (Дост., Зап. из М. дома, 2, IX).

О функционировании сочетания *как вдруг* в составе фразеологического сцепления см. ниже, § 73—76.

Очевидно, что употребление постпозитивного временно́го союза *так* без соответствующего лексического или лексико-фразеологического подкрепления вступало в противоречие с активно действовавшей на протяжении всего XIX в. тенденцией к созданию дифференцированной системы средств выражения различных синтаксических значений и их оттенков (см. ниже, § 80). В конструкциях со значением близкого следования, неожиданного включения одного действия в другое, прерванности союз *как* сохранился: а) в функции соотносительного слова в сочетании с союзами, образованными из наречий и частиц — типа *едва, лишь, только, чуть, едва только, лишь только* и т. п.; б) в качестве второй части союзного фразеологического единства (*не успел* [*опомниться*], *как...; не прошло* [*и месяца*], *как...; еще не* [*сказал двух слов*], *как...; едва было* [*собрался уходить*], *как...*); в) в составе союзного сочетания *как вдруг.* Само это союзное сочетание могло быть также второй частью фразеологического сцепления; *как* и *как вдруг* в этой позиции функционировали в составе образовавших широкий и разветвленный синонимический ряд временны́х конструкций с общим значением интенсивного наступления последующего действия (см. ниже, § 73—76).

В конструкциях, обозначавших стремительное, но без оттенка неожиданности включение одного действия в другое (обычно — в действие длительное или законченное, но с длящимся результатом, а также в существовавшее прежде состояние), союз *как* в постпозитивном придаточном предложении спорадически употреблялся еще и во второй половине XIX в.— у писате-

лей, в языке которых обнаруживается пристрастие к старой норме.

Рассуждение это было уже окончено, *как* появилось издание Остромирова евангелия (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II, Прим.).

Но уже в начале века в этой позиции встречаем, наряду с союзом *как*, союз *когда*.

Обоз этого войска тянулся еще по горам бессарабского берега Днестра, *когда* из мызы куконы Хереско выехала дорожная венская карета (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, VI); След его кареты занесло уже снегом, *когда* приехал к нему дружеский триумвират (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); Уже все было готово для моей поездки, *когда* пришел ко мне бывший уездный казначей (Н. Полевой, Живописец, I).

Позднее союз *когда* в этих конструкциях становится абсолютно господствующим. Вот характерные примеры:

В этом положении находился вопрос о налогах, *когда* явился на финансовом поприще Франции знаменитый доктор маркизы Помпадур (Отеч. зап., 1839, т. I); Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, *когда* пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело, и пошел мелкий дождь (Лерм., Бэла); Лиза уже была в церкви, *когда* он пришел (Тург., Двор. гнездо, XXXI); Солнышко поднялось выше крыш, народ сновал по улицам, купцы давно отворили лавки, дворяне и чиновники ездили по улицам, барыни ходили по гостиному двору, *когда* ватага цыган, исправник, кавалерист, красивый молодой человек, Ильин и граф в синей медвежьей шубе вышли на крыльцо гостиницы (Л. Толст., Два гусара, VIII).

Заметим, что употребляющиеся нередко в первой части этих конструкций частицы *уже* и *еще* не играют здесь собственно конструктивной роли: их отсутствие (или изъятие) не меняет структурной основы предложения.

Таким образом, если в 20—30-е годы, как показано было выше, близкими по выражаемому ими временному соотношению и различающимися отсутствием или наличием оттенка неожиданности наступления действия (или ряда действий), были, с одной стороны, конструкции с союзами *как* и *когда*, и, с другой стороны, конструкции с союзным сочетанием *как вдруг*, то позднее это соотношение сменилось соотношением конструкций *с когда* и конструкциями с *как вдруг*, ср.:

Накануне отъезда, часа в два, я сидел у него, *когда* пришли сказать, что... (Герц., Б. и д., 6, X) и: Вот на другой вечер сижу у себя дома, *как вдруг* отворяется моя дверь и входит ко мне этот самый господин (Дост., Бр. К., 6, II).

С конструкциями с союзом *когда* рассматриваемого здесь типа семантически сближаются (но составляют особую разновидность) конструкции, между частями которых по существу нет чисто временных отношений двух или нескольких действий: действие, названное в первой части сложного предложения, служит временным ориентиром, к которому приурочивается действие, названное во второй части; именно это последнее, собственно, и входит в основную цепь действий, составляющих повествовательную основу данного контекста.

Было шесть часов вечера, и Воронцов шел к обеду, *когда* ему доложили о приезде курьера (Л. Толст., Хаджи-Мурат, IX).

В конструкциях с «узким» значением временно́го ориентира (т. е. с первой частью типа *было шесть часов, пробило два часа, светало, смеркалось, солнце взошло, была темная ночь* и т. п.) союз *когда* также полностью возобладал над союзом *как*.

У Пушкина еще обнаруживаем безразличное употребление в данных конструкциях союзов *как* и *когда*, ср.:

Пели петухи и было уже светло, *как* достигли они Жадрина (Метель); На дворе было еще темно, *как* Адриана разбудили (Гробовщ.) и: Начинало смеркаться, *когда* пришел я к комендантскому дому (К. д., VIII).

Вот несколько случаев более позднего употребления конструкций с *когда*:

Заря охватила уже полнеба, *когда* Адуев сел в лодку (Гонч., Обыкн. ист., 1, IV); Солнце уже давно встало, *когда* Рудин пришел к Авдюхину пруду (Тург., Рудин, IX); Было уже совсем темно, *когда* дядя Ерошка и трое казаков с кордона... прошли вдоль по Тереку на место, назначенное для секрета (Л. Толст., Казаки, VIII); Светало, *когда* Алексей, напутствуемый наставленьями отца и тихим плачем матери, пошел из дому (М.-Печ., В лесах, 1, 3).

Как видно, тенденция к устранению союза *как* в относительно свободных по своей структуре временны́х конструкциях и к сохранению его только в качестве компонента фразеологических сцеплений, прослеживается в структурно и семантически соотносительных конструкциях со значением быстро наступившего последующего действия. Примеры других, несоотносительных с фразеологизированными конструкций с союзом *когда*, по тем или иным признакам близких к только что рассмотренным конструкциям и в изобилии встречающихся во второй половине XIX в., иллюстрируют общую тенденцию к стилистическому ограничению и устранению «свободных» временны́х конструкций с союзом *как*.

Был невыносимо жаркий июльский день, *когда* я, медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой, подымался вдоль Колотовского оврага (Тург., Певцы); Пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, *когда* я вышел, уже было светло (Л. Толст., После бала); Обоз весь день простоял у реки и тронулся с места, *когда* садилось солнце (Чех., Степь, VI).

Ср. также:

N был человек лет тридцати, *когда* я встретился с ним в первый раз (Н. Павл., Именины); Николая отвезли в Москву, *когда* ему было одиннадцать лет (Чех., Мужики).

Конструкции с союзом *когда*

§ 46. Временные конструкции с союзом *когда*, вытеснившие конструкции с союзом *как*, оказались не только более приспособленными для выражения собственно временных отношений, чем конструкции с *как* (см. § 2, 41), но и семантически более емкими. Параллельно с процессом стилистического ограничения временных конструкций с одиночным и свободным союзом *как* в XIX в. протекал начавшийся ранее процесс внутреннего семантического осложнения и обогащения укреплявшихся в литературном языке конструкций с союзом *когда*. Некоторые лексико-семантические и синтаксические условия в определенных их сочетаниях закреплялись в качестве формальных средств передачи в пределах временных конструкций с союзом *когда* дополнительных оттенков значений, не свойственных конструкциям с временным союзом *как*. Семантическому осложнению подвергались, в основном, конструкции с союзом *когда*, имевшие придаточную часть в постпозиции (или интерпозиции) и передававшие соотношение одновременности, т. е. такие именно конструкции, для которых еще и в пору сосуществования конструкций с обоими временными союзами (см. § 41) союз *когда* был более характерен, чем союз *как*. Вот некоторые примеры семантически осложненных временных конструкций с союзом *когда* (с постпозитивной придаточной частью).

а) Конструкции, в первой части которых содержится оценка, какая-либо квалификация того, о чем говорится во временном придаточном предложении:

В самом деле, несносно, *когда* ученье идет дурно (Н. Павл., Ятаган, X); Сперва столичная жизнь, потом хорошо, *когда* и в губернском городе жить можешь (В. Соллог., Тарантас, VI); Мне всегда неприятно, *когда* переходит мою дорогу длинная погребальная процессия (Гоголь, Невск. просп.); Воспоминания — или величайшая поэзия, *когда* они — воспоминания о живом счастье, или — жгучая боль, *когда* касаются засохших ран (Гонч., Обл., 4, VI); Гадко мне было, *когда* усталый и от ходьбы, и от мысли добрался я вечером, часу уже в восьмом, в Семеновский полк (Дост., Подросток, 1, 4, III); И вышло очень мило, *когда* вдруг зазвонили в соседнем монастыре и этот мягкий, мелодичный звон смешался с пением (Чех., Расстройство компенсации, I).

б) Конструкции, в которых придаточное предложение выполняет функцию определения по отношению к существительному главной части, обозначающему период времени или состояние:

Католичество зародилось собственно со времен Карла Великого, *когда* он своим покровительством утвердил власть римского епископа во всем своем государстве (Н. Данилевск., Россия и Европа, 8); Сколько тяжелых разочарований на первых же порах, в весенние месяцы, *когда* так хотелось быть счастливым! (Чех., Моя жизнь, XII); В мыслях было какое-то раздвоение, *когда* кажется, что за каждою мыслью в мозгу движется ее тень (Чех., Расск. неизв. чел., XII).

в) Конструкции с придаточными «приадъективно-обстоятельственными»[94]; придаточное прикрепляется к прилагательному или причастию главной части и распространяет его, таким образом, в качественно-временном отношении.

В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать приятные минуты, известные всякому путешественнику, *когда* в чемодане все уложено и в комнате валяются только веревочки, бумажки да разный сор (Гоголь); Повара старинных помещиков приступают к изготовлению долгоносых птиц и, войдя в азарт, свойственный русскому человеку, *когда* он сам хорошенько не знает, что делает, придумывают к ним такие мудреные приправы, что... (Тургенев); Вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело обхватывающее его, *когда* настанет время для его внешнего практического обнаружения и осуществления (Н. Данилевск., Россия и Европа, 8).

г) Конструкции в которых между содержанием главной и придаточной части устанавливаются сопоставительные, сопоставительно-противительные и сопоставительно-уступительные отношения, наслаивающиеся на значение одновременности.

Женщины плачут обо всем, *когда* им хочется плакать о чем-нибудь (Н. Павл., Ятаган, III); Я не умею молчать, *когда* сердце во мне говорит (Дост., Белые ночи, 1); Я не понимаю, как это можно серьезно заниматься букашками и козявками, *когда* страдает народ (Чех., Дуэль, VII).

Вопросительные временные конструкции с союзом *когда* в постпозитивном придаточном предложении оформились в качестве синтаксической структуры, выражающей сопоставительные или противительно-уступительные отношения.

— Не дам фрака,— решительно сказал Захар.— Как ты смеешь, *когда* барин приказывает? (Гонч., Обл., 1, IV); [Наталья Петровна] Да, да, для чего жить, *когда* все меня оставляют? (Тург., Месяц в деревне, III); Зачем,— говорит эгоист,— стану я работать для потомства, *когда* оно ров-

---

[94] См.: И. Г. Чередниченко. Указ. статья, стр. 111. Оттуда же заимствовано большинство приведенных ниже примеров.

но ничего для меня не сделало? (К. Прутков, Мысли и афоризмы, 30).

д) Конструкции с придаточными «присубстантивно-сравнительного распространения» [95]. Придаточное предложение прикрепляется к существительному, несущему в главном предложении функцию сравнения, и конкретизирует, распространяет это сравнение; сказуемое придаточного предложения выражено глаголом в форме наст. вр. со значением постоянства, вневременности:

Полненькие щеки казачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета, *когда*, умывшись божьею росою, горит он, расправляет листики (Гоголь); За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, *когда*, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием (Тургенев); Действия русского и французского войск во время обратной компании от Москвы до Немана подобны игре в жмурки, *когда* двум играющим завязывают глаза и один изредка звонит колокольчиком, чтобы уведомить о себе ловящего (Л. Толстой).

е) Конструкции, передающие изъяснительно-временны́е отношения. В них придаточное зависит от находящихся в главном предложении слов со значением речи, мысли, восприятия.

Как теперь вижу Исая Фомича, *когда* он в субботу слоняется, бывало, без дела по всему острогу (Дост., Зап. из М. дома, 1, IX); Я помню эту Кисочку миленькой, худенькой гимназисточкой 15—16 лет, *когда* она изображала собою нечто в гимназическом вкусе (Чех., Огни); Понаблюдайте-ка Лаевского, *когда* он сидит где-нибудь в обществе (Чех., Дуэль, III).

Конструкции, построенные по модели *что (ни)..., (то)*

§ 47. С рассмотренными в § 33—38, 40—42 случаями проявления тенденции к архаизации и стилистическому ограничению определенных типов временны́х конструкций, временны́х союзов и компонентов союзных сочетаний лишь отчасти можно объединить судьбу временны́х конструкций, построенных по модели *что...*, [*то*] (*что ни...*, [*то*]) — с общим значением обязательности или регулярности сопровождения одного действия или факта другим действием, фактом, явлением [96]. Одна из разновидностей этих конструкций,— такие, в первой части которых сказуемое

[95] См.: И. Г. Чередниченко. Указ. статья, стр. 108—109. Оттуда же заимствованы приводимые ниже примеры.

[96] Характеристику этих, а также других, близких им построений см. в статье А. К. Федорова «Употребление подчинительного союза *что* в совр. русск. языке». стр. 138—141.

было выражено глаголом сов. вида (*что ступит, то стукнет, что стукнул, то гривна*, см. § 12), в XIX в. не претерпевала никаких изменений. Эти конструкции продолжали употребляться в художественной литературе, чаще всего — в речи персонажей.

Максим Телятников, сапожник: *что* шилом кольнет, *то* и сапоги (Гоголь, М. д., 1, V); Такой кралечки..., какую подцепил брат Алексей, другой не отыщешь в целом свете. *Что* взглянет, *то* рублем подарит (Акс., Сем. хрон. Женитьба молодого Багрова); Голова вся седая, а *что* рот раскроет, *то* солжет или насплетничает (Тург., Двор. гнездо, I).

«Свободные» временные конструкции со значением временно́й последовательности — типа *что выздоровлю, напишу; что встанет, доложу*, не удержались и в разговорной речи.

В течение всего XIX в. продолжали функционировать — преимущественно в художественной литературе и особенно в стихотворной речи — лишь наиболее ограниченные в структурном и лексическом отношении конструкции типа *что (ни)..., (то)*, с обязательным в их первой части именем существительным в форме именит. пад. К собственно временным могут быть отнесены конструкции, первая часть которых включает слова, называющие отрезок времени.

Ну, хотя бы на лапти дал: ведь ты с ним на охоту ходишь: чай, *что* день, *то* лапти (Тург., Хорь и Калиныч); У меня *что ни* год, *то* ребенок (Решетн., Свой хлеб, IV); Мы с тобой бестолковые люди: *что* минута, *то* вспышка готова! (Некр., Мы с тобой бестолковые люди...); [Семен Годунов] *Что* день, к врагу они перебегают (А. К. Толст., Царь Борис, III. Покой во дворце); *Что ни* день, *то* такое знакомство, что за человека просто бы душу отдал (Чех., На пути).

При наличии во второй части конструкции форм сравнительной степени или сказуемых-глаголов со значением возрастания или уменьшения, эти конструкции передают, соответственно, значение прогрессирующего (или пропорционального) возрастания или уменьшения, обусловленных наступлением одного и того же временно́го отрезка, названного в первой части конструкции [97]. По-видимому, эти разновидности временны́х конструкций приобрели продуктивность на протяжении XIX в. Очевидна их семантическая близость к конструкциям типа *чем... тем* и сочетанию *по мере того, как*. Вот отдельные примеры:

Да, *что ни* новый день, *то* все труднее составить хороший альманах! (Белинск., Одесск. альманах за 1840 г.); *Что ни* год — уменьшаются силы, Ум ленивее, кровь холодней (Некр,. Что ни год...); *Что* день — *то* прибавляется Вода в реке (Некр., Кому на Р. жить хорошо, 3, IV); *Что ни* день, *то* хуже

[97] Ср. трактовку этих конструкций в Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1537, стр. 349.

да хуже мне (М.-Печ., В лесах, 1, 7); Едят нас, едят, а мы, зайцы, *что* год, *то* больше плодимся (С.-Щ., Здравомысл. заяц).

Другой структурной разновидностью конструкций с существительным при союзе *что*, функционировавших в XIX в., были конструкции, первая часть которых называет какой-либо предмет, а вторая содержит обобщающую его характеристику.

«Что ни город, *то* норов, *что* деревня, *то* обычай»,— говорит наша пословица (Кокорев, Петушиный бой); Тут *что ни* шаг, *то* богатство фантазии, *что ни* слово, *то* вымысел (С.-Щ., За рубежом, III); [Т р е п л е в] Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; *что ни* строчка, *то* больной натянутый нерв (Чех., Чайка, IV) [98].

Если конструкции типа *что (ни) (день), то...* со стороны их синтаксического значения можно было бы назвать обстоятельственно-временны́ми, то конструкции второй разновидности можно определить как предикативно-обобщительные. С точки же зрения своей собственно синтаксической природы рассмотренные здесь построения с существительным в «придаточной» части, в силу слабой ее предикативности, имеют известные основания быть признанными особыми структурами простого предложения — с членами предложения, вводимыми подчинительными союзами [99]. Включать эти предложения в систему сложноподчиненных предложений позволяет строгая выдержанность их моделей, соотносительность лежащих в их основе синтаксических формул с формулами других типов сложноподчиненных предложений. Однако семантика рассматриваемых конструкций легко допускает нарушение этих моделей, что и происходит при включении имени вместе с вводящим его союзом в середину предложения и при опущении коррелята *то*; в подобных случаях налицо, по-видимому, простое предложение.

Вот я и начал понемногу (конечно, помоляся богу) *Что день* — с продажи кое-как утаивать хоть четвертак (Огарев, Расск. этапн. офицера, 2); Слегка ты тридцать пребольших кувшинов молока — *что вечер* — надоишь (Бенедикт., Из А. Шенье, 5); К нему, *что минута* — народ идет (Леск., Воительница, III) [100].

---

[98] Ср.: Ни крыши целой, ни избы, *Что* угол — *то* дыра (Твард., Страна Муравия, 14).

[99] Ср. синонимические ряды: *что ни день, то новость — каждый день новость; что ни слово, то вымысел — каждое слово — вымысел; что ни деревня, то обычай — в каждой деревне свой обычай.*

[100] Ср. в современном языке: В Германии и в Испании, в Америке и в Англии *что ни год* появлялись политические статьи и философские трактаты (И. Эренбург, О некот. чертах франц. культуры.— В кн.: И. Э р е н б у р г. Французские тетради. М., 1959, стр. 4).

Конструкции с союзными сочетаниями *прежде нежели* и *прежде чем*

§ 48. Тенденция к устранению многообразия и стилистическому ограничению союзных средств распространилась и на выполнявшее союзную функцию сочетание *прежде нежели*, употреблявшееся во временных конструкциях, по своей структуре и семантике равнозначных с конструкциями с сочетанием *прежде чем* (см. выше. § 6). Устранение *нежели* и замена его *чем* в таких сочетаниях была непосредственно связана с судьбой самого сравнительного союза (и просто слова как лексической единицы) *нежели,* постепенно оттесненного сравнительным союзом *чем* [101]. Однако процесс общего сокращения употребительности сочетания *прежде нежели* за счет распространения сочетания *прежде чем* наталкивался на сопротивление индивидуальных привычек. В начале XIX в. безусловного индивидуального «пристрастия» к тому или другому из названных союзных сочетаний не наблюдается. Так, например, у Пушкина, Гоголя, Белинского, Григоровича встречаем временные конструкции, оформленные как сочетанием *прежде нежели*, так и сочетанием *прежде чем* (еще не слившимися, по-видимому, в единый союз).

Мы знали его прекрасные создания несколько лет *прежде, нежели* были они написаны (Пушк., (Отрывок из воспом. о Дельвиге)); Но *прежде чем* приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами, для него новыми (Пушк., Дубр., VII) [102]; Такое благонравие скоро привлекло на него внимание даже самого учителя латинского языка, которого один кашель в сенях, *прежде нежели* высовывалась в дверь его фризовая шинель и лицо, изузоренное оспою, наводил страх на весь класс (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, I);— Черт возьми,— подумал Чичиков про себя,— этот уж продает *прежде, чем* я заикнулся (Гоголь, М. д., 1, V); *Прежде, нежели* приступим к рассмотрению тех сочинений Пушкина, которые запечатлены его самобытным творчеством, почитаем нужным изложить наше воззрение на критику вообще (Белинск., Соч. Пушк., 4); *Прежде чем* мы вам ответим, сделаем вопрос и вам, в свою очередь (Белинск., Стих. Лерм. [1841]); *Прежде нежели* приступлю к дальнейшему описанию житья-бытья

[101] Признавая равноправие обоих сравнительных союзов — *чем* и *нежели,* Греч устанавливает, однако, следующее различие в их употреблении: «*Чем* служит преимущественно к совокуплению предложений полных или несовершенно сокращенных, а *нежели* обыкновенно подчиняет сравнительной степени отдельные слова, коими сокращенно выражаются придаточные предложения, например: *Он более заботится о брате, нежели о сестре* (Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 417)

[102] Ср. у Пушкина *нежели чем* в функции сравнительного союза: Вам обязан я больше *нежели чем* жизнию (п. А. Н. Гончарову, 3 мая 1830).

горемычной моей героини, не мешает короче ознакомить читателя с новой ее роднею (Григорович, Деревня, VIII); *Прежде чем* спуститься с уступистой кручи на берег, Антон остановил лошадь и указал племяннику на мельницу (Григорович, Антон Горемыка, I).

Равнозначное употребление *прежде нежели* и *прежде чем* наблюдается и позже.

И *прежде, нежели* я успел остановить его, он быстрыми шагами юркнул в переднюю (С.-Щ., Благонамер. речи, VI); Вспомнил про наших лошадей и про Алемпия, и потому *прежде чем* идти в столовую, побежал к конюшням (С.-Щ., Пошехонск. стар., X).

Однако приблизительно к середине XIX в. дублетность *нежели* и *чем* нарушается: употребление *нежели* идет на убыль, и его наличие оказывается признаком пристрастия к старой норме или чертой индивидуального словоупотребления [103]. Во всяком случае, в авторской речи таких писателей, как Тургенев, Достоевский, Л. Толстой, Гаршин, Чехов, Горький, сочетание *прежде чем* (и, естественно, простой союз *чем*) абсолютно преобладает над сочетанием *прежде нежели* или употребляется исключительно [104].

Конструкции с союзными сочетаниями *тогда как, между тем как, как скоро, коль скоро*

§ 49. Более сложной была судьба временных конструкций с союзными сочетаниями *тогда как, между тем как* и *как скоро, коль скоро* [105]: архаизируясь как временные, они на базе вре-

---

[103] Впрочем, *нежели* встречается и в современном живом употреблении, ср.: Между русским и славянским существовали гораздо более, так сказать, интимные связи, *нежели* между латинским и романскими. Поэтому русский язык гораздо медленнее и мучительнее эмансипировался от славянского, *нежели* романские от латинского (В. В. Виноградов. Проблемы стилистики русского языка в трудах Ломоносова.— В кн.: М. В. Ломоносов. Сб. статей и материалов, V. М.— Л., 1961, стр. 50) и: Так, латинский язык, отстоящий в стольких отношениях гораздо дальше от немецкого языка, *чем* от французского, провансальского, итальянского, испанского, в известном отношении воздействовал на немецкий язык сильнее, *чем* на романские (Там же).

[104] По наблюдениям текстолога А. Л. Гришунина, Герцен до 60-х годов употреблял только форму *нежели* (см.: А. Л. Гришунин. Опыт обследования употребительности языковых дублетов в целях атрибуции.— В кн.: «Вопросы текстологии», вып. 2. М., 1960, стр. 155). Впрочем, в «Былом и думах», текст которых с трудом поддается точной хронологизации, находим немало случаев употребления сочетания *прежде чем*, например: Около получаса ходили мы взад и вперед по переулку, *прежде чем* вышла, торопясь и оглядываясь, небольшая худенькая старушка (3, XXIII); Я был очень далек от мысли, что пройдут годы, *прежде чем* я покину меловые утесы его (6,LI); Мне хотелось видеть его *прежде, чем* его завертят, опутают, утомят (LX).

[105] Условно-временные конструкции с союзом *сколь скоро* были довольно

менных отношений развили отношения сопоставительные (у конструкций с *тогда как* и *между тем как*) и условно-следственные и причинно-следственные (у конструкций с *как скоро, коль скоро*); поэтому процесс ограничения и утраты этих конструкций как собственно временных был тесно связан с тенденцией к дифференциации средств выражения синтаксических отношений.

Здесь будет кратко проиллюстрирован процесс семантического преобразования конструкций с союзными сочетаниями *как скоро, коль скоро*. Что касается конструкций с сочетаниями *тогда как* и *между тем как*, то они объединялись синонимической близостью и общей направленностью семантического развития с конструкциями с сочетанием *в то время как:* за всеми этими конструкциями в качестве их основного синтаксического значения закрепилось значение сопоставленности действий, явлений, состояний. Целесообразно поэтому дать соответствующие иллюстрации в отношении всех названных конструкций в одном месте — после рассмотрения путей структурного оформления конструкций с сочетанием *в то время как* (см. § 63).

Конструкции с союзным сочетанием *как скоро* при выражении временной последовательности в плане прошлого свободно употреблялись в течение всей первой половины XIX в., а у отдельных авторов и несколько дольше. Вместе с тем в конструкциях с этим союзом значение временно́й последовательности часто оказывалось осложненным оттенками условно-следственных или причинно-следственных отношений.

Но *как скоро* услышал решение своей дочери, то успокоился (Гоголь, Ночь перед рождеством); *Как скоро* отворил Петр двери своему народу на свет божий, мало-помалу тьма невежества рассеялась — народ... уже стал не тот и не такой, как был прежде (Белинск., Росс. до Петра Вел.); До тех пор и умны, пока носятся в общих отвлеченностях, а *как скоро* спустятся в сферу приложений общего к частному, словом, в мир действительности, *тотчас* оказываются сомнительными на счет нормального состояния их мозга (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); С этой ночи он часто впадал в забытье и, *как скоро закрывал* глаза — *сейчас* начинал бредить (Акс., Лит. и театр. воспом., IV); Долетал грубый говор, грубый смех, смешанные голоса, внезапно приутихшие, *как скоро* люди из окон заметили барина и барышню (Гонч., Обрыв, 2, XII); *Как скоро* сильнейшие голоса в критике произносили свое суждение, он повторял их слова (Черн., Оч. гоголевск. периода, II); К удивлению моему, *как скоро*

но редки в начале XIX в. (*Сколь скоро* благопристойность позволит, приеду к вам.— Н. Н. Раевск., п. А. Н. Самойлову, 11 июня 1807). Ко второй половине XIX в. союз *сколь скоро* вышел из употребления.

вхожу в колею прежних мечтаний, я вижу, что продолжение их невозможно (Л. Толст., Отрочество, XV); Но *как скоро* разговор касался его лично, он начинал говорить пространно и с видимым удовольствием (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XV); И *как скоро* со мною такая перемена совершилась, восстала в душе другая буря (М.-Печ., В лесах, 1, 11); И я пред ней согнулся как дуга, Она ж, *как скоро* выпрямил я тело, Насмешливо мне до полу присела (А. К. Толст., Портрет); Фельдшер обещался придти, *как скоро* дождь перестанет (Н. Усп., Сельск. аптека, IV).

Часто определенное соотношение видовых форм сказуемых создавало условия для выражения более специальных временны́х значений, и конструкции с союзом *как скоро* были синонимичны временны́м конструкциям с союзами *каждый раз как, после того как, по мере того как:*

Он закидывал вас словами, *как скоро* разговор выходил из круга обыкновенных понятий (Лерм., Кн. Мери, 11 мая); Мы облегчаемся от томительной тяжести горя, *как скоро* сообщим его другому (Белинск., Стих. Лерм.); У него стал пропадать свой голос, и являлся какой-то другой, тоненький и гадкий, *как скоро* с ним заговаривал начальник (Гонч., Обл., 1, V); Работа становилась для него утомительна, *как скоро* он видел, что она может быть удовлетворительно исполнена другими, *как скоро* он чувствовал, что поставил вопрос в надлежащем свете и вызвал людей для его разрешения (Черн., Лессинг, 6).

По-видимому, за конструкциями с союзом *как скоро* в научной прозе XIX в. закреплялось значение условно-следственное (иногда — с оттенком причинно-следственных отношений). С таким значением выступали обычно конструкции со сказуемыми в формах настоящего и будущего времени:

Но между ними сейчас же явится перед вами живая кровная связь, *как скоро* вы будете изучать в хронологическом порядке всех русских писателей (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); *Как скоро* поэт выразил своим произведением идею, его дело сделано (Там же); И он [мрамор], переставая быть материалом по себе, *как скоро* коснется до него искусство, становится соразмерным, вольным его выражением (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II); *Как скоро* есть спор, сомнение, нужно, во что бы то ни стало, рассеять его (Доброл., О степени участия народности в разв. русск. лит-ры, I); *Как скоро* требование искусственно, мы его признаем дурным, вредным или смешным (Доброл., Благонамеренность и деятельность); *Как скоро* мысль указывает способ исполнения, она теряет характер всеобщей, безысключительной применимости (Черн., Капитал и труд., VII); С первого взгляда Пермь представляется городом об-

ширным; но *как скоро* вы въедете во внутренность ее, увидите какую-то мертвенную пустоту (М.-Печ., Дорожн. зап., VIII); Обыкновенно читал он медленно, однообразно, утомительно; но *как скоро* явится возможность подвергнуть сомнению... какое-нибудь известие — старичок вдруг оживится (С. Соловьев, Зап., VII).

Случаи выражения временно́го значения конструкциями с союзом *коль скоро* в середине и второй половине XIX в. были уже исключительно редки. Эти конструкции так же, как и конструкции с союзом *как скоро*, специализировались для выражения условно-следственного или причинно-следственного значения [106]:

Думаю: зачем же мне распоряжение делать, *коль скоро* закон за меня распорядиться может (С.-Щ., Госп. Головл., По-родственному); А ведь дело плохо, *коль скоро* Семёну Михайловичу видения являются! (С.-Щ., Невин. расск., XI); *Коль скоро* принес половину, то донесет и остальные (Дост., Бр. К., 9, VII); А *коль скоро* вера становится серьезною верой, то она вредна (Леск., Соборяне, 2, 10); Такой человек, *коль скоро* посягнул на сердце чужой жены, пойдет на всякую жертву (Боборык., Из новых, 3, VIII); Я ни копейки не буду ему давать, *коль скоро* он не перестанет мотать (Станюк., Грозн. адмирал, IV).

Ср. редкие случаи употребления этих конструкций в языке XX в.:
Коль скоро покрыта потребность частных хозяйств, лазаретов и пр., отправляйте ягоды кратчайшим и выгоднейшим путем в соседние большие города (Федин, Города и годы, Ягоды [Из официального обращения]); Но *коль скоро* Варламов имел дело с материалом, который давал хотя какой-нибудь повод к настоящему творчеству, он становился художником полной жизненной правды, глубины и типичности (Юрьев, Записки, II, К. А. Варламов и В. Н. Давыдов, 6); Плоскостная экцессивная водная эрозия..., *коль скоро* не применено мер борьбы с ней, может быть и незаметно, но неминуемо перейдет в линейную (журн. «Природа», 1934, № 6).

Конструкции с союзами *как скоро* и *коль скоро* не получили широкого распространения в XIX в. в силу своей недостаточной семантической выразительности (условно-следственные конструкции с этими союзами замкнулись в узкие пределы канцелярской речи). Рядом с ними активизировались более четкие структурно-семантические типы временны́х, условно-следственных и причинно-следственных конструкций.

---

[106] В Грам. АН СССР (т. I, § 1012) союзы *как скоро* и *коль скоро* упоминаются среди условных союзов.

Конструкции с союзами *буде, когда (когда бы), как, ежели, коли, кабы (как бы)*[107]

§ 50. В условных конструкциях единственным стилистически нейтральным и в то же время наиболее употребительным союзом был уже с первых десятилетий XIX в. союз *если*. Другие условные союзы (кроме союза-частицы *ли*, оформлявшей конструкции условно-обобщительного типа) или ушли из литературного языка, или их употребление сокращалось и становилось стилистически ограниченным.

Только в официальной речи функционировал условный союз *буде*.

> Правило сие распространить также на дворян нечиновных, состоящих ныне в помянутых должностях, с тем, чтобы сокращенные сроки приняты были в расчет..., *буде,* во время прежней службы, они утверждены будут в чинах низших (Отеч. зап., 1824, № 45); Прошу вас оное имение принять в полное ваше распоряжение и управление, и *буде* случатся по оному дела, то следующие прошения, объявления и всякого роду бумаги... подавать (Пушк., п. И. М. Пеньковскому, 20 ноября 1834).

Союз *буде* на протяжении XIX в. последовательно сокращал свою употребительность. Однако как примета официальной речи этот союз продержался в языке в течение всего XIX в.[108] В художественной литературе союз *буде* встречается почти исключительно в цитатах — прямых и косвенных — из документов делового характера или в текстах, воспроизводящих канцелярскую речь. Предложения с союзом *буде* большей частью употреблялись в интерпозиции, при этом они обычно «редуцировались» до формулы вводного сочетания (типа *буде возможно, буде окажется необходимым*). Ср., например, употребление конструкций с *буде* у Пушкина и у Гоголя:

> Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а *буде* можно и к совершенному уничтожению оного (Пушк., К. д., VI); Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и *(буде* окажется возможным) вылазками — отражать (Там же, X);

---

[107] Об условных конструкциях с союзами *как скоро* и *коль скоро* см. выше, § 13.

[108] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II (Ист. комм.), стр. 341.

Другая бумажка содержала в себе отношение губернатора соседственной губернии о убежавшем от законного преследования разбойнике, и что *буде* окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявящий никаких свидетельств и паспортов, то задержать его немедленно (Гоголь, М. д., 1, IX).

§ 51. С общей тенденцией к устранению из языка многозначных средств оформления синтаксических конструкций было связано сокращение употребительности в условных конструкциях временных по своей основной функции союзов *когда* и *как*. Выражение этими конструкциями собственно условного (а не временно́го) значения было связано с наличием в их придаточной части форм будущего, настоящего вр. и форм сослагат. накл. Употребление условных конструкций с этими союзами было характерно, в основном, для разговорной речи, но было возможно — особенно в первой половине XIX в.— и в авторской речи в художественной литературе, а также в научной прозе.

Учись прилежно, *когда* хочешь быть благополучен (Нарежн., Бурсак, 1, VII); *Когда* в романе или повести нет образов и лиц, нет характеров, нет ничего типического,— как бы верно и тщательно ни было списано с натуры все, что в нем рассказывается, читатель не найдет тут никакой натуральности (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); Давайте ж мне ружье солдата, *Когда* уж скрипки нет! (Курочк., Разбитая скрипка); *Когда* Игнашка-передовой на один из советов его крикнул, чтобы он сам ехал передом, *когда* знает куда ехать, то советчик отвечал, что... (Л. Толст., Метель, III).

Стилистическая равноценность союзов *когда* и *если* в условных конструкциях в контекстах, отражающих разговорную речь, может быть проиллюстрирована, в частности, случаями их употребления в одной и той же реплике.

— Слушай же! — залаяла ведьма в другой раз,— *если* хоть раз выиграешь — твоя шапка; *когда* же все три раза останешься дурнем, то не прогневайся (Гоголь, Пропавш. грамота); *Если* не отдадите сей же час моей казацкой шапки, то будь я католик, *когда* не переворочу свиных рыл ваших на затылок! (Там же); *Если* сейчас не станет передо мною молодецкий конь мой, то вот убей меня гром на этом самом нечистом месте, *когда* я не перекрещу святым крестом всех вас! (Там же).

Уточнение условной семантики конструкций с союзом *когда* достигалось прикреплением их придаточной части к сочетаниям *при условии, в случае* (что создавало одночленную структуру сложного предложения).

Был не прочь и жениться, но только в таком случае, *когда* за невестою случится двести тысяч капиталу (Гоголь,

Нос, 2); Акробат обещал взять его на воспитанье, в случае *когда* он окажется пригодным (Григорович, Гуттаперч. мальчик, III); Если у вас есть какие-нибудь книги, то пришлите мне,— только в таком случае, *когда* вы их не от Ратазяева получили (Дост., Бедн. люди, 27 июня).

Специализированным в качестве условного союз *когда* был в сочетании с частицей *бы* — в конструкциях со сказуемым в форме сослагат. накл.

[Чацкий] Она конечно бы лишилась так же сил, *Когда бы* кто-нибудь ступил На хвост собачки или кошки (Гриб., Горе от у., IV, 10); Меттерних говорил в Вене, во время конгресса, что он был бы совершенно счастлив, *когда бы* не долгие обеды Стакельберга (Вяземск., Ст. зап. кн., III, 2); *Когда бы* не климат, тут можно бы было век остаться (Вигель, Зап., II); Здесь сердце так бы все забыло, Забыло б муку всю свою, *Когда бы* там — в родном краю — Одной могилой меньше было (Тютч., Утихла биза...).

Для условных конструкций с союзом *как*, характеризовавших живую разговорную речь, обычной была «поддержка» союза соотносительным словом *так* или *то*:

А ночью *как* попадешь в какую-нибудь трущобу, *так* и сиди до утра (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, IX); [Ячница] Вот я тебя *как* сведу в полицию, *так* ты у меня будешь знать, как обманывать честных людей (Гоголь, Женитьба, II, 6); Всегда *как* что сделаю по своему желанию или по своим планам, *то* выходит глупость (Черн., п. родным, 12 апр. 1847); А между тем *как* оглянется человек назад и пробежит в своей памяти несколько таких годов, *то* и видит, что... (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); *Как* моя книжка-то вышла бы в свет, *так* я бы решительно тогда на Невский не смел бы показаться (Дост., Бедн. люди, 26 июня).

Ср. употребление *как* в разговорных формулах изъяснительно-оценочного и вопросительного типа.

Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А *что*, *как* разлетится этот туман и уйдет кверху» (Дост., Подросток, 1, 8, I); Нет лучше, *как* в своем ремесле привычном удастся работать на пользу людям (Л. Толст., п. Н. Н. Ге, 21 мая 1886).

§ 52. В XIX в. протекал процесс сокращения употребительности и стилистического «снижения» [109] условного союза *ежели*, еще в первой трети XIX в. признававшегося нормативным [110].

[109] По-видимому, этот процесс вообще характеризовал судьбу союза *ежели* в литературном языке: по наблюдениям Б. В. Лаврова, движение этого союза в XVIII, а также в XVII в.— это «движение от высоких стилей к низовым» (Б.В. Лавров. Указ. соч., стр. 88).

[110] См.: Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 415, 417; А. Х. Востоков. Русск. грам., § 101. В Грам. АН СССР союз *ежели* квалифицируется как просторечный (т. II, ч. 2, § 1488).

Показательно, например, что Пушкин употребляет в условных конструкциях союз *если* около 700 раз, а союз *ежели* — всего 20 раз[111]. Союз *ежели* сохраняется в языке отдельных писателей; он обычен, например, в авторской речи Л. Толстого:

Ежели бы мне не прислали розанчиков, то значило бы, что меня наказывают заточением (Отрочество, XVI); *Ежели* пишешь, то привыкаешь к труду и образовываешь слог, хотя и без прямой пользы. *Ежели* же не пишешь, увлекаешься и делаешь глупости (Дневн., 29 июня 1853).

Этот союз употреблялся (рядом с союзом *если*) в публицистике и научной прозе.

Ежели б личность мечтателя «Белых ночей» была яснее обозначена, *если* б порывы его были переданы понятнее, повесть много бы выиграла (Дружинин, Письма иногородн. подписчика. ЛК); *Ежели* вы знаете человека по его образу мыслей и его образу жизни и характеру действий, любите и уважаете его за них,— вы знаете его не непосредственно (Белинск., Идея искусства); *Ежели* бы и русское дворянство было одержимо тем же узким эгоистическим направлением, *если* бы главною побудительною причиною его действий был бы интерес, то, несмотря ни на какие усилия власти, дело не пошло бы лучше (Н. Данилевск., Россия и Европа, 8) [112].

Почти исключительно в разговорной речи употреблялись условные конструкции с союзами *коли*, *коль*, широко использовавшимися в художественной литературе в характерологических целях.

Коли ты в самом деле желаешь мне добра, *так* отпусти меня в Оренбург (Пушк., К. д., VIII); *Коли* плохо сеешь, *так* и жатва бывает плоха (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, I, IX); *Коль* вашим милостям угодно, я проводить могу (В. Соллог., Тарантас, VIII); Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался дать ему червонец, *коли* он украдет лучшего козла из отцовского стада (Лерм., Бэла); [В о с м и б р а т о в] *Коли* меня раздразнить, я в задор войду — все отдам (Остр., Лес, III, 10); *Коли* будет дождь, мы не увидимся! (Дост., Белые ночи, 3); Приду, *коль* захочу — моя воля!

---

[111] См. Словарь языка Пушкина, т. 1. По наблюдениям. Т. Н. Мревлишвили, в письмах Гоголя, написанных до 1829 г., союз *ежели* преобладает над союзом *если*, тогда как после 1830 г., наоборот, союз *если* употребляется заметно чаще, чем *ежели* (см.: Т. Н. М р е в л и ш в и л и. Указ. соч., стр. 247).

[112] Ср. употребление *ежели* в «Русской истории» М. Н. Покровского: Но *ежели* взять для сравнения крепостную «контору» большой барской вотчины, смысл кабинета императрицы Анны будет нам очень понятен (изд. 1922 г., гл. III, стр. 42).

(Дост., Подросток, 3, 6, I); Я знаю, что никто помочь не может, *коли* натура не поможет (Л. Толст., В. и м., 1, 1, XXVIII).

Ср., впрочем, употребление *коли* и *коль* в письмах Достоевского и Толстого:

Я дал клятву, что *коль* и до зарезу будет доходить,— крепиться и не писать на заказ (Дост., п. М. М. Достоевскому, 24 марта 1845); Живется здесь хорошо и спокойно, *коли* бы не беспокойство о тебе (Л. Толст., п. жене, 2 июня 1883); Как бы хорошо было, *коли* бы ты перестала болеть (Л. Толст., п. жене, 27 янв. 1884).

«Простонародную» или областную речь характеризовали тавтологические соединения условных союзов — типа *коли ежели, как если.*

Простите, Елпифадор Павлыч, *как если* чем провинилась перед вами (Маркевич, Год жизни. ЛК);— *Коли ежели* кто желает оказать услугу, он завсегда может это,— проговорил купец (Гл. Усп., Очерки... Остановка в дороге. ЛК).

Яркую окраску просторечности носили в течение всего XIX в. условные конструкции с союзом *кабы* (и с его вариантом *как бы*):

А жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича — *кабы* не сожгли его, так в околодке было бы тише (Пушк., Дубр., IX); Вот *кабы* моя покойница была жива, так она бы поднесла тебе чарочку (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, II); В разговорах Варвара не раз выражала мысль, что вот бы хорошо было, *кабы* кто-нибудь из господ сжалился и взял сироту в обученье (Григорович, Гуттаперч. мальчик, III); С амурных дел они, или так встретились? *Как бы* с амурных дел, он был бы веселый (Черн., Что делать?, 2, XV); А, впрочем, и лучше, *кабы* освежило (Дост., Прест. и наказ., 6, II); *Как бы* взять тебя, молокососа, да из хорошей винтовки шаркнуть пулей, так забыл бы важничать! (Писемск., Тыс. душ, 1, VI); *Как бы* на горох не мороз, он бы через тын перерос (М.-Печ., Ст. годы, II).

Ср. также конструкции с *кабы* в мемуарах и письмах:

Мне пришло в голову,— что *кабы* воскресить древних спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого,— как бы они ему внимали (Гриб., п. С. Н. Бегичеву, 13 февр. 1819); *Кабы* знал я, что́ меня ждет в Париже — не выехал бы из Петербурга (Тург., п. Дружинину, 13 янв. 1852); С завтрашнего дня попробую заложить часы у Ив. Григорьевичего знакомого... рублей за 80 *кабы*! (Дост., п. жене, 12 июля 1873); Что научный отдел? Хорошо бы, *кабы* вы взялись за него (Л. Толст., п. П. И. Бирюкову, 2 окт. 1886); Хорошо, *кабы* он изложил по своему пониманию учение Лаодзи (Л. Толст., п. Н. Н. Ге, 20 февр. 1889).

Конструкции с союзом *если*

§ 53. Уже в начале XIX в., как отмечалось выше (см. § 13), достаточно отчетливое структурное оформление получили конструкции, передававшие, наряду с собственно условно-следственными отношениями, значения условно-причинное, условно-уступительное, а также условно-определительное и условно-изъяснительное. В течение XIX в. активно протекал процесс дальнейшего внутреннего семантического и структурного развития основного типа условно-следственных конструкций с союзом *если* и построенных по формуле *если... то (так)*, т. е. имеющих придаточную часть в препозиции и содержащих в главной части соотносительное слово. Наиболее показательным было оформление структуры этих предложений, с одной стороны, как конструкций условно-выделительных и, с другой стороны, как конструкций условно-сопоставительных.

Среди конструкций условно-выделительного типа могут быть отмечены:

а) Конструкции, в первой части которых содержится та или иная характеристика, оценка чего-либо, а во второй части называется то, что подверглось оценке. Во второй части этих конструкций обычно употребляется местоимение *это*, а также выделительные частицы *именно*, *единственно* и т. п.

Если кто может избавить меня от моего позора, возвратить мне честное имя, отвратить от меня бедность, лишения и несчастия в будущем, *так это* единственно он (Дост., Бедн. люди, 23 сент.); *Если* был человек на земле, больше всех знавший про то, что я смешон, *так это* был сам я (Дост., Сон смешн. чел., I); И *если* я когда видел добрую женщину, *то* тогда, смотря на мать твою (Дост., Подросток, I, 7, III); Нет, *если* в чем прав Ламберт, *так* в том, что нынче всех этих дурачеств не требуется вовсе (Там же, 3, 6, II).

б) Конструкции, в первой части которых говорится об осуществлении какого-либо действия, а во второй части содержится та или иная квалификация этого действия.

Но *если* он и примирился с действительностью, *то*, разумеется, не по сердцу, а разве по субординации (Дост., Зап. из М. дома, 2, VIII); *Если* я трачу, *то* трачу свои деньги и отчетом никому не обязан (Дост., Подросток, 2, 5, I).

в) Конструкции, в первой части которых сообщается о каком-либо явлении, вычленяемом из числа других, а во второй части объясняется причина этого явления. Вторая часть может иметь форму придаточного предложения причины (с союзами *потому что*, *оттого что*) или представлять собой номинативное предложение со значением причины; причинный смысл может

быть также заключен в деепричастии, предложно-падежном сочетании или «свободно» передаваться лексическими значениями таких слов, как *причина, виноват* и т. п. Во второй части обычно употребляется местоимение *это*, относящееся к содержанию первой части.

И *если* он не оправдался перед судом, *то* разве потому только, что не хотел запутать меня (Пушк., К. д., XIV); А *если* иное кажется нам непонятным, *так это* потому, что мы как дети (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, VII); [Арбенин] И *если* я кому платил добром, *То* все не потому, чтоб был к нему привязан (Лерм., Маскарад, I, 1); *Если* слова его подействовали на племянника более вредно, нежели полезно,— *в этом* виновата ограниченная, болезненная и поврежденная натура нашего героя (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 2); *Если* я сужу о нем строго, *так* не потому, что его не знаю (Тург., Рудин, VI); *Если* он и пал, *то* вовсе не от того, что толпа его оставила (Герц., Б. и д. 6, LIX); Да, *если* рука моя дрожит, *то это* оттого, что никогда еще ее не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, как ваша (Дост., Белые ночи, 1); А *если* он поступает дурно, *то это* только потому, что ее влияние парализуется особами, вроде той, которая сегодня пряталась за картину (Чех., Попрыгунья, VII).

г) Конструкции, в первой части которых какой-либо факт констатируется или признается допустимым, а во второй части (обычно в форме вопроса — прямого или риторического) высказывается что-либо противоречащее, несоответствующее этому факту. Союз *если* часто сопровождается в этих конструкциях частицей *и* или *уж*. Обычным для конструкций этой разновидности является наличие в их частях лексически противопоставленных или сопоставленных слов.

Если смерть есть только призвание к лучшему бытию, для чего приближение смерти не возвещает нам запах цветов, тень прелестных дерев и тихое веяние вечернего ветерка? (Моск. телеграф, 1825, № 7); *Если* дружбу мою столько раз, со слезами, называл ты благословением неба, зачем не могу я изобразить тебе, что сказала бы родная душа о моей любви (Н. Полевой, Блаженство безумия); *Если* сущность того, что́ он слышит, ему кажется прекрасной, что́ ему за дело до тона! (Тург., Рудин, XII); *Если* заря свободы восходит для всех, ужели одна женщина останется рабой? (Гонч., Обрыв, 2, XXI); Но *если* это — солнце, если это совершенно такое же солнце, как наше,— вскричал я,— *то* где же земля? (Дост., Сон смешн. чел., III); *Если* часто бывает, что после долгого знакомства брак неудачен, что сказать о том, когда он устраивается на авось (Помяловск., Оч. бурсы. Женихи бурсы).

Для конструкций условно-выделительного типа редкими были случаи постпозитивного — всегда при этом экспрессивно-присоединительного — включения «придаточной» части.

Ибо в сущности только в этом и состоит вся вина моя, *если* уж есть вина, не правда ли? (Дост., Подросток, 1, 7, III).

Структурно и семантически более цельными и простыми были конструкции условно-сопоставительного типа с частями, характеризующимися параллелизмом их синтаксического строения и содержащими лексически сопоставляемые или противопоставляемые слова.

Если частные распри индийцев жестоки и кровопролитны, *то* войны их, зато, вовсе не губительны (Пушк., Дж. Теннер); *Коли* не постыдишься своей жены, *так* перед чужою будет совестно (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, IV); Но *если* одни иностранные слова удержались и получили в русском языке право гражданства, *зато* другие с течением времени были удачно заменены русскими (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); *Если* редко бывает в действительности совершенно благоприятный случай для создания прекрасного или возвышенного, *то* еще реже благоприятный случай рождения и беспрепятственного развития великого гения (Черн., Эстетич. отнош. искусства к действит. Диссертация); Но *если* не заметно ничего особенного во внутреннем содержании и характере литературы, *зато* нельзя не видеть, что внешним образом она развилась довольно значительно (Доброл., О степени участия народности в разв. русск. лит-ры); Но *если* ждал меня Ламберт, *то* еще пуще, может быть, ждала меня Анна Андреевна (Дост., Подросток, 3, 4, I); *Если* Левину весело было на скотном и житном дворах, то ему еще стало веселее в поле (Л. Толст., А. К., 2, XIII).

Условно-выделительные и условно-сопоставительные конструкции развивались и активно функционировали преимущественно в письменной речи: они были свойственны контекстам, содержащим рассуждения, умозаключения и т. п.[113]

Причинные конструкции

В системе причинных подчинительных конструкций, как и в других конструкциях функциональных типов, активно протекал процесс сокращения числа союзов, вызванный тенденцией к унификации и уточнению средств синтаксической связи.

---

[113] Описание структурно-семантических типов условно-следственных конструкций см.: Р. П. Рогожникова. Условные придаточные предложения в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1952.

Конструкции с союзами *зане, понеже, поелику*

§ 54. Как было отмечено в § 22, старославянские причинные союзы *зане, понеже, поелику* были архаичными уже в начале XIX в. Однако они встречаются еще как в первой, так и во второй половине XIX в., выполняя, главным образом, характерологические функции.

Союз *зане* был употребителен преимущественно в поэзии — в «возвышенной», патетической речи.

Зевс промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира Росу послал, растворенную кровью; *зане* обрекал он Многие храбрых главы ниспослать в обитель Аида (Илиада, пер. Н. И. Гнедича, 11); Но злочестивый прав не будет, Он на суде не устоит, *Зане* господь не лестно судит И беззаконного казнит (Языков, Подраж. псалму); Почил безмятежно, *зане* совершил В пределе земном все земное (Борат., Память Гете).

В поэзии второй половины XIX в. этот союз встречается уже, главным образом, в иронически-сниженных, пародийных контекстах.

Творя условные обряды, Мы вдруг за несколько монет, Ото всего отречься рады, *Зане* в нас убежденья нет (Бенедикт., А мы?); Я ж скоро был к той вере приведен, Что наша воля плод предназначенья, *Зане* я тщетно, сколько ни потел, Хотел хотеть иное, чем хотел (А. К. Толст., Портрет) [114].

Союз *зане* служил средством придания речи колорита архаичности.

И все кругом объяты были страхом, Уразумев небесное виденье, *Зане* святый владыка пред царем Во храмине тогда не находился (Пушк., Б. Г. Ночь. Келья в Чудовом монастыре); Да прильнет язык твой к гортани, *зане* ложь изрыгает! (Гонч., Обрыв, 2, XIX); [Семенов] И я с дьяволом быть в доле не хочу; *зане* отступникам страшна кончина! (Остр., Козьма Минин, I, 5); Житие мое странное, *зане* житие мое стало сытое и привольное (Леск., Соборяне, 1, 5); [Иван Лыков]) Еще скажу: хваленье государю, *Зане* он, как отец, о нас печется (Мей, Царск. невеста, I, II, 2); [Борис] Имперских городов Избавить мы от пошлины не можем, *Зане* у нас купцы иных земель Ее несут (А. К. Толст., Царь Борис, I. Престольная палата).

Ср. также употребление союза *зане* в письмах:

Спешу к тебе кончить письмо, *зане* страх некогда (Гоголь, п. М. А. Максимовичу, 14 авг. 1834); Слухом слышу, что вы

---

[114] Ср. у Есенина: И я от тех же зол и бед Бежал, навек простясь с богемой, *Зане* созрел во мне поэт С большой эпическою темой.

уже приехали, но оком моим не зрю вас и о сем... жажду, сетуя, *зане* глагол некий иму рещи к вам (Леск., п. С. Н. Шубинскому, 19 сент. 1887); В бытовой опере к речитативу следует относиться еще строже, чем в исторической, *зане* в первой нет крупного исторического события (Мусоргск., п. Л. И. Кармалиной, 20 апр. 1875).

Союзы *понеже* и *поелику* (второй, впрочем, употреблялся значительно чаще первого) оставались в первых десятилетиях XIX в. признаком деловой и отчасти научной речи.

Но *поелику* различие почв, климатов и других местных обстоятельств требует и различных правил, то ясно, что... (Моск. телеграф, 1825, № 6); И словесность, *поелику* она есть непосредственное выражение духа, непосредственный орган способностей умственных, должна всего яснее отражать философию (Там же, № 21); *Поелику* торговля не соответствовала ожиданиям, то в 1680 г. решено было уничтожить контору в Сиаме (Там же, 1826, № 6).

Конструкции с *поелику* и *понеже* употреблялись иногда и в личной переписке и в мемуарной литературе середины и даже конца XIX в.; они носили здесь характер своеобразных штампов.

Эта странная горячка, сопровождавшаяся бредом не в словах одних, но и в действиях, нас трогает, *поелику* служит для нас живым памятником заблуждения (Надежд., О... искажении романтич. поэзии); Срезневский презирает Кульчицкого и весь этот кружок и тебя, *понеже* ты в этом кружке (Белинск., п. В. П. Боткину, 22 ноября 1839); Ключей от города не было, а знамен также, *поелику* гарнизон состоял не из войск, призванных под знамена, а из всякого сброда (Волконск., Зап., XIII); Вас не останавливали ни неповиновение, ни самоубийства юношей, *поелику* стократ лучше, когда погибает то, что одержимо буйством, нежели живет и приносит плоды, достойные негодного дерева (С.-Щ., Письмо к графу Д. А. Толстому); Музыкальные вечера с «дядюшкой» у нас были только два раза после тебя, и то очень скучно, *поелику* не хватает нот (М.-Сиб., п. В. Н. Мамину, 30 окт. 1883).

Как и союз *зане,* союзы *поелику* и *понеже* использовались в речи персонажей.

[Семенов] А все-таки тебе он благодетель, *Понеже* в люди вывел, дал дорогу (Остр., Козьма Минин, I, 5); Но ты, братику, не унывай, *поелику* вся сия канитель есть только иллюзия (М.-Сиб., Горн. гнездо, XXVI) [115].

---

[115] Ср. употребление конструкций с этими союзами в художественной литературе XX в.: Мужики мои никуда не годятся, *понеже* старые, глупые (А. Н. Толст, Петр Перв., 1, 2, 3); А *поелику* солгал, повинен дважды: на земли и на небеси (А. Гайдар, Р. В. С., 3).

[Конструкции с союзами *когда, как*

§ 55. Судьба причинных конструкций с союзами *когда* и *как* не была одинаковой, что было связано с различием синтаксических функций союзов *когда* и *как* в причинных конструкциях.

Употребление союза *когда* для выражения причинно-следственных отношений не сопровождалось созданием в данных конструкциях каких-либо специфических структурных средств, закрепленных за этим синтаксическим значением: оно создавалось благодаря соотношению реальных значений, заключенных в придаточной и главной частях — при обязательном, однако, условии наличия в придаточной части значения наст. или прош. (но не буд.) времени.

[Фамусов] Не надобно иного образца, *когда* в глазах пример отца (Гриб., Горе от у., I, 4); Теперь-то я вижу, что молодой друг мой истинно почитает Зинаиду, *когда* для праздника ее дочери нарядился (Нарежн., Аристион, ЛК).

Причинное значение у союза *когда* было в подобных случаях проявлением его многофункциональности, сохранившейся и в современном языке (см. § 46).

Причинное значение союза *как* было, как отмечалось выше (см. § 26), закреплено в формуле конструкций типа *а* (*но, и*) *как... то*. Причинные конструкции этого типа свободно функционировали в разных сферах литературного языка приблизительно до 60-х годов XIX в.

Он уверен, что служил в военной службе, и *как* ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, *то* и щеголяет орденом Почетного Легиона (Пушк., ‹О Зап. Видока›); Но *как* вино подавалось у нас только за обедом и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили *то* мой Бопре очень скоро привык к русской настойке (Пушк. К. д., I); И *как* ветер крепко дул с берега, то Белозор велел отрубить канат (Марл., Лейт. Белозор, IX); А *как* проповеди, советы и всякого рода нравоучения бывают длинны..., *то* он распространился об этом предмете (Н. Павл., Ятаган, III); Но *как* ни та, ни другая этимология не подвержены никаким историческим фактам, *то* и предоставляется лингвистам решить, которая правдоподобнее (Отеч. зап., 1839, т. I); А *как* пьяному человеку скучно одному, *то* Иван Федотович окружил себя дурами и дураками (В. Соллог., Тарантас, XV); Но *как* Кантемир все-таки остается человеком с необыкновенным талантом, *то* его и нельзя выключить из истории русской литературы (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); И *как* уголок их был почти непроезжий, *то* и неоткуда было почерпать новейших известий (Гонч., Обл., 1, II); Но *как* мое умственное обжорство не знало меры, *то* вскоре не достало в фармации на Маросейке романов (Герц., Зап. одн. мол.

чел., I); Пуля турецкая попала мне в направление груди, но *как* я был в бурке и разрезом назад, *то* пуля ослабла в действии (Волконск., Зап., XIV); И *как* день был довольно жаркий, *то* устал, присел отдохнуть и потом заснул в траве (Щепкин, Зап. актера, I); *Как* по возвращении с похода никаких новых смотров не предстояло, *то* Бюлер, быть может несколько раньше, поручил мне продать с аукциона около 70 бракованных лошадей (Фет, Ранние годы моей жизни, LV); А *как* много-много через десять дней надеюсь с вами свидеться, *то и* прекращаю болтовню (Мусоргск., п. Ц. А. Кюи, 15 авг. 1868).

Вместе с тем, к концу исследуемого периода употребление причинных конструкций этого типа идет на убыль, что связано было с активизацией в первую очередь конструкций с собственно причинным союзом *так как*, синтаксически более гибким, чем «связанный» союз *как*. Одиночный союз *как* в причинном значении сохранялся в просторечии.

[Восмибратов] Потому самому нам без бога нельзя; *как* одно, значит, у нас прибежище (Остр., Лес, I, 6); Ради родителев вызволить барина хотел, *как* еще маленьким человеком будучи, ласку от них видел (С.-Щ., Благонамер. речи, IV); Я у трубочиста жил, *как* я сирота (М. Г., Жизнь Кл. Самг., II).

Конструкции с союзами *для того что, затем (за тем) что*

§ 56. Уход из литературного языка причинных союзов *для того что* и *затем что* непосредственно был связан с устранением многозначности предложных сочетаний *для того* и *за тем*, входящих в состав союзов. За этими сочетаниями — в составе союзов *для того чтобы* и *затем чтобы* — закрепилось значение цели, вытеснив значение причины. Первым перестал употребляться в причинном значении союз *для того что* — вследствие более яркой выраженности целевого значения у предлога *для* по сравнению с предлогом *за* (в союзе *за тем что*). Совмещение в предлоге *для* целевого и причинного значений можно проиллюстрировать следующими примерами из произведений Пушкина:

Он разрешал молчание разве только *для того*, чтобы журить своих дочерей (Гробовщ.); Прощаю вас *для* радости, что бог привел мне свидеться с сыном Петром Андреичем (К. д., Пропущ. гл.).

Иногда значения причины и цели, заключенные в предлоге *для*, обнаруживались лишь в условиях достаточно широкого контекста или подсказывались ситуацией [116].

[116] Впрочем, внутренние грани между значениями причинным и целевым оказываются очень подвижными, ср., например: — А смею вас спро-

Для чего не предупредили вы меня? — *Потому что* боялся дать вам в руки шнур моих замыслов (Лажечн., Лед. дом, 3, 4); Каково ж княжне, царской любимице, которую носили на руках, которой улыбка ценилась вместо милости, ей признаться этим самым людям, что она дочь... бродяги! Она, однакож, сделает это. *Для чего ж? Для того, что* Волынскому нельзя будет жениться на дочери цыганки, и это самое послужит Волынскому оправданием (Там же, 4, 9).

Причинное значение предлога *для* поддерживалось употреблением его в сочетании со словом *причина:*

Этот молодой человек есть жена моя, и *для* некоторых важных *причин* носит не свое платье (Нарежн., Бурсак, I, XV); Для того не посещаю я своих соседей, чтобы не приводить их в замешательство и даже в убыток, и *для* этой же *причины* и к себе их не приглашаю (Нарежн., Аристион. ЛК); Балкончики под крышами с перилами, неизвестно *для каких причин* делаемые в иных русских избах, покосились и почернели (Гоголь, М. д., 1, VI).

Дублетность причинных союзов *для того что* и *потому что* (*не потому чтобы*) [117] была живым явлением, по-видимому, не дольше, чем до 40-х годов XIX в.[118] Во второй половине XIX в. причинный союз *для того что* используется уже, главным образом, как средство стилизации. Ср. употребление его в произведениях Мельникова-Печерского в авторской речи и в речи персонажей:

И суд его был всем приятен, *для того что* скоро кончался (Ст. годы, III); И велит напоить Титыча до положения риз, только бы наблюдали, чтобы богу душу не отдал, *для того что* человек был нужный (Там же); Только все это узналось лишь после кончины его, *для того что* милостыню творил тайную (Там же, V); Я говорю *для того, что* ты баба. Стары люди не с ветру сказали: «Баба что мешок: что в него положишь, то и несет». И *потому, что* ты есть баба, значит разумом не дошла, то, как меня не станет, могут тебя люди разбить (В лесах, 1, 10).

сить, *по какой причине* государь Петр Алексеевич не пожаловал сегодня к господину Готфелю? — Я думаю *для того, чтоб* не соблазниться и не скушать чего-нибудь за ужином (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, I, V).

[117] Ср.: Трактирщик услуживал ему с особенным усердием, и совсем *не потому чтобы* Рам платил больше других, а *для того что* деньги богача кажутся всегда лучшей пробы, нежели деньги бедняка (Ирвинг Вашингтон, Вольфер Веббер или Золотые сны. Моск. телеграф, 1826, № 2).

[118] Ср. замечание В. В. Виноградова: «Союз *для того что* в причинном значении начинает умирать в 10—20 годах XIX в.». (В. В. Виноградов. Пушкин и русский литературный язык XIX в.— В кн.: «Пушкин родоначальник новой русской литературы». М.— Л., 1941, стр. 574).

Впрочем, союз *для того что* в причинном значении удерживался в речи таких, например, писателей, как Достоевский и Л. Толстой; ср. в письмах:

Я прошу не сидеть, а ходить, *для того что* иначе тебе будет грустнее без меня (Л. Толст., п. жене, 23 апр. 1864); Посылают же вам единственно *для того, что* вам, может быть, больше известны подробности этой жизни (Дост., п. В. П. Мещерскому, 2 окт. 1873).

Причинное значение местоименного компонента союза *затем что* (как и соответствующего местоимению *затем* вопросительного наречия *зачем*) оказывалось более устойчивым. Ср., например, следующие случаи употребления *зачем*:

Пенял Карамзину, *зачем* в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян (Пушк., Отр. из писем, мысли и замеч.); *Зачем* вы ранее не открылись мне? *Зачем* вы так долго играли роль моего врага, и я не мог вас достойно оценить? (Лажечн., Лед. дом, 4, 8); [О с и п] Ваше высокоблагородие! *Зачем* вы не берете? Возьмите! (Гоголь, Ревизор, IV, 10); *Зачем* же у вас так холодно? — спросил с заботливостью Иван Васильевич. — Для больного человека это вредно (В. Соллог., Тарантас, XVIII); *Зачем* я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной? (Лерм., Желание); — Я знаю,— перебил Билибин,— вы думаете, что очень легко брать маршалов, сидя на диване перед камином! Это правда, а все-таки, *зачем* вы его не взяли? (Л. Толст., В. и м., 1, 2, X); *Зачем* у него волосы не выстрижены? Гришка!.. *Зачем* ты не остриг барина...? (Дост., Дядюшк. сон, X); *Зачем,* ямщик, ты песни не поешь? (Полонск., Дорога).

В следующем примере местоимение *затем* входит в состав и причинного союза (*затем что*) и целевого союза (*затем чтобы*).

Ольга Дмитриевна ездит *затем, что* это угодно тетушке, а Аграфена Петровна *затем, чтоб* племянницу повеселить (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, IV).

Причинный союз *затем что* был распространен в разных сферах литературного языка (включая поэтическую речь) приблизительно до 70-х годов XIX в.

За восемь дней все ложи абонированы, и более 500 человек каждый день уходили из театра, *за тем что* нельзя было достать места (Моск. телеграф, 1825, № 8); Совет ваш вовсе не смешон; Но он мне, слышите ль, не нужен, *Затем что* слишком он мудрен (Пушк., Посл. Лиде); К свиданьям тайным вы согласны, Но те свиданья мне опасны, *Затем, что* в них сокрыт обман (Кольцов, К М...); Меня отправили ночью, *затем, что* мне надобно было пробираться сквозь все турецкое войско (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, XI); Заслуги, удальство Похвально петь; но все же не

мешает Порою и создание грехов, *Затем что* прегрешение отцов. Для их детей спасительно бывает (Некр., Новости); Как же назвать то, что ты делаешь — и зачем? — Я уж сказал тебе зачем,— сердито отозвался Райский.— *Затем, что* красота ее увлекает, раздражает — и скуки нет — я наслаждаюсь — понимаешь? (Гонч., Обрыв, 1, V); Сказал, что он очень полюбил меня *за тем, что* я честная и благоразумная девушка (Дост., Бедн. люди, 4 авг.); Народу было еще более, *затем что* прибыли Надя и Катя с своими (С.-Щ., Брусин); *Затем* тебе знать Вронского, *что* это один из твоих конкурентов (Л. Толст., А. К., 1, II).

После 70-х годов союз *затем что* становится принадлежностью почти исключительно языка поэзии. Вот примеры употребления этого союза в поэзии второй половины XIX в.:

Север наш бледный, но милый, Милый *затем, что* родной (А. Майк., И. А. Гончарову); [Альцест] Да честь-то в этом небольшая, *Затем, что* истины тут нет (Курочк., Мизантроп, III, 6); *Затем, что* день сегодня постный, Не станет есть, мошенник, до звезды (Козьма Прутк., Звезда и брюхо); Гласят: *Затем*... порядка нет в земли, *Что* мы ведь очень млады (А. К. Толст., Баллада о мандарине) [119].

Конструкции с союзом *ибо*

§ 57. Для функционирования причинных конструкций с союзом *ибо* характерно было постепенное ограничение его употребления пределами книжной, преимущественно научной речи, тогда как в первой половине XIX в. сфера распространения этого союза была более широкой. Вот несколько примеров:

Другая экспедиция, вероятно, была неудачна, *ибо* никаких известий об оной неизвестно (Моск. телеграф, 1825, № 5); С тех пор изучение сих записок заняло меня исключительно — *ибо* увидел я возможность извлечь из них повествование стройное, любопытное и поучительное (Пушк., Ист. с. Г.); Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, *ибо* в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию (Пушк., К. д., XIV); Слишком старых не было на Сечи, *ибо* никто из запорожцев не умирал своею смертью (Гоголь, Т. Б., III); Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, *ибо* со мной был чугунный чайник (Лерм., Бэла); В поэте, в стихотворце еще более, чем в повествователе, видим

[119] Ср. в современной поэзии: Жили *затем, что* мать родила — Так, невзначай, под горячую руку (Исаковск., География жизни); И не хотел иных искать я *Затем, что* не новы они (Твардовск., За далью — даль, 10). Ср. также в прозе: У Зои есть сын, который остался без отца, *затем что* отец обманул и бросил Зою (В. Солоухин, Капля росы); Всякий счет в нашем селе начинается с Пенькова дома, *затем что* он стоит на краю оврага (Там же).

мы связь с его предшественниками, подмечаем их влияние, весьма понятное: *ибо* новое поколение должно начинать там, где другие кончали (Москвит., 1841, ч. 1, № 2); Только с Пушкина начинается русская литература, *ибо* в его поэзии бьется пульс русской жизни (Белинск., Русск. лит-ра в 1840 г.); Отрицание отрицания есть само по себе непременно положительное нахождение самого себя, *ибо* как скоро я отрицаю то, что меня отрицает, я нахожу самого себя (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, I); Запомни слово мое отныне, *ибо* хотя и буду беседовать с тобой, но не только дни, а и часы мои сочтены (Дост., Бр. К., 1, 2, VII).

Итак, из союзов, оформлявших причинные конструкции в начале исследуемого периода, в литературном языке сохранились союзы *потому что, оттого что, так как*, а также *ибо*; при этом заметен был процесс активизации союза *так как*. Вместе с тем развитие внутренних оттенков причинно-следственного значения происходило в причинных конструкциях, главным образом путем вовлечения в число союзных средств предложно-падежных сочетаний типа *ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, благодаря тому что, в связи с тем что*, получивших относительно широкое распространение в научной и публицистической речи последних десятилетий XIX в.[120]

Следственные конструкции

Конструкции с союзом-частицей *так*

§ 58. Единственным союзом следственных подчинительных конструкций был в конце XVIII — начале XIX в. союз *так что* (см. § 28). В функционировании этого союза на протяжении XIX в. не произошло каких-либо изменений. Рядом с союзом *так что* в следственных конструкциях употреблялся — только в разговорной речи и в отражающих ее контекстах художественной литературы — союз-частица *так* (всегда безударный). Вот характерные случаи употребления таких конструкций:

— Я завтра отправлюсь чем свет,— сказал Симский,— *так* вряд ли с вами увижусь (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, II); Они думают, что я за границей, *так* они могут меня обманывать (В. Соллог., Тарантас, XI); Сын у меня

[120] Об употреблении причинных конструкций в языке Белинского, Чернышевского и Добролюбова см. в статье: В. В. Щеулин. Причинные сложноподчиненные предложения с союзами *ибо, затем что, потому что, как, так как* в публицистических произведениях В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. «Уч. зап. Шахтинского гос. пед. ин-та», 1958, т. II, вып. V, стр. 133—188. См. также его же канд. дисс. «Причинные, следственные и уступительные сложноподчиненные предложения в публицистических произведениях В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. (Из истории развития сложноподчиненного предложения в русск. лит. языке XIX столетия)». Воронеж, 1955.

умер,— *так* мне одному теперь не справиться (Тург., Малин. вода); — Чищены-то они чищены, еще на той неделе, да барин не выходил, *так* опять потускнели (Гонч., Обл., 2, III); И мудрецы греческие без сапог хаживали, *так* чего же нашему-то брату с таким недостойным предметом нянчиться? (Дост., Бедн. люди, 19 авг.); Вы думаете, что вы граф, *так* можете толкаться, как на базаре (Л. Толст., Два гусара, IV); Кто говорил, что, видно, Потапу Максимычу в волостных головах захотелось сидеть, *так* он перед выборами мир задабривает (М.-Печ., В лесах, 1, 6) [121].

Ср. употребление следственного *так* Белинским — в «диалогизированном» контексте:

Вы, конечно, очень цените в человеке чувство? — Прекрасно! — *так* цените же и этот кусок мяса, который бьется в его груди, который вы называете сердцем (Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.).

К *так* в конструкциях этой разновидности нередко примыкала частица *вот*, образуя семантически более выразительный следственный союз *так вот*.

Вам розанчиков намедни захотелось, маточка; *так вот* я вам их теперь посылаю (Дост., Бедн. люди, 20 мая); Человек-то он затерянный, запуганный; покровительства ищет, *так вот* я его и обласкал (Там же, 5 сент.).

Ср. употребление Чернышевским сочетания *то вот*:

Другого дела у меня нет и не предвидится. *То вот*, я и хочу заниматься хоть этим (п. А. Н. Пыпину, 6 ноября 1884).

Целевые конструкции

Конструкции с союзом *дабы*

§ 59. Архаичный уже в начале XIX в. союз *дабы* последовательно сокращал свою употребительность, дольше удерживаясь лишь в научной и деловой речи.

Дабы ничего не упустить достойного внимания моих читателей, и *дабы* они могли одним взглядом обозреть, как могущественно умножается сила пара при увеличении теплоты, я прилагаю при сем таблицу (Совр., 1837, т. VII); Проследим же события европейской истории, *дабы* увидеть, действительно ли насильственность составляет одно из коренных свойств германо-романских народов (Н. Данилевск., Россия и Европа, 8).

---

[121] Как видно из приведенных примеров, здесь речь идет о конструкциях с *так*, синонимичных конструкциям с *так что* и структурно отличающихся от условно-следственных конструкций с *так*, начинающим вторую часть конструкций, например: Всякому давать на водку, *так* самому скоро придется голодать (Пушк., К. д., II).

Ср. случаи употребления *дабы* и *чтобы* в одном и том же контексте:

Замечательнейшие условия при сем хозяйстве суть севообороты и предварительные соображения работ и издержек, *дабы* они не были в бремя господину, или *чтобы* доход владельца не был в разорение крестьян (Моск. телеграф, 1826, № 7); Я напишу в Петербург, *чтобы* вам прислали несколько экземпляров, *дабы* вы могли, не скупясь, ими наделять деревенских охотников до чтения (Гоголь, п. матери, 22 дек. 1837); Но надо, *чтоб* при этом отрицании своего определения, Россия осталась жива; *чтоб* сохранился ее дух, ее субстанция в этот период чисто отвлеченный, отрицательный, *дабы* потом уже освобожденная от тесного, ей назначенного круга исключительной национальности, она предстала в своем великом общем и самобытном в то же время значении (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, I).

Уже в «сниженном», пародийно-шутливом употреблении встречаем этот союз, например, в письмах Чехова.

А за сим, *дабы* не утомить благосклонного читателя, позвольте поставить точку (п. Н. А. Лейкину, 25 февр. 1887) [122].

Укрепление подчинительной связи

§ 60. Процесс архаизации и стилистического ограничения некоторых разновидностей подчинительных конструкций функциональных типов, поскольку он проявлялся в освобождении литературного языка от ряда союзов, т. е. единиц лексических, в этом смысле может быть определен как процесс лексический — в отличие от процесса дальнейшей формализации подчинительной связи, по своему характеру синтаксического. Такое разграничение является в известной степени внешним и условным, поскольку, с одной стороны, уход из литературного языка лексических единиц — союзов и компонентов союзных сочетаний — сопровождался определенными изменениями структурного характера и, с другой стороны, формализация средств связи частей подчинительной конструкции «захватывала» и лексические единицы — компоненты союзных сочетаний. Самый же процесс пополнения состава средств собственно синтаксических, начавшийся раньше, в XIX в. осуществлялся по двум направлениям: 1) отмежевание средств синтаксических от лексико-синтаксических, создание союзных сочетаний, включающих местоимения и полнозначные по происхождению слова, и установление соотносительности этих союзных сочетаний с подчинительными союзами в «узком» смыс-

[122] Такой же характер носит использование в письмах Чехова архаичного условного союза *буде*, ср.: Вам самим придется взять на себя труд и хлопоты (*буде* вам не лень возиться с моей особой) по части карточки и т. п. (п. М. О. Меньшикову, 3 дек. 1892).

ле слова; 2) приобретение подчинительным союзом (или союзным сочетанием) полной синтаксической самостоятельности и ослабление, в связи с этим, синтаксической функции соотносительного слова. Первый из этих процессов характеризовал развитие временных конструкций; второй был общим для большинства подчинительных конструкций функциональных типов.

Формализация союзных сочетаний в то время как, с тех пор как, до тех пор пока во временных конструкциях

§ 61. Примеры функционирования в конце XVIII — начале XIX в. временны́х конструкций, передававших отношения одновременности (здесь не имеются в виду конструкции с одиночным самостоятельным союзом *пока* и его вариантами), а также отношения между действиями, ограничиваемыми в своем осуществлении начальным или конечным моментом, с достаточной очевидностью демонстрируют большую пестроту и неупорядоченность тех средств, которые использовались для выражения этих значений (см. выше, § 5). Так, существительные *время, пора, минута, час, день* и некоторые другие в составе сочетаний типа *в* (*самое*) *то время как* (*когда*), *с* (*самой*) *той минуты как* (*когда*), *до* (*самой*) *той поры как* (*пока, коеда, что, коли*), скреплявших части подчинительной конструкции, участвовали в передаче временны́х отношений, но те же существительные в тех же сочетаниях могли полностью сохранять свою предметную значимость, и подчинительные конструкции, включающие эти сочетания, соответственно, имели не собственно временны́е, а определительно-временные значения. С другой стороны, налицо был параллелизм союзов — компонентов этих сочетаний: *как — когда — пока* (*покуда, покамест*); *пока* (*покуда, покамест*) *— как — когда — что коли*; слово *пора* употреблялось в формах как ед., так и мн. ч.; местоимение *самый*, придававшее всей конструкции определительный характер, не было обязательным компонентом приведенных выше разновидностей сочетаний; были колебания и в порядке взаимного расположения местоимений *тот* и *самый*. Правда, среди этих сочетаний уже функционально выделялись сочетания с большей степенью чисто синтаксической специализации, близкие к союзам (*в то время как, с тех пор как, до тех пор пока*), но они еще не были четко противопоставлены сочетаниям с «вещественным» значением.

Это состояние пестроты оформления названных синтаксических отношений с особой наглядностью можно проиллюстрировать на материале языка одного автора. Так, у Пушкина находим синтаксически равнозначные определительно-временные конструкции, структурной основой которых является сцепление: обозначающее период времени существительное в винит. пад.

с предлогом *в* + определяющее его указательное местоимение (иногда — в сочетании с местоимением *самый*) + временной союз *как* или *когда*, скрепляющий части сложного предложения.

«Определяемое» слово — *минута*:

Взял меня за руку и остановил *в ту самую минуту, как* собирался я выйти (Выстрел, I); В день, назначенный для выезда, *в самую ту минуту, когда* готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу (К. д., XIII); Добрым я его не нахожу, особливо *в ту минуту, когда* он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной (Заметка о «Полтаве»).

«Определяемое» слово — *время*.

а) В основе конструкции — сочетание *в то самое время как*:

В то самое время, как два лакея приподняли старуху и просунули в дверцы, Лизавета Ивановна у самого колеса увидела своего инженера (Пиков. дама, III).

б) В основе конструкции — сочетания *в то время как* и *в то время когда*:

Все дворовые показали, что приказные сгорели *в то время, как* повалилась кровля (Дубр., VII); В первое представление Дон-Жуана, *в то время, когда* весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта — раздался свист (О Сальери).

В следующем предложении сочетание *в то время как* помимо выражения определительно-временного значения участвует также в оформлении сопоставительных отношений:

Пребывание мое в полку оставило мне мало приятных впечатлений, кроме производства в офицеры и выигрыша 240 рублей *в то время, как* у меня в кармане всего оставался рубль 6 грив. (Ист. с. Г.).

В передаче синтаксических отношений не усматривается также различия между конструкциями, части которых объединены сочетаниями *с той поры когда, с той поры как, с тех пор как:*

С той поры, Как бросилась без памяти я в воду... Прошло семь долгих лет (Русалка, Днепровск. дно); [Самозванец] Но *с той поры, когда* являлся он, Своих обид ожесточенный мститель, С литовцами под ветхий город Ольгин, Молва об нем умолкла (Б. Г., Краков. Дом Вишневецк.); *С тех пор, как* я перешел за Прут, я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана (Кирджали); В самом деле, *с тех пор как* я в деревне, я стал отменно благосклонен и снисходителен (Роман в п., 8).

Очевидно, что сочетания, включающие форму ед. ч. слова *пора*, носили более определительный и менее «союзный» характер, чем сочетания, включающие форму мн. ч. этого слова; но несомненна также синтаксическая соотносительность и функциональная равнозначность тех и других сочетаний. Сочетание же

до тех пора пока (*не*) — в конструкциях со значением временно́го предела — у Пушкина не имеет вариантов, если не считать сочетания *до тех пор что* в конструкции, где значение временно́го предела совмещается со значением степени проявления действия, ср.:

[Герцог] На глаза мои не смейте являться *до тех пор, пока* я сам *Не* призову вас (Ск. рыц., III); Дружески разговаривали, гуляя вместе по лесу, *до тех пор пока* Лиза сказала ему: пора (Барышня-кр.); Я *до тех пор* не намерен ехать в Покровское, *пока не* вышлете вы мне псаря Парамошку с повинною (Дубр., I) и: Старики *до тех пор* обдумывали все это каждый про себя, *что* наконец друг с другом и переговорились, обнялись, обещались дело порядком обработать (Барышня-кр.).

В период, непосредственно следовавший за временем Пушкина, а спорадически еще и во второй половине XIX в. продолжали функционировать конструкции, части которых были соединены сочетаниями полусоюзного характера: *в ту пору как, с того времени как, до того времени пока, до тех пор когда, до тех пор как, до тех пор что* и др.

Все высыпало за ворота поглазеть вослед тарантасу *до того времени, пока* он *не* скрылся, наконец, из вида (В. Соллог., Тарантас, II); Он пришел к герцогу, затвердив двусмысленную роль, которую решился играть *до того времени, пока* сами обстоятельства расскажут ему его обязанности (Лажечн., Лед. дом, 2, 7); Очень много изволили перемениться *с того времени, как* я вас знаю (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, IV); Камин часто топился в кабинете, добродушно потрескивая *в ту пору, как* генерал писал (Данилевск., Воля, 2, VIII); Бернацкий шел беспрекословно и *до тех пор* говорил правильные комплименты и надоедал, *что* префектура часто делала уступки, чтоб отвязаться от него (Герц., Б. и д., 6, LVI); Он думал о главном, а мелочи отлагал *до тех пор, когда сам* во всем убедится (Дост., Прест. и наказ., 1, VI); Обязанность членов десятков — самый осторожный набор новых членов *до тех пор, когда* начнется повсеместное народное восстание (Из устава кружка «Сибиряков», составленного Долгушиным в 70-е годы) [123]; В таком сумасшествии эгоизма Нехлюдов находился *до тех пор, как* он поступил в военную службу (Л. Толст. Воскрес., 1, XIII) [124].

Последующее развитие литературного языка характеризуется дальнейшей грамматикализацией способов выражения син-

---

[123] Цит. по кн.: А. С. Долинин. В творческой лаборатории Достоевского. М., 1947, стр. 56—57.

[124] М. М. Михайлов (указ. дисс., стр. 95) полагает, что употребление союза *до тех пор как* является индивидуальной особенностью языка Л. Н. Толстого.

таксических отношений — в частности, строгим размежеванием временных конструкций с названными выше значениями, с одной стороны, и соотносительных с ними конструкций определительно-временных. В результате этого процесса собственно временны́е отношения стали выражаться лишь определенным кругом однотипных по своему строению и ограниченных по составу сочетаний, включающих полнозначное слово с обобщенным значением временного периода (*время, пора*), согласуемое с ним указательное местоимение *то* и временной союз (*как, пока*), несамостоятельный — в данном сочетании — по своей функции. Эти сочетания вошли в систему временных союзов и уже оформленных союзных сочетаний, тогда как функционировавшие параллельно сочетания, построенные по той же модели, но не ставшие союзными, оставались синтаксически свободными и продолжали составлять основу собственно определительных конструкций с определяемым словом — существительным, обозначающим временной период, и относительным словом *когда*, присоединяющим определительное придаточное предложение (употребление указательного местоимения при существительном не является здесь конструктивно обязательным). В этом процессе — сложном, развивавшемся в разных своих частях неравномерно и не поддающемся четкой хронологизации — нужно выделить два основных взаимодействовавших между собой явления: 1) превращение слов *время* и *пора* в полузнаменательные компоненты союзных сочетаний; следствием и в то же время условием их «делексикализации» было, в частности, устранение определяющего их местоимения *самый* (и, разумеется, определений, выраженных прилагательными); 2) стабилизацию форм союзных сочетаний *в то время как, с тех пор как, до тех пор пока* (*не*). Окончательное утверждение в первых двух из названных союзных сочетаний союза *как* было связано с устранением параллелизма (или взаимозаменяемости) союзов (или относительных слов) *как* и *когда*, с уходом одиночного *как* и окончательным закреплением *когда* (см. об этом § 41). Утверждение же союза *пока* (*не*) в сочетании *до тех пор пока* (*не*) явилось следствием, с одной стороны, закрепления за союзом *пока* (*не*) значения временного предела (см. выше, § 40) и, с другой стороны, архаизации союзов *доколе, поколе* и стилистического ограничения союзов *покуда* и *покамест* (см. § 34—37). Для функционирования названных сочетаний именно в качестве союзных сочетаний, оформляющих временны́е подчинительные конструкции, определенное значение имели также как формы числа «лексических» компонентов этих сочетаний, так и их предложно-падежные формы.

Проиллюстрируем несколькими примерами отдельные стороны охарактеризованного здесь процесса отмежевания временны́х подчинительных конструкций от соотносительных с ними конструкций определительно-временных.

1. В отношении «союзного» (т. е. абстрагированно-временного) или «вещественного» (т. е. определительно-временного) значения сочетания *в то время как* показательно, например, что у тех авторов, у которых союз *как* задержался в качестве самостоятельного временного союза, функционально и стилистически равнозначного союзу *когда* (см. § 42), конструкции с этим сочетанием сохраняли определительный характер, который обычно поддерживался интонационной расчлененностью данного сочетания и акцентированием слова *время*. *Как* в соединении с существительным (не терявшим своей лексической знаменательности) выполнял здесь, по существу, функцию относительного слова.

Эта Татьяна Павловна играла странную роль *в то время, как* я застал ее в Петербурге (Дост., Подросток, 1, 2, I); *В то время как* я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет (Л. Толст., Метель, IV); *В то время как* Пьер входил в приемную, курьер, приезжавший из армии, выходил от графа (Л. Толст., В. и м., 3, 3, X) [125].

Конструкции с сочетанием *в то время как* сближались у этих авторов с имевшими в своей основе ту же структурную формулу определительно-временными конструкциями, где определяемым словом было существительное, более конкретно называющее какой-либо период времени.

Но *в ту минуту, как* он стоял у перил и все еще бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги (Дост., Прест. и наказ., 2, II); *В тот день, как* приехать князю Василью, князь Николай Андреич был особенно недоволен и не в духе (Л. Толст., В. и м., 1, 3, III).

2. Относительное слово *когда* на месте *как* в сочетаниях этой модели придавало конструкции определительный характер не только при употреблении в них слов с конкретным значением временного периода, но и при наличии слова *время*.

Мельком он увидел лицо Соломона, и как раз *в тот момент, когда* оно было обращено к нему в три четверти и *когда* тень от его длинного носа пересекла всю левую щеку (Чех., Степь, III) [126] и: Одному слово это не любо потому, что о нем

---

[125] Примеры подобного употребления Л. Толстым конструкций с сочетанием *в то время как* см. в работе М. С. Буниной «Из наблюдений над сложными предложениями, соединенными составными союзами, в совр. русск. лит. языке» («Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. XXXIII, вып. 3. М., 1954, стр. 85—86). Гоголь, для которого временные союзы *как* и *когда* были функционально равнозначны, предпочитал, напротив, сочетание *в то время когда*, например: «Но интереснее всего казались для меня старички *в то время, когда* бывали у них гости» (Старосв. помещ.). Примеры подобных конструкций см. в указ. соч. Т. Н. Мревлишвили, стр. 160—163.

[126] Показательно, что предложение: «Мы бросились вперед *в тот момент, когда* мимо проходил эшелон» (Вершигора, Люди с чист. сов.) В. Н. Миги-

не слышно было *в то время, когда* он был молод и еще как-нибудь и смог бы понять его (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); *В то время, когда* Онегин переодевается, Пушкин превращает в поэтические предметы те гребенки, пилочки, ножницы и щетки, которые украшают кабинет «философа в осьмнадцать лет» (Писарев, Пушк. и Белинск., Евг. Онегин, 1); И *в то время, когда* я ожидал обычного ответа... две крупных слезы затуманили эти пристальные, широко открытые глаза (Гл. Усп., Очерки переходн. вр., Заячья совесть, II); Он познакомился с Леночкой *в то время, когда* им не исполнилось еще и по одиннадцати лет (Купр., Леночка).

В следующих примерах налицо собственно определительные конструкции, в которых придаточная часть, вводимая относительным словом *когда*, распространяет обозначающее временной отрезок существительное (в формах винит. и родит. пад.), которое, в свою очередь, имеет при себе определение в пределах главной части конструкции:

Это случилось *в то самое утро, когда* Лапша, провожая за околицу дедушку Василья, встретил посланного из города (Григорович, Переселенцы, 1, VIII); С утра, *с самой той минуты, когда* она, вся похолодев от ужаса, прочла записку Лаврецкого, Лиза готовилась к встрече с его женою (Тург., Двор. гнездо, XXXIX); Было темно, и дьякон *в первые минуты, когда* пошел по улице, не видел даже своей белой палки (Чех., Дуэль, XVIII).

Таким образом, если в период функционального сосуществования относительных слов *как* и *когда* подчинительные конструкции с частями, связанными сочетаниями *в то время как* и *в то время когда*, могли иметь как собственно временное, так и определительно-временное значение (см. § 5), то с утратой одиночного временного союза *как* был утрачен и параллелизм названных сочетаний — за исключением, разумеется, отмеченных выше случаев индивидуального пристрастия отдельных авторов к этому союзу (см. § 42). Конструкции с сочетанием *в то время когда* функционировали в дальнейшем как определительно-временные, а конструкции с *в то время как* в течение некоторого периода употреблялись как временные, а позже за ними закрепилось в качестве основного значение сопоставительно-временное (см. § 63).

3. Утверждение союзных сочетаний *в то время как, с тех пор как, до тех пор пока* в качестве синтаксических средств оформле-

---

рин склонен рассматривать как определительную конструкцию, хотя подобного рода случаи он, согласно своей теории, относит к случаям «перерождения придаточного определительного в придаточное времени» (см.: В. Н. Мигирин. Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке. Докт. дисс. Симферополь, 1954, стр. 292, машинопись).

ния временных конструкций, как упоминалось выше, было также связано с устранением из этих сочетаний определений при словах *время* и *пора*. Определения при этих словах — чаще всего местоимение *самый*, а также прилагательные — находим либо в текстах начала XIX в., когда еще не был закончен процесс грамматикализации сочетаний с этими словами (примеры см. в § 5), либо в случаях нарочитого подчеркивания временно́го значения этих слов.

Характерно, например, что Достоевский, в языке которого «задержался» временной союз *как* (см. § 42), в конструкциях с сочетанием, включающим слово *время* и союз *как* (а не *когда*), часто усиливает лексическую значимость существительного *время* при помощи определений или выделительных частиц, и вся конструкция в силу этого носит определительно-временно́й характер:

Но относительно главнейшего, капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, *даже в то еще время, как* он читал письмо (Прест. и наказ., 1, IV); *В то самое время, как* князь подходил к дому, туча вдруг развернулась и пролилась (Идиот, 2, V) [127].

В этом как бы игнорировании синтаксической замкнутости сочетания *в то время как*, в «этимологизации» слова *время* проявилась, в частности, свойственная индивидуальному писательскому почерку Достоевского черта — оживлять стершийся смысл слов в подвергшихся (или подвергающихся) фразеологизации выражениях. Конструкции с сочетаниями типа *(вще) в то (самое) время, как* (вместе с рассмотренными выше конструкциями, включающими сочетание *в то время, как* — без определений или усилительных частиц при слове *время*) в языке Достоевского были соотносительны не с временны́ми, а с определительными конструкциями, в которых *как* — в функции относительного слова — прикреплялся к существительному главной части, обозначающему какой-либо конкретный отрезок времени:

Она заболела *с того самого дня, как* мы пришли с ней тогда к старикам (Униж. и оскорбл., Эпилог); Она еще не знала, выходя из церкви, что должна будет сделать с святыней, *до самого того момента, как* он велел принести ружье (Дневн. писателя за 1873 г. Влас); И к чему я влюбился в него, раз навсегда, *в ту маленькую минутку, как* увидел его когда-то, бывши ребенком? (Подросток, 1, 4, III); Я тоже был больной, тоже в лихорадке, *с той минуты, как* вошел к нему (Там же, 3, 1, III).

Подобного рода структуры определительного типа с относительным словом *как* встречались, разумеется, и у других авторов — современников Достоевского:

Появится новая пьеска — понравится публике и шумит около полугода времени, *до той самой минуты, как* совсем забудется (Белинск., Александринский театр); *В то самое время, как* мои бывшие спутники близки были к гибели, я в течение четырех месяцев проезжал десять тысяч верст по Сибири (Гонч., Фр. «Пал.», Через двадцать лет); *С той самой минуты, как* я увидел ее в первый раз... с той роковой минуты я принадлежал ей весь (Тург., Переписка, XVI); *В ту же минуту, как* из глаз моих скрылись офицеры... я заметил невдалеке одного моего товарища (Леск., Печерск. антики, 26); *В то самое мгновение, как* две важного вида дамы подвигались вперед, на пороге дверей еще появилась одна женщина (Леск., Интересн. мужч., 16).

---

[127] Ср. у Достоевского же определительно-обстоятельственную функцию сочетания *все время, как* уже в простом предложении: Почти *все время, как* читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез (Прест. и наказ., 1, Ш); *Во все время, как* я у ней был вчера, я почему-то был как сбитый с толку (Подросток, 2, 4, 1).

В общелитературном языке второй половины XIX и XX вв., поскольку сочетание *в то время как* выступало уже, как правило, в собственно союзной функции, а при необходимости сохранить полнозначность слова *время* и «определить» его к нему прикреплялось относительное слово *когда*, вводящее придаточное предложение,— сочетание *в то время, когда* в определительно-временной конструкции свободно допускало определения или выделительные частицы при слове *время*:

Вечером, *в самое то время, когда* стадо гонят, приехали на господский двор (Леск., Печерск. антики, 13); Случилось с ним это приключение *в то самое время, когда* он, после посещения его высокородия, стоял посреди пожарного двора (С.-Щ., Губ. оч., Прошл. времена, Неприятн. посещение); *Как раз в то самое время, когда* проезжали мимо женского монастыря, раздался удар большого тысячепудового колокола (Чех., Володя большой и Володя маленький); *Но как раз в то время, когда* он катился по лестнице, вошла Варенька (Чех., Чел. в футляре).

Ср. определительный характер сочетания... *время, когда* в конструкциях, структурная основа которых не соотносительна с рассматриваемыми здесь сочетаниями *в то время как — в то время когда.*

Было послеобеденное время, именно *то самое время, когда* на улице бывает довольно много народу (Григорович, Переселенцы, 1, X); В малорослом сером человеке... разговаривающем с мужиком *в такое время, когда* все порядочные люди спят, трудно было узнать таинственного, неуловимого Варламова (Чех., Степь, VI).

В сочетания со словом *пора — с тех пор как* и *до тех пор пока*, союзная функция которых, независимо от их места в предложении и от степени их интонационной расчлененности, имела более давнюю и более крепкую традицию, определяющие слова, как правило, не допускались.

С тех пор как он узнал вас, он забыл все святые обязанности свои (Лажечн., Лед. дом, 4, 1); Вот почему иной поэт только *до тех пор* и действует могущественно, дает новое направление целой литературе, *пока* просто, инстинктивно, бессознательно следует внушению своего таланта (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); Слишком много черного было со мною *с тех пор, как* мы не видались (Герц., Б. и д., 6, LIX); Он стал часто посещать Осининых *с тех пор, как* влюбился в их старшую дочь (Тург., Дым, VII); *С тех пор, как* только появились памятники русской речи, видим мы напротив в них язык совершенно взятый из уст народа (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II); Юноши принимались и терпелись старцами только *до тех пор, пока* почтительно и с одушевлением читали их сочинения (Доброл., Лит. деятели

прошл. врем. Е. Колбасина); Сердце любит *до тех пор, пока* не истратит своих сил (Гонч., Обыкн. ист., 1, VI); [К а б а н о в а] *С тех пор как* женился, я уж от тебя прежней любви не вижу (Остр., Гроза, I, 5); Все время сидел дома, *с тех пор как* развели мост (А. Бородин, п. К. С. Бородиной, 10 ноября 1869). (Примеры употребления сочетаний *с тех пор, как, до тех пор, пока* (*не*) см. также в § 5.)

Заметим, что Достоевский, например, который, как было показано выше, избегал употреблять сочетание *в то время как* в его грамматикализованной функции, свободно употребляет сочетания *с тех пор как* и *до тех пор пока (не)* в качестве союзных сочетаний в собственно временных конструкциях.

Иногда больной злоупотреблял мягкосердием лекаря и продолжал лежать *до тех пор, пока* его не выгоняли силой (Зап. из М. дома, 2, I); Увидал синенький батистовый платочек ее, он так и лежал *с тех пор, как* я его тогда сунул (Подросток, 2, 9, II); Остановился и с насмешливым видом проследил сынка глазами на лестницу в мезонин, *до тех пор пока* тот скрылся из виду (Бр. К., 5, VII).

Но и эти сочетания очень часто «размыкаются» у Достоевского вставкой местоимения *самый,* в силу чего собственно союзный их характер нарушается и соответствующие конструкции перестают быть чисто временными.

Набросился... на несчастную «пышную даму», смотревшую на него, *с тех самых пор, как* он вошел, с преглупейшею улыбкой (Прест. и наказ., 2, I); Ведь она дала мне полную свободу решенья *до тех самых пор, пока* не решит дела сама (Идиот, 1, III).

Ср. также употребление *как* вместо соответствующего литературной норме *пока* в сочетании с «зачином» *до тех пор* (здесь же — и менее обычное для второй половины XIX в. взаимоположение местоимений *тех* и *самых*):

Несколько раз в утро подходила на нее смотреть, *до самых тех пор, как* воротился отец (Дневн. писателя за 1873 г. Среда).

Сочетания типа *с тех самых пор, до тех самых пор* находим и у других писателей второй половины XIX в.

Этого с ним лет с пять не случалось, *с тех самых пор, как,* прослышав про сгоревшие на Волге, под Свияжском, барки, долго находился он в неизвестности (М.-Печ., В лесах, 1, 7).

4. Грамматическим фактором, способствовавшим закреплению сочетаний со словом *пора* в качестве союзных, было утверждение формы родит. пад. мн. ч. этого слова как формы с более абстрагированным лексическим значением (см. примеры, приведенные в п. 3). Употреблением формы ед. ч. слова *пора* в рассматриваемых здесь типах сочетаний, так же, как и включением в них определений, достигается усиление лексической знаменательности слова *пора* и, соответственно, выражение данной конструкцией определительных отношений.

Ср., например, конструкции, включающие сочетание *с тех пор как* и сочетание *с той поры как* у Тургенева:

Заметно поседел *с тех пор, как* мы расстались с ним (Рудин, XII); Я делал, что хотел, особенно *с тех пор, как* я расстался с последним моим гувернером-французом (Перв. любовь, I); Мне не тяжело здесь, *с тех пор как* я сблизился с

вами (Новь, I, XV) и: Светлая полоса в вашей жизни началась *с той поры, как* мы расстались (Дым, XIII).

Сохранение за словом *пора* его лексического смысла в союзном по своей форме сочетании характерно, по-видимому, для М. Горького.

И *с той поры, как* он поднял колокол, он стал еще более горд (Колокол); Коротенькое, царапающее словечко — царь — не вызывало у него никаких представлений, *до той поры, пока* Мария Романовна *не* сказала другое слово: — Вампир (Жизнь Кл. Самг., 1, 1); Он говорил о музыке *до поры, пока* адвокат Маков *не* прервал его (Там же) [128].

При форме ед. ч. слова *пора* наличие определений в этих сочетаниях оказывается вполне естественным.

С той самой поры, как в солдаты взяли, ни слуху, ни духу (Григорович, Антон Горемыка, II) [129]; *С той самой поры, как* австрийцы дали французам время прийти на помощь сардинцам, было ясно, что... (Черн., «Современник», 1859, № 6); Не замечаю в себе никакой умственной или нравственной перемены *с той давней поры, как* ты видывал меня лично (Черн., п. А. Н. Пыпину, 28 окт. 1883).

Эти и подобные отмеченные выше индивидуальные отклонения при использовании уже сложившихся в языке устойчивых моделей союзных сочетаний хорошо иллюстрируют гибкость и потенциальное богатство синтаксических средств развитого литературного языка.

§ 62. Сочетания *в то время как, с тех пор как, до тех пор пока (не)*, синтаксически обособившись от близких им по семантике и строению сочетаний определительного характера, в течение второй половины XIX в. вошли в систему следующих, ранее (а в некоторых случаях — одновременно) подвергшихся грамматикализации союзных сочетаний, скрепленных союзом *как* и дифференцированно оформлявших разные оттенки временных отношений (а также отношения сопоставительные, развившиеся на базе временных): *перед тем как, после того как, между тем как, тогда как, по мере того как.* Могут быть сделаны лишь отдельные замечания о судьбе конструкций с названными сочетаниями в XIX в.

Не претерпели структурных изменений временные конструкции с сочетанием *перед тем как*, в которых главная часть назы-

---

[128] См. также пример сочетания *до поры пока* у Горького, приведенный М. М. Михайловым (указ. дисс., стр. 94).

[129] Ср. у Григоровича же (и тоже в речи персонажа) сочетание *с той поры* в функции обстоятельства, где слово *пора* в форме ед. ч. имеет бóльшую лексическую знаменательность, чем при употреблении его в составе союзных сочетаний: Летом еще осталось получить с тебя за помол, а ты *с той поры* и глаз не кажешь (Антон Горемыка, III).

вает действие, предшествующее действию, названному в придаточной части (см. выше, § 6).

Раскаяние, нестерпимые угрызения совести заставили ее, наконец, открыть все *перед тем, как* она решилась прекратить недостойную жизнь (Лажечн., Лед. дом, 4, 9); — Что ж вы не танцуете, господа? — спросил он *перед тем, как* выходить из комнаты (Л. Толст., Два гусара, IV).

Однако и здесь, так же как и в случаях, рассмотренных в предыдущем параграфе, возможно было употребление свободного сочетания слов, соотносительного с союзным сочетанием:

Он принес ее поутру, *перед самым тем временем, как* нужно было идти в департамент (Гоголь, Шинель).

Относительная синтаксическая свобода сохранялась и за союзным сочетанием *после того как*, оформлявшим обратное временное соотношение, при котором в главной части говорится о действии, следующем за действием, названным в придаточной части. Прикрепление к союзному сочетанию наречий, обстоятельственных выражений или выделительных частиц и расчлененность в этих случаях союзного сочетания способствовали дополнительному уточнению выражаемого соответствующей конструкцией временного соотношения:

Против слепого поклонения французам ратовал еще Грибоедов, *уже гораздо после того, как* мы брали Париж (Доброл., Русск. сатира); *Тотчас после того, как* написана повесть или комедия, перечитывать ее почти бесполезно (Черн., Соч. Пушк., 2); В Модене *немедленно после того, как* узнали о мире, решено было составить корпус национальной гвардии (Черн., Из «Современника» № 8, 1859); *Дня через три после того, как* он, выздоровевши, стал опять ходить в больницы, с ним произошло новое недоразумение (Чех., Попрыгунья, II); *По утрам, через час после того, как* уходила жена, из флигеля шел к воротам Спивак (М. Г., Жизнь Кл. Самг., 2).

В случаях отсутствия при сочетании *после того как* дополнительных уточняющих средств, а также при его интонационной нерасчлененности и абсолютной постпозиции придаточной части, свойственное данной конструкции временное соотношение выражается более абстрагированно, ср.:

После того, как рассорился со всеми, он не заглядывал к нам (Гоголь, Вечера на хуторе близ Диканьки, Предисл.) и: Никогда не бывал на ее могиле, *после того как* засыпали гроб (Дост., Бр. К., 1, IV).

Редким уже в первой половине XIX в. был в данном сочетании союз *когда* на месте *как:*

Селифан был во всю дорогу суров и с тем вместе очень внимателен к своему делу, что случалося с ним всегда *после*

того, когда либо в чем провинился, либо был пьян (Гоголь, М. д., 1, III).

По структуре и по синтаксическому значению — одновременности названных в главной и в придаточной части действий,— а также по своей исторической судьбе были сходны между собой конструкции с союзными сочетаниями *между тем как* и *тогда как*. Эти конструкции были близки, в свою очередь, к конструкциям с сочетанием *в то время как*. По сравнению с этим последним, союзные сочетания *между тем как* и *тогда как* были более «старыми» (их образование относят к XVII в.[130]) и в силу этого, а также из-за отсутствия в их составе лексически полнозначного слова[131] — более формализованными: их компоненты не разъединялись[132] и не допускали, как правило, присоединения к ним каких-либо усиливающих их семантику полнозначных слов или частиц; этой своей интонационной слитностью и синтаксической замкнутостью они отличались также от сочетаний *перед тем как* и *после того как*.

Развитие у временных конструкций с союзными сочетаниями в то время как, тогда как, между тем как сопоставительных, сопоставительно-противительных и сопоставительно-уступительных значений

§ 63. Конструкции с союзными сочетаниями *в то время как* и *между тем как* продолжали еще в течение всей первой половины XIX в. функционировать во временном значении, при этом сочетание *между тем когда* — вариант сочетания *между тем как* — постепенно вытеснялось этим последним (в соответствии с общей тенденцией к закреплению *как* на месте *когда* в сочетаниях этого типа). Однако уже в начале XIX в., как было отме-

---

[130] См.: Э. И. Коротаева. Автореф. докт. дисс., стр. 23, 27; М. С. Бунина. Из наблюдений над сложными предложениями, соединенными составными союзами, в совр. русск. лит. языке, стр. 84.

[131] Ср. однако употребление редкого для середины XIX в. сочетания *между тем временем* в функции обстоятельства в реплике Ивана Матвеевича в романе Гончарова «Обломов»: Пожили бы там, послужили бы в уездном суде, узнали бы *между тем временем* и хозяйство (ч. 3, гл. IX.). У Пушкина в этой функции находим только сочетание *между тем*.

[132] На случаи расчлененного употребления сочетания *в то время как (в то время... как)* в языке XVII в. указывает, в частности, М. С. Бунина (указ. статья, стр. 84—85); сочетания *тогда как* и *между тем как* могли — не размыкаясь — быть расчленены интонационно, например: И *между тем, как* наша красавица вздыхала и томилась, год перевернулся на оси своей (Карамз., Нат. боярск. дочь). См. также § 4. Ср. еще: В именах женокого рода в церковнославянском языке решительно является в том же падеже окончание *ами* или *ми, тогда, как* в русском языке встречается и здесь то же одинаковое окончание с именительным падежом (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II).

чено выше (см. § 4), и еще значительно раньше находим случаи выражения этими конструкциями сопоставительных, сопоставительно-противительных или сопоставительно-уступительных отношений. Эти значения в дальнейшем полностью заслонили исходное для данных конструкций значение «чистой» одновременности. Сказанное еще в большей степени относится к конструкциям с *тогда как*; употребление их во временном значении было редким уже в начале XIX в. (см. § 4). За этими конструкциями в качестве основного закрепилось значение сопоставленности или противопоставленности действий, состояний, явлений. Вот характерные примеры:

Врагу стеснительных условий и оков, Не трудно было мне отвыкнуть от пиров, Где праздный ум блестит, *тогда как* сердце дремлет, И правду пылкую приличий хлад объемлет (Пушк., Чедаеву); Одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрезал и бросил,— *тогда как* другая шевелилась и жила к услугам каждого (Лерм., Кн. Мери, 11 июня); К военной службе Василий Иванович имел мало наклонности, *тогда как* совершенная праздность вполне согласовалась с его способностями и привычками (В. Соллог., Тарантас, XV); Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, *тогда как* коренной гнедой... трудился от всего сердца (Гоголь, М. д., 1, III); Награждены медалями стихотворцы-крестьяне Слепушкин, Суханов и Алипанов, а не награжден поэт-мещанин Кольцов — это, вероятно, потому что последнего может наградить публика, *тогда как* первые никак не могут положиться на ее внимание (Белинск., Тр. имп. Росс. Акад.); Но отчего же, скажут, называть это пафосом, а не страстью? — Оттого, что слово «страсть» заключает в себе понятие более чувственное, *тогда* как слово пафос заключает в себе понятие более нравственное (Белинск., Соч. Пушк., 5); Вообще характер нового искусства — перевес важности содержания над важностью формы, *тогда как* характер древнего искусства — равновесие содержания и формы (Белинск., Вгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); Для кучера места нет: он что есть мочи бежит рядом, держа лошадь за узду, *тогда как*, по этой нестерпимой жаре, европеец едва сидит в карете (Гонч., Фр. «Пал.», I, 6); Он был пристрастен к ним и видел в них великие таланты, *тогда как* они имели от природы мало дарований (Акс., Лит. и театр. воспом., 1826); Поэзия есть искусство в слове, понимаемое само в себе, *тогда как* литература есть совокупность самих отдельных произведений, в их исторической связи (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры); Сардинка, будучи приготовлена на масле, имеет вкус пресный и потому скоро приедается, *тогда как* килька, сдобренная перцем и лавровым листом,— никогда! (С.-Щ.,

В среде умеренности и аккуратности, II, 2); Говорил с нами не слезая с дрожек, на которых сидел в щеголеватом новом платье, с тросточкою в руках,— *тогда как* мы толпились вокруг него все запыленные и в истасканных дорожных куртках (Леск., Детск. годы, 5); Давеча я впопыхах обратила только внимание на главное дело, *тогда как* все эти мелочи, мелочи и составляют, так сказать, настоящий сок! (Дост., Дядюшк. сон, III); В состоянии ли, например, она не только полюбить другого мужчину,— но, боже мой! — даже подумать о другом, кроме него, *тогда как* он, может быть, в ту минуту, счастлив с другою (Писемск., Тюфяк, XIV); Бросил работу, как глупое желание отомстить, *тогда как* мстить некому (Л. Толст., п. А. А. Толстой, 19 сент. 1872); Пригласить его самому письмом будет значить, что роль царя Берендея я прямо назначаю ему, *тогда как* я на это не могу решиться, не посоветовавшись с Бегичевым (Остр., п. М. П. Садовскому, 11 апр. 1873); Ежели это легенда, то она говорит еще гораздо более, нежели историческое событие, которое могло бы быть не более как случайностью, *тогда как* легенда служит выражением того, как по понятиям русского народа должен был произойти переход от язычества к христианству (Н. Данилевск., Россия и Европа, 8).

На сопоставительно-противительные отношения легко наслаивался оттенок уступительности. В результате этого семантического сдвига союзное сочетание *тогда как* включалось, по существу, в систему уступительных союзов. Противительно-уступительные конструкции с *тогда как* получили в XIX в. широкое распространение.

Разве ты не видишь, что еще и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, *тогда как* в ней нет и тени сатиры и личности (Гоголь, п. С. П. Шевыреву, 28 февр. 1843); Не знаем, почему, но только эти статьи в полном собрании сочинений Марлинского названы полемическими, *тогда как* в них нет и тени полемики (Белинск., Полн. собр. соч. А. Марл.); Воображал, что у него огромный поэтический талант, *тогда как* у него не было никакого (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 2); В грамоте употреблено ошибкою: послаше; — послаше Новъгородъ, *тогда как* надобно: посла, если в единственном, в множественном же: послаша (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II); Мне совестно вспомнить, каким громким, пронзительным, даже немного отчаянным голосом я закричал еще раз: «ямщик!», *тогда как* он был в двух шагах от меня (Л. Толст., Метель, II); И как хорошо сами дети подмечают, что отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, *тогда как* они все понимают (Дост., Идиот, 1, IV); Я никак не ожидал от мамы, что она расскажет вам про эти деньги, *тогда как* я так просил ее

(Дост., Подросток, 1, 6, II); Они меня же вором считают, *тогда как* меня же здесь сейчас обокрали! (Там же, 2, 8, VI); Сажусь теперь за работу, *тогда как* в голове туман и несомненно жду припадка (Дост., п. С. А. Ивановой, 18 июля 1871).

В случаях оформления постпозитивной главной части как вопросительного предложения, конструкциями с *тогда как* могли передаваться еще более сложные отношения — условно-уступительные.

И напрасно старались разгадать, каким образом может угаснуть дарованье в человеке, *тогда как* он только что достигнул еще полного развития сил своих (Гоголь, Портрет, I).

Выше было отмечено, что конструкции с союзным сочетанием *между тем как* в течение первой половины XIX в. могли еще употребляться во временном значении: они были синонимичны тем конструкциям с союзом *пока*, которые выражали значение ограниченности осуществления одного действия периодом протекания другого действия. Однако для конструкций с *между тем как*, в отличие от конструкций с союзом *пока*, характерным было значение временной сопоставленности действий, связанных соотношением одновременности.

Между тем как я рассматривал юную музыкантшу, рука моя невольно поправляла галстук (Н. Павл., Именины); *Между тем, как* она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания (Гоголь, Т. Б., I); И, *между тем, как* чередой Глушит волнами их седыми, Я плачу, я томим тоской, Я умереть желаю с ними (Лерм.,***).

Наличие внутренней близости между значением одновременности и значением сопоставленности (или противопоставленности) подтверждается, в частности, обычным для первой половины XIX в. параллелизмом употребления сочетания *между тем*, с одной стороны, в собственно временно́й функции обстоятельства времени и, с другой стороны, при передаче сопоставительно-противительного отношения, когда это сочетание, объединяясь с противительным союзом *а*, вводит в конструкцию либо однородное сказуемое, либо вторую часть сложносочиненного предложения. Ср. у Пушкина:

Марья Ивановна села в угол и стала шить. *Между тем* подали щи (К. д., III) и: Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; *а между тем* требовали от нее, чтоб она одета была, как и все, то есть, как очень немногие (Пиков. дама, II).

В течение всей первой половины XIX в. и даже несколько дольше подчинительные конструкции с союзным сочетанием *между тем как* передавали и собственно временно́е соотношение, осложненное оттенком сопоставленности, и сопоставительно-

противительное, а также противительно-уступительное значения, оттеснявшие на второй план временно́е соотношение. Те и другие конструкции встречались у одного и того же автора. Вот примеры употребления конструкций с союзным сочетанием *между тем как* у Лажечникова, Пушкина, Тургенева.

Временные конструкции:

Между тем как он далеко Бьется долго и жестоко, Наступает срок родин (Пушк., Ск. о ц. Салтане); *Между тем как* я по-видимому со вниманием вслушивался ⟨в⟩ генеалогические исслед⟨ования⟩ доброй Каролины Ивановны, я украдкою посматривал на ее милую дочь (Пушк., ⟨В 179* году возвращался я...⟩); Наконец одна некрасивая девица, по приказанию своей матери, со слезами на глазах написала несколько строк по-итальянски и, покраснев по уши, отдала их импровизатору, *между тем как* дамы смотрели на нее молча, с едва заметной усмешкою (Пушк., Егип. ночи, III); *Между тем как* эти слова приводились в исполнение, сани въехали на Неву и стали шагах в пятидесяти от конюхов (Лажечн., Лед. дом, 1, 9); Торговались до изнеможения, сто раз сряду хлопали друг друга по рукам, настаивая каждый на своей цене, *между тем как* предмет их спора, дрянная лошаденка, покрытая покоробленной рогожей, только что глазами помаргивала, как будто дело шло не о ней (Тург., Лебедянь); Герасим остался неподвижным, скрестив могучие руки у Муму на спине, *между тем как* лодку волной относило помаленьку назад к берегу (Тург., Муму);— Благодетельница! — воскликнул Василий Иванович и, схватив ее руку, судорожно прижал ее к своим губам, *между тем как* привезенный Анной Сергеевной доктор... вылезал не торопясь из кареты (Тург., Отцы и дети, XXVII).

Сопоставительно-противительные и противительно-уступительные конструкции:

«Каким же образом,— возразил мой допросчик,— дворянин и офицер один пощажен самозванцем, *между тем как* все его товарищи злодейски умерщвлены?» (Пушк., К. д., XIV); Многое должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, *между тем как* мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения (Пушк., Роман в п., 1); Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, *между тем как* повести и романы читаются всеми и везде? (Пушк., Письмо к издателю); Он внутренно мирился на несколько мгновений с Бироном, называя его молчание насчет рокового вечера благородным поступком, *между тем как* этот поступок был только дело холодного, утонченного расчета (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); Выступает бойко, смеется звонко, позвякивает шпорами, крутит усы, наконец называет себя старым кавалеристом, *между тем как*

известно, что настоящие старики никогда себя не называют стариками (Тург., Два помещика); С тайным удивлением заметил, что он как будто сконфузился, *между тем как* Одинцова оставалась совершенно спокойною, по-вчерашнему (Тург., Отцы и дети, XV); «Довольно»,— говорил я самому себе, *между тем как* ноги мои, нехотя переступая по крутому скату горы, несли меня вниз, к тихой речке (Тург., Довольно, III).

Вот еще характерные случаи употребления в XIX в. конструкций с союзным сочетанием *между тем как* в сопоставительно-противительном, а также в уступительно-противительном значении:

Между тем как он считал себя единственным предметом ее внимания, княгиня уделяла свои взгляды и другим, особенно одному стройному адъютанту (Н. Павл., Аукцион); Итак, два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собой!.. Не захотели видеть друг друга, прервали все связи, *между тем как* прежде были известны за самых неразлучных друзей (Гоголь, Пов. о том, как поссорился.., III); Он был трижды романтик — по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни, *между тем как* и одной из этих причин достаточно, чтоб сбить с толку порядочного человека (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 2); Братец пришли к нему и объявили, что ему, Илье Ильичу, легче будет начать уплату немедленно из дохода; что года в три претензия будет покрыта, *между тем как* с наступлением срока, когда документ будет подан ко взысканию, деревня должна будет поступить в публичную продажу (Гонч., Обл., 4, V); *Между тем, как* науки объективные исходят от данных видимого мира... и постепенною группировкою восходят к более общим и простым началам,— точкою отправления наук субъективных служат именно простейшие начала (Н. Данилевск., Россия и Европа, 6); *Между тем как* петровская реформа требовала упрощения крепостного права, реформа Александра II предлагала его отмену (Плех., Пессимизм П. Я. Чаадаева).

Семантическое развитие подчинительных конструкций, оформленных стабилизовавшимся в качестве временно́го союза сочетанием *в то время как*, было в общих своих чертах тем же, что и развитие конструкций с сочетанием *между тем как*: постепенно выражение сопоставительных отношений стало основной их функцией. Однако вследствие прозрачности семантики компонента этого союзного сочетания — слова *время*, временно́й смысл конструкций с этим сочетанием был более устойчивым, чем в рассмотренных выше конструкциях с сочетаниями *тогда как* и *между тем как*. Собственно временно́е значение сочетания *в то время как* особенно ярко выступает в случаях, когда его

синтаксическая функция оказывается близкой к функции обстоятельства времени — например, если «придаточная» часть, вводимая этим сочетанием, имеет значение временного ориентира по отношению к содержанию «главной» части, или если «придаточная» часть присоединяется к обстоятельству времени, уточняя его:

В то время, как я познакомился с ним, ему было уже лет тридцать (С.-Щ., Губ. оч., Влад. Конст. Буеракин); На третий день после этой сцены, *в то время как* я только что подходил сзади к полубарскому выселку, мне навстречу подвигались две женские фигуры (Златовратск., Золот. сердца, 6); *В то время, как* получилось ваше первое письмо,— у меня как раз была больна девочка (Корол., п. Н. К. Михайловскому, сент. 1892).

В следующем примере временной смысл сочетания *в то время как* специально подчеркивается последующим вычленением слова *время* — благодаря повторению его в составе другого словосочетания:

И *в то время, как* он, запыленный, закоптелый, в саже, облитый водою, стоял почти перед самым пламенем...,— *в это самое время* с обеда председателя казенной палаты, а потому порядком навеселе, приехал тоже на пожар статский советник Опенкин (Писемск., Тыс. душ, 4, XIII).

Ср. также случаи параллельного, однозначного употребления в одном и том же контексте конструкций с союзным сочетанием *в то время как* и временных конструкций с союзами *когда* и *пока*:

В то время, как на литературу сыпятся обвинения в революционных замыслах, *когда* против нее раздаются вопли Паниных, Чевкиных и так далее, я уже успел склонить Комитет к признанию, что это ложь (Никитенко, Дневн., 9 марта 1859); *В то время как* я терял голову и не знал, что делать, *пока* я ждал с малодушной слабостью случайной перемены от времени, от обстоятельств, время и обстоятельства еще больше усложнили положение (Герц., Б и д., 3, XXI).

Конструкциям с союзными сочетаниями *тогда как* и *между тем как*, лишенными лексически полнозначных компонентов, такое употребление не было свойственно.

Вместе с тем в XIX в. функционировали временные подчинительные конструкции с частями, связанными союзным сочетанием *в то время как*, синонимичные временным конструкциям *с между тем как*: ими передавалось соотношение одновременности двух или нескольких самостоятельных действий, сопровождаемое обычно оттенком сопоставленности. Временной смысл этих конструкций был, естественно, более ярким, чем в конструкциях с сочетанием *между тем как*. Союзное сочетание *в то время как* допускало интонационное расчленение, и в этих

случаях слово *время* несло на себе логический акцент. Вот характерные примеры:

Я уж дрался за честь моей родины *в то время, как* вы были еще в пеленках (Загоск., Росл., 3, IV); *В то время, как* они веселились и опоражнивали стаканы с пуншем, он подсел к двум заслуженным ротмистрам (Там же, IX); Да что ж за нелегкая угораздила его завалиться между гряд *в то время, как* другие дрались? (Загоск., Ю. М., 1, IV); Ты знаешь, как хорошо умел я оценить покойную Любовь Александровну *в то время, как* узнал ее (Белинск., п. В. Боткину, 16 дек. 1839); Слезши с козел, он стал перед бричкою, подперся в бока обеими руками, *в то время как* барин барахтался в грязи, силясь оттуды вылезть (Гоголь, М. д., 1, III); *В то время как* один из его товарищей расстилает на мостовой тощий ковер, служащий ему ареною, гаёр гордо посматривает на толпу (Григорович, Пб. шарманщ., V); *В то время, как* они соображали, думали, гадали и писали, в Парашине уже все было решено (С. Акс., Сем. хрон., Мих. Макс. Куролесов); Прежние умные люди большею частью уже не существовали *в то время, как* эти потребности приходили в силу (Доброл., Лит. мелочи прошл. года); *В то время, как* я уезжал в Рязань, не было ни слова сказано между ею и Александром Матвеичем; *в то время, как* я принимал свое последнее решение, не было ни слова сказано ни между мною и им, ни между мною и ею (Черн., Что делать?, 4, I); Иногда мне случается подметить ее взор, устремленный на меня *в то время, как* я разговариваю с ее племянниками и племянницами (С.-Щ., Губ. оч., Праздники, «Христос воскрес!»); *В то время как* я был углублен в разрешение этого вопроса, в замке моей темницы повернулся ключ (Л. Толст., Отрочество, XVI); *В то время, как* я входил к Володе, за мной послышались голоса Дубкова и Нехлюдова (Л. Толст., Юность, XIII); Жена приказчика выглядывала из двери, *в то время, как* испуганная девушка с пушками подавала блюдо (Л. Толст., Воскрес., 2, VI); *В то время, как* Нехлюдов вошел в его приемную, Топоров в кабинете своем беседовал с монахиней-игуменьей (Там же, XXVII).

Рядом с конструкциями, в которых сочетание *в то время как* оформляло собственно временное соотношение, употреблялись — иногда одними и теми же авторами — конструкции с тем же сочетанием *в то время как*, в которых временное соотношение служило лишь основой для выражения сопоставительно-противительных или противительно-уступительных соотношений. В конструкциях с этими значениями сочетание *в то время как* было формализованным в большей степени, чем в конструкциях собственно временны́х, оно оказывалось как бы редуцированным — в интонационном и смысловом отношении:

пауза после слова *время*, как правило, отсутствовала, лексическое значение этого слова было явно ослаблено.

Восхваляли мирную жизнь под соломенною кровлею, у светлого ручейка — Ладона, с милою подругою, невинною пастушкою, *в то время как* сами жили в раззолоченных палатах, гуляли в стриженых аллеях, вместо одной пастушки имели по тысяче о в е ч е к (Белинск., Герой н. вр.); Вы говорите о т е о р е т и ч е с к и х п р е д п о л о ж е н и я х, *в то время как* я вам говорю о фактах, о простых фактах (Герц., Б. и д., 6, II); Привыкнув к своему жиденькому хору, он воображал, что ведет его, *в то время как* хор, стоя сзади, направлял его, куда хотел (Там же, VI); Но все же они [французы] могут сказать, что «некоторым образом за человечество кровь проливали», *в то время как* ученые германцы проливали одни чернилы (Там же, VII); *В то время как* у Шацкого экзамены начались с десятого марта, у Карташева они должны были начаться в мае (Гарин-Мих., Студенты, XX); Но *в то время, как* для Гизо эти «имущественные отношения» оставались тайной, которую он напрасно пытался разгадать при помощи размышлений о «человеческой природе», для Маркса эти «условия» не содержат в себе ничего таинственного (Плех., Анархизм и социализм, II); *В то время как* Пушкин смотрел на современный мир широко и жадно раскрытыми глазами, ловя каждое новое явление и усваивая каждую новую мысль,— Гоголь в своей обширной переписке почти не оставил следов подобной любознательности (Корол., Трагедия велик. юмориста, IV).

Выражение именно сопоставительно-противительных и противительно-уступительных отношений, как уже отмечалось выше (см. § 61), стало основной функцией сложноподчиненных предложений, части которых соединялись союзным сочетанием *в то время как* [133] — в отличие от конструкций с частями, связанными сочетанием *в то время когда*, сохранявшими обычно свою временную семантику. Однако о полной утрате сочетанием *в то время как* временного значения нельзя говорить и по отношению к более позднему периоду развития русского литературного языка. Ср., например, употребление Чеховым конструкций с союзным сочетанием *в то время как*, с одной стороны, в сопоставительном и уступительно-противительном и, с другой стороны, в собственно временном значениях:

Почему корсаковцам удается хлебопашество *в то время, как* жители соседних селений терпят крайнюю нужду..., объяс-

---

[133] В Грам. АН СССР (т. II, ч. 2, § 1535—1536, стр. 346—348) предложения с союзом *в то время как* отнесены к сложным предложениям с придаточными сопоставительными.

нить не трудно (О-в Сахалин, I); *В то время, как* в слободке четверть хозяев обходится без пахотной земли, а другая четверть имеет ее очень мало, здесь, в Корсаковке, все хозяева пашут землю и сеют зерновые хлеба (Там же); То, что богатый человек, имеющий взрослых сыновей, быть может, останется навсегда в Риковском *в то время, как* отлично мог бы устроиться где-нибудь на Зее, производит впечатление странного каприза, чудачества (Там же) и: *В то время, как* Егорушка смотрел на сонные лица, неожиданно послышалось тихое пение (Степь, II).

Итак, общим для семантического развития сложных предложений с сочетаниями *тогда как, между тем как, в то время как* было постепенное изменение их функции: вместо значения простой одновременности, они стали выражать более специальные и узкие значения сопоставленности и уступительности. Эти конструкции, таким образом, оказались вовлеченными в сферу действия тенденции к дифференциации синтаксических способов передачи наиболее разнообразных семантических оттенков. Они перестали быть синонимами временных конструкций с союзами *пока* и *когда*, передававших значение одновременности, и, в свою очередь, составили во второй половине XIX в. в системе сложноподчиненных предложений новый синонимический ряд сопоставительно-уступительных конструкций, расширивший возможности стилистического отбора языковых средств. Основной сферой функционирования сопоставительных и сопоставительно-уступительных конструкций с союзными сочетаниями *тогда как, между тем как* и *в то время как* была научная и деловая речь; они свойственны также авторской и монологической речи в произведениях художественной литературы. Выше были кратко охарактеризованы особенности в семантике рассматриваемых конструкций, связанные с употреблением в них того или другого из «сопоставительно-уступительных» союзов. Этими особенностями, в основном, определяется употребление в данном контексте той или иной разновидности этих конструкций. Однако и здесь, как и в других подобных случаях грамматической синонимии, проявляется индивидуальное пристрастие к одной из возможных форм. Так, приведенные выше иллюстрации дают основание заключить, что, например, Белинский и К. Аксаков предпочитали конструкции с *тогда как*, Тургенев — конструкции с *между тем как*, Герцен — конструкции с *в то время как* (в произведениях Л. Толстого, как показывают примеры § 61, стр. 195, конструкции с союзным сочетанием *в то время как* широко употреблялись во временном, а не в сопоставительном значении).

Особенностями структуры конструкций с *тогда как, между тем как, в то время как* противительно-сопоставительного типа были: параллелизм синтаксического строения их частей, а также параллелизм их интонационного оформления; наличие в их со-

ставе лексически сопоставленных или противопоставленных членов предложения. Меньшей структурной организованностью характеризовались конструкции с теми же союзами, имеющие противительно-уступительное значение: для них необязателен был структурный и интонационный параллелизм; вместе с тем для этих конструкций типично было наличие противопоставленных членов предложения, а также анафорических местоимений (во второй части конструкции). Обычной для всех рассматриваемых конструкций была постпозиция придаточной части; для конструкций с *тогда как*, а также для конструкций противительно-уступительного типа постпозиция придаточной части была, очевидно, единственно возможной нормой, сопоставительные же конструкции с *между тем как* и *в то время как* довольно свободно допускали препозицию придаточной части. В соответствии со спецификой выражаемых отношений общей структурной особенностью этих конструкций была относительно слабая степень связанности их частей. Естественно, что наибольшей синтаксической самостоятельностью частей характеризуется основной тип рассматриваемых предложений — конструкции с постпозицией придаточной части. В следующих примерах конструкций с союзным сочетанием *тогда как* связь постпозитивной придаточной части с главной носит присоединительный характер, благодаря глубокой паузе, разделяющей части конструкции.

В умозрительной механике при вычислении силы, действующей в прямой линии, не только не принимается в соображение расстояние от точки сопротивления до точки приложения, но даже постановляется правилом, что расстояние это не изменяет действия, *тогда как* в натуре это не может существовать, потому что всякий предмет, к которому прилагается сила, имеет тяжесть, некоторые и упругость (Н. Жеребцов, О кадастре, Отеч. зап., 1839, т. I); Алешка, кажется, крадет... Я ему сказал про это. *Тогда как* надо было молчать (Л. Толст., Дневн., 18 дек. 1853); Это была та речь, тот язык, который и как язык, вполне выражал определение национальности, в котором находился народ; *тогда как* общее, для него недоступное, выражалось в отвлеченном от него, языке церковнославянском (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры, II).

Осуществившаяся во второй половине XIX в. окончательная стабилизация трех разновидностей противительно-сопоставительных и противительно-уступительных конструкций, развившихся из временных конструкций с общим значением одновременности, была одним из выразительных проявлений характерной для литературного языка тенденции к дифференциации способов выражения синтаксических значений, к закреплению за каждой синтаксической моделью вполне определенных и узких функций.

Функционирование временных конструкций с союзными сочетаниями по мере того как, всякий раз как, каждый раз как

§ 64. Конструкции с сочетанием *по мере того как* (с компонентами неразмыкавшимися, но допускавшими интонационное расчленение перед *как*) [134] активизировались, по-видимому, с 40—50-х годов XIX в. прежде всего в научной речи и публицистике, а в художественной литературе — почти исключительно в авторской речи. Строение сложных предложений с этим сочетанием, по сравнению с формами других временных конструкций со значением одновременности, было грамматически и лексически более связанным: сказуемыми обеих частей были, как правило, формы несов. вида, имеющие при этом лексически выраженную качественную или количественную квалификацию и сопровождаемые обычно формами сравнит. степени; вся конструкция в целом характеризовалась параллелизмом строения своих частей. Соответственно общее значение одновременности, передававшееся этими конструкциями, приобретало специфическую окраску: постепенное нарастание или убывание одного действия или признака в связи с нарастанием или убыванием другого действия или признака [135]. Вот характерные случаи функционирования этих конструкций с 40-х годов [136] до начала XX в.

В критических статьях Белинского:

По мере того, как цивилизация и просвещение стали утверждаться на Руси, начала распространяться и литературная образованность (Соч. Пушк., 1); *По мере того, как* рождались в обществе новые потребности, *как* изменялся его характер и овладевали умом его новые думы..., все стали чувствовать, что Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения, как поэт великий, тем не менее, был и поэтом своего времени (Обозр. русск. лит-ры от Державина до Пушкина); Сатира у них уже реже переходит в преувеличение и карикатуру, становится более натуральною *по мере того, как* становится более поэтическою (Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1).

В авторской речи произведений художественной литературы:

---

[134] См.: А. Х. Востоков. Русск. грам., § 101, стр. 218; Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 417, стр. 399.

[135] И. Г. Чередниченко называет придаточные предложения с *по мере того как* придаточными постепенности («Особые случаи придаточности в совр. русск. языке», стр. 115—116).

[136] У Пушкина — всего один случай употребления конструкции с *по мере того как* — в относимой к 1836 г. статье «Французская академия» (перевод с франц.): Посреди общества, подведенного под один и тот же уровень, но общества деятельного, беспокойного, вы переносили на сцену его мнения, моды, причуды *по мере того, как* они появлялись перед вами.

По мере того как он приближался, крестьяне вставали, снимали шапки и почтительно кланялись своему пастырю (В. Соллог., Тарантас, XVII); *По мере того как* бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более (Гоголь, М. д., 1, II); *По мере того, как* арбузы сыпались один за другим, товарищ Григория скатывал их в небольшую лощинку (Григорович, Деревня, VIII); *По мере того, как* наступала темнота, комната моя становилась как будто просторнее (Дост., Униж. и оскорбл., 1, X) [137]; *По мере того, как* отдыхало и охлаждалось его тело,— во всех мускулах чувствовалось нетерпеливое желание бежать еще (Купр., Изумруд, V); *По мере того как* мы медленно и с задержками подвигались далее к югу, зима все крепла (Корол., Мороз, I).

Ср. менее обычное в конструкциях данного типа употребление сказуемых в формах глагола сов. вида, допускаемое, однако, благодаря лексически передаваемому ими значению процессуальности, становления:

Твое заблуждение минует само собой *по мере того, как* ты из головастика превратишься в настоящую лягушку (М.-Сиб., п. В. Н. Жамину, 3 марта 1884).

Ср. также случаи соединения союзным сочетанием *по мере того как* однородных сказуемых в рамках простого предложения:

Арестанты, *по мере того как* подходили с работ, тотчас же узнавали в чем дело (Дост., Зап. из М. дома, 2, IX); Рассказывая о вине, Кудряшов попивал его и, *по мере того, как* пил, оживлялся (Гарш., Встреча).

§ 65. В серию рассмотренных в § 61—64 временных конструкций, части которых объединялись оформившимися ранее или окончательно формализовавшимися на протяжении XIX в. союзными сочетаниями, включавшими в качестве своего компонента союз *как*, входили и конструкции с сочетаниями *всякий раз когда, всякий раз как, каждый раз когда.* В них значение одновременности — в соответствии с семантикой сочетаний *всякий раз, каждый раз* — было осложнено значением повторяемости (см. § 6). В процессе функционирования этих конструкций в XIX в. произошли лишь незначительные изменения в союзных сочетаниях, аналогичные тем, которые произошли в других типах сочетаний союзного характера, включавших в свой состав параллельно употреблявшиеся союзы *когда* и *как*. В функции собственно союзных сочетаний, связывающих части временных конструкций,

---

[137] Ср. у Достоевского «разговорный» вариант той же конструкции: *По мере, как* я говорил, у князя изменялось лицо с игривого на очень грустное (слова автора-рассказчика) (Подросток, 1, 2, III); *По мере, как* я читал, вы улыбались (слова Аркадия) (Там же, 6, III). Но ср. в речи старца Зосимы: *По мере того как* будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей (Бр. К., 2, IV).

стали употребляться сочетания, включающие *как: всякий раз как, каждый раз как* (это последнее, чрезвычайно редкое в начале XIX в., активизировалось именно в процессе оформления союзных сочетаний на базе временно́го союза *как*). В сочетаниях же с *когда: всякий раз, когда, каждый раз, когда* (подобно, например, сочетанию *в то время, когда*) существительное *раз*, несмотря на значительную стертость и неконкретность своего лексического значения, полностью его не утрачивало, и все сочетание сохраняло определительную семантику; *когда* здесь, соответственно, выполняло функцию, близкую к функции относительного слова. В период сосуществования временных союзов *как* и *когда* сочетания *всякий раз когда, всякий раз как, каждый раз когда*, скреплявшие части сложного предложения, были еще синтаксически разнозначны и не «опустошены» семантически; конструкции, включавшие эти сочетания, были определительно-временными.

Вот характерные примеры употребления этих конструкций Пушкиным:

Послушай, дедушка, мне *каждый раз, Когда* взгляну на этот за́мок Ретлер, Приходит в мысль: что если это проза, Да и дурная? (Послушай, дедушка, мне каждый раз...); Старичок Инзов сажал меня под арест *всякой раз как* мне случалось побить молдавского боярина (п. А. И. Тургеневу, 14 июля 1824); Лиза уходила в свою комнату *всякой раз, как* Иван Петрович удостоивал их своим посещением (Барышня-кр.).

Позже, после приобретения сочетаниями *всякий раз как, каждый раз как* союзного характера, утратилась функциональная соотносительность временных конструкций, оформленных этими сочетаниями, и конструкций определительно-временных с более свободным объединением: *всякий (каждый) раз + когда*. Ср., например, у Тургенева:

Проживая — много лет тому назад — в Петербурге, я, *всякий раз как* мне случалось нанимать извозчика, вступал с ним в беседу (Маша) и: Штатский генерал Щерепетенко, первый по чину владелец в уезде, *всякий раз* снисходительно ему кланяется, *когда* проезжает мимо его домика (Певцы).

Ср. также у Л. Толстого:

Всякий раз радостно визжал, *когда* видел, что пули его попадали (Хаджи-Мурат, I); Князь Василий стоял... за резным бархатным стулом, который он поворотил к себе спинкой, и, облокотив на нее левую руку со свечой, крестился правою, *каждый раз* поднимая глаза кверху, *когда* приставлял персты ко лбу (В. и м., 1, 1, XX).

Показательно, что Достоевский, как и в других, отмеченных выше, случаях подобного рода, с намеренной «свободой» обращается и с союзным сочетанием *всякий раз как*, семантизируя и фактически разрушая его.

Он все еще продолжал считать меня за какого-то революционера, и *во все разы, как* меня встречал, находил необходимым заговорить об чем-нибудь в этом роде (Подросток, 2, 2, III).

Не составило единого союза редко, впрочем, употреблявшееся сочетание *всякий (каждый) раз, как только.* Конструкции с этим сочетанием, благодаря обязательному логическому ударению на первом — лексически знаменательном — компоненте характеризуются большей степенью расчлененности своих частей.

«Молчи! не смей!» — твердил Петр Андреич *всякий раз* жене, *как только* та пыталась склонить его на милость (Тург., Двор. гнездо, IX); Слышался грубый голос Акулины, раздававшийся *всякий раз, как только* труба самоварная грохалась обземь (Гл. Усп., Столичн. беднота, II) [138].

§ 66. Кратко обобщая изложенное в § 63—65, отметим, что охарактеризованный здесь процесс, в результате которого в литературном языке XIX в. образовалась — путем постепенной грамматикализации полусвободных соединений, включавших союз *как* (а также союз *пока*),— система устойчивых, однотипных, собственно синтаксических средств оформления подчинительной связи во временных конструкциях, был непосредственно связан с одновременно протекавшей и активно действовавшей в литературном языке тенденцией к устранению параллелизма временных союзов *как* и *когда*, приведшей к уходу за пределы литературного языка временного союза *как*. Уступая свое место союзу *когда*, союз *как*, прежде единый, как бы расщеплялся на синтаксические омонимы: 1) *как* в одиночном синтаксически свободном употреблении — архаичный и просторечный временной союз; 2) *как* — «литературный» временной союз в некоторых устойчивых моделях временных конструкций с обязательной препозицией придаточной части; 3) *как* — компонент (или постпозитивный придаток) союзного сочетания, включающего лексически полнозначные и местоименные элементы; 4) *как* — вторая часть лексико-синтаксического фразеологического сочетания [139]. Так на судьбе временного союза *как* сказалось перекрещивающееся воздействие нескольких общих тенденций, прослеживаемых здесь порознь. Это — лишь частная, но наглядная иллюстрация системного характера языковых изменений.

---

[138] Ср. в языке XX в.: *Каждый раз, как только* уменьшался огонь в костре, мороз давал себя чувствовать (Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня. Зимн. поход по реке Хунгари. ЛК).

[139] О временных конструкциях, построенных на основе лексико-синтаксических фразеологических сцеплений, выключающих *как*, см. § 73—76.

Усиление роли подчинительных союзов и сокращение употребительности соотносительных слов

§ 67. Другой стороной процесса укрепления подчинительной связи в конструкциях функциональных типов, как отмечено выше (§ 60), было усиление роли союзов и союзных сочетаний в оформлении подчинительной связи между частями сложного предложения и, как результат этого,— общее сокращение употребительности соотносительных слов, их факультативность (или «оправданное наличие») и параллельное функционирование конструкций закрытых (с препозицией придаточной части) и открытых (с постпозицией придаточной части) [140].

Уже в конце XVIII — начале XIX в. не соблюдались предписываемые грамматикой Греча соответствия: *когда— тогда, лишь только — то* [141]: при союзе *когда* широко употреблялось соотносительное слово *то* (наряду с *тогда*), и законность этого соответствия, как и допустимость отсутствия «указательной частицы» («подразумеваемой» или «опущенной») во временных конструкциях, утверждается Буслаевым [142]. Об употреблении соотносительного *то* в условных конструкциях Буслаев пишет: «Условный союз *если*, по существу своему, не нуждается в соответственном ему *то*, как это явствует в предложениях, в которых условие означено после следствия, или в которых немногосложность позволяет обойтись без вставки *то*. Напр. *прочти, если хочешь, если хочешь, прочти.* Только ради ясности и выразительности, особенно в предложении распространенном, оказывается потребность в частице *то*» [143]. В языке последующих десятилетий временные, условные, уступительные и целевые конструкции без соотносительных слов, как с препозитивной, так и с постпозитивной придаточной частью, употребляются все более свободно (здесь не имеются в виду, естественно, конструкции следственные, характеризующиеся обязательностью постпозиции придаточной части, а также некоторые разновидности других конструкций функциональных типов, для которых была структурно обязательной препозиция или постпозиция придаточной части (см., например, § 2, 10, 12, 23, 24, 28, 45—47, 53, 58). Основную функцию в оформлении подчинительной связи берут на себя союзы, в том числе и сравнительно новые, образованные из наречий и частиц — такие, как *едва, лишь, только, чуть, едва только, только что* и т. п. (см. § 8). В приводимых ниже примерах временные кон-

[140] См.: Н. С. Поспелов. О некоторых закономерностях в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русск. лит. языке XIX в.— ВЯ, 1961, № 6, стр. 4—7. О широком распространении препозитивности придаточных предложений в различных языках более древнего строя см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 343.

[141] См.: Н. И. Греч. Практич. русск. грам., стр. 389, 402.

[142] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам. Синтаксис, гл. 3, § 269.

[143] Там же, § 271.

струкции с одним и тем же союзом у одного и того же автора имеют придаточную часть как в препозиции, так и в постпозиции; то или другое взаимоположение частей конструкции, как показывают примеры, имеет не грамматическое, а семантико-стилистическое значение, ср.:

Но *лишь только* камердинер вон из кабинета — на место его зверообразный Гроснот с пакетами (Лажечн., Лед. дом, 2, 6); Я отгадал это существо, *лишь только* прочел ее первое письмо, *лишь только* увидел ее (Там же, 3, 4); *Когда* в журналах появлялась печатная хвала ему, он радовался, как ребенок (Гоголь, Портрет, I); Желчь проступала у него на лице, *когда* он видел произведения, носившие печать таланта (Там же); Весьма вероятно, что ни одна революция не удастся в Европе, *пока* Франция в том состоянии прострации, в которой мы ее видим (Герц., Б. и д., 6, II); *Пока* человек жив, не надобно в нем отчаиваться (Там же, IX); *Лишь только* они с Анисьей принялись хозяйничать в барских комнатах вместе, Захар, что ни сделает, окажется глупостью (Гонч., Обл., 2, VII); Объявил, что женится на ней, если она согласится, *лишь только* он получит место и устроится (Гонч., Обрыв, 2, VI); *Как только* Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом (Тург., Ася, VIII); Чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня с плеч, *как только* я переступил порог (Тург., Певцы); *Как только* вошел граф, он расстегнул ворот рубашки и подсел еще выше на стол (Л. Толст., Два гусара, VI); Звук колокольчиков быстро замер на ветру, *как только* почта миновала нас (Л. Толст., Метель, II); Сердце так и замрет, *только* про это я вздумаю (М.-Печ., В лесах, 1, 4); *Только* снег выпадет, мы в лес (Там же, 15); Он беспрерывно меня перебивал, *чуть лишь* я раскрывал рот (Дост., Подросток, 2, 5, III); Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а *чуть лишь* покажет лицо свое — пропала любовь (Дост., Бр. К., 5, IV); *Только что* она появилась, в зале пронеслось нечто необыкновенное... Митя вдруг побледнел «как платок», *только что* она вошла (Там же, 12, IV).

Заметим, что для конструкций со значением быстрого следования действия, названного в главной части, за действием, названным в придаточной, в силу их семантики более характерны случаи препозиции придаточной части — при абсолютной допустимости ее постпозиции.

§ 68. Соотносительные слова *то, так, тогда*, употреблявшиеся во временных и условных конструкциях в начале XIX в., в дальнейшем имели неодинаковую судьбу. Сформулированная выше тенденция к факультативности употребления соотносительных слов не носила абсолютного характера: с одной стороны, в отдельных случаях «задерживалось» употребление соотносительных слов там, где оно уже не соответствовало сложившейся

норме; с другой стороны, постепенно более четко определились случаи, в которых употребление соотносительных слов было обычным или необходимым.

Различие, существовавшее между соотносительными словами *то, так, тогда*, постепенно углублялось, результатом чего явилось их синтаксическое и стилистическое расхождение. Соотносительное слово *то*, семантически наиболее абстрагированное, осталось, по существу, единственным соотносительным словом во временных, а также в условных и причинных конструкциях. Соотносительное слово *так* во временных конструкциях сохранилось в литературном языке только в конструкциях с устойчивой моделью *как... так* (*и*) (см. § 43); в «свободных» же временных конструкциях *так* удерживалось лишь в разговорной речи. Это же соотносительное слово сохранилось в условно-следственных — союзных и бессоюзных — конструкциях в силу присущего ему оттенка результативно-следственного значения [144]. В конструкциях причинных соотносительное *так* в сочетании с союзом *так как* употреблялось очень редко [145]. Наконец, *тогда*, которое и в начале XIX в. редко выступало в роли простого формального показателя границы между частями сложноподчиненного предложения и сохранилось как наречие времени, продолжало употребляться во временных конструкциях только при необходимости акцентировать временное соотношение. Такую же функцию выполняло *тогда* в условных конструкциях [146]. Следовательно, об утвердившемся в литературном языке факультативном употреблении соотносительных слов можно говорить, по существу, только в отношении *то*. Подчеркнем при этом, что факультативное употребление той или иной синтаксической формы, т. е. одинаково возможное ее наличие или отсутствие, не означает, как правило, абсолютного безразличия для языка того, будет она употреблена или не будет. Употребление соотносительного слова *то* способствует более четкому расчленению частей конструкции, делает ее более компактной и более плавной в интонационном отношении, тогда как отсутствие *то* требует, естественно, глубокой паузы между придаточной и главной частью. Известное значение в частом, или, наоборот, редком использовании соотносительного слова

[144] Востоков в своей классификации союзов «по знаменованию» относил *то* и *так* в группу «заключительных» союзов (см.: А. Х. Востоков. Русск. грам., § 101, стр. 219; см. также: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 271). Ср., однако, пример безразличного употребления *так* и *то* в условной конструкции: И *если* уже вы требуете, чтоб я была откровенна, *так* я вам скажу, что женщинам нравится такая робость; а *если* вы хотите знать больше, *то* и мне она тоже нравится (Дост., Белые ночи, 1).

[145] Ср., например, в письме Сурикова: Мой товарищ Ивачев, *так как* не имеет большой работы, *так* этим летом поехал в Сибирь, тоже к матери повидаться (п. Суриковым, 1885. ЛК).

[146] Буслаев отмечает сравнительно редкую употребительность условных конструкций типа *если... тогда* (Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Синтаксис, § 271).

имеет как стиль речи или жанр произведения, так и индивидуальная писательская манера. Так, в научной речи и в публицистике употребление соотносительных слов более обычно, чем в художественном повествовании или описании. Например, такой писатель, как Загоскин, отличался от многих своих современников заметным (и, пожалуй, неумеренным) «пристрастием» к соотносительному слову *так*. Гоголю [147], а также, по-видимому, Гончарову, Тургеневу, Л. Толстому вообще мало было свойственно употребление соотносительных слов,— особенно во временных конструкциях; для Достоевского чрезвычайно характерно широкое употребление соотносительного слова *то*; у Чехова находим более «нейтральное», равномерное употребление этого слова.

Ограничимся несколькими примерами факультативного употребления соотносительного слова *то* во временных конструкциях с союзом *когда* — в сопоставлении с конструкциями без соотносительного слова у одних и тех же авторов — Лермонтова. Л. Толстого, Чехова.

А *когда* отец возвратился, *то* ни дочери, ни сына не было (Лерм., Бэла); *Когда* перевязали рану, она на минуту успокоилась (Там же); Но *когда* князь Волконский, руководивший прениями, вызвал его на изложение своего мнения, он только сказал:— Что же меня спрашивать? (Л. Толст., В. и м., 3, 1, XI); Но *когда* Волконский нахмурившись сказал, что он спрашивает его мнения от имени государя, *то* Пфуль встал и, вдруг одушевившись, начал говорить (Там же); *Когда* он вырос и сделался стройным, очень красивым юношей, она стала стыдиться его (Чех., Володя); *Когда* его спрашивают о чем-нибудь, *то* он отвечает вполне разумно и вежливо, но кратко (Чех., В овраге); *Когда* на другой день утром Самойленко... пощупав у Надежды Федоровны пульс и поглядев ей на язык, выходил из спальни, Лаевский, стоявший у порога, спросил его с тревогой: — Ну, что? Что? (Чех., Дуэль, X); *Когда* я гимназистом был болен брюшным тифом, *то* тетушка из сострадания обкормила меня маринованными грибами (Там же, XI).

В определенных условиях контекста употребление соотносительного слова *то* в сочетании с союзами *когда, если, так как* не приходится, очевидно, считать факультативным. Общими условиями, при которых употребление *то* предпочиталось его отсутствию, были: 1) необходимость в данном контексте — обычно логизированном — отчетливо и расчлененно передать временное, условно-следственное или причинно-следственное соотношение и 2) значительная распространенность данного сложного предложения либо его построение по модели временного, условного или причинного периода.

---

[147] См.: Т. Н. Мревлишвили. Указ. соч., стр. 162, 243—245.

И *так как* статья из № II «Современника» нынешнего года сравнивает эту комедию, «не выходящую из ряда обыкновенных произведений», с истинно замечательным первым произведением г. Островского, *то*, называя ее «слабою», эта статья, кажется нам, не впадает в противоречие с Новым Поэтом, говорящим, что... (Черн., Об искренности в критике, I); *Если* книга в этом отношении не дает нам ровно ничего, ни одного нового факта, ни одного оригинального взгляда, ни одной самостоятельной идеи, *если* она ничем не шевелит и не оживляет нашей мысли,— *то* мы называем такую книгу пустой и дрянной книгой, не обращая внимания на то, написана ли она прозой или стихами (Писарев) [148]; *Когда* зеленый сад, еще влажный от росы, весь сияет от солнца и кажется счастливым, *когда* около дома пахнет резедой и олеандром, молодежь только что вернулась из церкви и пьет чай в саду, *когда* все так мило одеты и веселы, и *когда* знаешь, что все эти здоровые, сытые, красивые люди весь длинный день ничего не будут делать, *то* хочется, чтобы вся жизнь была такой (Чех., Дом с мез., II).

Из других условий собственно структурного характера, способствующих употреблению *то*, укажем — для временных конструкций — следующие: 1) главное предложение начинается с вводных слов, вводных или вставных предложений, деепричастных или причастных оборотов; 2) главное предложение, представляющее собой утверждение по отношению к содержанию всего придаточного или его части, включает в свой состав местоимение *это*, выполняющее анафорическую функцию; 3) обе части конструкции являются бесподлежащными предложениями или имеют общее подлежащее.

1) *Когда* армия шла к Москве, *то*, как я уже заметил, партизанов еще не было (Д. Дав., Разбор статей Наполеона); Григорий снес эту пощечину как преданный раб, не сгрубил ни слова, и *когда* провожал старую барыню до кареты, *то*, поклонившись ей в пояс, внушительно произнес, что ей «за сирот бог заплатит» (Дост., Бр. К., I, III).

2) И *когда* у меня бывают припадки, *то* вообще у-ди-вительные при этом симптомы (Дост., Дядюшк. сон, IV); *Когда* ты начинаешь говорить о физическом труде, *то* это выходит глупо и пошло (Чех., Моя жизнь, I); *Когда* в циркуляре запрещалось ученикам выходить на улицу после девяти часов вечера или в какой-нибудь статье запрещалась плотская любовь, *то* это было для него ясно, определенно (Чех., Человек в футляре).

3) *Когда* ездил он по базару или по бердским улицам, *то*

[148] Пример заимствован из статьи А. А. Акишиной «Периодическая форма речи в совр. русск. языке».— «Вопросы русского языкознания», Львов, 1958, кн. 3, стр. 33.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

везде бросал в народ медными деньгами (Пушк., Ист. Пугач., 3); *Когда* в 1808 году привезли меня в Петербург для определения на службу, *то* на другой или на третий день нашего приезда меня послали с визитами (Акс., Воспом., Встреча с мартинистами); *И когда*, пройдя плотину, они поднимались к господским амбарам, *то* молчали, точно сердились друг на друга (Чех., Крыжовник); *Когда* он говорил о чем-нибудь из ботаники или зоологи, *то* походил на историка, *когда* же решал какой-нибудь исторический вопрос, *то* походил на естественника (Чех., Три года, X).

[Астров] *Когда* я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или *когда* я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти (Чех., Дядя Ваня, II); [Серебряков] *Когда* я постарел, я стал себе противен (Там же).

www.ruslang.ru

Употребление соотносительного слова *то* оказывается обязательным для конструкций условно-выделительных и условно-сопоставительных (примеры см. в § 53).

§ 69. Употребление соотносительного слова *так* в сочетании с союзами *когда* и *если* во второй половине XIX в. было свойственно, в основном, уже только разговорной речи.

[Коблов] *Когда* дело идет о здоровье, *так* вкуса в лекарствах не разбирают (Остр., Невольницы, I, 2); [Лидия] *Если* все носят такое платье, *так* я хоть умри, а надевай (Остр., Бешен. деньги, II, 5); *Когда* Федора рассказала все это вчера, *так* я так испугалась, что... (Дост., Бедн. люди, 15 сент.); Одного учи, другого лечи, третьего на руках носи, а *когда* вырастут, *так* еще больше хлопот (Чех., Степь, III); [Нил] И *когда* я слышу такие философии из пустяков, *так* мне невольно думается, что... (М. Г., Мещане, I).

§ 70. Не укрепились в литературном языке сочетания соотносительного слова *то* с союзами, возникшими из наречий и частиц, во временны́х конструкциях со значением быстроты или внезапности — типа *едва... то; лишь только... то*. Дело в том, что в конструкциях этой разновидности в результате, по-видимому, их функционирования в одном синонимическом ряду с конструкциями типа *не успел... как; не прошло... как*, окончательно утвердился союз *как* в качестве постпозитивного компонента союзного сочетания (см. § 73—77).

Соотносительное слово *то* в конструкциях со значением быстрого, неожиданного наступления действия в изобилии находим у Достоевского — как в авторской речи, так и в речи персонажей его произведений (исключение составляют конструкции с союзами *только, только что* — вследствие, очевидно, эвфонического неудобства сочетания их с *то*). Здесь, как и в других отмеченных выше случаях, проявилась свойственная Достоевскому архаичность (и отчасти связанная с ней «разговорность») его синтаксиса. Вот несколько примеров:

Как только заговорил я теперь о каторжниках, которые были не хуже других, *то* тотчас же невольно вспомнил о нем (Зап. из М. дома, 1, V); *Чуть только* солжет человек и удачно, *то* так слюбится, что и включает анекдот в число несомненных фактов своей собственной жизни (Дневн. писателя за 1873 г. Нечто о вранье); Но *чуть* увижу, что этот шаг, хотя бы и условный и малый, все-таки отдалит меня от главного, *то* тотчас же с ними порву, брошу все и уйду в свою скорлупу (Подросток, 1, 1, VII); *Чуть лишь* человек отвергнет чудо, *то* тотчас отвергнет и бога (Бр. К., 5, V); Но *только что* кончил [речь], *то* чуть не упал в обморок (Там же, 12, VI); *Лишь только* хозяйка узнала, что Семен Иванович был жив и здоров и что паспорта искать теперь нечего, *то* немедленно оставила горевать и пошла успокоиться (Госп. Прохарч.).

Широкое и свободное использование Достоевским устаревших для его времени форм этих именно разновидностей временны́х конструкций — со значением быстроты и внезапности — было, несомненно, связано с особой их функцией в повествовательном стиле Достоевского. В непосредственном соотношении с быстротой и стремительностью развертывания описываемых событий находится и оформление временны́х конструкций — их чрезвычайное разнообразие, достигаемое благодаря богатству вариантов сочетаний разных временны́х союзов с соотносительными словами, наречиями и частицами, а также благодаря варьированию подсказываемых этими сочетаниями типов интонации. Соотносительное слово *то* у Достоевского — не единственное средство оформления рассматриваемых временны́х конструкций; среди вариантов этих конструкций — такие, в которых союзы типа *лишь, едва, только что* сочетаются с постпозитивным *как* (см. о них в § 74) и с соотносительными словами *так, тут* (обычно — при передаче разговорной речи):

***Чуть** стул заскрипит у кого-нибудь, **так** уж я и ни жив, ни мертв* (Бедн. люди, 9 сент.); Тогда было условие, что *как только* приедет он, *так* тотчас даст знать о себе (Белые ночи, 2); Но *как только* он раз опустил топор, *тут* и родилась в нем сила (Прест. и наказ., 1, VII); Он у нас как месяц молодой — *чуть* покажется, *тут и* закатится (Подросток, 1, 6, II); *Только что* я стал ходить к Грушеньке, *так* тотчас же и перестал быть женихом и честным человеком (Бр. К., 3, V).

Из союзов, оформлявших временные конструкции со значением близкого следования действий, для которых в общелитературном языке в качестве нормы утвердилось сочетание их с постпозитивным *как*, исключение составляет союзное сочетание *как только* — вследствие неудобства сцепления его со вторым *как*. Поэтому конструкции с *как только* либо не имеют соотносительных слов, либо — особенно в текстах, отражающих разговорную речь,— включают соотносительное слово *так* (вносящее оттенок следственного значения); во второй части этих конструкций (как и других разновидностей конструкций этого типа) обычны наречия или частицы, подчеркивающие значение быстрого следования действий.

Как только кончился обед, оба прежние приятели схватились с мест и начали искать шапок (Гоголь, Пов. о том, как поссорился..., VII); *Как только* является новое лицо, автор без церемонии бросает героя и героиню и начинает рассказывать читателю историю этого нового лица (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); *Как только* выбралась свободная минуточка, я пришел навестить вас (Григорович, Просел. дороги, 1, 22); *Как только* ты, чего боже оборони, завидишь в

окрестностях казака, *так* сию же секунду, ни слова не говоря, беги и неси мне ружье (Тург., Конец Чертопх., IX); Она, *как только* вошла, тотчас опустилась на стул и начала плакать (Тург., Вешн. воды, XXIII); *Как только* они в Лондоне перевели дух, и глаз их привык различать предметы в тумане, старый спор возобновился (Герц., Б. и д., 6, LIII); *Как только* персики начнут выходить «в косточку», так их тщательно пересчитывают (С.-Щ., Пошехонск. стар., IV); *Как только* кончили с кулебякой, *так* сейчас же, чтоб аппетита не перебить, велите щи подавать (Чех., Сирена).

§ 71. Употребление *тогда* во второй части временных конструкций в соотношении с союзом *когда*, как уже было отмечено в § 68, после установления относительно стабильного соотношения *когда... то*, всегда мотивировано значением, а не структурой временной конструкции: в них временное соотношение двух действий (или двух рядов действий) отчетливо акцентировано.

И *когда* сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, *тогда* воспоминания свежат и живят его, как капли росы в влажный вечер, после жаркого дня, свежат и живят бедный, чахлый цветок, сгоревший от зноя дневного (Дост., Бедн. люди, 1 июня); Вы знаете, что, *когда* мужчина оскорбляет мужчину, *тогда* стреляются; а *когда* женщина оскорбляет мужчину, *тогда* что делают, знаете ли вы? (Л. Толст., Два гусара, V); *Когда* религия потеряла большую часть своего значения, так сказать, потеряла свой общественный характер..., *тогда* немудрено было сделаться, наконец, терпимым в отношении к ней (Данилевск., Россия и Европа, 8); *Когда* лес стоит перед глазами темен и неподвижен, *когда* весь он погружен в таинственную тишину, и каждое дерево точно чутко прислушивается к чему-то — *тогда* кажется, что весь лес полон чем-то живым (М. Г., Товарищи).

Ср. также употребление *тогда* в условных конструкциях:

Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастии, а наше личное счастие заключалось бы только в одной любви: *тогда* жизнь была бы действительно мрачною пустынею (Белинск., Соч. Пушк., 2); *Если* б Бернар был обвинен, повешен или послан лет на двадцать в депортацию и общественное мнение осталось бы равнодушным, *тогда* было бы легко принести на заклание, для полноты жертвы, двух-трех Исааков книгопечатания (Герц., Б. и д., 6, LV).

Наречие *тогда* может сопровождаться усилительно-выделительными частицами, и в этих случаях возрастает его синтаксическая и лексическая самостоятельность, ср.:

Но *когда* призванный старец разрешил его от послушания, *тогда лишь* могло совершиться и погребение его (Дост., Бр. К., 1, V); А *когда* всему выучишься не спеша, да с молитвою,

да с усердием, *тогда* и поступай на службу (Чех., Степь, VIII).

§ 72. В целевых конструкциях с союзом *чтобы* в препозитивной придаточной части употребление соотносительного *то* было редким уже в начале XIX в. [149]

А *чтоб* им в темноте не идти по рощам, лугам и буеракам, *то* они отправятся в моей коляске (Нарежн., Аристион. ЛК); И *чтоб* тебе времени не терять, *то* завтра же поезжай в Белогорскую крепость (Пушк., К. д., II).

Ср. у Пушкина случаи с отсутствующим *то:*

Они, *чтоб* дать мне время оправиться и привыкнуть к новому знакомству, стали говорить между собою (Выстрел, II); *Чтоб* дать о нем некоторое понятие, расскажу один из его подвигов (Кирджали).

Впоследствии соотносительное *то* перестало употребляться в целевых конструкциях, задерживаясь лишь у отдельных писателей.

Но, *чтобы* обратиться к нашему [делу], *то* замечу про мать твою, что она ведь не все молчит (Дост., Подросток, 1, 7, II); Ср. у того же автора: *Чтобы* писать толково, кажется, мало одного желания (Там же, 1, 1, II).

В конструкциях уступительных функцию соотносительного слова, как упоминалось выше (см. § 20), выполняли, противительные союзы *но, однако,* а в контекстах, отражающих разговорную речь,— также союзы *а, да.*

Хотя первый дебют молодого писателя уже достаточно угладил ему дорогу к успеху, *однако* должно сознаться, что... (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); *Хоть* время стояло жаркое, *а* оба, стоя в воде, продрогли (М.-Печ., Ст. годы, III); *Хотя* он и не говорил, *но* княжна Марья видела, знала, как неприятно было ему всякое выражение страха за него (Л. Толст., В. и м., 3, 2, VIII).

В книжной речи на месте противительного союза могло быть противительное сочетание *тем не менее:*

Хотя ваши выводы по этому именно пункту и не особенно ясно формулированы, *тем не менее* я полагаю, что вы рассчитываете на демократическую федерацию славянских племен... как на условие успеха революции (Герц., Б. и д., 6, LIII).

Таким образом, в процессе упорядочения системы подчинительных конструкций и связанной с ним грамматикализации способов выражения подчинительной связи на месте нескольких равноправных по синтаксической функции соотносительных слов, безразлично соответствовавших разным союзам, вычленилось в качестве нормативного для временных, условных и причинных конструкций сочетание союзов *когда, если, так как* с соотноси-

[149] См. об этом: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., § 265.

тельным словом *то*, причем употребление последнего является факультативным, за исключением нескольких случаев его конструктивной оправданности.

Фразеологизация лексико-синтаксических компонентов подчинительных конструкций

Процесс упорядочения системы подчинительных конструкций, активно протекавший на протяжении XIX в. и особенно во второй его половине, затрагивал не только собственно синтаксические средства оформления подчинительной связи — союзы и соотносительные слова, но также и лексико-синтаксические способы выражения дифференцированных оттенков временных, условно-следственных и целевых значений.

Временные конструкции

§ 73. В конце XVIII — начале XIX в. были употребительны фразеологизированные временные конструкции типа *не успел (войти), как; не (прошло) и (часу), как; еще не (сказал) (двух слов), как; (сел) было (за работу), как вдруг; хотел (уходить), как вдруг* (см. § 9). Однако в это время типы этих конструкций, во-первых, еще не приобрели полной грамматической определенности и стабильности в своем оформлении и, во-вторых, не заняли еще того места в системе структурно и семантически соотносительных с ними конструкций, которое они заняли позднее [150].

Стабилизация временных конструкций, образованных фразеологизированными единствами союзного характера с постпозитивным *как*, была непосредственно связана с грамматической спецификой временного союза *как* и с судьбой его в литературном языке. Участие союза *как* в оформлении конструкций этого

---

[150] Выяснению вопроса о синтаксической природе этих конструкций — считать ли их сложноподчиненными, сложносочиненными или «переходными» от сочинения к подчинению и т. п., а также вопроса о том — в случае признания этих конструкций подчинительными,— какое из двух объединенных в них предложений является главным и какое придаточным, посвящено много отдельных высказываний, а также несколько специальных статей. Обзор мнений по этим вопросам см., например, в статье А. Н. Суровцева «К вопросу о сложных конструкциях с взаимоподчиненными придаточными предложениями» («Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 173, 1958, кафедра русск. языка, стр. 21—41) и в указ. соч. Т. Н. Мревлишвили (стр. 169—174). См. также: В. А. Белошапкова. К изучению типов сложного предложения, стр. 27—31; Грам. АН СССР, т. II, ч. 2, § 1545, стр. 353—355. В настоящей работе эти конструкции признаются сложноподчиненными предложениями. Заметим, что содержащееся в названной выше статье А. Н. Суровцева предположение о возникновении этих (и некоторых других) подчинительных конструкций в результате «инверсии» придаточного предложения и объединения двух «взаимоподчиненных» придаточных лишено реальных исторических оснований.

гипа в период их становления было, естественно, вызвано специфичным для него значением быстроты или стремительности; в окончательном же его закреплении в этих конструкциях и в замене этим союзом употреблявшегося изредка на его месте союза *когда* находим еще одно проявление теденции к фразеологизации временного союза *как* (см. также § 43, 61, 62, 64, 65). В процессе становления фразеологизированных типов временных конструкций, протекавшем параллельно с процессом ограничения «свободного» временного союза *как*, определился и тот «минимум» фразеологизированных компонентов, который был структурно необходим для данного типа временной конструкции. Выделяются — структурно и семантически — две основные группы фразеологизированных временных конструкций: 1) конструкции с обязательным отрицанием при сказуемом первой части, обозначающие преждевременное и стремительное наступление вслед за одним действием (или рядом действий) другого действия (или ряда действий); 2) конструкции, содержащие в первой своей части форму «недействительного» или «желательного» наклонения (или форму со значением приступа к действию, обозначающие прерванность только что начавшегося (или задуманного) действия другим, стремительно наступившим действием (или рядом таких действий). Структурным своеобразием конструкций обеих этих групп было то, что в них сказуемое первой части — глагол в форме 1) «отрицательного» или 2) «недействительного» наклонения или 3) лексически выражающий намерение, желание, начинательность — выполняло «двойную» функцию» собственно сказуемого и основного компонента союзного сочетания. Специфичен был и самый характер фразеологизации, которой подвергалась в первую очередь сама форма наклонения; лексическая же фразеологизация была в данном случае уже вторичной, производной.

§ 74. Из конструкций первой группы прежде всего следует выделить конструкции, в которых структурной основой первой части является подвергшийся фразеологизации глагол *успеть* с отрицанием и зависимый от него инфинитив «свободного» глагола. Конструкции этого типа широко употреблялись на протяжении всего XIX в.; можно, по-видимому, говорить об их активизации к концу века. Очевидно вместе с тем, что глагол *не успеть* в этих конструкциях в первые десятилетия XIX в. в большей степени, чем в последующий период, сохранял свою лексическую знаменательность. В этих конструкциях преобладали формы прош. вр.— в соответствии со спецификой всех вообще рассматриваемых здесь конструкций: рассказ о быстро совершающихся действиях чаще относится к плану прошлого, чем будущего и, тем более, настоящего. Вот характерные примеры:

Шлейхер *не успел* взять в руки узды, *как* прискакал его егерь (Моск. Мерк., 1803, № 2); *Не успели* мы ни порядочно согласиться, что ей петь, ни сделать репетиции, *как* притащи-

лась бабушка (Н. Павл., Именины); *Не успел* я приехать домой, *как* и узнал, что... (Москвит., 1841, № 1); *Не успел* он этого сказать, *как* дверь затрещала, и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась в присутствие (Гоголь, Пов. о том, как поссорился.., IV); *Не успел* я ему ответить, *не успела* собака моя с благородной важностью донести до меня убитую птицу, *как* послышались проворные шаги (Тург., Мой сосед Радилов); Марья Матвеевна *не успела* прийти в себя, *как* ей уже надо было хлопотать о похоронах мужа (Леск., Железн. воля, XXII); *Не успел* он добежать до гостиной, *как* что-то стремительно, как буря, вылетело из боковой двери и обняло и стало целовать его (Л. Толст., В. и м., 2, 1, I); *Не успел* я стукнуть в дверь моей квартиры, *как* послышался стон (Дост., Униж. и оскорбл., 2, X); *Не успела* отправить на почту тебе письмо, *как* получила телеграмму (М. П. Чехова, п. А. П. Чехову, 31 дек. 1891).

Дальнейшее распространение фразеологизации в конструкциях этого типа находим в случаях устойчивого соединения личной формы глагола *не успеть* с инфинитивом *оглянуться*, типа: *Оглянуться не успела, как* зима катит в глаза (Крыл., Стрекоза и муравей).

Ср. у писателей второй половины XIX в.:

Он *не успел оглянуться, как* погряз в самых запутанных долгах (Леск., Павлин, 12); Наткнулся на такую непреодолимую стену холодной и ядовитой враждебности, что *не успел* я *оглянуться, как* раздражение захватило и меня (Л. Толст., Крейц. соната, XII); *Не успели оглянуться* после Радуницы, *как* реки в берега вошли и наступило пролетье (М.-Печ., В лесах, 3, 1); *Не успели* мужики *оглянуться, как* он зажал их в свой кулак, как в железные тиски (Гарин-Мих., Неск. лет в деревне, 1).

Формы буд. вр. глагола *успеть* имеют в этих конструкциях значение действий, обычных или повторявшихся в прошлом или действий постоянных либо «вневременных»:

[Артемий Филиппович] Больной *не успеет* войти в лазарет, *как* уже здоров (Гоголь, Ревизор, III, 5); Они скоро знакомятся, и *не успеешь оглянуться, как* уже говорят тебе «ты» (Гоголь, М. д., 1, IV); «Енюшенька»!— бывало, скажет она,— а тот еще *не успеет оглянуться, как* уж она перебирает шнурками радикюля и шепчет: «Ничего, ничего, я так» (Тург., Отцы и дети, XXVII).

Ср. более редкий случай употребления этой формы в значении собственно будущего (относительного) времени:

Я ждал, что еще *не успею* сойти с крыльца, *как* услышу крик зарезанного человека (Дост., Зап. из М. дома, 1, VII).

Возможны, но практически мало употребительны в конструкциях этого типа формы сослагат. накл. глагола *успеть*:

Не успел бы ты десяти просчитать, *как* он у тебя и с глаз долой (А. К. Толст., Кн. Серебр., XXIII).

Фразеологическая основа (или «минимальная» структурная формула) предложений этого типа может быть осложнена соответствующими наречиями или частицами (чаще всего первая часть включает *еще*, а вторая — *уже*), усиливающими значение быстроты или подчеркивающими временную сопоставленность содержания частей конструкции; но эти наречия и частицы не являются структурно обязательными компонентами данной конструкции.

Не успел еще Мюллер досмотреть Париж и догадаться, что он становится невыносимо противен, *как* Ж. Санд увезла его к себе (Герц., Б. и д., 6, LVII); Он *не успел еще* одеться, *как* кельнер доложил ему о приходе двух господ (Тург., Вешн. воды, VIII); *Не успели* мы оглянуться, *как уже* налетел и канун Нового года (Леск., Жемчужн. ожерелье, 4); Между тем *еще не успело* совсем ободнять, *как уже* начали раздаваться за воротами острога призывные крики ефрейтора: «Поваров!» (Дост., Зап. из М. дома, 1, X); Вечером, *еще не успело* солнышко сесть, *как* карась в третий раз явился к щуке на диспут (С.-Щ., Карась-идеалист, IV); Но *не успел* я этого сделать, *как уже* стал раскаиваться (Л. Толст., Детство, VII); А как я рад, когда по необходимости остаюсь где-нибудь ночевать! *Не успеешь* бултыхнуть в постель, *как уж* спишь (Чех., п. Суворину, 20 мая 1890); Ему показалось, что он *еще не успел* уснуть, *как* доктор *уже* разбудил его (М. Г., Жизнь Кл. Самг., 2).

Глагол *успеть*, благодаря своей семантике, легко включался в состав временных конструкций со значением быстрого следования действий, примыкая к союзам *едва*, *едва только*, *едва лишь*, *только что*, *лишь только* и т. п. Однако в этих конструкциях, поскольку подчинительная связь отчетливо выражена в них специальным грамматическим средством (подчинительным союзом), глагол *успеть* (всегда — без конструктивно значимого отрицания *не*) уже не выполняет, естественно, функции структурно необходимого компонента сложного предложения: он сохраняет свое лексическое значение и оказывается, по существу, структурно «избыточным» (или факультативным) средством семантического осложнения временной конструкции. Вместе с тем конструкции с названными союзами — как включающие, так и не включающие глагол *успеть*, — и конструкции, образованные структурно значимыми формами глагола *успеть* с отрицанием, составляли цельную, но внутренне разветвленную систему синонимических временных конструкций со значением стремительности следования действий. Все эти конструкции, помимо оформленности их первой части близкими по значению синтаксическими средствами, структурно сближались между собой также

возможностью употребления во второй их части союза *как*, например: *едва... как — едва успел... как — не успел... как*; *только что... как — только что успел... как — не успел... как* и т. п. Вот отдельные примеры употребления двух первых разновидностей временны́х конструкций после 30-х годов XIX в. (примеры употребления конструкций типа *не успел...* как см. выше, стр. 227—229).

1) Но *лишь только* начертал он несколько строк, *как* стукнули в дверь (Лажечн., Лед. дом, 4, 3); Но *едва* мелькнула эта мысль, *как* я вспомнил, что... (Н. Павл., Именины); Но *едва* появилась ее книга в Париже, *как* там же раздался голос русского, выражавшегося лучше герцогини (Отеч. зап., 1839, т. I); *Только что* взъехал он на двор, *как* сбежались со всех сторон собаки всех сортов (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, II); *Едва* Пушкин совершил половину своего поэтического поприща, столь рано пресеченного смертью, *как* явился Гоголь (Черн., Оч. гоголевск. периода, 1); *Только лишь* толпа заметила нас, *как* все бросились к нам (Гонч., Фр. «Пал.», I, V); *Только* приедешь куда-нибудь, *только* скинешь с себя все и расположишься у теплой печки, *как* уже говорят, что лошади готовы (Там же, II, IX); Он *только что* проснется у себя дома, *как* у постели его уже стоит Захарка (Гонч., Обл., 1, IX); Но *едва лишь* дверь за ней закрылась, *как* всякое выражение важности и строгости мгновенно исчезло с лица Капитолины Марковны (Тург., Дым, XXII); *Чуть* я, с трудом двинув моими набрякшими членами, сел на дне моей разрытой могилы, *как* увидел я его шагах в тридцати от меня (Леск., На краю света, 8); *Едва лишь* старушка вернулась домой, *как* ей тотчас же передали уже ожидавшее ее письмо (Дост., Бр. К., 4, I); *Чуть только* появились Ракитин и Алеша, *как* произошел было маленький переполох (Там же, 7, III); *Едва только* шаги Семена Ивановича раздались в передней, *как* из соседней комнаты выскочила испуганная женщина (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., XIII); По ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и *едва* высунешь язык, *как* его начинало сильно щипать (Чех., Белолобый).

2) *Только успели* мы *отдохнуть и отобедать*, *как* услышали ружейные выстрелы (Пушк., Путеш. в Арзр., 3); Араб *только что успел встать*, *как* вошел секретарь кабинет-министра (Лажечн., Лед. дом, 1, 5) [151]; Но *едва успел произнести* несколько слов об очарованиях супружеской любви, *как* на лицо моего собеседника набежало мрачное облако задумчивости (Н. Павл., Именины); И *только* Лилло *успел кончить*, *как* сильный залп из ружья в мгновение разметал всех каза-

[151] О конструкциях этого типа у Гоголя см.: Т. Н. Мревлишвили Указ. соч., стр. 169.

ков (Н. Дурова, Клад. ЛК); *Едва успели* мы *оставить* шалаш, где провели мы ночь, *как* прилетели тучи казаков (Д. Дав., Разбор статей Наполеона); *Едва только* я *успел отправить* письмо мое к вам, с приложениями к «Ревизору», *как* получил вслед за тем ваше (Гоголь, п. Аксакову, 13 марта 1841); Утром, *едва* я *успел забыться* тревожным сном, *как* меня разбудил гром и звон (С.-Щ., Благонамер. речи, V); *Едва только* предводитель успел раскланяться с дамами, *как* князь увел его в кабинет (Писемск., Тыс. душ, 2, V); Но *только что* он *успел прокричать* это, *как* из-за занавесок выскочила Грушенька (Дост., Бр. К., 9, III); Я *едва успел приготовить* все, что мне было нужно для работы, *как* она уже вернулась (Гарш., Над. Никол., VI).

В конструкциях с союзами типа *едва, лишь, только что*, в отличие от фразеологизированных конструкций, построенных по модели *не успел... как*, возможны формы несов. вида глагола *успеть* (прош. и наст. вр.).

И *едва успевает* он обнять свое семейство, *как* снова долг службы влечет его за кавказские пределы (Д. Дав., Биография); Чистили, отбирали ягоду по сортам, и *едва успевали* справиться с одной грудой, *как* на смену ей появлялась другая (С.-Щ., Пошехонск. стар., I); *Едва* он *успевал* дослужиться до унтер-офицера, *как* моментально подвергался разжалованию за какие-нибудь безобразные деяния (Дорошевич, Сахалин, ЛК).

Формы глагола *успеть* (без отрицания) с примыкающим к нему инфинитивом свободно включались также во временные конструкции с союзными сочетаниями *прежде чем* и *прежде нежели*, где они либо непосредственно примыкали к союзному сочетанию, либо были отделены от него подлежащим. Глагол *успеть* в этих конструкциях, как и в конструкциях с союзами типа *едва, как только*, не выполнял функции оформления подчинительной связи, но само его лексическое значение способствовало акцентуации временного соотношения, передаваемого данной конструкцией: действие, названное в главной части, осуществляется раньше наступления действия, названного в придаточной части. Вот несколько примеров:

Он вышел на крыльцо, кликнул ямщика и уехал, *прежде чем успел* я опомниться (Пушк., Выстрел, II); Кто-то положил на пяльцы письмо и скрылся, *прежде чем* Марья Кириловна *успела* образумиться (Пушк., Дубр., XIV); — Ступайте,— сказала она *прежде чем* он *успел* ответить (Тург., Двор. гнездо, XXXI); Однако, *прежде чем* наш герой *успел* решиться на что-нибудь, Герасимыч уже стоял перед ним (Дост., Двойник, IV); И *прежде, нежели* я *успел* остановить его, он быстрыми шагами юркнул в переднюю (С.-Щ., Благонамер. речи, VI).

Глагол *успеть* в этих конструкциях, как и в конструкциях с союзами *едва, лишь только* и т. п., может употребляться не только в форме сов., но и несов. вида (прош. и наст. вр.).

В его уме пробегают всевозможные: «воспрещается» и «разрешается», но *прежде, нежели* мысль *успевает* выработать, что именно воспрещается или разрешается, является вопрос: зачем? (С.-Щ., В среде умеренности и аккуратности, II, I).

Очевидно вместе с тем, что рассмотренные здесь конструкции с глаголом *успеть* при союзных сочетаниях *прежде чем* и *прежде нежели* оказываются за пределами синонимического ряда, образуемого временными конструкциями, оформленными, с одной стороны, союзами *лишь, только, едва* и т. п. и, с другой стороны, формами фразеологизированного глагола *не успеть*.

Синонимическая близость фразеологизированных конструкций типа *не успел... как* к конструкциям с союзами типа *едва, лишь только, едва лишь* укреплялась также тем, что помимо возможности употребления и в нефразеологизированных типах конструкций глагола *успеть* и постпозитивного союза *как*, во всех этих конструкциях на месте союза *как* могло употребляться сочетание *как вдруг*, где *вдруг* не является конструктивно обязательным и вносит, соответственно, значение внезапности наступления последующего действия (или ряда действий) [152].

Кирша *не успел* еще порядком осмотреться, *как вдруг* послышались в близком расстоянии голоса (Загоск., Ю. М., 1, 6); *Не успел* рассказчик произнести это последнее слово, *как вдруг* обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке (Тург., Бежин луг); Товарищи оторопели от этой шалости и *не успели* проронить слова, *как вдруг* им враз ясно и внятно послышался глубокий болезненный вздох (Леск., Привидение в Инж. замке, 8); Но она *едва* подала ему руку, *едва* бросилась в его объятия, *как вдруг* снова обернулась ко мне (Дост., Белые ночи, 4); Но *только что успела* наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, *как вдруг увидела* подъезжавшие к дому парные двуместные сани с верхом (Дост., Дядюшк. сон, X); *Едва только* рассказ появился в журнале «Эпоха» (в 1865 году), *как вдруг* «Голос» в фельетоне сделал странную заметку (Дост., Дневн. писателя за 1873 г. Нечто личное).

Наречие *вдруг*, несомненно «тяготеющее», как показывают только что приведенные примеры, к союзу *как*, может в рассматриваемых конструкциях быть отделено от него другими словами,

---

[152] О временных конструкциях, в которых *как вдруг* является единым союзом, см. § 45.

и в этих случаях *вдруг* приобретает, естественно, большую синтаксическую самостоятельность, ср.:

Но *только что они* пришли в гостиную и сели, а Нина Александровна *только что* начала очень торопливо и вполголоса что-то сообщать князю, *как* генерал *вдруг* пожаловал сам в гостиную (Дост., Идиот, I, VIII).

Выше было высказано предположение, что закрепление во второй части временных конструкций, включающих союзы типа *едва, лишь, только что*, союза *как* на месте употреблявшихся прежде соотносительных слов *то, так* было вызвано структурным взаимодействием этих конструкций с синонимичными им фразеологизированными конструкциями с союзом *как* в качестве постпозитивного компонента союзного сочетания (см. § 70). Следовательно, при синонимическом сопоставлении конструкций типа *не успел... как* с конструкциями типа *едва (лишь), (лишь только), (только что)... как* важно иметь в виду, что в первых конструкциях *как* в генетическом отношении является структурно исконным, тогда как этот же союз в конструкциях второй разновидности оказывается структурно вторичным их компонентом. Результатом обратного структурного воздействия — конструкций с союзами *едва, лишь, только* и т. п. на конструкции фразеологического типа — было освобождение фразеологизированных конструкций от обязательности наличия в их составе постпозитивного *как*: отсутствие *как* восполнялось глубокой паузой. Наблюдающийся к концу XIX в. рост употребительности фразеологизированных временных конструкций с наличием только первого — основного — компонента фразеологического сочетания является еще одним, более поздним проявлением действовавшей в XIX в. тенденции к укреплению подчинительной связи (см. выше § 60): не только подчинительный союз, но и компонент фразеологизированного лексико-синтаксического сочетания становится самостоятельным выразителем подчинительных отношений. Возникает, таким образом, структурная параллель: *едва (лишь, лишь только, чуть лишь* и т. п.) *сказал — не успел сказать*, т. е. еще один ряд соотносительных в структурном отношении синонимичных временных конструкций со значением близкого и стремительного следования действий. Вот отдельные примеры временных конструкций с фразеологизированным *не успел* и конструкций с союзами типа *лишь только, как только*, включающих формы глагола *успеть* — без постпозитивного союза *как* (аналогичные примеры конструкций с союзами *едва, лишь* и т. п. в препозитивной части, но без форм глагола *успеть* см. выше, стр. 230).

Я было рано пустился в дорогу, да *не успел* отъехать и десяти верст, вдруг шина у переднего колеса пополам (Пушк., Дубр., IX); С иным человеком и долго живешь вместе и в дружественных отношениях находишься, а ни разу не загово-

ришь с ним откровенно, от души; с другим же *едва* познакомиться *успеешь* — глядь: либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал (Тург., Уездн. лекарь); *Едва* худощавая фигура Карла X *успела* скрыться за туманами Голируда, Бельгия вспыхнула, трон короля-гражданина качался (Герц., Б. и д., 1, VI); Но *только что* он *успел* разнежиться,— раздается сильный удар в дверь (Дост., Зап. из М. дома, 1, XI); *Не успел* я двух слов сказать,— знаешь,— сердце у меня заколотилось, из глаз слезы выступили (Дост., Село Степ., 1, XII) [153].

Случаи интерпозиции и постпозиции части, вводимой фразеологизированным *не успел*, свидетельствуют, очевидно, о завершении процесса превращения этой лексемы в союз, ср.:

Антонов, *не успел* еще Петров дойти до него, молча и поскорее выкинул ему спорную вещь (Дост., Зап. из М. дома, 1, VII); Похоронили с воинскими почестями, еще *не успел* отставку получить (Дост., Бр. К., 3, IV).

Сложные предложения с первой частью, включающей союз со значением быстрой последовательности или форму глагола *не успеть*, могут быть оформлены как двучленные сочинительные конструкции: их вторая часть вводится противительными союзами *но*, *а* или союзом *и* в результативном значении; к сочинительному союзу обычно примыкает частица *уже*. Характерны, например, такие «зачины» второй части: *а уже*, *но уже*, *и вот уж*. Этими конструкциями передается резкая временная сопоставленность действий или явлений. Они, по существу, оказываются за пределами формального подчинения, сохраняя, однако, с соответствующими подчинительными конструкциями тесную синонимическую связь.

Только что мелькнула ее гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьянный сапожок,—*и* за княжною полезла ее подруга, озабоченная своим робороном (Лажечн., Лед. дом, 1, 2); Я *только лишь успел* сказать: калитка в сад отперта, спеши! *и* Евгения скрылась за двери (Нарежн., Бурсак, 2, XXII); *Едва* показались на землях славянских варяги, *и* уже явилась система политического быта — феодализм варяжский (Совр., 1837, т. VII); *Не успел* я вернуться, *а* меня уж схватили трое десятских за шиворот (В. Соллог., Тарантас, IX); В ее сердце *едва только* родилось то новое, нежданное чувство, *и* уже как тяжело поплатилась она за него, как грубо коснулись чужие руки ее заветной тайны! (Тург., Двор. гнездо, XXXVIII); *Только что* крик стал утихать *и* вдруг какое-то море ударилось в стены и ворвалось с глухим плеском во все

[153] Ср. в художественной прозе XX в.: *Не успел* продрать глаза на тусклый ночничок — услышал, вернее почувствовал отдаленный выстрел, через некоторое время другой (Фадеев, Разгром, VIII).

окна и двери здания (Герц., Б. и д., 6, LV), Она [карета] *только что* вы за заставу выедете, *и* сломается, нарочно сломается (Дост., Бедн. люди, 30 сент.); *Чуть* он близко от меня, *и* вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу (Дост., Бр. К., 2, IV); *Как только* сподобит бог преставиться мне — *и* уходи из монастыря (Там же, VII); *Не успел* еще бросить один, *а* она уж нашла другого (Писемск., Боярщина, I, IX); *Чуть* стихло, *и* вот уж доносится издали легкий хруст сухого валежника (М.-Печ., В лесах, 1, 14); *Лишь* вспомню я твой светлый взор — *И* на устах замрет невольно Готовый вырваться укор (Плещ., Упрек).

Выше было проиллюстрировано употребление в XIX в. временных конструкций, структурной основой которых явилась лексико-синтаксическая формула *не успел* + инфинитив..., *как*, начало фразеологизации которой относится к более раннему периоду. В процессе функционирования фразеологизированных временных конструкций этого типа — в активном структурном взаимодействии их с синонимичными им конструкциями — лежащая в их основе фразеологизированная модель приобрела грамматическую устойчивость и синтаксическую самостоятельность в выражении подчинительных отношений между частями сложного предложения.

§ 75. Структурно и семантически близкими конструкциями типа *не успел... как* были временные конструкции, имевшие своей основой формулы: *еще не* (*сказал*) (*двух слов*), *как*; *не* (*прошло*) *и* (*часу*), *как*, т. е. такие, в которых фразеологизации подвергался относительно широкий в лексическом отношении круг глаголов, выполнявших функцию сказуемого первой части конструкции. Обязательными условиями фразеологизации этих конструкций были: наличие при глаголе-сказуемом первой части отрицательной частицы *не* и дополнения со значением предела или меры, выраженного количественно-именным сочетанием или существительным со значением отрезка времени; в этих конструкциях были обычны также выделительно-усилительные частицы *и*, *еще*, *уже* и др. Судьба этих конструкций в литературном языке XIX в. была сходна с судьбой конструкций типа *не успел... как*: они заметно активизировались во второй половине XIX в., их фразеологизированная основа приобрела структурную цельность и определенность, определилось их место в системе синонимически соотносительных типов временных конструкций.

Усматривается прямая синонимика одной из разновидностей этих конструкций с теми конструкциями типа *не успел... как*, в которых к форме глагола *не успеть* примыкал инфинитив глагола движения (*пройти*, *отойти*, *проехать*, *ступить* и т. п.) с относящимся к нему дополнением (чаще — в форме родит. пад. существительного или количественно-именного сочетания), обозначающим меру пространства.

Не успели отъехать и пятнадцати верст, *как* семилетний мальчик Петруша... так разнемогся или по крайней мере так расплакался..., что испуганные родители решились воротиться домой (С. Акс., Наташа); *Не успел* он сделать двух шагов, *как* увидел бегущих навстречу соседей (Григорович, Антон Горемыка, II); *Не успели* мы ступить несколько шагов, *как* нам навстречу, из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная лягавая собака (Тург., Льгов); *Не успели* мы отъехать и трех верст от города, *как* нас обогнал тарантас, запряженный тройкой лошадей (Леск., Детск. годы, IX); Но *не успел* он сделать и трех шагов, *как* в спину его больно ударился пущенный мальчиком... булыжник (Дост., Бр. К., 4, III); *Не успела* печальная процессия пройти по Невскому и ста шагов, *как* вся недавно унылая от унылых звуков толпа заплясала, зашагала в такт развеселым звукам вальса (Гл. Усп., Пришло на память, 1).

Ср.:

Но я *не прошел и улицы, как* почувствовал, что не могу ходить, бессмысленно наталкиваясь на этот народ, чужой и безучастный (Дост., Подросток, ч. 2, 8, V); Я поклонился ей и вышел молча, в то же время почти не смея взглянуть на нее; но *не сошел еще с лестницы, как* догнала меня Настасья Егоровна (Там же, 3, 5, I).

Ср. также употребление при глаголе движения дополнения со значением меры времени:

Не проехали мы четверти часа, как ямщик, остановив лошадей, передал вожжи Алешке (Л. Толст., Метель, I).

Другой разновидностью рассматриваемых здесь конструкций являются конструкции, в первой части которых, оформленной как отрицательное предложение, сказуемым является безличный глагол «протекания» времени, сопровождаемый дополнением, называющим отрезок времени. Соотношением компонентов конструкций этого типа подчеркивается, что какое-либо действие стремительно осуществляется по прошествии очень краткого промежутка времени:

Не прошло десяти минут, как из соседственной комнаты послышались звуки гитары и мужского голоса (Н. Павл., Именины); *Не прошло получаса, как* услышал я топот многочисленной конницы (Д. Дав., Мат-лы для воен. ист., Тильзит в 1807 г., II); *Не прошло часу* после их разговора, *как* уже грянули в литавры (Гоголь, Т. Б., IV); *Не прошло получаса* с его приезда, *как* уж он с самой добродушной откровенностью рассказывал мне свою жизнь (Тург., Петр Петр. Карат.); *Часу еще не протекло, как* явился к Литвинову кельнер (Тург., Дым, XVIII); *Не прошло трех лет* совместной жизни супругов, *как* Гервасий Ильич умер (С.-Щ., Пошехонск. стар., XXX); *Не прошло недели* после этих искушений, *как* утром,

рано приехала ко мне Эмилия Г. (Герц., Б. и д., 6, LVI); *Не прошло и пяти минут, как* он опять замахал рукой (Чех., Степь, IV).

В только что приведенных конструкциях легко обнаружить синтаксическую и семантическую несамостоятельность предикативного ядра их первой части — вследствие, с одной стороны, закрепленности в ней в роли сказуемого глагола *не пройти* (или его близких синонимов) в безличном значении, и, с другой стороны, выдвижения лексически не ограниченных обозначений отрезков или периодов времени. В силу этого функция всей первой части конструкции по существу приравнивается к функции обстоятельства времени, относящегося к сказуемому второй части конструкции. Только при употреблении в первой части конструкции сказуемого в личной форме при подлежащем, обозначающем отрезок времени, эта часть сложного предложения сохраняет еще свою самостоятельную предикативность:

Не пройдет минут десять, как он, верно, придет поглядеть на меня (Гоголь, Ночь перед рождеством); *Не прошел еще и день, как* совершилось нечто до того для всех неожиданное, а по впечатлению, произведенному в среде монастыря и в городе, до того как бы странное, тревожное и сбивчивое, что... (Дост., Бр. К., 6, II).

Такая форма рассматриваемых конструкций не получила, однако, развития в литературном языке: более продуктивными оказались конструкции с безличным предложением в первой части, демонстрирующие, в частности, проявление живой тенденции к постепенной трансформации сложных предложений, подвергавшихся фразеологизации, в простые.

Стабильность конструкций рассматриваемой разновидности (как и других фразеологизированных конструкций со значением стремительности наступления последующих действий) поддерживалась также употреблением в них форм глаголов сов. вида. При формах несов. вида во второй части (не в функции настоящего исторического) глагол *не пройти* оказывается лексически полнозначным и синтаксически полноценным, т. е. выступает в прямой функции сказуемого.

Не прошло еще 25 лет после его смерти, *как* его уже никто не читает (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

Однако подобного рода конструкции, как и конструкции с личной формой глагола *не пройти*, были лишь не удержавшимися в языке отклонениями от активно распространявшейся фразеологизированной формы этих конструкций.

Еще большей степенью фразеологизации и большей, соответственно, близостью к простому предложению характеризуются конструкции, в первой части которых главный член выражен формой глагола *не проходить* (*не пройти*) с дополнением — существительным в родит. пад., называющим временной отрезок,

а во второй части, вводимой союзом *чтобы,* сказуемое также выражено глаголом (в форме несов. или сов. вида) с отрицанием. Эти конструкции означают, что в каждый определенный промежуток времени регулярно повторяется определенное действие.

С того времени *не проходило дня, чтоб* молодой человек, в известный час, не являлся под окнами их дома (Пушк., Пиков. дама, II); С тех пор *не прошло ни одного дня, чтоб* я не думал о мщении (Пушк., Выстрел, I).

Вместе с тем, рядом с фразеологизированными конструкциями типа *не проехали двух верст* (*не прошло часу*), *как* функционировали конструкции более свободные — заключенные в рамки той же структурной формулы, но сохранявшие предикативную самостоятельность обеих своих частей. Структурно обязательным для этих конструкций — кроме выдержанности их общей модели — было наличие при сказуемом их первой части обозначения меры времени или пространства, а также употребление во второй их части сказуемого — глагола сов. вида (или его синтаксического синонима, в том числе, например, предложения с общим значением быстроты наступления какого-либо действия).

По мере, как я читал, вы улыбались, но я *и до половины не дошел, как* вы остановили меня (Дост., Подросток, 1, 6, III); И вдруг, я *еще часу не был у себя, как* услышал его шаги на лесенке (Там же, 7, I).

Таким образом, фразеологизация структурной основы сложного предложения, с одной стороны, приводила к свертыванию его двучленной формулы в одночленную формулу простого предложения, а с другой стороны, создавала условия для передачи именно в пределах двучленной формулы сложного предложения наиболее дифференцированных и тонких временных (а также других) синтаксических значений.

Структурному и семантическому сближению рассматриваемых в настоящем параграфе конструкций с фразеологизированными конструкциями типа *не успел... как,* а также с другими конструкциями со значением быстроты наступления последующего действия (или ряда действий) содействовали: 1) возможность употребления во второй части этих конструкций сочетания *как вдруг* (с конструктивно не обязательным *вдруг*, вносившим оттенок неожиданности); 2) возможность бессоюзного — только интонационного — включения второй части конструкции; 3) возможность включения ее посредством сочинительного союза (см. § 74), ср.:

1) Но мы еще *не отъехали и ста шагов, как вдруг* нашу телегу сильно толкнуло (Тург., Касьян с Крас. Мечи); Но он *не отбежал еще пятидесяти шагов, как вдруг* остановился, словно вкопанный (Тург., Конец Чертопх., I); *Еще пяти минут* они *не сидели, как вдруг* еще доложили гостя (Дост., Подросток, 2, 2, III); Мы *не проехали еще и четверти дороги, как*

вдруг я услышал за собой крик (Там же, 3, 12, III); Но *не просидел* он *и четверти часа, как вдруг*, очень где-то вблизи, послышался аккорд гитары (Дост., Бр. К., 5, II).

2) *Не прошло минуты*, он опять начал стучаться (Пушк., Метель); *Не прошло двух минут*, графиня начала звонить изо всей мочи (Пушк., Пиков. дама, II); *Не прошло часа* после этого разговора — он был уже в саду у князя (Н. Павл., Ятаган, VIII); *Не прошло месяца*, Петруся никто узнать не мог (Гоголь, Вечер накануне Ив. Купала); *Не прошло шести недель* после вторичной присылки, он попросил [денег] в третий раз (Тург., Тат. Бор. и ее племянник).

3) *Не прошло еще и двух месяцев, а* мой Алексей был уже влюблен без памяти (Пушк., Барышня-кр.); И вот *не прошло какого-нибудь часу, и* он, всеми болями своего сердца, слышал и знал, что он ненавидит Пселдонимова (Дост., Скверн. анекдот).

Итак, в процессе стабилизации фразеологической основы второй рассмотренной здесь разновидности фразеологических конструкций с обязательным отрицанием при сказуемом первой части намечается внутреннее структурное разграничение этих конструкций: одни конструкции, с закрепленным в их первой части глаголом «протекания» времени (т. е. лексически ограниченные в первой своей части), находились на пути превращения их в простое предложение — с препозитивным обстоятельством времени; другие, допускавшие более свободное лексическое наполнение, представляли собой своеобразное сочетание фразеологической связанности их структуры (при сохранении, в то же время, предикативной самостоятельности обеих частей) с возможностью относительно широкого выражения свойственного этим конструкциям временного соотношения.

§ 76. Меньшей степенью связанности частей обладали конструкции, в которых фразеологизация их структурной основы носила «модально-синтаксический», а не «модально-лексический» характер, как это имело место в отношении конструкций типа *не (прошло часу)*, *как*, где фразеологизации подвергались глаголы *успеть*, *проходить* и др. (см. § 74—75). Здесь условием фразеологизации структуры подчинительной конструкции было наличие в первой части конструкции либо глагола в форме прош. вр. сов. вида в сочетании с частицей *было* (форма «недействительного» наклонения), либо личной формы (чаще всего — формы прош. вр.) со значением желания, намерения, а также со значением начала действия — в сочетании с инфинитивом. Окончательное оформление фразеологической основы этих разновидностей временных конструкций и вовлечение их в синонимический ряд конструкций с общим значением стремительности наступления последующего действия (или ряда действий), очевидно, происходило уже на фоне развитой и свободно функционировавшей

системы временных конструкций с названным значением — как фразеологизированных, так и нефразеологизированных, включавших союзы типа *едва, лишь, как только*. Под несомненным структурным воздействием этих, уже оформившихся, подчинительных конструкций сложились временные конструкции с фразеологизацией «модально-синтаксического» типа. Показательно в этом отношении, что у Пушкина, для которого, как отмечено выше (см. § 45), уже характерно было дифференцированное употребление в постпозитивной части временных конструкций союза *как* и союзного сочетания *как вдруг*, находим фразеологизированные конструкции «модально-лексического» типа в том виде, в каком они употреблялись и в конце XIX в., ср.:

Вошед в светлицу, она села, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но *не успела* еще вымолвить слова, *как* дверь отворилась (А. П. В., VI); *Не успел* я расплатиться со старым моим ямщиком, *как* Дуня возвратилась с самоваром (Станц. смотритель); *Не успел* он снова собраться с силами, *как* дверь опять отворилась, и на сей раз вошла Лиза (Барышня-кр.).

Ср. также примеры конструкций типа *не проходило* (*не прошло*) *(дня)*, *чтобы... не* у Пушкина, приведенные в § 75. Формы типа *не успел, не прошло* в употреблении Пушкина, следовательно, выполняли функцию средства оформления подчинительной конструкции. Вместе с тем, из 150, примерно, случаев употребления Пушкиным формы «недействительного наклонения» только 3 предложения, включающие эту форму в функции сказуемого своей первой части, оформлены как временные подчинительные конструкции:

Приехав однажды на станцию поздно вечером, я *велел было* поскорее закладывать лошадей, *как вдруг* поднялась ужасная метель (Метель); Я... *хотел было* возвратить [лист] детям, *как* заметил, что он был исписан (Ист. с. Г.); Только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, *как вдруг* придворная карета остановилась у крыльца (К. д., XIV).

Как увидим ниже (см. стр. 241—243), только в первом из приведенных здесь примеров форма «недействительного наклонения» (в сочетании с *как вдруг*) одна, без поддержки других структурных средств, выполняет собственно синтаксическую функцию оформления подчинительной связи. Формы типа *пошел было, хотел было, начал было* в подавляющем большинстве случаев у Пушкина либо помещаются в первой части сложносочиненного предложения с союзами *но, да, и* (а также *ин*), либо употреблены в предложении, оформленном как самостоятельное, но связанном с последующим контекстом противительными союзами; либо, наконец, эти формы находим в синтаксически абсолютивном употреблении, ср.:

Это *было* чрезвычайно *повредило* ему во мнении молодежи. Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков. *Однакож* мало по малу все было забыто, и Сильвио снова приобрел прежнее свое влияние (Выстрел, I); *Принялся я было* за неподслащенную наливку, *но* от нее болела у меня голова (Там же, II); Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое *принял было* сперва за отдаленный холмик (К. д., II).

Во второй половине XIX в., в процессе активизации временных подчинительных конструкций с формами типа *пошел было, хотел* (+ инфинитив), *начал* (+ инфинитив) и тесного взаимодействия их с близкими им структурно и семантически конструкциями, определился и тот фразеологический «минимум», который был необходим для создания структурной основы этих сравнительно новых типов временных конструкций. Таким «минимумом» было, кроме соответствующей интонации, соотношение одной из названных модальных форм первой части конструкции с союзным сочетанием *как вдруг,* вводящим вторую часть конструкции. Правда, в начальный для настоящего описания период возможны были построения типа *было (пошел)... как, хотел (идти), как* (см. § 11). Однако эти конструкции в пору функционирования в литературном языке полнозначного временного союза *как* не были, очевидно, в строгом смысле слова фразеологизированными подчинительными конструкциями, поскольку компоненты этих сложных предложений — формы наклонения глагольного сказуемого первой части конструкции и временной союз второй части — сохраняли свою собственную, исходную грамматическую и лексическую знаменательность (в этом отношении данные конструкции не отличались от функционировавших одновременно с ними «свободных» конструкций типа *я сидел дома один, как в передней раздался звонок*, где союз *как* впоследствии заменился либо союзом *когда*, либо союзным сочетанием *как вдруг*; см. § 11, 45). В конструкциях типа *было (пошел), как вдруг..., хотел уже (идти), как..., начал (рассказывать), как вдруг...*, по сравнению с конструкциями типа *не успел (сойти), как..., не прошло (часу), как...* самая степень фразеологизации их структурной основы оказывается более слабой вследствие почти неограниченной свободы лексического наполнения «знаменательной» части форм «недействительного» и «желательного» наклонения, а также форм со значением приступа к совершению действия. Потерявший свою собственную грамматическую знаменательность союз *как* оказался в этих конструкциях недостаточным для поддержания их структурной цельности [154]. Вот примеры временных конструк-

[154] Мысль о том, что *как* употребляется в постпозитивной части временных конструкций при наличии в их первой части подвергшихся полной фра-

ций «модально-синтаксического» типа фразеологизации с минимумом структурно необходимых компонентов:

Он взял мешки в руки и *хотел попробовать*, который из них тяжелее, *как вдруг* один из них выпал из его рук (Моск. телеграф, 1825, № 12); Приподняв иконы вверх, есаул *готовился сказать* короткую молитву... *как вдруг* закричали, перепугавшись, игравшие на земле дети (Гоголь, Страшн. месть, I); Кузнец *схватился натянуть* на себя зеленый жупан, *как вдруг* дверь отворилась (Гоголь, Ночь перед рождеством); Иван Васильевич выпрыгнул в то же время из тарантаса и *хотел вбежать* в избу, *как вдруг* он с внезапным ужасом отскочил на три шага назад (В. Соллог., Тарантас, XVIII); Мы *собрались вернуться* в село, *как вдруг* с нами случилось довольно неприятное происшествие (Тург., Льгов); Мы *начали торговаться* тут же на улице, *как вдруг* из-за угла с громом вылетела мастерски подобранная ямская тройка (Тург., Лебедянь); Со злостью в сердце он *налил было* себе водки, *как вдруг* вбежал медицинский студент (Дост., Скверн. анекдот); Я его *потерял было* совсем из виду, *как вдруг* получил от него короткое письмо (Златовратск., Господа Караваевы, 1); Француз что-то *хотел сказать*, *как вдруг* над самою головой их низко и страшно просвистело ядро (Л. Толст., В. и м., 3, 2, XXXII).

Часто употребляемая при сказуемом первой части конструкций этого типа частица *уже*, факультативная в структурном отношении, способствует усилению степени слитности частей конструкции:

В изнеможении *готов уже* был он *упасть* на землю, *как вдруг* послышалось ему, что... (Гоголь, Сорочинск. ярмарка); *Уже* он *хотел перескочить* с конем через узкую реку, ...*как вдруг* конь на всем скаку остановился (Гоголь, Страшн. месть, XIV); И *пробились было уже* казаки..., *как вдруг* среди самого бегу остановился Тарас (Гоголь, Т. Б., XII); Княгиня *уже собиралась возвратиться* в гостиную, *как вдруг* дверь легонько скрыпнула, и взошла Варенька (Лерм., Кн. Л., VI); Татьяна Борисовна *начинала уже беспокоиться*, *как вдруг* получила записочку следующего содержания (Тург., Тат. Бор. и ее племянник); Я нырнул в постель и *уже закрыл было* глаза, *как вдруг* мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице (Тург., Ася, II);

зеологизации строевых элементов сложноподчиненного предложения развивается, в частности, в статье В. А. Белошапковой «Предложения с союзом *как вдруг* в совр. русск. языке» (стр. 39—43). Конструкции с первой частью, включающей сказуемые типа: глагол в личной форме + *было, хотел* + инфинитив, *начал* + инфинитив и со второй частью, начинающейся союзом *как вдруг*, В. А. Белошапкова признает свободными, нефразеологизированными конструкциями, выделяя их, однако, из числа других временных конструкций с союзом *как вдруг* как имеющие наиболее тесную связь между частями.

Стряпуха умерла: сам Перфишка *собирался уже бросить* дом да отправиться в город, куда его сманивал двоюродный брат, живший подмастерьем у парикмахера — *как вдруг* распространился слух, что барин возвращается! (Тург., Конец Чертопх., IX); Я *стал уже засыпать, как вдруг* услышал шорох (Гонч., Фр. «Пал.», 1, 4); Он *уже ступил было* шаг на лестницу, *как вдруг* опять послышались чьи-то новые шаги (Дост., Прест. и наказ., 1, VII); В суде адвокат совсем *уже было* его *оправдал* — нет улик, да и только, *как вдруг* тот слушал-слушал, да вдруг встал и прервал адвоката (Дост., Подросток, 3, 3, II); Алеша *уже было вышел, как вдруг* Митя кликнул его опять (Дост., Бр. К., II, IV).

Естественным было структурное сближение рассматриваемых здесь фразеологизированных конструкций с конструкциями, в которых подчинительная связь оформлялась союзами *едва*, *лишь*, *только что* и т. п.: сочетания типа (*пошел*) *было*, *как вдруг...*, *хотел* (*начал*) (*спускаться*), *как вдруг...* свободно включались в собственно союзные подчинительные конструкции, где их «строевая» функция оказывалась значительно ослабленной (ср. также отмеченные выше случаи употребления форм глагола *успеть* в конструкциях с теми же союзами, см. § 74).

Купил какой-то совершенно новый сыр, и *только что* вознамерился похвастаться своей находкой, *как вдруг* приехал бывший полководец и привез кусок точно такого же сыра (С.-Щ., Помп. и помпадурши, Он!!); *Только что* он *хотел отворить* дверь, *как вдруг* она стала отворяться сама (Дост., Прест. и наказ., 4, V); Сидел я тогда дома, были сумерки, и *только что хотел выходить*, оделся, причесался, платок надушил, фуражку взял, *как вдруг* отворяется дверь и — предо мной, у меня на квартире, Катерина Ивановна (Дост., Бр. К., 3, IV).

Для создания структурной законченности этих — собственно союзных — конструкций достаточен был постпозитивный союз *как*, ср.:

Мы *только собрались было* на берег, *как* явился к нам английский миссионер (Гонч., Фр. «Пал.», 2, 4); *Только хотел захватить* еще снежку, *как* все лицо залепила ему целая глыба снегу (Гонч., Обл., I, IX).

Ср. также случай расчлененного употребления постпозитивного союза *как* и наречия *вдруг*:

Но *только было подали* к крыльцу гостиницы его дребезжащую коляску, *как* он, уже влезая в нее, *вдруг* приостановился (Дост., Бр. К., 2, VIII).

Структурно «избыточными» могут быть признаны временные конструкции, в первой части которых варьируются сочетания друг с другом форм «недействительного», «желательного» наклонений, форм со значением начинательности и союзов. Вот харак-

терные примеры таких конструкций, обильно представленных у Тургенева и Достоевского:

Мы *начали было толковать* с ним о новом уездном предводителе, *как вдруг* у двери раздался голос Ольги (Тург., Мой сосед Радилов); Я все шел и *уже собирался было прилечь* где-нибудь до утра, *как вдруг* очутился над страшной бездной (Тург., Бежин луг); Бедный мужик смутился и *уже собрался было* встать да уйти поскорее, *как вдруг* раздался медный голос Дикого-Барина (Тург., Певцы); Я выстрелил и *начал было заряжать* ружье, *как вдруг*, позади меня, поднялся громкий треск (Тург., Чертопх. и Недопюскин); Герой наш оправился, принял вид приличный и форменный и *только что хотел было проникнуть* в соседнюю комнату, *как вдруг*, в самых дверях, столкнулся с ним вчерашний знакомец (Дост., Двойник, VIII); Я *только что хотел было встать* с кровати и *перейти* в кресло к столу, *как* она вошла (Дост., Подросток, 3, 2, II); И *только что было* Иван Ильич *хотел* снова *обратиться* к новобрачной, пытаясь в этот раз донять ее каким-то каламбуром, *как вдруг* к ней подскочил высокий офицер и с размаху стал на одно колено (Дост., Скверн. анекдот).

Параллельно подчинительным конструкциям с фразеологизацией «модально-синтаксического» типа продолжали функционировать, с одной стороны, предложения, оформленные как сложносочиненные, в которых модальные формы типа (*пошел*) *было*, *хотел* (*начал*) (*писать*) первого предложения сочетались с противительным союзом, присоединяющим второе предложение, и, с другой стороны, слитные предложения, в которых к сказуемому одного из названных модальных типов присоединялось противительным союзом второе сказуемое (или ряд сказуемых). Основным назначением этих конструкций было выражать несоответствие между действием начавшимся (или предполагаемым) и последующим, прерывающим или обесценивающим первое.

Он прописал мне обычное потогонное, велел приставить горчишник, весьма ловко запустил к себе под обшлаг пятирублевую бумажку,— причем, однако, сухо кашлянул и глянул в сторону,— и *уже совсем было собрался отправиться* восвояси, *да* как-то разговорился и остался (Тург., Уездн. лекарь); Бык с львиными замашками *только что было тряхнул* гривой и порасправился, чтобы встретить гостя так, как он никогда не встречал ни одного ни на службе состоящего, ни отрешенного от должности монаха,—*а* у него его и отняли (Герц., Б. и д., 6, LX); Он *уже хотел выйти, но* вдруг этажом ниже с шумом растворилась дверь на лестницу, и кто-то стал сходить вниз, напевая какой-то мотив (Дост., Прест. и наказ., 1, VII); Иван *хотел было кинуться* к окну; *но* что-то как бы вдруг связало ему ноги и руки (Дост., Бр. К., 11, IX).

Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что просле-

женный здесь и в предыдущих параграфах процесс упорядочения типов подчинительных конструкций, связанный, с одной стороны, с уходом из литературного языка одиночного и свободного союза *как* и, с другой стороны, с завершением фразеологизации некоторых лексико-синтаксических компонентов сложного предложения и вовлечения их в число средств оформления подчинительной связи, не затрагивал временных конструкций с союзом *когда*, основные структурные формулы которых сохраняют свою устойчивость на протяжении всего изучаемого здесь периода. Так, временное соотношение, при котором быстрое наступление последующего действия прерывает только что начавшееся (или задуманное) ранее действие, т. е. соотношение, близкое к тому, которое передается рассматриваемыми здесь конструкциями (но без акцентуации оттенка внезапности), выражалось временны́ми конструкциями с союзом *когда* (в постпозитивной части), не изменявшими своей структуры. Ср.:

Я уже хотел оставить бульвар и возвратиться домой, *когда* чуть не столкнул меня с ног один молодой человек (Моск. Мерк., 1803, № 4); Друзья совсем было собрались во дворец, *когда* явился курьер герцога курляндского (Лажечн., Лед. дом, 3, 6); Хаджи-Мурат... подошел уже к своей двери, *когда* услыхал в комнате мюридов, кроме звука точения, еще и тонкий голос Ханефи (Л. Толст., Хаджи-Мурат, 1) [155].

Итак, в процессе фразеологизации лексико-синтаксической основы временных подчинительных конструкций, активно развивавшемся в течение XIX в. (особенно — в последние его десятилетия), возникла относительно устойчивая в структурном отношении система типов фразеологизированных конструкций, составивших вместе с конструкциями союзного типа один синонимический ряд конструкций с общим значением быстрой последовательности действий. Между конструкциями союзного типа и конструкциями, оформленными фразеологизированными средствами связи, тесно сближавшимися друг с другом семантически, осуществлялось постоянное и живое структурное взаимодействие. Те и другие объединялись также общностью сферы функционирования: они преимущественно употребляются в повествовании, а также в разговорной речи. Вместе с тем внутри фразеологизированных временных конструкций наметилось различие как в степени фразеологизации, т. е. в степени утраты компонентами фразеологических сцеплений их исходных лексического и грамматического значений, так и, соответственно, в степени слитности частей конструкции. Наибольшей степенью фразеологизиро-

[155] Ср. в современном языке: Он уже собирался заснуть, *когда* увидел, что в комнату лейтенанта вошел денщик (Н. Остр., Как закалялась сталь, 1, 2); Горбань уже поднял наполненную вином кружку, *когда* зазвонил телефон (А. Первенцев, Огнен. земля, 11).

ванности и наибольшей теснотой связи частей характеризуются конструкции, содержащие в первой части форму глагола *не успеть* в сочетании с инфинитивом или глагол *не прошло* в сочетании с родит. пад. существительного, обозначающего отрезок времени; при этом конструкции последней разновидности по своему синтаксическому качеству сближения с простым предложением. Наоборот, более свободными синтаксическими и менее ограниченными со стороны лексического наполнения были конструкции, в которых фразеологизации подверглись формы глагольных сказуемых, выражавшие модальные значения желаемого действия, а также действия начавшегося (или предполагаемого), но не осуществленного. Этому структурному разграничению типов фразеологизированных конструкций соответствовала, в свою очередь, и различие хронологическое: более ранними с точки зрения завершенности процесса их формирования были конструкции с большей степенью фразеологизированности и тесноты связи частей.

Рядом с фразеологизированными временными подчинительными конструкциями функционировали сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения (с общим значением временного противопоставления или несоответствия), оформление первой части которых совпадало с оформлением первой части фразеологизированных конструкций; в бессоюзных сложных предложениях этой разновидности — при условии соответствующего интонационного оформления — сказуемое первой части конструкции приобретало способность к выражению подчинительной связи.

Условные конструкции

§ 77. В системе условных конструкций в течение XIX в. протекал процесс завершения структурного оформления, а также заметно активизировалось употребление фразеологизированных типов конструкций с условно-ограничительным значением. Это были конструкции, сложившиеся и функционировавшие уже к началу исследуемого периода. Как и фразеологизированные временные конструкции, они представляли два типа фразеологизации — «модально-лексический» и «модально-синтаксический». Первый тип составляли конструкции, в которых союзную функцию выполнял безлично употребленный глагол *сто́ит (сто́ило)*; в конструкциях второго типа подчинительная связь оформлялась глаголом в повелит. накл. Общим для обеих разновидностей было значение быстроты наступления второго, обусловленного первым, действия, сопровождающее основное — условно-ограничительное — значение.

Основными моделями конструкций первой разновидности были: *сто́ит (сто́ило) (взглянуть)... как*; *сто́ит (сто́ило) (взглянуть)... чтобы*; *сто́ит (сто́ило) (взглянуть)... и*. В первой части

этих конструкций обычно употреблялись ограничительные частицы *только*, *лишь*, во второй части — наречия типа *уже*, *тотчас* (*же*), *мигом*.

Конструкции с формой наст. вр. (*сто́ит*) передавали значение реальной (или «потенциальной») обусловленности и, соответственно, значение наст. или буд. времени. Сказуемое второй части в конструкциях типа *сто́ит* (*сказать*)... *чтобы* выражалось формой сослагат. накл. или инфинитивом, в конструкциях типа *сто́ит* (*сказать*)... *как* и типа *сто́ит* (*сказать*)... *и* — формой наст. или буд. времени. Например:

Читателю *стоит* открыть его книгу наудачу, *чтобы* удостовериться в истине нами сказанного (Пушк., Александр Радищев); У нас — вам только приказать *стоит*, и он [крестьянин] сделается музыкантом, мастеровым, механиком, живописцем, управителем, чем угодно (В. Соллог., Тарантас, III); *Стоит только* одну рюмку *выпить* перед обедом — *и* все как рукой снимет (Гоголь, Старосв. помещ.); *Стоит* только на нее взглянуть, *чтоб* увериться в ее совершенной ненависти ко всякому единообразию и симметрии (Москвит., 1841, № 2); А ведь *стоит только* запасть в душу человека невежественного предубеждению, *стоит только* раз напитаться ей злобою — *и уже* ничем, никакими силами не вытеребишь их оттуда (Григорович, Деревня, VIII); *Стоит* тронуть наукой скалу, *чтоб* из нее текла вода,— да что вода! (Герц., Б. и д., 6, LIX); Тебе *стоит только* написать ему, что ты сама его оставляешь, *и* он тотчас же прибежит к тебе (Дост., Униж. и оскорбл., 1, XV).

Возможны были, особенно в разговорной речи, и другие формы включения второй части конструкции, ср.:

Стоит тебе зажурчать сладкою своею речью, *так* поневоле развесишь уши и ретивое заговорит с тобою заодно (Лажечн., Лед. дом., 3, 6); *Стоит* только раз с нею познакомиться, *а там* уж ни за что не захочешь расстаться (Москвит., 1841, № 2); [Ахов] Ведь мне только рассердиться *стоит* да уйти от вас, *так* вы после слезы-то кулаком станете утирать (Остр., Не все коту масл., IV, 3).

Конструкциями с формой прош. вр. (*сто́ило*) передавалось значение ирреальной обусловленности. В их второй части употреблялись формы сослагат. накл. или инфинитив.

[Евлалия] Вам *стоило только* слово сказать, протянуть руку, *и* я пошла бы за вами без оглядки хоть на край света (Остр., Невольницы, I, 9); *Стоило* выйти на улицу и посидеть час у ворот, *чтоб* понять, что все эти извозчики, дворники, рабочие, чиновники, купцы — живут не так, как я и люди, излюбленные мною (М. Г., Мои университеты).

Формы глагола *сто́ит* (в сочетании с инфинитивом), употребляясь в препозитивной части конструкции, могли — при соответствующем сочетании форм вида и времени в сказуемых — высту-

пать в качестве единственного средства оформления сложного предложения.

Одно словечко *стоит* неосторожно *сказать*, как, например, об этой герани, *уж* вы тотчас и купите (Дост., Бедн. люди, 8 апр.); *Стоит* ему слово сказать, артель встанет как один человек (М.-Печ., В лесах, 1, 15).

В конструкциях с обратным порядком частей, т. е. при постпозиции части, содержащей *сто́ит* (*стоило*) с примыкающим к нему инфинитивом, условное значение оказывается стертым, но выдвигается значение ограничения — с оттенком долженствования; включение второй части носит здесь характер присоединения, ср.:

Вкус иных людей может служить всегда надежным и неизменным руководством: *стоит только* выворотить вкус их наизнанку (Пушк., Статьи и заметки в «Совр.» 1836 г., От редакции, I); У них же всегда готовы в голове превосходные проекты для всякого рода реформ, *стоит только* присесть да написать (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 2); Ведь есть же лекарство, думаешь, против этой болезни, *стоит только* найти (Тург., Уездн. лекарь).

§ 78. В условно-ограничительных конструкциях другой разновидности фразеологизированным элементом была — в первой части конструкции — форма повелит. накл. — при возможности отнесения названного ею действия не только ко 2-му лицу, но и к 1-му и 3-му, а также при возможности ее обобщенноличного и безличного употребления. Вторая часть конструкции, содержащая сказуемое в форме буд. вр. или сослагат. накл., включалась обычно местоимением *так* или союзом *и*, акцентировавшими условно-следственное значение. Конструкции этого типа отличались от конструкций с формами *сто́ит, стоило* большей экспрессивностью; сферой их распространения была преимущественно разговорная речь, но они употреблялись также и в авторской речи писателей.

А *подержись* он хоть с полдня, *так* мы бы через Прут переправились (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 2, XII); *Тронься* он только на какое дело против Бирона, *и* княжну сделают чернее угля (Лажечн., Лед. дом, 3, 6); *Мечтай* себе о музыке будущего и о Россини, коленопреклоненном перед Вагнером, *читай* себе дома à livre ouvert, без инструмента, «Тангейсера» и *исполняй*, за штатским тамбурмажором и гаером с слоновой палкой, часа четыре кряду какую-нибудь Mary-Ann польку или Flower and butterfly's redova — *и* дадут бедняку от двух до четырех с половиной шиллингов за вечер (Герц., Б. и д., 6, VIII); *Ударь* меня кто, *и* я бы почувствовал боль (Дост., Сон смешн. человека, II); *Не догляди* сторож, *так* поезд мог бы сойти с рельсов (Чех., Злоумышленник).

Более редким, особенно во второй половине XIX в., было употребление во второй части этих конструкций соотносительного слова *то*.

Он придал безнравственным лицам своего романа такой колорит, как будто они безнравственны по милости новых нравов, а *живи*-де они в кошихинские времена, *то* были бы отличнейшими людьми (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); *Случись* что-нибудь очень жалкое, *то* почувствовал бы жалость (Дост., Сон смешного человека, II); Все куда-то торопился и с таким выражением, как будто *опоздай* он хоть на одну минуту, *то* все погибло (Чех., Черн. монах, I).

Форма повелит. накл. одна, без поддержки дополнительных структурных средств, могла оформлять конструкции условно-ограничительного типа [156]:

Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап? (Пушк., А. П. В., V); *Пропадай* он, *тони* он — не подал руки спасти его. *Сохни* он от тайной травы — не подам воды напиться ему (Гоголь, Страшн. месть, V); *Не признай* мы за собою права этого вопроса, тогда бы не могло вовсе существовать вопроса о литературной деятельности (К. Акс., Ломоносов в ист. русск. лит-ры); *Родись* он десятилетиями двумя позже, гений его остался бы тот же, но характер его произведений был бы другой (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1847 г., 1); А *будь* карта у Колумба, не он открыл бы Америку (Герц., Б. и д., 6, LIX); *Будь* я Ротшильд, я бы ходил в стареньком пальто и с зонтиком (Дост., Подросток, 1, 5, III).

Впрочем, отмеченные здесь случаи, когда определенное синтаксическое значение выражается в условно-следственных конструкциях посредством принимающих на себя союзную функцию форм повелит. накл., не составляют исключения для этих конструкций. Это — проявление строевой роли глагольных модальных форм, выражающих значение обусловленности,— сослагат. накл., инфинитива и формы буд. вр.

Обоих-то вас *сложить*, *так* его одного не будет (Загоск., Русск. в нач. осьмнадц. столетия, 1, VIII); Ну, *прикажут*, *так* поневоле возьмешь (В. Соллог., Тарантас, XVII); Уж *умирать*, *так* дома умирать (Тург., Смерть); *Убить — так* жаль сердечную, *Стерпеть — так* силы нет (Некр., Зеленый шум); *Не нашлось бы* родственницы благодетельной, *так* еще бог знает, пришлось бы, может быть, среди улицы с голоду сгнить (Дост., Бедн. люди, 1 июня); Лицо ее было свирепо, жесты

---

[156] Оценивая значение Пушкина в истории русского литературного языка, В. В. Виноградов замечает, в частности: «Во второй половине 20-х годов Пушкин канонизирует литературное употребление формы повелит. накл. в уступительных и условных конструкциях как общелитературную норму» (В. В. Виноградов. Пушкин и русск. лит. язык XIX в., стр. 572).

беспорядочны и, *спросить* ее, она бы сама, может, не сказала: зачем вбежала ко мне? (Дост., Подросток, 2, 8, I).

В отношении конструкций этих разновидностей трудно установить четкую границу между подчинительной и бессоюзной связью частей сложного предложения.

Целевые конструкции

§ 79. Только в виде краткого упоминания могут быть отмечены генетически, очевидно, связанные с целевыми конструкции типа *(этого) довольно, чтобы; достаточно (указать), чтобы; на достаточное расстояние, чтобы; слишком (любит), чтобы.* Фразеологическая основа этих конструкций к началу исследуемого периода уже сложилась. По существу эти предложения представляют собой устойчивые, стянутые в тесное фразеологическое единство формулы изъяснительно-целевого типа. Их целевое значение, заложенное в форме «придаточной» части с союзом *чтобы*, оказывается почти полностью оттесненным их общим количественно-аттрибутивным значением. Формулы этих типов были употребительны в разных сферах литературной речи на всем протяжении XIX в. Вот несколько примеров:

Я *слишком* был счастлив, *чтоб* хранить в сердце чувство неприязненное (Пушк., К. д., V); Я имею *довольно* свободного времени, *чтобы* повествовать вашему превосходительству сие происшествие в должностном порядке (Лажечн., Лед. дом, 4, 6); Подобные события в жизни народа *слишком* велики, *чтоб* быть случайными (Белинск., Взгляд на русск. лит-ру 1846 г.); Этого *довольно, чтоб* открыть глаза слепому (Гонч., Мильон терзаний); Виктор Гюго никогда не был в настоящем смысле слова политическим деятелем. Он *слишком* поэт, *слишком* под влиянием своей фантазии, *чтоб* быть им (Герц., Б. и д., 6, L III); Польше *достаточно было* и одного католического ядра на ногах, *чтоб* отставать (Там же, LVI); Увы! *недовольно* надеть мурмолку, *чтобы* сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс! (Тург., Сфинкс); *Довольно* сказать о человеке, что он горбат или кос, *чтобы* всякий увидел в этом недостаток, а не преимущество его организации (Добр., Луч света в темн. царстве); *Достаточно* заметить, что такое-то литературное произведение безграмотно или исполнено лжи, *чтобы* этого никто не счел достоинством (Там же); Теперь же *слишком* долго она жила грустным счастьем чувствовать в себе присутствие этого чего-то, и изредка открывая таинственный сердечный сосуд, наслаждаться созерцанием его богатств, *чтобы* необдуманно излить на кого-нибудь все то, что там было (Л. Толст., Два гусара, XIV); Если пошлю письмо, то, конечно, сделаю благородный поступок, *достаточный, чтоб* смыть всю грязь и даже гораздо боль-

ше (Дост., Подросток, 2, 7, III); Из прочих наук только одна еще сравнительная филология или лингвистика, причисляемая некоторыми также к числу наук естественных, достигла *достаточной* степени совершенства, *чтобы* в ней можно было указать на несколько перейденных эволюционных фазисов (Данилевск., Россия и Европа, 6).

Фразеологизация лексико-синтаксических компонентов подчинительных конструкций и приобщение их к числу средств оформления подчинительной связи — одно из ярких проявлений действовавшей в XIX в. тенденции к упорядочению системы сложноподчиненных предложений.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТТЕНКОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ, ВЫРАЖАЕМЫХ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

§ 80. Выше был описан в общих чертах протекавший в XIX в. процесс структурного оформления подчинительных конструкций функциональных типов. Очевидно, что внутренним стимулом и в то же время результатом этого процесса было создание наиболее дифференцированных, устойчивых, формально отграниченных друг от друга способов выражения разнообразных и тонких семантических отношений и их оттенков. Выделенные здесь как два отдельных процесса — процесс упорядочения системы подчинительных конструкций и процесс дифференциации оттенков функциональных значений, выражаемых подчинительными конструкциями,— неразрывны в самóм конкретном развитии литературного языка, в его жизни. Вместе с тем их раздельное рассмотрение правомерно и целесообразно в той же степени, в какой правомерно и целесообразно бывает раздельное изучение формы и содержания, «означающего» и «означаемого».

При рассмотрении развития функциональных типов сложноподчиненного предложения с точки зрения упорядочения их форм естественны и необходимы были семантические характеристики соответствующих конструкций. Ниже семантические процессы, характеризовавшие развитие подчинительных конструкций, будут выделены и кратко обобщены. Этот семантический аспект явится в то же время своего рода обобщением всего предложенного выше описания функциональных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в.

Как уже отмечалось, к началу XIX в. сложилась в своих основных контурах система структурно оформившихся подчинительных конструкций, дифференцированно, специальными формальными средствами передававших многие семантические отношения и их оттенки. В течение XIX в. в процессе дальнейшей формализации структуры сложноподчиненного предложения, в особенности путем расширения состава подчинительных союзов за счет новых, аналитических способов выражения подчини-

тельной связи, возрастало семантическое разнообразие типов подчинительных конструкций, усложнялись и в то же время уточнялись их функции. Прослеживаются следующие основные линии семантического движения подчинительных конструкций в сторону их большей дифференциации: 1) устранение многофункциональности конструкций; 2) устранение разнооформленности одних и тех же значений, выражаемых подчинительными конструкциями (или устранение синтаксической дублетности); 3) развитие дифференцированности синтаксического оформления разных значений, выражаемых подчинительными конструкциями; 4) развитие синонимических соотношений между разными типами подчинительных конструкций.

1. Наибольшей многозначностью характеризовались конструкции с союзами *как* и *когда*. Те и другие передавали — главным образом, посредством соотношения форм вида и времени глагольных сказуемых, а также с помощью лексических средств — как основные временные синтаксические значения — одновременность и последовательность, так и разнообразные оттенки этих значений, например: обычность и повторяемость длительных действий; совпадение недлительного действия с одним из моментов развития длительного действия; ограничение продолжительности одного действия наступлением другого; совершение недлительного действия непосредственно вслед за началом другого действия; внезапную, неожиданную смену одним действием другого. Для конструкций с союзами *как* и *когда* обычным было, кроме того, выражение условно-следственных и причинно-следственных отношений, для конструкций с союзом *когда* — также выражение уступительных и сопоставительных отношений. Освобождение от многофункциональности конструкций с союзами *как* и *когда* осуществлялось разными путями. Союз *как* в свободном употреблении подвергся в литературном языке архаизации, но закрепился в качестве обязательного компонента большого числа устойчивых, структурно связанных сочетаний союзного и фразеологического характера, оформлявших разнообразные оттенки временных соотношений — преимущественно в кругу значения быстрой временной последовательности. Многофункциональность конструкций с союзом *когда*, сохранившимся в качестве основного временного союза с наиболее общим значением временного соотношения, постепенно сокращалась благодаря активизировавшемуся распространению временных конструкций, оформленных более специальными по своему назначению союзами, союзными сочетаниями, фразеологизированными лексико-синтаксическими сцеплениями, а также благодаря формализации и специализации некоторых других синтаксических средств (см. п. 3). В известной мере многофункциональность конструкций с союзом *когда* сохраняется и в современном языке.

2. В начале исследуемого периода конструкции с союзами *как* и *когда* — одиночными и входящими в сочетания союзного типа — были не только многофункциональны, но и взаимозаменяемы — как во временных, так и в некоторых других своих значениях (условно-следственном, причинно-следственном, сопоставительном). Сосуществование дублетных конструкций, оформленных одиночными союзами *как* и *когда*, прекратилось в результате ухода из литературного языка (или стилистического ограничения) одиночного союза *как* и полного возобладания над ним союза *когда*; наоборот, из дублетных временны́х конструкций, оформленных выполнявшими союзную функцию сочетаниями, включавшими в одних случаях союз *как*, а в других случаях — союз *когда*, укрепились конструкции с союзными сочетаниями, имевшими в качестве своего компонента союз *как* (*в то время как, с тех пор как, каждый раз как, всякий раз как*). Допускали дублетное оформление также конструкции, которыми выражалось ограничение протекания одного действия пределами осуществления или моментом наступления другого: в начале XIX в. здесь были возможны союзы *пока, поколе* (*поколь*), *доколе* (*доколь*), *покамест, покуда*, а также сочетания союзного типа, включавшие эти союзы (*до тех пор пока, до тех пор покамест, до тех пор покуда*). Закрепился в качестве литературной нормы в конструкциях с названными значениями союз *пока*; его дублеты — союзы *поколе, доколе* вышли из употребления, союзы *покамест, покуда* сократили употребительность, подверглись стилистическому ограничению. В сравнительно редких случаях возможность дублетного оформления подчинительных конструкций сохраняется и в современном языке (например, конструкции с союзными сочетаниями *каждый раз как* и *всякий раз как*, *прежде чем* и *прежде нежели*). Употребление того или иного из синтаксических дублетов часто является чертой индивидуальной писательской манеры.

3. Самый процесс создания в рамках сложноподчиненного предложения дифференцированных способов передачи синтаксических значений и их оттенков складывался из разных по своему характеру явлений.

а) В результате стабилизации союзных сочетаний *в то время как, с тех пор как, до тех пор пока* с обязательным компонентом — союзом *как* в первых двух сочетаниях и со строго фиксированными формами слов *время* и *пора* произошло структурное размежевание между конструкциями сопоставительными (оформленными союзным сочетанием *в то время как*), временны́ми (оформленными союзными сочетаниями *с тех пор как, до тех пор пока*) и определительно-временными (с союзом *когда*, относящимся к «свободной» форме существительного, обозначающего отрезок времени: *время, пора, минута, час, день* и т. п.).

б) Широкое вовлечение в число союзных средств наречий и частиц и их формализация способствовали более точному и тонкому выражению разнообразных семантических отношений. Особенно богатой и разветвленной оказалась система временных союзов, образовавшихся из наречий, частиц и их сочетаний и оформлявших конструкции со значением быстрой и стремительной смены действий (*едва, лишь, только, чуть, едва только, лишь только, только лишь, чуть лишь, чуть только, как только, только что* и т. п.). В качестве дополнительных формальных средств, подчеркивающих разные оттенки в соотношениях между быстро совершающимися действиями, все более активно употребляются вступающие в сочетания с союзами и с формами сказуемых наречия (или наречия-частицы) типа *еще, уже, вдруг, тотчас, тотчас же, сейчас, сейчас же, мигом.*

Другим примером синтаксического подкрепления союза частицей для более точной передачи определенной разновидности временного соотношения было окончательное слияние союза *пока* с частицей *не* в конструкциях, выражающих ограничение протекания одного действия моментом наступления другого действия.

в) Возможности дифференцированного выражения оттенков временных, уступительно-сопоставительных, условно-следственных и условно-выделительных отношений возросли благодаря завершению в XIX в. процесса фразеологизации некоторых лексем и форм наклонения, выполнявших функцию объединения частей подчинительных конструкций. Это — конструкции с обязательным отрицанием при сказуемом первой части — типа *не успел* (*отбежать*) *как...*; *не прошло* (*и недели*), *как...*; *не прочитал* (*и двух страниц*), *как...*; конструкции, содержащие в первой части сказуемое в форме «недействительного» наклонения — типа *пошел было, как вдруг...*; конструкции со сказуемым первой части, представляющим собой сочетание личной формы глагола, выражающего желание, намерение совершить действие или приступ к действию, с инфинитивом какого-либо глагола — типа *хотел* (*уходить*), *как вдруг...*; *собирался* (*отдохнуть*), *как вдруг...*; *начал* (*рассказывать*), *как вдруг...*; конструкции, содержащие в первой части сказуемое, выраженное сочетанием безличного глагола *сто́ит* (*стоило*) с инфинитивом другого глагола — типа *сто́ит* (*стоило*) (*открыть глаза*), *как* (*чтобы*)... Значение этих конструкций сложно. На временное соотношение быстрого следования действий или включения одного действия в другое здесь наслаиваются дополнительные, экспрессивно окрашенные оттенки: мгновенность, внезапность, неожиданность, немотивированность, преждевременность последующего действия; прерванность только что начавшегося (или задуманного) действия последующим; постоянная и обязательная обусловленность последующего действия предшествующим. Этим экспрессивно-семантическим оттенкам обычно сопутствует также значение

сопоставленности или уступительной противопоставленности действий, связанных соотношением быстрой временной последовательности.

Обогащению модально-экспрессивных значений условных и уступительных конструкций способствовало закрепление за формами повелительного наклонения союзной функции — в определенных типах их сочетаний с другими формами сказуемых в рамках сложного предложения.

Значительное разнообразие тонких семантических нюансов, которые могут быть переданы подчинительными конструкциями функциональных типов, создается еще и благодаря большой свободе варьирования сочетаний разных структурных элементов (или компонентов) этих конструкций: собственно союзов, фразеологизированных форм или лексем, обстоятельственных слов, ограничительно-выделительных и усилительных частиц; здесь имеют значение не только сами комбинации сочетаний этих элементов, но и их взаимоположение, а также та или иная степень их расчлененности.

г) Акцентирование временной, условно-следственной и причинно-следственной связи достигалось не только с помощью специализированных союзов, наречий, частиц и их разнообразных сочетаний, но также и в результате употребления в постпозитивной главной части соотносящихся с союзом слов *так* и *тогда,* а также соотносительного слова *то,* употребление которого в условиях развитого подчинения стало уже, в основном, факультативным.

д) К числу специальных синтаксических средств, способствовавших наиболее дифференцированному и точному выражению смысловых оттенков, наслаивающихся на основные значения, передаваемые теми или иными конструкциями, можно отнести также порядок следования частей подчинительной конструкции, прикрепленность придаточной части к определенным категориям слов главной части, интонационное оформление главной части. Общим условием, создававшим возможность передачи некоторых дополнительных синтаксических значений для конструкций с союзом *когда* — временным союзом, наименее определенным по своей конкретной семантике,— была постпозиция придаточной части. В зависимости от того, к какому слову главной части прикреплена придаточная (к глаголу, наречию, слову категории состояния или существительному со значением оценки; к глаголу со значением речи, мысли, восприятия; к существительному, обозначающему период времени или состояние; к существительному со значением сравнения; к прилагательному или причастию),—эти конструкции выражают, соответственно, либо изъяснительно-временные, определительно-временные отношения, либо уточняют качественную характеристику предмета. Вопросительная модальность главной части в конструкциях с союзом *когда* способству-

ет передаче этими конструкциями условно-временных или уступительно-временных значений.

е) Особое место в процессе мобилизации структурных средств для более точной передачи определенных синтаксических отношений занимают случаи семантического преобразования отдельных типов подчинительных конструкций. Подобное преобразование претерпели на протяжении XIX в. временные конструкции с общим значением одновременности, оформленные союзными сочетаниями *тогда как, между тем как, в то время как*: в этих конструкциях завершился процесс переосмысления временного значения в значение сопоставительное, противительно-сопоставительное или сопоставительно-уступительное. Условно-следственное значение развилось на основе соотношения временной последовательности у конструкций с союзным сочетанием *как скоро* (*коль скоро*), подвергшихся, кроме того, архаизации и стилистическому ограничению (они сохранили свою употребительность в основном лишь в деловой речи).

4. Естественным результатом интенсивного развития относительно устойчивых в структурном отношении способов передачи дифференцированных значений было расширение синонимических связей как между отдельными типами подчинительных конструкций, так и между целыми группами конструкций. Так, синонимическими соотношениями связаны друг с другом: а) конструкции с союзами, возникшими из наречий и частиц (*лишь, только, едва, чуть, лишь только, едва лишь, чуть только* и т. п.); б) конструкции с союзом *когда* и с союзным сочетанием *как вдруг* — с обязательной для обоих типов постпозицией придаточной части; общим для обоих типов конструкций является значение внезапного или неожиданного осуществления недлительного действия во время протекания другого — длительного действия; в) разные типы фразеологизированных конструкций с общим значением быстроты, стремительности следования действий; г) конструкции с союзами типа *едва, лишь, как только,* с одной стороны, и конструкции, оформленные лексико-синтаксическими фразеологизированными сцеплениями; д) разные типы подчинительных конструкций с общим значением быстрого следования действий, с одной стороны, и сложные предложения с тем же временным значением, оформленные как сложносочиненные или как бессоюзные сложные предложения — с другой стороны; е) некоторые — структурно связанные — типы сложноподчиненного предложения и свободные конструкции простого предложения (например: *что ни день, то новость — каждый день новость*).

Богатая синонимика, характеризующая систему подчинительных конструкций функциональных типов, обеспечивает широкие возможности жанрово-стилистического отбора наиболее адекватных способов выражения разнообразных, подчас очень сложных и тонких, синтаксических значений.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ[1]

Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846 (*К. Акс., Ломоносов в истории русск. лит-ры*).

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания. Литературные и театральные воспоминания. Наташа.— В кн.: С. Т. Аксаков. Собрание сочинений, т. 1—4. М., 1955—1956, т. 1, 3 (*С. Акс., Сем. хрон., Детск. годы Багр.-вн., Воспом., Лит. и театр. воспом.*).

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг., т. I. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802—1804) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген, 1805—1811. СПб., 1911.

Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1955 (*Батюшк.*).

Бегичев С. Н. см. Грибоедов А. С. Письма к С. Н. Бегичеву.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. I—XIII. М., 1953—1959 (*Белинск.*).

Бенедиктов В. Стихотворения. Сов. писатель, 1937 (*Бенедикт.*).

Боборыкин П. Д. Из новых.— В кн.: П. Д. Боборыкин. Собрание романов, повестей и рассказов, т. 1—12. СПб., 1897, т. 3 (*Боборык.*).

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1794, т. 1—4. СПб., 1871—1873 (*Болот.*).

Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951 (*Борат.*).

Бородин А. П. А. П. Бородин, его жизнь, переписка и музыкальные статьи. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1899.

Письма А. П. Бородина к разным лицам за 1869—1887 гг.[2]

Брюсов В. Стихотворения.— В кн.: В. Брюсов. Избранные сочинения, т. 1—2. М., 1955. Дневники 1891—1910 гг. Изд. Сабашниковых, 1927 (*Брюсов, Дневн.*).

Бутков Я. П. Петербургские вершины, кн. 1 и 2. СПб., 1845—1846 (*Бутк., Пб. верш.*).

Васильев. Дневник поручика Васильева. СПб., 1896 (*Васильев, Дневн.*).

Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М., 1957 (*Вельт., Саломея*).

Вересаев В. В. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1961 (*Верес.*).

Вестник Европы. М., 1802—1830 (*В. Е.*).

Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 1—7. М., 1891—1893 (*Вигель, Зап.*).

[1] В скобках курсивом дается принятое в книге сокращение. Примеры из источников, помеченных в тексте буквами «ЛК», заимствованы из картотеки Словарного сектора в Ленинграде; эти источники в настоящий список не включаются.

[2] Здесь и далее после описания книги, с абзаца, дается перечень произведений, извлеченных из этой книги в качестве источника.

Волконский С. Г. Записки Сергия Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901 (*Волконск., Зап.*).
Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929 (*Вяземск., Ст. зап. кн.*). Стихотворения.— В кн.: П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. I—XII., СПб., 1878—1896, т. III, IV. См. также Остафьевский архив князей Вяземских.
Гарин-Михайловский Н. Г. Гимназисты. Студенты. Детство Тёмы.— В кн.: Н. Г. Гарин-Михайловский. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1957, т. 1, 2 (*Гарин-Мих.*).
Гаршин В. М. Сочинения. М.— Л., 1951 (*Гарш.*).
Герцен А. И. Записки одного молодого человека. Кто виноват? Былое и думы.— В кн.: А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 1—26. М., Изд-во АН СССР, 1954—1962 [Продолж.] (*Герц., Зап. одн. мол. чел., Б. и д.*).
Глинка С. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб., 1837 (*С. Глинка., Зап. о М.*).
Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., Сов. писатель, 1956.
Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. 1—14. М., 1937—1952.
Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1952—1955 (*Гонч.*).
Горький М. Мать. Дело Артамоновых. Жизнь Клима Самгина. Мои университеты. Товарищи. Колокол. На дне. Мещане.— В кн.: М. Горький. Собрание сочинений, т. 1—30. М., 1945—1955 (*М. Г., Жизнь Кл. Самг.*).
Греч Н. Чтения о русском языке. СПб., 1840 (*Греч, Чтения*); Черная женщина. Путевые письма.— В кн.: Н. И. Греч. Сочинения, т. 1—3. СПб., 1855, т. 2, 3 (*Черн. женщина, Путев. письма*).
Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—3. СПб., 1911—Пг., 1917 (*Гриб.*). Письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. 1816—1826. М., 1860.
Григорович Д. В. Избранные сочинения. М., 1955.
Давыдов Д. В. Сочинения, ч. 1—3. Изд. 4. М., 1860 (*Д. Дав.*).
Данилевский Г. П. Воля.— В кн.: Г. П. Данилевский. Беглые в Новороссии. Воля. М., 1956 (*Данилевск.*).
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд. 5. СПб., 1895 (*Н. Данилевск.*).
Державин Г. Р. Стихотворения. Оды. Записки. Переписка.— В кн.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 1—9. СПб., 1864—1883 (*Держ.*).
Дмитриев И. И. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1895 (*И. Дм.*).
Дмитреев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2. М., 1869 (*М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.*).
Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, т. 1—6. М., 1934—1939 (*Доброл.*).
Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске, ч. 1—3. Изд. 2. СПб., 1872 (*Добрынин, Зап.*).
Достоевский Ф. М. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1956—1958; Письма к жене. М.— Л., 1926. Дневник писателя за 1873 г.— В кн.: Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 1—21. Пг., изд. «Просвещение», 1911, т. 19 (*Дост., Дневн.*); Письма, т. I. 1832—1867. М.— Л., 1928; т. II. 1867—1871. М.— Л., 1930; т. III. 1872—1877. М.— Л., 1934.
Дружинин А. В. Полинька Сакс.— В кн.: А. В. Дружинин. Собрание сочинений, т. 1—8. СПб., 1865—1867, т. 1 (*Дружинин, Пол. Сакс*).
Жуковский В. А. Собрание сочинений, т. 1—4. М.— Л., 1960 (*Жуковск.*).
Загоскин М. Н. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. СПб., 1910 (*Загоск., Ю. М.*); Рославлев или Русские в 1812 году. М., 1955 (*Росл.*), Русские в начале осьмнадцатого столетия. Рассказ из времен единодержавия Петра Первого, ч. 2. М., 1848 (*Русск. в нач. осьмнадц. столетия*).
Златовратский Н. Н. Избранные произведения. М., 1947 (*Златовратск.*).
«Илиада» Гомера. Перевод Н. И. Гнедича. М.— Л., Academia, 1935 (*Илиада, пер. Н. И. Гнедича*).
Кайсаров А. С. см. Архив братьев Тургеневых.
Кантемир А. Д. Письма о природе и человеке. Депеши и политические

письма. — В кн.: Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. II—2. СПб., 1867—1868, т. 2 (*Кант., Письма о прир. и чел.*). Басни.— В кн.: А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956.
Капнист В. В. Сочинения. СПб., 1849 (*Капн.*).
Карамзин Н. М. Собрание сочинений, т. 1—3. СПб., 1848. История Государства Российского, т. 1—12. СПб., 1892, т. 1 (*Карамз., И. Г. Р.*); Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866: Письма к князю П. А. Вяземскому. 1810—1826 [Из Остафьевского архива]. СПб., 1897.
Книппер О. Л. см. Чехов А. П. Переписка с О. Л. Книппер.
Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. Сов. писатель, 1949 (*Козьма Прутк.*).
Кокорев И. Т. Сочинения. М.— Л., 1959.
Кольцов А. В. Стихотворения. Изд. 2. Сов. писатель, 1948 (*Кольц.*).
Короленко В. Г. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1953—1956 (*Корол.*).
Крылов И. А. Собрание сочинений, т. 1—3. М., 1944—1946 (*Крыл.*).
Куприн А. И. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1957—1958 (*Купр.*).
Курочкин В. С. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. М., 1957 (*Курочк.*).
Лажечников И. И. Ледяной дом. М., 1959 (*Лажечн., Лед. дом*).
Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений, т. 1—6. М.— Л., 1954—1957 (*Лерм.*).
Лесков Н. С. Собрание сочинений, т. 1—11. М., 1956—1958 (*Леск.*).
Майков В. И. Сочинения и переводы. СПб., 1867 (*В. Майк.*).
Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо. На перевале. Письма.— В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1953—1955, т. 3, 4, 8 (*М.-Сиб.*).
Мей Л. А. Стихотворения и драмы. Сов. писатель. 1947.
Мельников-Печерский П. И. Старые годы.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х гг., т. II. М., 1956 (*М.-Печ., Ст. годы*); В лесах, кн. 1. М., 1955; Дорожные записки.— В кн.: П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений, т. 1—7. СПб., 1909, т. 7 (*Дорожн. зап.*).
Москвитянин. Изд. М. П. Погодин. М., 1841, 1851 (*Москвит.*).
Московский Меркурий. М., 1803 (*Моск. Мерк.*).
Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств. Изд. Н. Полевой. М., 1825, 1826 (*Моск. телеграф*).
Мусоргский М. П. Письма и документы. М.— Л., 1932 (*Мусоргск.*).
Надеждин Н. И. Литературно-критические статьи.— В кн.: В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1900 (*Надежд.*).
Нарежный В. Т. Бурсак.— В кн.: В. Т. Нарежный. Избранные сочинения, т. 1—2. М., 1956 (*Нарежн.*).
Некрасов Н. А. Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо.— В кн.: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XII. М., 1948—1953 (*Некр.*).
Никитенко А. В. Дневник, т. I—III. М., 1955 (*Никитенко, Дневн.*).
Новиков Н. И. Трутень. Живописец. Кошелек. Пустомеля.— В кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.— Л., 1951 (*Трутень, Живописец, Кошелек, Пустомеля*).
Огарев Н. П. Избранные произведения, т. 1—2. М., 1956.
Озеров В. Сочинения. Изд. 3. СПб., 1856.
Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб., 1899. Т. II. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823. СПб., 1899. Т. V, вып. 2 Письма П. А. Вяземского к жене, 1826. СПб., 1913.
Островский А. Н. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. М., 1949—1953 (*Остр.*).
Отечественные записки. Сборник, кн. 1—2. Изд. П. Свиньин. СПб., 1818—1819; Отечественные записки. Журнал. Изд. П. Свиньин, СПб., 1830 (*Отеч. зап.*).

Отечественные записки. Учено-литературный журнал. Изд.-ред. А. Краевский. СПб., 1839 (*Отеч. зап.*).
Павлов Н. Ф. Аукцион. Именины. Ятаган.— В кн.: Н. Ф. Павлов. Повести и стихи. М., 1957. (*Н. Павло*).
Панаев И. И. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950 (*Панаев, Лит. воспом.*); Актеон.— В кн.: Русские повести XIX века 40—50-х годов, т. 1. М., 1952.
Писарев Д. И. Реалисты. Пушкин и Белинский.— В кн.: Д. И. Писарев. Сочинения, т. 1—4. М., 1955—1956, т. 3 (*Писарев, Пушк. и Белинск.*).
Писемский А. Ф. Сочинения, т. 1—3. М., 1956 (*Писемск.*).
Плеханов Г. В. Анархизм и социализм. Пессимизм как отражение экономической действительности (Пессимизм П. Я. Чаадаева).— В кн.: Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I—XXIV. Изд. 2. М.— Пг., 1923—1927, т. IV, X (*Плех., Пессимизм П. Я. Чаадаева*).
Плещеев А. Н. Избранное. Стихотворения. Проза. М., 1960 (*Плещ.*).
Полевой Н. Мечты и жизнь. Были и повести, ч. 1—4. М., 1833—1834 (*Н. Полевой*).
Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XXII, XXVI, СПб., 1830 (*ПСЗ*).
Полонский Я. П. Собрание стихотворений, т. 1—5. СПб., 1896 (*Полонск.*).
Помяловский Н. Г. Сочинения. М.— Л., 1951 (*Помяловск.*).
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—16. Изд-во АН СССР. 1937—1949 (*Пушк.*).
Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. ГИХЛ, 1956 (*И. Пущин, Зап. о Пушк.*).
М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. Из дневника 1826 года (*М. Пущин, Встр. с Пушк., Из дневн. 1826*).
Пущин М. И. см. Пущин И. И. Записки о Пушкине.
Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1938 (*Радищ., Путеш.*); Дневник одной недели. Житие Федора Васильевича Ушакова.— В кн.: А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1—3. М.— Л., 1938—1952 (*Дневн. одн. недели, Житие Уш.*).
Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Пошехонская старина. Брусин. Губернские очерки. Сатиры в прозе. Невинные рассказы. Помпадуры и помпадурши. Благонамеренные речи. В среде умеренности и аккуратности. За рубежом. Сказки. Письма.— В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. 1—20. М., 1933—1942 (*С.-Щ., Госп. Головл., Пошехонск. стар., Губ. оч., Невин. расск., Помп. и помпадурши, Благонамер. речи*).
Северный вестник. Изд. И. И. Мартынов. СПб., 1804—1805 (*Сев. вестн.*).
Современник. Литературный журнал А. С. Пушкина, изд. по смерти его П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и др. СПб., 1837 (*Совр.*).
Соллогуб В. А. Тарантас. СПб., 1845 (*В. Соллог.*).
Станюкович К. М. Грозный адмирал.— В кн.: К. М. Станюкович. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1956—1959, т. 1 (*Станюк., Грозн. адмирал*).
Суворов А. В. Письма и бумаги. Из «Суворовского сборника» имп. Публичной библиотеки [Вып. 1]. Изд. В. Алексеев. СПб., 1901.
Сумароков А. П. Опекун. Семира.— В кн.: А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. I—X. Изд. 2. М., 1787, ч. III. (*Сумарок.*).
Сухово-Кобылин А. В. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М.— Л., 1949 (*Сухово-Коб., Свадьба Кречинск.*).
Толстой А. К. Стихотворения. Князь Серебряный. Царь Борис.— В кн.: А. К. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—4. СПб., 1907 (*А. К. Толст., Кн. Серебр.*).
Толстой А. Н. Без крыльев. Восемнадцатый год.— В кн.: А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—15. М., 1951—1953, т. 2, 7 (*А. Н. Толст., Восемнадц. год*).

Толстой Л. Н. Война и мир. Анна Каренина. Воскресение. Детство. Отрочество. Юность. Набег. Метель. Два гусара. Севастополь в августе 1855 г. Утро помещика. Из записок князя Д. Нехлюдова (Люцерн). Казаки. Смерть Ивана Ильича. Крейцерова соната. После бала. Хаджи Мурат. Дневник 1853 г. Письма.— В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—90. М.— Л., 1928—1958 (*Л. Толст., В. и м., А. К., Воскрес., Севаст. в авг., Люцерн, См. Ив. Ильича, Крейц. соната, Дневн.*).

Труды Вольного экономического общества. СПб., 1765 (*Тр. Вольн. эконом. об-ва*).

Тургенев А. И. см. Остафьевский архив князей Вяземских; см. также Архив братьев Тургеневых.

Тургенев И. С. Собрание сочинений, т. 1—12. М., 1953—1958 (*Тург.*).

Тургенев Н. И. см. Архив братьев Тургеневых.

Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1945 (*Тютч.*)..

Успенский Г. И. Нравы Растеряевой улицы. Невидимка Авдотья. Столичная беднота. Хорошая встреча. Отцы и дети. Пришло на память. Очерки переходного времени.— В кн.: Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 1—14. Изд-во АН СССР, 1952—1954, т. 1, 4, 6, 9 (*Гл. Усп., Нр. Растер. ул., Столичн. беднота, Хорош. встреча, Оч. переходн. вр.*).

Успенский Н. В. Сельская аптека.— В кн.: Н. Успенский. Повести. Рассказы и очерки. М., 1957 (*Н. Усп., Сельск. аптека*).

Фет А. А. Полное собрание стихотворений, т. 1—2. СПб., 1912; Мои воспоминания, ч. I и II. М., 1890 (*Мои воспом.*). Ранние годы моей жизни. М., 1893.

Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль. Письма.— В кн.: Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма. М., 1946 (*Фонв.*).

Хемницер И. И. Сочинения. СПб., 1853 (*Хемн.*).

Хераскоов М. М. Избранные произведения. Л., 1961 (*Хераск.*).

Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886 (*Челищ., Путеш.*).

Чернышевский Н. Г. Что делать? Об искренности в критике. Сочинения Пушкина, изд. П. В. Анненкова. Эстетические отношения искусства к действительности (Диссертация). Лессинг, его время, его жизнь и деятельность. Очерки гоголевского периода русской литературы. Кавеньяк. Из «Современника» 1859 г., № 8. Капитал и труд. Письма.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I—XV. М., 1949—1950 (*Черн., Соч. Пушк. Эстетич. отнош. искусства к действ., Лессинг. Оч. гоголевск. периода, Из Совр. 1859, № 6*).

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, т. 1—20. М., 1944—1951 (*Чех.*), Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер, т. 1—3. М., 1936, т. 1, 2

Чулков М. Д. Из сборника «Пересмешник или Славянские сказки». Пригожая повариха или Похождения развратной женщины.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 1. М., 1950 (*Чулк., Пересмешн., Пригож. повариха*).

Шаховской Я. П. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим, ч. 1—2. М., 1810 (*Шаховск., Зап.*).

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803 (*Шишк., Рассужд.*).

Щепкин М. С. Записки актера Щепкина. Academia, 1933 (*Щепкин, Зап. актера*).

Щербатов М. М. О способах преподавания разныя науки.— В кн.: М. М. Щербатов. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1896—1898, т. 2 (*Щербат., О способах преподавания*).

Юрьев Ю. Записки, ч. 1. 1872—1893; ч. 2. 1893—1917; ч. 3. 1917—1919 (*Юрьев. Зап.*); Письма. Статьи. Речи. М.— Л., 1948.

Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. Academia, 1934.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов . . . . . .

Основные направления в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. 7

Развитие предложений «одночленной» стуктуры

Развитие присубстантивно-относительных конструкций и их основные структурно-смысловые разновидности в русском литературном языке 20

Некоторые особенности в построении присубстантивно-относительных конструкций в языке конца XVIII — начала XIX в. 21

Структурные изменения присубстантивно-относительных конструкций с определительной функцией в XIX в. 28

Формирование присубстантивно-относительных конструкций с повествовательно-распространительной функцией 34

Развитие местоименно-соотносительных конструкций 41

Структурные разновидности местоименно-соотносительных конструкций 41

Некоторые особенности в построении местоименно-соотносительных конструкций в последние десятилетия XVIII — первой половине XIX в. 43

Употребление основных моделей местоименно-относительных конструкций в XIX в. 48

Местоименно-относительные конструкции с препозицией придаточной части 48

Местоименно-относительные конструкции с постпозицией придаточной части 51

Употребление основных моделей местоименно-союзных конструкций в XIX в. 55

Развитие изъяснительных конструкций 60

Основные структурные разновидности изъяснительных конструкций на рубеже XVIII—XIX вв. 60

Основные тенденции в развитии изъяснительных конструкций в XIX в. 66

Наблюдения над развитием глагольных изъяснительных конструкций 67

Наблюдения над развитием изъяснительных конструкций с именем существительным в качестве опорного слова 70
Наблюдения над развитием изъяснительных конструкций с безлично-предикативными словами модального значения в главной их части 71
Употребление безличных форм глагола и глагольных сочетаний как членов изъяснительных конструкций 71
Употребление безличных предикативов модального значения в качестве опорных слов изъяснительных конструкций 74
Употребление в качестве опорного слова изъяснительной конструкции существительного *правда* в застывшей форме именительного падежа 78
Наблюдения над развитием оценочных изъяснительных конструкций 79

Развитие подчинительных конструкций функциональных типов

Подчинительные конструкции функциональных типов в конце XVIII — начале XIX в. 83
Временные конструкции 84
Условные конструкции 102
Уступительные конструкции 108
Причинные конструкции 113
Следственные конструкции 120
Целевые конструкции 122

Развитие подчинительных конструкций функциональных типов в XIX в. 128
Упорядочение системы подчинительных конструкций 128
Изменения в употребительности отдельных подчинительных конструкций, союзов или союзных компонентов 129
Временные конструкции 133
Конструкции с союзами *егда, коли, дондеже, доколе, доколь, поколе, поколь* 133
Конструкции с союзами *пока, пока не* 143
Конструкции с союзом *как* 147
Конструкции с союзом *когда* 163
Конструкции, построенные по модели *что (ни)..., (то)* . . . 165
Конструкции с союзными сочетаниями *прежде нежели* и *прежде чем* 168
Конструкции с союзными сочетаниями *тогда как, между тем как, как скоро, коль скоро* 169
Условные конструкции 173
Конструкции с союзами *буде, когда (когда бы), как, ежели, коли, кабы (как бы)* 173
Конструкции с союзом *если* 178
Причинные конструкции 180
Конструкции с союзами *зане, понеже, поелику* 181
Конструкции с союзами *когда, как* 183
Конструкции с союзами *для того что, затем (за тем) что* . . 184
Конструкции с союзом *ибо* 187
Следственные конструкции 188

Конструкции с союзом-частицей *так* 188
Целевые конструкции 189
Конструкции с союзом *дабы* 189
Укрепление подчинительной связи 190
Формализация союзных сочетаний *в то время как, с тех пор как, до тех пор пока* во временных конструкциях 191
Развитие у временных конструкций с союзными сочетаниями *в то время как, тогда как, между тем как* сопоставительных, сопоставительно-противительных и сопоставительно-уступительных значений 202
Функционирование временных конструкций с союзными сочетаниями *по мере того как, всякий раз как, каждый раз как* 213
Усиление роли подчинительных союзов и сокращение употребительности соотносительных слов 217
Фразеологизация лексико-синтаксических компонентов подчинительных конструкций 226
Временные конструкции 226
Условные конструкции 246
Целевые конструкции 250
Дифференциация оттенков синтаксических значений, выражаемых подчинительными конструкциями 251
Список основных источников 257

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.

Изменения в строе сложноподчиненного предложения

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Технический редактор *О. М. Гуськова* Корректор *М. В. Борткова*

Сдано в набор 29/VII 1963 г. Подписано к печати 27/XII 1963 г. Формат 60×90¹/₁₆
Печ. л. 16,5 Уч.-издат. 17,6 Тираж 5000 экз. Изд. № 2086. Тип. зак. 2516

Цена 1 руб. 26 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я тип. Издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 руб. 26 к.